Л.М. СПИРИН

КЛАССЫ И ПАРТИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

(1917—1920 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА · 1968

ВВЕДЕНИЕ

Никогда в истории человечества накал классовых боев не был так велик, а человеческие страсти так глубоки, как в эпоху Октябрьской революции и гражданской войны в России. Нигде в борьбе не участвовало такое множество людей и никогда еще арена боя не была так широка.

Понять и правильно оценить многообразные явления общественной жизни можно только через призму классовой борьбы. Как в истории старого мира, так и в 1917—1920 гг. классовая борьба являлась главным содержанием исторического процесса. Ее законы были теми пружинами, которые определяли ход исторических событий.

Глубокое и всестороннее изучение истории борьбы классов и партий в эпоху Октябрьской революции и гражданской войны позволяет правильно понять причины всемирно-исторической победы пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии, победы, определившей судьбу России и оказавшей огромное влияние на весь мир. Тщательный анализ и обобщение опыта этой борьбы имеют большое научное и политическое значение. На этом опыте международный пролетариат учится, как надо бороться за победу пролетарской революции и защищать ее завоевания.

Автор не ставил перед собой задачу подробного освещения всех проблем темы. Это не под силу одному человеку. В книге исследованы лишь наиболее важные малоразработанные или спорные вопросы, остальные же изложены кратко или только намечены. Работа ограничена также территориальными рамками. В ней идет речь о Рос-

сийской Федерации. Только по отдельным вопросам привлекаются материалы из других советских республик.

Для изучения выделены следующие проблемы: периодизация истории гражданской войны; положение рабочего класса со времени победы Октябрьской революции до конца гражданской войны; роль Коммунистической партии в руководстве классовой и партийной борьбой пролетариата и трудового крестьянства; изучение процессов внутреннего развития партии; тактика пролетариата и его авангарда по отношению к мелкобуржуазным слоям населения, прежде всего к крестьянству (как часть этого вопроса — отношение к казачеству); формы и методы классовой и партийной борьбы в 1917—1920 гг. (здесь большое место отводится показу борьбы большевиков против кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов).

Главные положения теории классовой борьбы разработали Маркс и Энгельс. Они показали, какие классы в эпоху капитализма являются основными, какие занимают промежуточное положение, какова их роль в революции, как к ним относится пролетариат. Основоположники марксизма сформулировали коренные вопросы тактики рабочего класса, коммунистов по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным партиям. Они вскрыли закономерности классовой борьбы, доказали неизбежность социалистической революции, победы пролетариата и установления им своей диктатуры.

Теорию классовой борьбы в эпоху империализма и пролетарских революций развил В. И. Ленин. Он дал всестороннее определение классов, осветил основные формы классовой борьбы, обосновал стратегию и тактику пролетариата и Коммунистической партии на различных этапах развития революции, создал учение о союзе рабочего класса и крестьянства как главной составной части диктатуры пролетариата. Большое значение Ленин придавал партийной борьбе. В своих трудах он дал блестящий анализ положения различных классов и партий в России конца XIX — начала XX столетия.

После победы Октябрьской революции вождь большевистской партии был первым историографом классовой и партийной борьбы в Советской республике. В его произведениях, написанных в 1917—1922 гг., научно обоснованы изменения в классах и партиях, происходившие в эпоху Октябрьской революции и гражданской войны.

В работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (октябрь 1919 г.) Ленин показал уклады хозяйства, существовавшие в России после Октября 1917 г., классы, стоявшие за ними.

Огромное значение основатель Советского государства придавал изучению расстановки классовых сил в стране. На базе этого Коммунистическая партия определяла главные направления своей политики на важнейших этапах развития революции и гражданской войны. «Всякое сколько-нибудь серьезное политическое обострение, всякий новый, хотя бы и не очень крупный поворот политических событий, — указывал он, — должен всегда всякого мыслящего рабочего и всякого мыслящего крестьянина приводить к этому вопросу, к вопросу о том, какие силы налицо имеются, как они группируются. И лишь тогда, когда мы сумеем правильно и совершенно трезво, независимо от наших симпатий и желаний, учесть эти силы, лишь тогда мы сможем сделать и правильные выводы относительно нашей политики вообще и наших ближайших задач»[1]. Примером глубокого научного анализа расстановки классовых и партийных сил являются ленинские работы «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.), «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (декабрь 1919 г.).

Учитывая соотношение классовых и партийных сил в стране, В. И. Ленин разрабатывал и обосновывал тактику пролетариата по отношению к мелкой буржуазии (главным образом к среднему крестьянству) и к мелкобуржуазным партиям в различные периоды гражданской войны, подчеркивая огромную важность этого вопроса. Он исходил из того, что вопрос об отношении к мелкой буржуазии, и прежде всего к среднему крестьянству, есть вопрос о союзниках пролетариата в революции. В России рабочий класс ввиду своей относительной малочисленности мог окончательно победить буржуазию и помещиков только в том случае, если бы привлек на свою сторону мелкую буржуазию города и деревни. Отношение пролетариата к мелкобуржуазным партиям в первые годы Советской власти Ленин изложил в работах «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (октябрь—ноябрь 1918 г.), «Ценные признания Питирима Сорокина» (ноябрь

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 131.

1918 г.), в выступлении на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г., в отчете Центрального Комитета, сделанном на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.), в труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (апрель — май 1920 г.). В последнем даны обоснования стратегии и тактики большевизма.

Ленинские идеи о классовой и партийной борьбе нашли отражение в важнейших документах Коммунистической партии, стали великой силой.

* * *

В советской историографии не было работы, которая бы освещала комплекс наиболее важных проблем, связанных с классовой и партийной борьбой в годы гражданской войны в России, хотя отдельные вопросы нашли отражение как в специальных, так и в общих трудах историков. Мы кратко охарактеризуем только те работы, в которых освещены проблемы, исследуемые в настоящей книге (более подробный анализ некоторых этих трудов дается автором далее).

Начнем с пролетариата — главного класса эпохи революции и гражданской войны. Из вышедших в период 20-х — начала 30-х годов работ положение рабочего класса в России наиболее подробно описано Ю. Лариным, К. А. Пажитновым, П. С. Кононенко, М. Гильбертом[1]. По-

---

[1] См. *Ю. Ларин* и *Л. Крицман.* Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России. 1 ноября 1917 — 1 июля 1920 г. М., 1920 (вторая часть книги, написанная Крицманом, посвящена крестьянству); проф. *К. А. Пажитнов.* Положение рабочего класса в России, т. 3. Революционный период (с 1905 по 1923 г.). Л., 1924; *П. С. Кононенко.* Важнейшие моменты в истории профессионального движения в России. Харьков, 1925; *М. Гильберт.* К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. «История пролетариата СССР», 1934, № 3; 1935, № 1. В опубликованных в 20-х годах книгах: *Я. Фин.* Фабрично-заводские комитеты в России. Краткий очерк их возникновения и деятельности. М., 1922; *А. Панкратова.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; *В. Яроцкий.* Профдвижение в Советской России. М., 1923; *Б. Колесников.* Рабочее профессиональное движение. Харьков, 1925; *П. Горин.* Пролетариат в 1917 г. в борьбе за власть. М.—Л., 1927, о положении самих рабочих говорится мало. Об историографии рабочего класса периода 20-х — начала 30-х годов (а также о других вопросах исследуемой темы) см. *И. Л. Шерман.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920—1931). Харьков, 1964.

ложительной стороной этих трудов является наличие в них большого количества цифрового материала, говорящего об изменении численности и состава пролетариата в годы гражданской войны, милитаризации производства, натурализации заработной платы, роли фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, состоянии трудовой дисциплины, производительности труда, участии рабочих в Красной Армии, в продовольственных отрядах и т. д. Источниковедческой базой их были главным образом статистические сборники, опубликованные ведомственные отчеты, материалы газет. Недостатком работ являлись слабость теоретической базы (особенно в книге Пажитнова), отсутствие широких обобщений, выводов (в книге Ларина и Крицмана, напоминающей ведомственный отчет), показа роли Коммунистической партии.

В опубликованных в период с середины 30-х до начала 50-х годов сравнительно малочисленных книгах о положении самого пролетариата в 1917—1920 гг. говорилось мало, нового цифрового материала почти не приводилось. Главным недостатком литературы тех лет было то, что многие авторы перестали уделять внимание социологическому анализу, утратили интерес к статистике как источнику для обобщений. Вместо анализа всех данных в их совокупности историки часто брали отдельные факты для подтверждения того или иного положения. Короче говоря, они шли не от исторического материала к выводам, а подгоняли факты под уже готовые, заранее составленные схемы. Это было одним из проявлений субъективизма, развившегося под влиянием культа И. В. Сталина. Серьезным пороком литературы того периода являлось неправильное освещение отношений между массами и руководителями, а также роли отдельных лиц.

Вместе с тем советская историческая наука в 30-е и 40-е годы не стояла на месте. В работах того периода сделан шаг вперед в освещении роли Коммунистической партии.[1] Но на многих работах лежит отпечаток культа личности.

С середины 50-х годов число книг о рабочем классе, как и по многим другим проблемам истории советского общества, значительно увеличилось, научный уровень их

[1] Были выпущены сборники документов и материалов, а также появились отдельные публикации о национализации промышленности и рабочем контроле.

вопрос, но большинство из них освещает период только 1917 г. Из трудов, вышедших в последние годы, значительный интерес представляет монография А. Г. Егоровой о профсоюзах и фабзавкомах в 1917 г.[1], в которой содержится новый архивный материал. Рабочим-металлистам центральных губерний в период Октябрьской революции посвящена книга П. А. Николаева[2].

Серьезным исследованием является докторская диссертация Л. С. Гапоненко о рабочем классе России в период подготовки Октябрьской революции[3]. Наибольшую ценность в ней представляют главы, в которых показывается численность и размещение пролетариата накануне Октябрьской революции.

В 1964 г. вышла монография П. В. Волобуева о пролетариате и буржуазии в 1917 г.[4] В ней на широкой документальной основе исследуются вопросы численности, социального состава, экономического и политического положения рабочего класса, освещается борьба между трудом и капиталом.

В последние годы было опубликовано много статей о рабочем классе[5].

О положении пролетариата в годы Октябрьской революции и гражданской войны говорится в монографических работах И. А. Гладкова, П. И. Лященко[6], а так-

---

[1] См. *А. Г. Егорова.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март—октябрь 1917 года). М., 1960.

[2] См. *П. А. Николаев.* Рабочие-металлисты Центрально-Промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март—ноябрь 1917 г.). М., 1960.

[3] См. *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1964.

[4] См. *П. В. Волобуев.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964.

[5] См. *А. Г. Рашин.* Динамика промышленных кадров СССР за 1917—1958 гг. В кн.: «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». Сборник статей. М., 1961; *Д. А. Коваленко, Д. В. Однобишин.* К вопросу о революционном творчестве рабочих масс после свержения самодержавия в России. «Вопросы истории», 1958, № 1; *И. П. Лейберов* и *И. О. Шкаратан.* К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 году. «Вопросы истории», 1961, № 1, и др.

[6] См. *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики 1917—1920 гг. М., 1956; *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. 3. Социализм. М., 1956.

же в общих трудах, посвященных этому периоду истории[1].

Обзор историографии рабочего класса 1917—1920 гг. показывает, что, за исключением некоторых работ, вышедших в 20-е годы и в большой степени устаревших, положение рабочего класса, в частности процессы, проходившие в самом пролетариате, в годы гражданской войны исследованы слабо.

Аналогичное состояние и с историографией крестьянства 1917—1920 гг. Наиболее значительными работами, вышедшими в первый период, были книги Б. Н. Книповича, С. М. Дубровского, А. И. Хрящевой, А. В. Шестакова[2]. В них на основе большого фактического материала в целом правильно освещены социально-экономические процессы и этапы развития революции в деревне. В труде Книповича содержатся ценные сведения о результатах раздела помещичьих земель, о коллективных хозяйствах и совхозах, у Хрящевой — об осереднячивании деревни, у Дубровского дан глубокий марксистский анализ классовых сдвигов на селе. Общим недостатком этих трех работ является то, что в них почти совсем не отражена роль Коммунистической партии в решении крестьянского вопроса и слабо показана классовая борьба в деревне.

Этот недостаток относится и к книге Л. Крицмана «Пролетарская революция и деревня» (М.—Л., 1929). В ней приводится большой фактический материал, но автор по многим принципиальным вопросам стоит на ошибочных позициях. Он, например, считает, что проводимая Советской властью аграрная политика была «экономически реакционной», и совершенно игнорирует политическое значение земельных преобразований в деревне.

Особый интерес представляет работа А. В. Шестакова о классовой борьбе в деревне в 1917—1918 гг. В ней осве-

---

[1] См. «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.). Учебное пособие». М., 1957; *Г. Н. Голиков.* Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959; «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1962.

[2] См. *Б. Н. Книпович.* Очерк деятельности народного комиссариата земледелия за три года (1917—1920). М., 1920; *С. М. Дубровский.* Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское хозяйство. М., 1922; «Крестьянство в войне и революции». Статистико-экономические очерки А. Хрящевой. М., 1921; *А. В. Шестаков.* Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Вып. 1. Воронеж, 1930.

щается деятельность Коммунистической партии по расслоению крестьянства, развитие классовой борьбы на селе, работа сельских Советов. Автор подробно описывает формы и методы антисоветской борьбы кулачества, создание и деятельность комбедов.

Из литературы периода середины 30-х — начала 50-х годов по истории крестьянства следует отметить книги и статьи В. Л. Игнатьева, И. А. Конюкова, Е. Н. Кочетовской, В. С. Зайцева, В. Сторожева, М. А. Краева, Т. А. Ремезовой[1].

Большой интерес представляют опубликованные в последние годы монографии П. Н. Соболева «Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции» и Г. В. Шарапова «Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917—1920 гг.)[2]. П. Н. Соболев собрал ценный фактический материал и на его основе сделал глубокие обобщения и выводы. Он анализирует ленинское положение о том, что пролетариат, захватив власть и дав мир и землю крестьянам, в течение нескольких месяцев завоевал на свою сторону большинство сельского населения. Автор значительное место уделил анализу классовой борьбы в деревне в период установления власти Советов.

Положительной стороной книги Г. В. Шарапова являются широкие хронологические рамки исследования, всестороннее изучение вопросов, привлечение новых архивных документов, обстоятельные историографический и источниковедческий обзоры.

---

[1] См. *В. Л. Игнатьев.* О политике партии по отношению к крестьянству в первые годы Советской власти (ноябрь 1917 г. — март 1921 г.). М., 1948; *И. А. Конюков.* Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия 1917—1925 гг. М., 1949; *Е. Кочетовская.* Национализация земли в СССР. Изд. 2, доп. М., 1952; *В. Зайцев.* Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения Советской власти. М., 1953; *В. Сторожев.* Союз рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции. М., 1954; *М. А. Краев.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954; *Т. А. Ремезова.* Организующая роль Советского государства в осуществлении аграрных преобразований в 1917—1918 гг. «Исторические записки», 1953, № 42.

[2] См. *П. Н. Соболев.* Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958; *Г. В. Шарапов.* Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917—1920 гг.). М., 1961.

В 1963 г. появилась монография С. П. Трапезникова о ленинской аграрной программе, а в 1965 г. — работа Н. С. Мутовкина о союзе рабочего класса и крестьянства в 1918—1920 гг.[1]

О преобразовании аграрных отношений в годы Советской власти, развитии социалистической революции в деревне, комитетах деревенской бедноты говорится в книгах В. Р. Герасимюка, А. С. Быстровой, В. М. Губаревой[2], а также во многих статьях[3]. Из работ, в которых наряду с другими вопросами широко освещается положение крестьянства в 1917—1920 гг. в отдельных районах страны, следует указать на монографии Е. И. Медведева, М. И. Стишова, докторскую диссертацию М. К. Мухарямова[4].

---

[1] См. *С. П. Трапезников.* Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1963; *Н. С. Мутовкин.* Военно-политический союз рабочего класса и трудового крестьянства в СССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 годы). М., 1965.

[2] См. *В. Р. Герасимюк.* Начало социалистической революции в деревне. 1917—1918 гг. М., 1958; *А. С. Быстрова.* Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956; *В. М. Губарева.* Развертывание социалистической революции в деревне в 1918 году. По материалам Петроградской губернии. Л., 1957.

[3] См. *Е. А. Луцкий.* О сущности уравнительного землепользования в Советской России. «Вопросы истории», 1956, № 9; *Н. А. Жихарев.* Борьба большевистской партии за осуществление ленинского декрета о земле (октябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.). В кн.: «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957; *В. П. Данилов.* Земельные отношения в советской доколхозной деревне. «История СССР», 1958, № 3; *В. М. Селунская.* Руководящая роль рабочего класса в социалистической революции в деревне (1918 год). «Вопросы истории», 1958, № 3; *Ю. А. Поляков.* В. И. Ленин о расслоении крестьянства в условиях диктатуры пролетариата. В кн.: «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина». Сборник статей. М., 1960; *Г. А. Вульфсон.* Организация комитетов деревенской бедноты в РСФСР летом 1918 года. «Ученые записки Московского областного педагогического института». Труды кафедры истории КПСС, т. 95. Вып. 8. М., 1961.

[4] См. *Е. И. Медведев.* Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге, т. 1. «Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева». Куйбышев, 1958; *М. И. Стишов.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1962; *М. К. Мухарямов.* Октябрьская революция и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917—1920 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Казань, 1962.

В труде М. И. Стишова анализируются условия складывания и развития военно-политического союза рабочего класса и тружеников деревни в Сибири.

Несмотря на значительные достижения советской историографии крестьянства 1917—1920 гг., некоторые важные вопросы еще разработаны слабо, например: положение классов и различных социальных слоев в деревне в период развития там социалистической революции (лето—осень 1918 г.), становление и этапы развития союза пролетариата со средним крестьянством.

О главном классовом враге пролетариата — буржуазии России — существует сравнительно мало исследований. Хронологически они охватывают главным образом дооктябрьский период[1]. О положении буржуазии в годы гражданской войны, ее роли в антисоветской войне специальных работ нет. Эти вопросы в разной степени лишь затрагиваются во многих трудах историков.

* * *

Роль Коммунистической партии в гражданской войне показана в той или иной мере во всех трудах, посвященных эпохе 1917—1920 гг. Из общеисторических работ о деятельности большевиков наиболее подробно говорится в пятитомной «Истории гражданской войны в СССР», особенно в последних трех книгах.

Из литературы, освещающей отдельные стороны деятельности РКП(б), наиболее распространенными являются произведения о военной работе партии и В. И. Ле-

---

[1] См. *Т. Шатилова.* Петроградская крупная буржуазия между двумя революциями 1917 г. «Красная летопись», 1926, № 6; *З. Ловинский.* Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929; *В. В. Рейхардт.* Русская буржуазия в борьбе за сохранение экономического господства (февраль—октябрь 1917 г.). «Красная летопись», 1930, № 1; *Р. Ш. Ганелин* и *Л. Е. Шепелев.* Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. В кн.: «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сборник статей». М.—Л., 1957; *П. В. Волобуев.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *его же.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году; *И. Ф. Гиндин.* Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. «История СССР», 1963, № 2—3; *В. Я. Лаверычев.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900—1917 гг.). М., 1963; *Д. В. Ознобишин.* Временный комитет Государственной думы и Временное правительство. «Исторические записки», 1965, № 75.

нина[1]. Монографических работ о жизни самой партии, о процессах, которые в ней происходили в годы гражданской войны, нет. По этой важнейшей проблеме опубликованы, главным образом в последние годы, статьи[2] и написаны кандидатские диссертации.

---

[1] См. *Л. Дегтярев.* Политработа в Красной Армии. Изд. 2, доп. и испр. М.— Л., 1926; *А. Геронимус.* Партия и Красная Армия. Исторический очерк. М.— Л., 1928; *его же.* Основные моменты развития партийно-политического аппарата Красной Армии в 1918—1921 гг. В кн.: «Гражданская война. 1918—1921», т. 2. М., 1928; *И. Петухов.* Партийная организация и партийная работа в РККА. М.— Л., 1928; *Н. Савко.* Очерки по истории партийной организации в Красной Армии. 1918—1923 гг. М.—Л., 1928; *Ф. Блументаль.* Партийно-политическая работа в гражданскую войну 1918—1921 гг. В кн.: «Гражданская война. 1918—1921», т. 2.

За последние десять лет вышли такие крупные работы: *Н. И. Шатагин.* Организация и строительство Советской Армии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1954; *С. Ф. Найда.* О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958. В труде С. Ф. Найды наряду с военными вопросами поставлено много других проблем, имеющих важное значение для разработки истории партии в годы гражданской войны; *Н. Ф. Кузьмин.* В. И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918—1920 гг.). М., 1958; *Ю. П. Петров.* КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920 гг.). М., 1961; *А. А. Строков.* О военно-теоретическом наследии Ленина. М., 1958; *И. И. Власов.* В. И. Ленин и строительство Советской Армии. М., 1958; *Д. А. Воропаев, А. М. Иовлев.* Борьба КПСС за создание военных кадров. М., 1960; *Д. М. Гринишин.* Военная деятельность В. И. Ленина. Изд. 2, доп. М., 1960; «КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. 1917—1964». М., 1965; *С. М. Кляцкин.* На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917—1920. М., 1965. В монографии С. М. Кляцкина большое место отведено раскрытию ленинских идей военного строительства.

[2] См. *М. Китаев.* Некоторые вопросы партийного строительства в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). «Партийная жизнь», 1957, № 7; *К. И. Буков, Г. А. Нагапетян.* Идейно-организационное укрепление Московской партийной организации в годы гражданской войны. «Вопросы истории КПСС», 1959, № 6; *Н. А. Андрианов.* Из истории образования Татарской областной партийной организации. «Труды Казанского авиационного института». Вып. 57. Общественные науки. Казань, 1960; *М. Ю. Свердлов.* «Партийная неделя» и ее значение в укреплении партии и мобилизации советского народа на разгром Деникина. «Ученые записки Хабаровского пединститута», т. 9, 1961; *С. М. Тельнов.* Из истории создания и боевой деятельности коммунистических частей особого назначения в период гражданской войны. «Ученые записки Коломенского пединститута», т. 6. Коломна, 1961; *М. И. Киршин.* Уставы местных органи-

В вышедших в 20-х годах четвертом томе «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского, книгах Н. Н. Попова и А. С. Бубнова[1] содержатся сведения о численности партии в 1917—1920 гг., проведении партийных мобилизаций, «партийной недели», перемещении коммунистов, формах и методах партийной работы. Наряду с правильными положениями в них имеются и неверные. Нельзя согласиться с утверждением, что в годы гражданской войны принцип демократического централизма был заменен военным централизмом, что в то время нельзя было и думать о коллегиальном партийном руководстве, о самодеятельности низовых партийных организаций (Ем. Ярославский). Свидетельством коллегиальности партийного руководства является деятельность Центрального Комитета, систематические заседания пленумов ЦК, Полит-и Оргбюро.

Есть в этих работах и фактические ошибки. А. С. Бубнов, например, указывает число коммунистов в начале 1918 г. в два раза меньше, чем это было в действительности.

В опубликованных в 30-е годы работах В. Кнорина, Ем. Ярославского, а также в «Кратком курсе истории ВКП(б)»[2] о внутрипартийной жизни говорится мало, в них отсутствуют имена многих видных партийных деятелей, почти ничего не сообщается о местных организациях большевиков.

В коллективном труде «История Коммунистической партии Советского Союза», вышедшем в 1959 г.[3], содер-

---

заций РКП(б) в 1918—1919 годах. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 5; *М. В. Стишова, Т. В. Шепелева, Г. Ф. Юдин.* Из истории партийного билета. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 5; «В. И. Ленин и строительство партии в первые годы Советской власти». М., 1965. Последняя работа фактически является сборником статей.

[1] См. «История ВКП(б)», т. IV. Сост. Д. Кин, И. Минц, С. Пионтковский, Ем. Ярославский и др. Под общ. ред. Ем. Ярославского. М.—Л., 1929; *Н. Н. Попов.* Очерк истории Всесоюзной Коммунистической партии (б). М.—Л., 1930; *А. С. Бубнов.* ВКП(б). М.—Л., 1931.

[2] См. «Краткая история ВКП(б)». Под ред. В. Кнорина. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935; *Ем. Ярославский.* История ВКП(б), ч. 2. М., 1933; «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.

[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1959.

жатся сведения о жизни самой партии, приводятся имена многих партийных руководителей.

К настоящему времени вышли книги по истории Коммунистической партии многих союзных республик, большевистских организаций автономных республик, краев и областей. В них значительное место отведено 1917—1920 гг., но в большинстве работ внутрипартийные вопросы раскрыты слабо.

В последние годы появились произведения, специально посвященные роли партийных организаций и большевиков в борьбе за Советскую власть на местах, в том числе в республиках и областях Российской Федерации[1]. В них содержатся ценные сведения о деятельности местных партийных организаций. Однако некоторые издания имеют существенные недостатки: партийная тема часто заслоняется общеисторическим материалом, слабо отражаются специфические особенности деятельности большевистских организаций в том или ином районе страны и их внутренняя жизнь.

В последние годы за границей вышло несколько книг буржуазных авторов по истории КПСС[2], которые искажают (большинство сознательно) как процессы, проходившие в самой партии, так и роль коммунистов в руководстве классовой и партийной борьбой в 1917—1920 гг. Их излюбленное обвинение: большевики-де подменили диктатуру пролетариата диктатурой партии.

---

[1] См. *Н. В. Лебедев.* Вологодские большевики в борьбе за Советскую власть (1917—1920 гг.). Вологда, 1957; *Г. А. Васильев.* Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского движения в Восточной Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Красноярск, 1957; «Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Свердловск, 1959; *М. В. Наумов.* Омские большевики в авангарде борьбы против белогвардейцев и интервентов (июнь 1918—1919 годы). Омск, 1960; *Л. И. Беликова.* Большевики Приморья в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Владивосток, 1960; *С. С. Каплин.* Большевики на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М., 1960; *А. Г. Солодянкин.* Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960; *Д. Г. Бажеев.* Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель партизанской борьбы в Бурятии. Улан-Удэ, 1960; *М. В. Румянцев.* Коммунистические организации Чувашии в первые годы Советской власти (1917—1920). Чебоксары, 1964, и др.

[2] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. L. 1960; *W. Scharndorff.* Die Geschichte der KP(d)SU. München, 1961.

В своих работах они почти не приводят новых фактов, а выбирают из уже известных те, которые им выгодны (замалчивая другие), и соответствующим образом их комментируют.

* * *

«Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов, — указывал В. И. Ленин, — является борьба партий»[1]. Без изучения истории борьбы Коммунистической партии с буржуазными и мелкобуржуазными партиями невозможно глубоко понять ход исторических событий 1917—1920 гг. в России. Но эту борьбу в свою очередь нельзя правильно оценить, не зная, что собой представляли эти партии. В. И. Ленин первый показывал пример, как надо систематически, тщательно изучать положение в других партиях, особенно в мелкобуржуазных. Он внимательно читал все важнейшие эсеровские и меньшевистские газеты, журналы и книги. Об этом свидетельствуют многочисленные его пометки на книгах эсеровских и меньшевистских авторов, хранящихся в личной библиотеке В. И. Ленина. Тщательное изучение процессов, проходивших в мелкобуржуазных партиях, позволяло вождю большевиков правильно определять на том или ином историческом этапе тактическую линию РКП(б).

Изучение тактики большевистской партии по отношению к мелкобуржуазным партиям, опыта борьбы с ними в первые годы Советской власти имеет огромное значение для коммунистов всех стран.

На важность изучения борьбы коммунистов с другими партиями указывает тот факт, что в годы гражданской войны редко проходили заседания ЦК РКП(б), на которых бы в той или иной степени не ставились вопросы взаимоотношений большевиков с мелкобуржуазными партиями и группами.

Необходимо отметить, что когда мы говорим о борьбе большевиков с другими партиями, то термин «борьба» понимается широко. Подразумеваются действия большевиков, направленные как на разоблачение этих партий перед народом, раскол их, политический и организационный разгром, так и на заключение с ними соглашений и компромиссов, на отвоевание лучших элементов из их

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 137.

рядов на сторону Советской власти вплоть до принятия в РКП(б) отдельных групп и целых партий. Вторая часть проблемы почти не освещалась в нашей литературе.

До сих пор нет ни одной работы, в которой бы раскрывалась история борьбы коммунистов со всеми другими партиями в годы гражданской войны. В имеющихся книгах рассматриваются лишь отдельные вопросы этой темы. Многие из них вышли в 20-е годы и являются популярными брошюрами. С середины 30-х до конца 40-х годов этими проблемами мало кто занимался. Позже стали появляться отдельные исследования, главным образом по истории борьбы с левыми эсерами.

Наиболее значительна литература об эсерах. В 20-х годах вышли работы А. В. Луначарского, В. Н. Мещерякова, Ю. Стеклова, Б. Щмераля[1], а также В. Владимировой, А. В. Шестакова, С. Л. Черномордика[2]. Книги Мещерякова и статьи Владимировой и Шестакова носят исследовательский характер. Автор первой работы доводит освещение истории партии эсеров до 1907 г., Владимирова рассматривает образование и гибель партии левых эсеров, Шестаков анализирует историю блока большевиков с левыми эсерами в плане борьбы за крестьянство.

Борьбе с левыми эсерами посвящены работы В. Парфенова, Д. А. Чугаева, с правыми — А. Агарева[3]. В конце 50-х годов вышли статьи о левых эсерах П. Н. Хмылова, Д. Ф. Жидкова, М. В. Спиридонова[4]. Наряду с большой

---

[1] См. *А. Луначарский.* Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922; *Вл. Мещеряков.* Партия социалистов-революционеров, ч. 1. С начала девяностых годов до революции 1905 года. М., 1922; ч. 2, П. С.—Р. в революции 1905—1907 годов. М., 1922; *Б. Шмераль.* Чехословаки и эсеры. М., 1922; *Ю. Стеклов.* Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922.

[2] См. *В. Владимирова.* Левые эсеры в 1917—1918 гг. «Пролетарская революция», 1927, № 4; *А. В. Шестаков.* Блок с левыми эсерами. «Историк-марксист», 1927, № 6; *С. Черномордик.* Эсеры (партия социалистов-революционеров). Харьков, 1929.

[3] См. *В. Парфенов.* Разгром «левых» эсеров. М., 1940; *А. Агарев.* Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров. «Пропагандист», 1939, № 16; *Д. А. Чугаев.* Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти. Разгром левых эсеров. «Ученые записки Московского областного педагогического института», т. XXVII. М., 1954.

[4] См. *П. Н. Хмылов.* К вопросу о борьбе большевиков против соглашательства левых эсеров в дни Октября. «Ученые записки Московского государственного библиотечного института». Вып. 3. М., 1957; *Д. Ф. Жидков.* Борьба партии большевиков с правыми

политической остротой в выводах и привлечением некоторых новых материалов, что является положительными сторонами этих работ, в них упрощенно, а иногда и неверно характеризуются мелкобуржуазные партии и некоторые вопросы тактики большевиков по отношению к эсерам. П. Н. Хмылов, например, пишет о левых эсерах: «Но поскольку они выступали как скрытый, замаскировавшийся враг пролетарской революции, то со стороны большевистской партии как руководящей силы диктатуры пролетариата требовалось много труда и умения, чтобы *разоблачить, изолировать и обезвредить их*. В процессе этой борьбы большевики даже пошли на сотрудничество с «левыми» эсерами, чтобы дать массам возможность постепенно убедиться в их подлинной сущности»[1]. С такой трактовкой согласиться нельзя.

В 1963 г. вышла книга К. В. Гусева «Крах партии левых эсеров»[2]. Она знаменует собой серьезный шаг вперед в изучении тактики Коммунистической партии по отношению к мелкобуржуазной партии левых эсеров. Автор излагает историю возникновения и развития партии социалистов-революционеров, ее раскол, образование партии левых эсеров, *заключение соглашения большевиков с ней*, борьбу левых эсеров против Брестского договора, превращение этой партии в кулацкую, мятеж левых эсеров летом 1918 года и их крах. Главное внимание в работе уделено заключению блока между большевиками и левыми эсерами. К. В. Гусев значительное место уделяет также освещению социалистической революции в деревне, расстановке классовых сил летом 1918 года. В книге имеются некоторые спорные положения (о социальной базе партии левых эсеров, о причинах мятежа в Москве и т. д.), но это больше говорит о трудностях темы, чем о недостатках самой работы.

В 1963 году появилась содержательная статья Р. М. Илюхиной, а в 1965—1966 годы опубликованы статьи

и «левыми» эсерами за крестьянство в первые месяцы Советской власти. «Труды кафедр общественных наук Московского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева». Сборник № 33. М., 1959; *М. В. Спиридонов*. Борьба Коммунистической партии против левых эсеров в 1917—1918 гг. «Ученые записки Карельского педагогического института», т. 10. Петрозаводск, 1960.

[1] *П. Н. Хмылов*. Указ. соч., стр. 25.

[2] См. *К. Гусев*. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

В. В. Гармизы и А. С. Смирнова, написанные с привлечением широкого круга источников[1]. Работа первого автора посвящена заключению блока между большевиками и левыми эсерами. В ней показываются взаимоотношения местных большевистских и левоэсеровских организаций, но в статье встречаются неточные формулировки. Нельзя согласиться с категорическим утверждением Р. М. Илюхиной о том, что «положительным результатом соглашения явилось сотрудничество с низовыми левоэсеровскими организациями в местных органах власти на основе принципов диктатуры пролетариата»[2]. Во всяком случае, пока не известны документы, свидетельствующие о признании левыми эсерами принципов диктатуры пролетариата.

Беднее литература о меньшевиках[3]. В 1925 году было опубликовано исследование Ил. Вардина «Революция и меньшевизм»[4], охватывающее период с 1917 по 1923 год. В этой объемистой, насыщенной большим фактическим материалом книге автор наряду с обзором деятельности меньшевиков за указанный период пытается критически рассмотреть социальную природу меньшевизма, программу и тактику этой партии, проследить различные течения в ней. В решении как первого, так и второго вопросов у Вардина имеются серьезные ошибки. Например, он считает, что в 1919—1920 годы официальный меньшевизм стоял на «полубольшевистской платформе».

Значительный интерес представляет работа И. И. Минца «Меньшевики в интервенции»[5], освещающая непосредственно период гражданской войны. Д. Эрде в популярной

---

[1] См. *Р. М. Илюхина.* К вопросу о соглашении большевиков с левыми эсерами (октябрь 1917— февраль 1918 г.). «Исторические записки», 1963, № 73; *В. В. Гармиза.* Как эсеры изменили своей аграрной программе. «Вопросы истории», 1965, № 7; *А. С. Смирнов.* Об отношении большевиков к левым эсерам в период подготовки Октябрьской революции. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 2.

[2] *Р. М. Илюхина.* Указ. соч. «Исторические записки», 1963, № 73, стр. 34.

[3] Одними из первых работ о меньшевиках были популярные брошюры: «Партия капиталистической реставрации (меньшевики)» (М., 1923); С. Динамштейна «Кто такие меньшевики» (Харьков, 1923), Н. Н. Мандельштама «Со ступеньки на ступеньку. К истории российского меньшевизма» (М.—Л., 1926).

[4] См. *Ил. Вардин.* Революция и меньшевизм. М.—Л., 1925.

[5] См. *И. Минц.* Меньшевики в интервенции. М.—Л., 1931.

книге «Меньшевики» кратко излагает историю меньшевизма от его возникновения до середины 20-х годов, но новых фактов в этой работе почти нет. В брошюре П. Лепешинского «Меньшевики» события доводятся только до Октябрьской революции, в ней, как и в работе П. П. Гришина, тоже нет ничего нового[1]. В сборнике статей «Меньшевики-интервенты» прослеживается путь меньшевистской партии от ее зарождения до суда над активистами-меньшевиками в 1931 году[2]. В 1966 году Н. В. Рубан защитил докторскую диссертацию по истории борьбы большевиков с меньшевиками в 1917—1918 гг.[3]

Имеется несколько работ об анархистах. Наиболее значительные из них Я. Яковлева «Русский анархизм в великой русской революции» и Б. Горева «Анархисты в России»[4]. Главное место Яковлев отводит описанию махновщины. В отличие от Яковлева Горев много внимания уделяет теории анархизма, истории появления анархистов в России, их деятельности в первую русскую революцию. Из остальных работ следует упомянуть книги и брошюры А. Лозовского, М. Равича-Черкасского, В. Залежского, Ем. Ярославского, статью С. Н. Канева[5].

Наряду с литературой об отдельных партиях еще в 20-е годы вышли работы, в которых содержатся обзоры по нескольким мелкобуржуазным партиям. К ним относятся небольшая книга В. Быстрянского, цикл лекций Н. Н. Попова, работы П. Лисовского и Ем. Ярославского[6].

---

[1] *Д. Эрде.* Меньшевики, изд. 2. «Пролетарий», 1930; *П. Лепешинский.* Меньшевики. «Молодая гвардия», 1931; *П. П. Гришин.* Меньшевики и Октябрьская революция. М.—Л., 1932.

[2] «Меньшевики-интервенты». Сборник статей. М.—Л., 1931.

[3] *Н. В. Рубан.* Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 гг.). М., 1966.

[4] *Я. Яковлев.* Русский анархизм в великой русской революции. М., 1921; *Б. Горев.* Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930.

[5] См. *А. Лозовский.* Анархо-синдикализм и коммунизм. М., 1923; *М. Равич-Черкасский.* Анархисты. «Пролетарий», 1930; *В. Залежский.* Анархисты в России. «Молодая гвардия», 1930; *Ем. Ярославский.* Анархизм в России (Как история разрешила спор между анархистами и коммунистами в русской революции). ОГИЗ, 1939; *С. Н. Канев.* Борьба большевистской печати против анархизма (ноябрь 1917—1919 гг.). В кн.: «О советской и зарубежной печати». Сборник статей кафедры журналистики Ленинградской Высшей партийной школы. Вып. III. Л., 1964.

[6] См. *В. Быстрянский.* Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; *Н. Н. Попов.* Мелкобуржуазные антисоветские пар-

О борьбе эсеров, меньшевиков и анархистов против Советской власти рассказывается в книге В. Владимировой[1]. В последнее время вышли статьи и брошюры о меньшевиках и эсерах И. Я. Трифонова, А. Н. Резниченко, Н. П. Селиванова, П. И. Соболевой, М. В. Спиридонова, а также В. В. Гармизы и Е. Г. Гимпельсона[2]. В них содержится новый фактический материал, ставятся некоторые важные вопросы. Например, Е. Г. Гимпельсон исследует образование однопартийной системы в Советской республике.

Следует особо сказать о книге В. В. Комина, освещающей банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период Октябрьской революции[3]. Она принесет пользу читателям, ибо поможет лучше разобраться в обстановке 1917 г. Но в ней многие важные проблемы исследованы слабо. Осталась нераскрытой тактика Коммунистической партии и ее практическая деятельность по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным партиям (в решении

тии (шесть лекций). Изд. 2, испр. М., 1924; *П. Лисовский.* На службе капитала. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. Л., 1928; *Ем. Ярославский.* Третья сила. М., 1932.

[1] См. *Вера Владимирова.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.—Л., 1927.

[2] См. *И. Я. Трифонов.* Конец мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров. В кн.: «Из истории первых лет Советской власти». «Ученые записки ЛГУ», № 258, вып. 30, 1959; *А. Н. Резниченко.* Разоблачение большевиками соглашательской деятельности меньшевиков и эсеров в Сибири в условиях развития революции от февраля к октябрю 1917 г. «Труды Новосибирского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева», т. IX. Новосибирск, 1959; *Н. П. Селиванов.* Борьба большевиков Екатеринбурга против соглашателей и контрреволюционных партий в первые дни после Октябрьской революции. «Труды Уральского политехнического института им. С. М. Кирова», сборник № 103. Свердловск, 1960; *П. И. Соболева.* Борьба большевиков против правых эсеров и меньшевиков в период упрочения Советской власти (октябрь 1917—1918 гг.). М., 1961; *ее же.* Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира (ноябрь 1917—1918 гг.). М.,1965; *М. В. Спиридонов.* Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении (1917—1920 гг.). Петрозаводск, 1965; *В. В. Гармиза.* Банкротство политики «третьего пути» в революции (Уфимское государственное совещание 1918 г.). «История СССР», 1965, № 6; *Е. Г. Гимпельсон.* Из истории образования однопартийной системы в СССР. «Вопросы истории», 1965, № 11.

[3] См. *В. В. Комин.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.

этого вопроса автор чаще всего ограничивается приведением цитат). В работе содержатся некоторые ошибочные положения. В. В. Комин, например, утверждает, что в начале 1918 г. кадеты, эсеры, меньшевики уже почти никакой силы не представляли. Он пишет, что Советская власть, разгромив силы контрреволюции (после роспуска Учредительного собрания), «сделала их безопасными для себя». Автор книги считает, что мелкобуржуазные партии в то время потеряли свою социальную базу. Добавим, что в работе мало цифрового материала о партиях.

В 50—60-х годах за рубежом появилось значительное число новых книг о мелкобуржуазных партиях в России. В США в 1955 г. была напечатана работа Л. Шапиро об оппозициях в Советском государстве, а в 1959 г. — книга о лидере меньшевиков Мартове[1]. В 1962 г. в Нью-Йорке вышло воспоминание Р. Абрамовича, а в 1963 г. в Париже — И. Г. Церетели[2], в 1962—1963 гг. появились две работы О. Г. Редки об эсерах[3]. Эти люди пытаются внушить читателю мысль, будто основной причиной гибели мелкобуржуазных партий в России было не банкротство меньшевиков и эсеров, а разгром их большевиками.

Меньше всего написано о кадетах. Если не считать общих трудов, в которых наряду с другими партиями говорится и о кадетах, то наиболее значительными можно считать работы В. Стального и А. М. Малькова[4]. В книге первого излагается история кадетов от создания партии (в начале XX в.) до Октябрьской революции, причем основное внимание уделено периоду до 1917 г.

---

[1] *L. Schapiro.* Political Opposition in the Soviet State First Phase: 1917—1922. Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., 1955; «Мартов и его близкие». Сборник. Нью-Йорк, 1959.

[2] *R. R. Abramovitch.* The Soviet Revolution. 1917—1939. N. Y., 1962; *И. Г. Церетели.* Воспоминания о Февральской революции, кн. 1—2. Paris, 1963.

[3] *O. H. Radkey.* The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and default of the Russian. Socialist Revolutionaries february to october 1917. N. Y. and L., 1962; *его же.* The Sickle under the Hammer. The Russian Socialist Revolutionaries in the early Months of Soviet Rule. N. Y. and L., 1963.

[4] См. *В. Стальный.* Кадеты (конструкционно-демократическая партия народной свободы). Изд. 2. «Пролетарий», 1930; *А. М. Малькова.* Разгром большевиками кадетской контрреволюции в 1917 году (февраль—октябрь). Докторская диссертация. М., 1959.

В докторской диссертации А. М. Малькова хронологические рамки исследования ограничены только 1917 г. (периодом между двумя революциями). Диссертант широко использовал ленинские документы, решения Коммунистической партии, а также привлек значительный материал из кадетской периодической печати и других литературных источников. Он сделал некоторые новые выводы. Так, *оспаривая положение И. В. Сталина о главном ударе* в период подготовки и проведения Октябрьской революции, А. М. Мальков считает, что в 1917 г. главными врагами большевиков была буржуазия и ее партия — кадеты, а не меньшевики и эсеры.

Следует сказать, что А. М. Мальков некоторые вопросы классовой и партийной борьбы трактует упрощенно. Он, например, пишет: «Подручными кадетов были меньшевики и эсеры. Последние мало чем отличались в своей политике от кадетов, особенно после 3—5/VII»[1]. А. М. Мальков не анализирует программу кадетской партии, не делает даже попытки раскрыть состав ее членов, численность партии. В диссертации немало фактических и других ошибок.

Представляют интерес работы Е. А. Мороховца и Н. Рожкова[2], в которых освещаются аграрные программы всех партий, существовавших в 1917 г. в России.

Такова в самых общих чертах историография темы.

* * *

Важнейшими источниками при решении поставленных в книге проблем являются труды В. И. Ленина, постановления съездов и конференций Коммунистической партии, пленумов ЦК, протоколы съездов и конференций РКП(б), постановления всероссийских съездов Советов, их протоколы и стенографические отчеты. В этих документах изложены основные теоретические вопросы, содержится анализ главных процессов классовой и партийной борьбы, определяется направление политики Коммунистической партии и Советской власти в эпоху Октябрьской революции и гражданской войны.

---

[1] *А. М. Мальков.* Указ. соч., стр. 27.

[2] См. *Е. А. Мороховец.* Аграрные программы российских политических партий в 1917 году. Л., 1929; *Н. Рожков.* Аграрный вопрос в России и его решение в программах различных партий. М., 1917.

Конкретные сведения для данной работы почерпнуты автором из статистических сборников, сборников документов и отдельных документальных публикаций, в которых были помещены результаты переписей, проводившихся в стране, из ведомственных отчетов, а также материалов Центрального статистического управления РСФСР, губернских статистических отделов, статистического отдела ЦК РКП(б), местных советских и партийных органов.

Сведения о положении рабочего класса имеются в материалах промышленных переписей 1918 и 1920 гг., текущей промышленной статистики за 1919—1920 гг., обследований комиссий ЦСУ и местных статистических органов[1].

Материалы по истории крестьянства почерпнуты из итоговых сводок сельскохозяйственных переписей 1917, 1919, 1920 гг., из отчетов Наркомзема, Наркомпрода, местных Советов и их земельных и продовольственных органов, из документов ЦСУ и губернских статистических отделов[2]. Огромное значение для изучения классовой

[1] См. «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. Предварительная сводка данных». М., 1920; «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.» М., 1926; «Всероссийская перепись (учет) промышленных заведений 1920 г.». М., 1921—1926; «Статистический ежегодник 1918—1920 гг.» Вып. I. М., 1921; Вып. II. М., 1922; «Материалы по текущей промышленной статистике за 1919 и 1920 годы». М., 1922; *С. Г. Струмилин.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923; «Национализация промышленности в СССР». Сборник документов и материалов. 1917—1922. М., 1954; «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». Сборник документов и материалов. Под ред. Д. А. Чугаева. М., 1964; «Рабочий класс Урала в годы войны и революций». В документах и материалах, т. 2—3. Свердловск, 1927. О местных статистических сборниках см.: «Советская страна в период гражданской войны 1918—1920». Библиографический указатель документальных публикаций. Под ред. Е. Н. Городецкого. М., 1961, стр. 473—475. См. также *Т. В. Ивницкая.* Публикации документов по истории рабочего класса СССР (1918—1920 гг.). М., 1960.

[2] См. «Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям». М., 1921; «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по губерниям и областям». М., 1923; «Погубернские итоги 10% выборочной сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств 1919 года». М., 1920; «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 года». М., 1921—1923; «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.)» М., 1922. См. также сборники: «Статистический сборник за 1913—1917 гг.» Вып. 1. М., 1921; Вып. 2. М., 1922; «Статистический

борьбы в деревне имеют документы комитетов деревенской бедноты[1].

Большой фактический материал о деятельности и жизни Коммунистической партии в годы гражданской войны содержится в протоколах и стенографических отчетах VII, VIII, IX съездов РКП(б), VIII и IX партийных конференций, в протоколах ЦК за 1917—1918 гг., в отчетах Центрального Комитета за 1919—1920 гг., в отчетах отделов ЦК о работе в деревне, среди женщин[2].

Особую ценность для изучения состава партии представляют данные перерегистрации членов РКП(б) в 1920 г., а также недавно опубликованные сведения о численности партийных организаций в 1917—1918 гг.[3]

ежегодник 1918—1920 гг.». Вып. 1. М., 1921; Вып. 2. М., 1922; «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923». М., 1924; «Статистический справочник по аграрному вопросу». Вып. 3. Сельское хозяйство 1918—1920 гг. М., 1922; «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)». Документы и материалы. М., 1954. О статистических данных по сельскому хозяйству в отдельных губерниях и областях см.: «Советская страна в период гражданской войны 1918—1920». Библиографический указатель документальных публикаций. Под ред. Е. Н. Городецкого, стр. 476—481.

[1] См. «Комитеты бедноты». Сборник материалов, т. 1—2. Сост. В. Н. Аверьев. М.—Л., 1933; «Комбеды РСФСР». Сборник декретов и документов о комитетах бедноты. *Подгот. к печати С. Л. Ронин.* М., 1933; «Комбеды Воронежской и Курской областей». Материалы по истории комитетов бедноты. Сост. С. Л. Ронин. Воронеж. 1935; «Комитеты деревенской бедноты Московской области». Сборник материалов и документов. Под ред. А. В. Шестакова. М., 1938; «Комитеты деревенской бедноты Северной области». Сборник документов. Л., 1947; «Комитеты бедноты в Коми крае (1918)». Сборник документов. Под ред. П. Е. Куклева. Сыктывкар, 1958.

[2] См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918» (ред. М. Д. Стучебникова и Н. И. Шатагин. Перераб. и доп. изд.). М., 1958; «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.)». Сборник документов. М., 1957; «Отчеты Центрального Комитета РКП с VIII до X съезда». М., 1921; «Отчет отдела по работе в деревне при ЦК РКП(б)». М., 1920; «Отчет о деятельности отдела ЦК РКП о работе среди женщин». М., 1920.

[3] См. «Личный состав РКП в 1920 году». М., 1921; *В. В. Аникеев.* Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 года. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, 3; «Анкеты делегатов VII съезда РКП(б)». «Исторический архив», 1958, № 3, 4; *Л. И. Ключник, В. П. Николаева.* Некоторые статистические сведения о состоянии партийных организаций в 1918 году. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 1.

Значительный фактический материал о деятельности и жизни местных партийных организаций периода гражданской войны содержится в издававшихся в 1918—1921 гг. в губернских центрах протоколах партийных конференций и отчетах губкомов РКП(б), а также в вышедших в последние годы в республиках, краях и областях документальных сборниках[1].

Для освещения деятельности кадетов, меньшевиков, эсеров в работе использованы протоколы и отчеты съездов и конференций этих партий, решения ЦК, документы местных партийных организаций, материалы газет и журналов, а также литература, написанная представителями буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Наряду с опубликованными источниками автором привлечен материал более 80 фондов 17 центральных и местных партийных и советских архивов[2].

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) изучены материалы фондов В. И. Ленина (ф. 2), протоколы заседаний ЦК РКП(б) (ф. 17, оп. 2), документы отделов ЦК и местных партийных организаций (ф. 17, оп. 4—8), материалы фондов Я. М. Свердлова (ф. 86), Ф. Э. Дзержинского (ф. 76, оп. 4, новые документы). В фонде 2 наряду с ленинскими документами содержится большое число других материалов. Особый интерес представляют сведения ЦСУ о классовом составе населения 33 центральных губерний Советской республики на начало 1920 г. Из этого же архива взяты сведения об эсерах (ф. 274, 557, 564) и меньшевиках (ф. 275), в том числе из неиспользованного в нашей литературе фонда партии левых эсеров и фонда

---

[1] См. «Советская страна в период гражданской войны 1918—1920». Библиографический указатель документальных публикаций. Под ред Е. Н. Городецкого, стр. 35—59.

[2] Материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, архива сектора истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, партийных архивов Куйбышевского, Курского, Новосибирского, Омского, Оренбургского, Свердловского, Удмуртского обкомов КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального военно-исторического архива, Центрального государственного архива Татарской АССР, Центрального государственного архива Удмуртской АССР, государственных архивов Куйбышевской, Оренбургской и Свердловской областей.

переговоров правых эсеров с представителями Советской власти в Уфе (Уфимские переговоры).

Использованы воспоминания активных участников событий 1917—1920 гг., а также таблицы о результатах выборов в Учредительное собрание (наиболее полные данные), хранящиеся в архиве сектора истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма (архив ИГВ ИМЛ).

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) изучены документы казачьего отдела ВЦИК (ф. 1235, оп. 83), Народного комиссариата внутренних дел (ф. 393, оп. 1—4), а также материалы эсеровского Комитета членов Учредительного собрания (ф. 687, 688, 691, 700, 742, 1067 и др.), белогвардейско-эсеровского западно-сибирского комиссариата «Временного сибирского правительства» (ф. 151), Оренбургского белоказачьего войска (ф. 536, 1433, 1719), Сибирской белогвардейской армии (ф. 162, 1437). Из этого же архива почерпнуты сведения о буржуазных и мелкобуржуазных партиях, в частности из фонда главы кадетской партии П. Н. Милюкова, из материалов белогвардейской эмиграции, из документов эсеровской, меньшевистской партий и анархистов. Следует отметить, что в ЦГАОР имеется небольшое число документов о буржуазных и мелкобуржуазных партиях. Исключение составляют материалы партии меньшевиков-интернационалистов (ф. 8357).

В работе анализируются данные 19 фондов Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА), содержащие сведения о мобилизациях в Красную Армию, ее социальном составе, использовании старых военных специалистов, призыве коммунистов в армию, их роли на фронте.

Из республиканских и областных советских архивов почерпнуты сведения о положении рабочих и крестьян в губерниях и уездах в годы гражданской войны, о ликвидации помещичьего землевладения, о классовой борьбе на селе, об осереднячивании деревни, о комбедах, об отношении крестьян к Красной Армии.

* * *

В историографии гражданской войны имеются разные точки зрения о начале войны и ее периодизации. Наиболее обоснованной, на наш взгляд, является периодизация, изложенная в последнее время историками С. Ф. Найдой и

А. В. Голубевым[1]. Они считают, что гражданская война начинается с октября 1917 г. Обстоятельную периодизацию дает А. В. Голубев. Он намечает пять периодов в развитии гражданской войны и иностранной военной интервенции, а периоды разделяет на этапы.

В настоящей книге излагается периодизация, отражающая классовую борьбу в 1917—1920 гг. Она в основном совпадает с периодизацией истории гражданской войны.

Гражданская война и иностранная военная интервенция прошли в своем развитии три периода, из которых первый был сравнительно однородным, а два последних включали в себя несколько разных этапов. В основу периодизации положены два фактора: расстановка классовых сил в стране (внутренний фактор) и военное положение Советской республики (внешний фактор). Под последним имеется в виду прежде всего участие международного империализма (германского и антантовского) в вооруженной борьбе в России.

Первый период гражданской войны продолжался с октября 1917 по февраль 1918 г. Рабочие и крестьяне свергли эксплуататорские классы помещиков и буржуазии и установили Советскую власть. Расстановка классовых и партийных сил к концу периода:

На стороне Советской власти
Главная сила — рабочий класс и беднота деревни, поддержанные на селе большинством крестьянства, в городе — значительными слоями мелкой буржуазии и низшими служащими. Революционные классы возглавляла партия большевиков (около 350 тыс. человек). В блоке с коммунистами была партия левых эсеров (около 50 тыс. человек). Борьбу за Советскую власть поддерживали анархисты. Организация военных сил: отряды Красной гвардии, вооруженные отряды рабочих, матросов, революционных солдат старой армии.

На стороне контрреволюции
Главная сила — помещики, буржуазия, поддержанные высшим и средним (большинством) слоями служащих и интеллигенции. Контрреволюцию возглавляли кадеты, объявленные Советской властью врагами народа, правые эсеры, меньшевики, националистические партии. Военные силы: офицерские отряды, отдельные казачьи части, некоторые военные школы старой армии. Наряду с вооруженной борьбой враги Советской власти широко использовали методы саботажа.

---

[1] См. *С. Ф. Найда.* Указ. соч.; *А. В. Голубев.* Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР. В кн.: «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965.

Второй период — с марта до осени 1918 г. В нем было два этапа: первый — март—май 1918 г., второй — конец мая — осень 1918 г. В течение этого периода произошла коренная перегруппировка классовых и партийных сил в стране, вызванная развитием социалистической революции в деревне.

Основные события первого этапа — выход из империалистической войны, борьба с германской оккупацией, использование мирной передышки для создания вооруженных сил и для развертывания социалистического строительства. Второй этап — военная защита завоеваний Октябрьской революции от интервентов Антанты и вооруженной внутренней контрреволюции. Расстановка классовых и партийных сил в этот период:

На стороне революции
Рабочий класс и беднота деревни, поддержанные небольшой частью среднего крестьянства (большинство середняков занимало нейтральную позицию).
Коммунистическая партия (около 150 тыс. человек летом 1918 г.)
Военные силы: отряды Красной гвардии, добровольческие части Красной Армии.

На стороне контрреволюции
Кулаки, богатые и средние казаки, поддержанные зажиточными слоями среднего крестьянства, высшие и средние слои интеллигенции, буржуазия, помещики. Контрреволюцию возглавили партии правых эсеров и меньшевиков. С мелкобуржуазными партиями блокировались кадеты. Партия левых эсеров подняла антисоветские мятежи и стала контрреволюционной. Против Советской власти выступили многие анархисты. Военные силы: чехословацкий корпус, регулярные части войск Англии, Франции, США, Японии, белоказачьи части, отряды и первые регулярные полки белогвардейских армий, кулацко-эсеровские и белогвардейские мятежники в тылу советских войск.

Третий период — с середины осени 1918 до конца 1920 г. Он состоит из трех этапов: первый — середина осени 1918 — февраль 1919 г., второй — март 1919 — начало 1920 г., третий — весна 1920 — конец 1920 г. Основные события этого периода: борьба с интервентами и белогвардейскими армиями, установление военно-политического союза рабочего класса и трудового крестьянства, разгром внешней и внутренней контрреволюции, ликвидация

в России партии буржуазии и помещиков — кадетов, изоляция и политическая гибель контрреволюционных мелкобуржуазных партий. Расстановка классовых и партийных сил:

На стороне Советской власти
Главная сила — рабочий класс в союзе с мелкой буржуазией деревни и города, поддержанные значительной частью средней интеллигенции. Коммунистическая партия (600 тыс. человек весной 1920 г.). Советскую власть поддерживали, хотя и с колебаниями, откололшиеся от эсеров и меньшевиков левые элементы мелкобуржуазной демократии. Военные силы: регулярная Красная Армия на фронте, вооруженное большевистское подполье и партизанское движение в тылу войск белогвардейцев и интервентов.

На стороне контрреволюции
Главная сила — буржуазия, помещики, кулаки, богатые казаки, большая часть высшей интеллигенции. Кадеты — главная партия контрреволюции. На стороне врагов Советской власти выступала часть эсеров и меньшевиков, другая часть вела борьбу одновременно против и большевиков и белогвардейцев. С разгромом белых армий эсеры и меньшевики весь огонь сосредоточили на Советской власти. Вооруженные силы: на первом этапе главными силами были войска интервентов, на втором — армии Колчака, Деникина, Юденича, Миллера, на третьем — войска буржуазно-помещичьей Польши и Врангеля.

Глава первая

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ПОЛОЖЕНИИ КЛАССОВ И ПАРТИЙ В РОССИИ

1. КЛАССЫ И ПАРТИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

На второй день после победы вооруженного восстания рабочих и солдат в Петрограде буржуазные газеты в один голос запели отходную России, а большевиков предали анафеме.

«Мы не знаем, осталось ли в России правительство,— писала 26 октября 1917 г. столичная кадетская «Речь».— Но одно уже мы знаем: произошло новое глубокое потрясение и его последствия для внутреннего и для международного положения страны неисчислимы»[1].

Ей вторила в Москве другая буржуазная газета: «России уже нет как органического целого: распад ее так глубок, что, кажется, и механическая железнодорожная спайка «раскалывается»: то на одной, то на другой дороге «разбираются рельсы» — скоро совсем приостановится снабжение городов и голодные толпы усеют лицо земли русской. Большевики вызвали таких демонов, которых они не в силах будут укротить»[2]. Газета предсказывала анархию в стране и крушение государства.

Кадеты причитали: «Пропала Россия», меньшевики и эсеры — «Погиб социализм в России!»

Все они кляли большевиков, крича, что те раскололи народ и развязали гражданскую войну.

Произошло величайшее в истории революции размежевание людей. Одни классы выступили против других.

[1] «Речь», 26 октября 1917 г.
[2] «Утро России», 8 ноября 1917 г.

Национальные и родственные отношения отодвинулись на второй план, уступив место социальным связям.

Раскол этот не был случайным. Его истоки в истории России. Он был ускорен империалистической войной. России выпал жребий первой в мире пройти горнило великих классовых размежеваний и битв, чтобы собрать в единую семью всех людей, населяющих ее, а затем все человечество.

В России, как и во всех капиталистических странах, существовали два основных класса: пролетариат и буржуазия. Между ними находилась мелкая буржуазия, главным образом крестьянство. Имелся и класс помещиков — пережиток феодально-крепостнических отношений в деревне. Помещики оказывали большое влияние на экономическую и политическую жизнь страны.

Известное представление о классовом составе населения России перед Октябрьской революцией дают следующие цифры: в 1913 г. из 139,3 млн. населения страны (в границах СССР до сентября 1939 г.) рабочие и служащие составляли 23,3 млн. (16,7%); мелкая буржуазия деревни (трудящиеся крестьяне, кустари, ремесленники) — 90,7 млн. (65,1%); помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, кулаки, торговцы — 22,1 млн. (15,9%); остальные (учащиеся, армия, пенсионеры и др.) — 3,2 млн. человек (2,3%)[1].

Основное ядро пролетариата составляли промышленные рабочие. Их насчитывалось примерно 2,7 млн. человек (без семей)[2]. Сельскохозяйственных рабочих было 6 млн. (с семьями). Среди эксплуататорских классов самым многочисленным являлось кулачество. Оно насчитывало более 17 млн. человек. Помещики, городская буржуазия, купцы, верхние слои интеллигенции составляли примерно 5 млн. человек.

[1] «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.)». Статистический сборник. М.—Л., 1939, стр. 16. Приведенные цифры неполно отражают численный состав классов. Например, рабочие представлены вместе со всеми служащими, тогда как высшая и средняя интеллигенция составляют буржуазный слой общества. В одной рубрике с эксплуататорскими классами находится и мелкая городская буржуазия.

[2] По подсчетам А. Г. Рашина, во всей России в 1913 г. насчитывалось около 3,1 млн. промышленных рабочих (см. *А. Г. Рашин.* Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 172), но из них около 400 тыс. находилось на территории Польши и Прибалтики.

К 1917 г. общая картина несколько изменилась. Население составляло уже более 140 млн. человек[1]. Это произошло главным образом за счет притока беженцев с запада. Значительно возросло население городов. В 1913 г. оно составило 24,7 млн. человек[2], а в 1917 г.— около 26 млн. человек[3]. Увеличилась численность рабочего класса (несмотря на то что часть его была призвана в армию). На фабрики и заводы пришли крестьяне, служащие и мелкая городская буржуазия. Так, в Петрограде на 1 января 1914 г. было 242,6 тыс. рабочих, а на 1 января 1917 г.— 384,6 тыс., в Москве — соответственно 383,8 и 427,8 тыс. рабочих. Только на крупных частных предприятиях, подлежащих надзору фабричной инспекции, число рабочих за годы первой мировой войны увеличилось почти на 250 тыс.[4]

Примерно на столько же возросло количество работающих на фабриках и заводах, принадлежавших казне и различным правительственным учреждениям (военному ведомству, морскому ведомству и т. д.). Таким образом, численность промышленного пролетариата к 1917 г. составила около 3,2 млн. человек (в границах СССР до сентября 1939 г.)[5]. Если сюда добавить железнодорожных рабочих,

---

[1] В границах СССР до сентября 1939 г. Подсчитано автором на основании сельскохозяйственной переписи 1916 г., сельскохозяйственной и городской переписей 1917 г., а также других материалов.

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1959 году». Статистический ежегодник. М., 1960, стр. 9.

[3] Согласно городской переписи 1917 г., городское население европейской части России составляло 22 881 тыс. человек. Число городских жителей Закавказья, Сибири, Средней Азии в 1916 г. превысило 3 млн. человек.

[4] См. «Народное хозяйство в 1916 году». Вып. 7. Пг., 1922, стр. 130—135. На предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции (без Сибири и Средней Азии), число рабочих в 1916 г. по сравнению с 1913 г. увеличилось на 228 тыс. человек.

[5] Это число образуется следующим образом. К 1917 г. в крупной промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, насчитывалось 2 057 тыс. человек (см. «Народное хозяйство в 1916 году». Вып. 7, стр. 134—137); в добывающей промышленности (без нефтяной) — около 520 тыс. человек; на военных казенных заводах было 386 тыс. человек; на заводах морского ведомства — 58 тыс.; во фронтовых мастерских и на других предприятиях армий — 135 тыс. рабочих (см. *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1964, стр. 30).

занятых в железнодорожных депо, мастерских и т. д., то общее число рабочих на крупных предприятиях достигнет 3,5 млн. человек[1]. Количество же рабочих всех категорий и служащих приближалось к 20 млн. человек[2]. Сокращение по сравнению с 1913 г. произошло по причине уменьшения числа мелких предприятий и призыва части людей в армию.

Сила российского пролетариата увеличивалась тем, что он находился в больших коллективах и был тесно спаян. В 1914 г. на предприятиях-гигантах (с числом работающих свыше тысячи человек) было сосредоточено 41,4% всех рабочих[3]. К Октябрьской революции эта концентрация возросла еще больше. В 1917 г. в Петрограде и губернии на крупных предприятиях (свыше 500 человек) находилось свыше 75% всех рабочих[4]. Рабочие таких предприятий, как Путиловский завод в Петрограде, завод Михельсона в Москве, Трубочный завод в Самаре, Алафузовские заводы в Казани и т. д., были главной силой революции. Основные массы российского пролетариата находились в Петрограде, Центрально-Промышленном районе, Донбассе, на Урале.

Влияние рабочего класса было значительно больше, чем его удельный вес в численности населения. «Сила пролетариата в любой капиталистической стране,— указывал В. И. Ленин,— несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»[5]. Пролетариат является единст-

---

[1] П. В. Волобуев дает цифру 3 399 тыс. человек (см. *П. В. Волобуев.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году, стр. 16).

[2] Эту цифру как ориентировочную, приблизительную называет В. И. Ленин в 1913 г. (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 34). Ее статистически обосновывает Л. С. Гапоненко (см. *Л. С. Гапоненко.* Указ. соч., стр. 30). По подсчетам П. В. Волобуева, армия работников наемного труда в 1917 г. составляла 15 млн. человек (см. *П. В. Волобуев.* Указ. соч., стр. 16).

[3] См. *А. Л. Сидоров.* Экономические предпосылки социалистической революции в России. «История СССР», 1957, № 4, стр. 19.

[4] См. «Материалы по статистике труда». Вып. 5. Пг., 1919, стр. 33.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.

венным действительно революционным классом капиталистического общества, призванным возглавить борьбу трудящихся за их освобождение и совершить социалистическую революцию.

Рабочий класс России имел хорошую политическую подготовку. Он возглавил две революции и приобрел большой опыт классовой борьбы. Ни в одной стране пролетариат не проявлял такой решительности в борьбе и непримиримости к своим врагам[1].

Что же собой представляла российская буржуазия? Общую численность ее установить трудно[2]. Сведения имеются лишь по отдельным городам. Так, в Москве, согласно переписи 1912 г., значилось 44 223 хозяина, в том числе заводчиков и фабрикантов — 1791[3]. В Петрограде в 1910 г. хозяев, имевших наемных рабочих, было 44 331 человек[4].

Буржуазия (вместе с помещиками) владела решающими средствами производства. По своему составу она не являлась однородной. Развитие капитализма в стране, концентрация производства, образование крупных монополий (до войны существовало 150 монополистических объединений, в том числе такие гиганты, как «Продамет» и «Продуголь») привели к выделению сравнительно небольшой, но очень богатой группы буржуазии, использующей новые формы капиталистического производства. Это была «культурная», европеизированная буржуазия. Она объединяла в себе и промышленников, и воротил финансового капитала. Они играли главную роль.

Типичной фигурой среди них был А. И. Путилов. Этот маленький, скромно одетый человек был капиталистическим колоссом России. Он являлся председателем правления Русско-Азиатского банка и одновременно директором 12 крупных предприятий. Или П. П. Рябушинский — мо-

---

[1] См. подробное освещение положения пролетариата накануне Октябрьской революции в указанных трудах А. Г. Егоровой, Л. С. Гапоненко, П. В. Волобуева.

[2] В работе И. Ф. Гиндина численность всей буржуазии определяется в 6 млн. человек (см. *И. Ф. Гиндин.* Указ. соч. «История СССР», 1963, № 3, стр. 38). Нам представляется, что цифра эта завышена.

[3] См. «Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии». Вып. 2. М., 1927, стр. 68.

[4] См. «Бюллетень Центрального статистического управления» № 80, 15 ноября 1923 г., стр. 4.

ковский банкир и промышленник. Это он в августе 1917 г. на II торгово-промышленном съезде заявил, что «нужна костлявая рука голода и народной нищеты» для разгрома Советов и революции.

О богатстве крупнейших капиталистов говорят такие цифры. Четыре предприятия текстильных магнатов Морозовых перед войной оценивались почти в 120 млн. руб., а состояние сахарозаводчика М. И. Терещенко составляло 60 млн. руб.

Монополистическая буржуазия была наиболее тесно связана с государственным аппаратом. Представители промышленников и банкиров А. И. Гучков, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко, С. Н. Третьяков и другие являлись министрами Временного правительства.

Существовала и другая, более многочисленная группа, главным образом средней буржуазии, связанная со старыми формами капиталистического производства (сюда входили и многие торговцы). Основное поле их деятельности — губернские и уездные города. Это были потомки колупаевых и разуваевых. Новая техника производства их мало интересовала. Эксплуатация рабочих на предприятиях таких капиталистов была неприкрытой и мало чем отличалась от прямого грабежа. Наличие этого слоя буржуазии было отражением большой отсталости России. Немало таких капиталистов склонялось к монархизму. Тяготение к монархизму наблюдалось и среди части тех слоев буржуазии, которые были связаны с новейшими формами капитализма. Это происходило потому, что в России империализм был опутан «особенно густой сетью отношений докапиталистических»[1].

Буржуазия России выступила на общественную арену тогда, когда пролетариат в стране уже политически оформился, имел свою партию и представлял большую силу, способную руководить буржуазно-демократической революцией. Эти обстоятельства и определили реакционную роль буржуазии в революции.

Велика была зависимость российской буржуазии от иностранного капитала, который подчинил себе многие отрасли промышленности. Накануне первой мировой войны удельный вес иностранных вложений в русской промышленности составлял около одной трети. На первом месте стоял

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 378.

франко-бельгийский капитал (46,3%), на втором — германский (27,4%), на третьем — английский (17%). В банках России иностранные вложения составляли более 40%. Не случайно Антанта так активно участвовала в военной интервенции против Советской России.

В политическом отношении российская буржуазия являлась сравнительно слабым противником пролетариата. Ее короткое пребывание у власти после Февральской революции четко показало, что у нее нет ни достаточного опыта политической борьбы, ни гибкости в тактике[1].

Самым малочисленным эксплуататорским классом были помещики. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в 26 губерниях, главным образом Центральной России, где имелось помещичье землевладение, в 43 тыс. частновладельческих хозяйств проживало около 350 тыс. человек (с семьями). Большинство этих людей были помещиками[2]. Многие помещики обуржуазились и представляли собой одновременно и землевладельцев и капиталистов. Наряду с землей они имели промышленные или другого рода предприятия: заводы по переработке сельскохозяйственного сырья, конные заводы, молочные фермы и т. д. Среди них были и такие, которые жили только за счет своих земель (одну часть земли они обычно сдавали в аренду, а другую обрабатывали при помощи наемных рабочих или крестьян).

Крупные помещики владели тысячами десятин земли. Так, княгине Долгоруковой в Сызранском уезде Симбирской губернии принадлежало 6,5 тыс. десятин земли и 8,5 тыс. десятин леса. Но таких было немного. Большинство же помещиков в 1917 г. имело менее тысячи десятин земли. После Февральской революции политическое положение помещиков ухудшилось, ибо первый помещик в стране царь Николай II был устранен от власти.

Самым многочисленным классом России была мелкая буржуазия, основную массу которой составляло крестьянство.

После Февральской революции экономическое положение крестьянства не изменилось. Помещичье землевла-

---

[1] Подробно о буржуазии России в 1917 г. см. указанное сочинение П. В. Волобуева.

[2] См. «Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям», стр. 2—42.

дение осталось нетронутым. Крестьяне сильно страдали от безземелья.

В 1917 г. 78,8 тыс. частновладельческих хозяйств 38 губерний России владели 23,4 млн. десятин земли, что составляло в среднем 300 десятин на хозяйство, а 13 млн. крестьянских дворов имели в пользовании 108,4 млн. десятин, или в среднем по 8 десятин на двор[1].

Среди крестьянских хозяйств имелось безземельных 12%, беспосевных — 16, бескоровных — 23, безлошадных — 30%. В России противоречия между крестьянами и помещиками все больше и больше обострялись.

Таким в самых общих чертах было положение классов России перед Октябрьской революцией.

* * *

В 1917 г. в России почти все классы имели партии[3].

Летом 1917 г. пролетариат отмечал 14-летие создания своей политической организации — партии большевиков. За эти годы обстановка внутри страны и на международной арене несколько раз круто менялась. Были приливы и отливы в рабочем движении, годы реакции и войны. Коммунисты с честью пронесли свое знамя, ничем не запятнав его[4]. В 1917 г. большевистская партия была единственной, звавшей рабочий класс на социалистическую революцию. Сила партии состояла в том, что она выражала интересы самого революционного класса общества, а вместе с ним и интересы огромного большинства трудящихся масс, опиралась на передовую марксистскую теорию, которую вождь русских коммунистов Ленин обогащал и развивал применительно к новой обстановке, опираясь на революционную практику трудящихся классов. Партия была едина в своих взглядах и действиях, в ней царила строгая дисциплина.

---

[1] См. *П. Н. Соболев*. Указ. соч., стр. 14—15.

[2] Подробное освещение положения крестьянства перед Октябрьской революцией см. в указанных трудах С. М. Дубровского, А. И. Хрящевой, П. Н. Соболева, Г. В. Шарапова.

[3] Помещики своей партии не имели, если не считать «Союза земельных собственников» (см. «Красный архив», 1927, № 21, стр. 97—121). Многие из них были монархистами. Некоторые принадлежали к партии кадетов.

[4] См. «Главные этапы в истории большевизма» в труде В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8—13).

Владимир Ильич Ленин (1918 г.)

Центральный Комитет большевиков являлся настоящим боевым штабом, за которым стояла вначале не очень большая, но потом быстро увеличивавшаяся сплоченная армия борцов.

Коммунистическая партия начала борьбу за социалистическую революцию мирным путем. Ленин считал возможным мирное развитие революции, хотя и подчеркивал, что это крайне редкое в истории явление, но в то же время и очень ценное. Используя все средства для мирного развития революции, большевики не забывали о том, что обстановка может измениться и на повестку дня встанет вопрос о вооруженном восстании. Так и случилось.

С августа 1917 г., после VI съезда РСДРП(б), партия большевиков начала готовить пролетариат к вооруженному восстанию, ибо по вине российской буржуазии (и поддержавших ее эсеров и меньшевиков) мирный период развития революции кончился.

В октябре 1917 г. Коммунистическая партия России насчитывала в своих рядах уже около 350 тыс. человек[1]. Влияние коммунистов в массах к этому времени резко возросло. Об этом свидетельствовала большевизация Советов. Коммунисты уверенно шли к пролетарской революции.

Главной партией русской буржуазии были кадеты.

Партия кадетов (конституционно-демократическая партия) образовалась в 1905 г. путем слияния буржуазных «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов»[2]. Это было объединение либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции.

В программе кадетской партии, принятой на I съезде в октябре 1905 г., в разделе о государственном строе говорилось о конституционном устройстве Российского государства и народном представительстве. На деле это означало, что царь дарует народу конституцию и буржуазный парламент, а сам, конечно, остается. Выступая на I съезде, лидер кадетов П. Н. Милюков говорил, что партия стоит за «принцип единства России и неприкосновенности частной собственности», что кадеты являются партией «социальных реформаторов».

В 1906 г. В. И. Ленин отмечал, что идеалом кадетов является «увековечение буржуазной эксплуатации в упорядоченных, цивилизованных, парламентарных формах»[3].

«Конституционные демократы», зная, что в России

---

[1] По подсчетам авторского коллектива третьего тома «Истории КПСС».

[2] После III съезда (1906 г.) она стала называться «Конституционно-демократическая партия народной свободы».

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 25.

самым злободневным является земельный вопрос, указали в своей программе на необходимость увеличения на правах собственности крестьянского землепользования «государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке»[1].

В программе партии стояло требование свободы слова, собраний, организаций, союзов и т. д. Кадеты не скупились на громкие слова. Для рабочих они требовали права стачек, свободы профсоюзов, 8-часового рабочего дня, страхования.

Кадеты выступали как оппозиционная партия. Они обращались к народу за поддержкой, говоря, что их партия бесклассовая и что они борются за общее благо. «Либеральная буржуазия,— указывал В. И. Ленин,— идет к народу. Это верно. Она вынуждена идти к нему, ибо без него она бессильна бороться с самодержавием. Но она боится революционного народа и идет к нему не как представительница его интересов, не как новый пламенный боевой товарищ, а как торгаш, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой»[2].

После поражения первой русской революции кадеты от многого отреклись. Они требовали захвата у Турции проливов и новых земель у соседних государств. П. Н. Милюков, выступая в начале первой мировой войны в Государственной думе, говорил, что «в этой войне все наше прошлое и все наше будущее, и этим, я думаю, все сказано»[3].

Когда во время войны царское правительство обанкротилось и стала назревать народная революция, партия российской буржуазии вынуждена была, спасая себя, выступить против самодержавия. Она испугалась, что царь заключит с немцами сепаратный мир. Милюков 1 ноября 1916 г. произнес в Думе нашумевшую речь. Каждую фразу, направленную с обвинениями в адрес правительства, он заканчивал словами: «Что это — глупость или измена?» Кадеты считали, что выход в новом правительстве, в замене одного царя другим.

---

[1] «Конституционно-демократическая партия. Съезд 12—18 октября 1905 г.» СПб., 1905, стр. 9.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 156.

[3] См. *В. Стальный.* Указ. соч., стр. 39.

Февральская революция по-другому все решила. Перестроившись, кадеты вошли в буржуазное Временное правительство. Из десяти министров-капиталистов четыре были членами их партии. Милюков возглавил министерство иностранных дел.

После Февральской революции кадетам ничего не оставалось, как выбросить первую часть названия партии и объявить себя республиканцами. Они стали именоваться «Партия народной свободы». Но старое название «кадеты» *за ними так и осталось*[1].

Новая обстановка заставила кадетов внести некоторые поправки к программе, в частности по аграрному вопросу. В новой редакции программы говорилось: «Земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению»[2]. Далее объяснялось, что для проведения аграрной реформы земельный фонд образуется из бывших удельных, кабинетских, а также принудительно отчуждаемых монастырских и частновладельческих земель, если последние имеются сверх трудовой нормы. Отчуждению не подлежали имения с усадьбами и садами, земли под фабриками, заводами, а также земли, принадлежавшие городам, обществам, земствам, *учреждениям* и т. д. «*Принудительное отчуждение* частновладельческих земель,— подчеркивалось в программе,— производится путем выкупа их государством»[3]. Поскольку большинство помещичьих земель было заложено в банках, то деньги надлежало платить и помещикам и банкам.

Крестьяне вместе с государством должны были заплатить деньги за полученные земли. Кадеты подсчитали, что выкупные платежи составят 6—7 млрд. руб. О бедняках, которые не могли выкупить землю, в программе партии

---

[1] Небезынтересно отметить, что кадеты уже третий раз меняли в своей программе пункт, определявший форму правления страной. При образовании партии он гласил, что Россия должна стать парламентарным государством. После поражения первой русской революции, когда власть царя окрепла, в этом параграфе появились слова «парламентарная монархия». В 1917 г. кадеты вернулись к старому. Но и на этом дело не кончилось. После Октябрьской революции ЦК кадетской партии под давлением своего правого крыла ставил вопрос о форме правления, но мнения разделились и в программе осталась формулировка о парламентарной республике.

[2] «Резолюция VIII делегатского съезда партии народной свободы (9—12 мая 1917 г. в Петрограде)». Пг., 1917, стр. 6.

[3] Там же, стр. 11.

«народной свободы» ничего не говорилось. Не трудно заметить, что, несмотря на взятый напрокат у эсеров модный в то время термин «трудовая норма», решение земельного вопроса было направлено прежде всего на удовлетворение нужд деревенской буржуазии.

Ни на одном из съездов, состоявшихся в 1917 г., кадеты не указали численности своей партии. Даже на областных и губернских конференциях они называли только количество членов партии в отдельных организациях[1]. Правда, они регулярно сообщали в печати адреса своих местных организаций. Их насчитывалось около 600, но это еще мало о чем говорило. Видимо, численность партии «народной свободы» никогда не превышала нескольких десятков тысяч человек. Зато кадеты выбрали ЦК из 66 человек[2]. Такого большого ЦК не имела ни одна партия в России.

Социальный состав партии виден из следующего примера. В Кунгурский комитет входили три фабриканта, врач, следователь, два лесничих и офицер. В ЦК имелись три князя, барон, графиня, около двух десятков крупнейших промышленников, банкиров, торговцев, помещиков. Остальные — буржуазные специалисты: академики, профессора, инженеры и т. д.

Начиная с лета 1917 г. влияние и численность кадетов стали катастрофически падать. Слово «кадет» среди широких масс народа все больше превращалось в синоним «враг революции». Представитель тульских кадетов в июне 1917 г. говорил на одном из совещаний: «Не было никакой возможности выступать на митингах: при одном названии «кадет» поднимался неимоверный шум». В конце лета в Астрахани толпа прогнала с площади попа, распространявшего листовки со списками партии «народной свободы» по выборам в Учредительное собрание. В Канске кадеты закрыли местное бюро, боясь нападения на него горожан. В Уфе солдаты до смерти избили кадета адвоката Иткина[3].

Эсеры и меньшевики всеми силами тащили кадетов в правительство, а народ по всякому поводу бил их только за то, что они кадеты.

---

[1] В июне—июле 1917 г. в кадетской организации Онеги числилось 17 человек, Луги —75, Ямбурга —50 человек (см. «Вестник партии народной свободы» № 11—13, 10 августа 1917 г., стр. 25—27).

[2] См. приложение, стр. 434.

[3] «Вестник партии народной свободы» № 14—16, 31 августа 1917 г., стр. 41.

Партия «народной свободы» была в 1917 г. самой контрреволюционной из всех крупных легально существовавших партий. Недаром член ЦК кадетов М. М. Винавер летом говорил: «Справа от нас никаких групп нет»[1]. Монархистов он опустил, ибо они редко выступали открыто.

Монархисты «действуют тайком и осторожно, боясь народа»[2],— писал весной 1917 г. В. И. Ленин.

Сторонники восстановления в России царизма (реакционные помещики и наиболее отсталые слои буржуазии) не имели партии в полном значении этого слова (были определенные политические группировки, стоявшие на самом правом фланге политического фронта)[3].

В центре находились мелкобуржуазные партии. Самой многочисленной из них была партия социалистов-революционеров (П. С.-Р.) — эсеров. Она образовалась в конце 1901 г. в результате объединения существовавших в России «Союза социалистов-революционеров» и «Партии социалистов-революционеров»[4]. Эсеры считали себя продолжателями народников; как и последние, они прежде всего объединяли радикальную интеллигенцию.

Социалисты-революционеры пытались проводить особую «надклассовую» политику, объединить всех «трудовых» людей: интеллигенцию, крестьян, рабочих, кустарей. Такая политика привела к тому, что эсеры стали типичными выразителями интересов мелкой буржуазии. Промежуточное положение этого класса в производстве, его экономическая неустойчивость и вытекавшие отсюда колебания

---

[1] «Речь», 25 июля 1917 г. Эти слова были сказаны на IX съезде партии «народной свободы», проходившем в Москве и Петрограде с 23 по 28 июля 1917 г. Последний съезд кадетов (X) состоялся 14—16 октября 1917 г. в Москве.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 196.

[3] Среди них были организации «Святая Русь» (бывший «Союз русского народа»), «Союз земельных собственников» (во главе его стояли Н. Н. Львов, В. И. Гурко, кн. А. А. Кропоткин) и др.

На правом фланге находились также «Национально-демократическая республиканская партия» (создана из партии октябристов, во главе ее стояли А. И. Гучков, М. В. Родзянко, Н. В. Савич), «Республиканско-демократическая партия» (лидерами ее были И. И. Дмитрюков, Ю. П. Гессен, Э. Д. Гримм, А. И. Путилов), «Радикально-демократическая партия» (образовалась из членов партии прогрессистов, во главе ее стояли И. Н. Ефремов, А. А. Барышников, Д. Н. Рузский). Все эти партии и группы прекратили свое существование в 1917 — начале 1918 г.

[4] В партию вошли также имевшиеся за границей союзы и группы.

в общественной жизни определили политику и поведение партии эсеров. Социалисты-революционеры не могли выработать стройной и цельной теории. Они взяли обрывки народнических учений Чернышевского и Лаврова, кое-что заимствовали у анархиста Бакунина, у модных в то время философов-идеалистов Запада и даже отдельные положения у Маркса. На основе этого они выработали программу, являвшуюся на редкость туманной и эклектичной из всех программ мелкобуржуазных социалистических партий[1]. В. И. Ленин определил ее как «революционный авантюризм».

Эсеры рассматривали себя «как один из отрядов армии международного социализма». В их программе[2] говорилось о классовой борьбе, но классы и классовую борьбу они понимали иначе, чем марксисты. У них пролетариат и трудящиеся крестьяне составляли единый рабочий класс.

Хотя эсеры заявляли, что их партия объединяет всех трудящихся, но рассматривали себя прежде всего как крестьянскую партию. Они считали, что носителями социалистических и революционных идей прежде всего являются крестьяне, что новый аграрный строй в России должен опираться «на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы русского крестьянства». Эсеры не видели, что сельская община давно изжила себя, что в деревне проходил глубокий процесс дифференциации крестьянства.

Одним из основных пунктов программы был земельный вопрос. Эсеры проповедовали «социализацию земли»,

---

[1] Программа и устав партии социалистов-революционеров были приняты на I съезде партии, состоявшемся 29 декабря 1905 — 4 января 1906 г.

[2] В основе программы партии социалистов-революционеров лежали следующие положения. Современный общественный строй, основанный на эксплуатации человека человеком, вызывает движение трудящихся против всех форм угнетения и неравенства. Находясь во главе этого международного движения, социалистические партии ведут повсеместную борьбу за демократизацию политического строя и широкие социальные реформы, облегчающие рост сознания и организованности трудящихся и их продвижение к конечной цели — уничтожению частной собственности и планомерной организации общества на началах всечеловеческой солидарности, всеобщего труда на всеобщую пользу и всестороннего, гармонического развития личности. В борьбе за эту конечную цель социалисты-революционеры опираются на общинный дух трудового крестьянства, классовые организации рабочих и социалистическое мировоззрение трудовой интеллигенции.

которая предусматривала: отобрание земли у помещиков, монастырей, уделов без выкупа; объявление ее общенародной собственностью; уравнительный раздел земли между крестьянами; предоставление каждому человеку права пользования землей; запрещение наемного труда в сельском хозяйстве; передачу земли в руки сельской общины, а не государства.

Большевики резко критиковали аграрную программу социалистов-революционеров. «Социализация земли» с ее уравнительным землепользованием помогала ликвидировать помещичье землевладение и другие остатки крепостничества, но не в состоянии была искоренить капитализм в деревне.

Уравнительное землепользование, указывал В. И. Ленин, «из рамок капитализма выскочить не может, наемного рабства не уничтожит, но *средневековье* смести с лица русской земли *может*»[1]. Социалисты-революционеры же считали, что выполнение их аграрной программы при наличии буржуазного государства приведет к установлению социализма в деревне. Конечно, это была утопия, ибо конфискация помещичьих земель и уравнительное распределение их сами по себе никогда не являлись социалистическими мерами. Они не уничтожали ни классовой борьбы в деревне, ни дальнейшей дифференциации крестьянства и появления капиталистических элементов на селе. Не может быть никакого уравнительного пользования землей, пока существует власть капитала. Однако именно эта часть программы привлекла к эсерам большинство крестьян и некоторую часть рабочих, которые имели связь с деревней.

Социалисты-революционеры затушевывали классовый раскол в крестьянстве. На словах они часто выступали против «кулаков-мироедов», а фактически опирались на «крепкого мужика».

В области государственного устройства эсеры стояли за буржуазную парламентскую республику. «Партия с.-р.,— говорилось в программе,— ведя непосредственную революционную борьбу с самодержавием, агитирует за созыв Учредительного собрания на указанных выше демократических началах для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков в духе установ-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 285.

ления свободного народного правления, необходимых личных свобод и защиты интересов труда»[1].

Таким образом, программа партии социалистов-революционеров содержала мелкобуржуазно-социалистические утопические требования. Про эсеров говорили, что их социализм не был революционным, а революционность не связана с социализмом.

Эсеры, будучи идеалистами, считали, что ход исторического развития определяется не экономическими факторами, хотя они и придавали некоторое значение экономике, а прежде всего развитием идей (взглядов, учений, просвещения и т. д.). Они утверждали, что передовые, образованные люди с революционными идеями играют в истории решающую роль. Эти «герои», являясь представителями «социалистической интеллигенции», как говорилось в программе эсеровской партии, своими действиями могли изменить ход истории, например убив того или иного политического деятеля. Поэтому эсеры основным средством борьбы считали террор.

Действия таких видных террористов, как Егор Сазонов, убивший царского министра внутренних дел Плеве (1904 г.), Иван Каляев, взорвавший в Кремле (1905 г.) дядю царя великого князя Сергея Александровича, а также террористические акты других эсеров-боевиков создали партии социалистов-революционеров известную славу.

Партия эсеров являлась помехой на пути развития рабочего класса, засоряла его классовое сознание, сбивала с правильного пути. В. И. Ленин писал в 1902 г.: «Социал-революционаризм есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну»[2].

Большевики разоблачали эсеров как противников марксизма и диктатуры пролетариата, выступали против их волюнтаризма, выражавшегося в отрицании «строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношения перед всяким политическим действием»[3], против применения ими террора.

---

[1] «Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров». СПб., 1906, стр. 287.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 374.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 15.

Поражение революции 1905 г. и начавшаяся затем реакция сильно отразились на состоянии всех партий. Но ни одна из них не переживала такого разложения, как эсеровская.

Уже на I съезде в партии возникли разные течения. Правые требовали отказаться от террора, от аграрной программы. Они возражали даже против слова «революционер». В 1906 г. они создали свою легальную партию народных социалистов (н.-с. — энэсов), во многом смыкавшуюся с кадетами. Лидером ее стал А. В. Пешехонов[1].

В том же году из эсеровской партии вышли представители левого крыла, образовав «Союз социалистов-революционеров максималистов», или просто эсеров-максималистов. В резолюции конференции максималистов, состоявшейся в 1906 г., говорилось, что союз «ставит своей практической задачей немедленный социальный переворот. Под социальным переворотом мы подразумеваем переворот и в городе и в деревне одновременно, причем в индустрии происходит социализация производства, а в земледелии — социализация земли»[2]. Эсеры-максималисты признавали только «прямые действия»: террор, вооруженное восстание, захват, акты экспроприации — и отрицали парламентскую борьбу с участием в каких-либо правительственных учреждениях. Их методы походили на анархистские. Интересно заметить, что ЦК партии социалистов-революционеров длительное время терпимо относился к «народным социалистам», но сразу же объявил решительную войну максималистам.

Максималисты никакой работы в массах не вели. Они оказались совершенно оторванными от народа и превратились в узкую организацию террористов-экспроприаторов[3].

---

[1] Наиболее видными деятелями партии после Пешехонова были В. А. Анисимов, В. А. Мякотин, Н. П. Огановский. В июне 1917 г. на I съезде с «народными социалистами» объединилась трудовая группа, образованная еще в I Государственной думе (1906 г.), во главе с В. В. Водовозовым и Н. В. Чайковским. Объединенная организация стала называться «Трудовая народно-социалистическая партия». Девизом ее были слова: «Все для народа, все через народ».

[2] *С. Черномордик.* Указ. соч., стр. 34.

[3] Нашумевшими акциями максималистов были покушение (неудачное) на председателя Совета Министров П. А. Столыпина (12 августа 1906 г. была взорвана его дача под Петроградом) и ограбление казначея портовой таможни в Фонарном переулке в Петрограде (14 октября 1906 г.): было взято около 7 млн. руб.

В 1908 г. в партии эсеров произошел грандиозный скандал. Руководитель боевой организации эсеров и член ЦК инженер Евно Азеф оказался провокатором. Он действовал по указанию Департамента полиции. Для партии это был сокрушительный удар. Эсеровская газета «Знамя труда» в начале 1909 г. признавала, что члены организации «склонны видеть в происшедшем полный моральный и организационный кризис партии»[1]. Авторитет эсеров катастрофически упал. В 1914 г. партия эсеров стала разваливаться[2]. К 1917 г. партия, по заявлению активного деятеля эсеров Н. В. Святицкого, была «немногочисленной разрозненной группкой-организацией, гонимой и преследуемой, даже у своих друзей вызывавшей сомнение в ее жизнеспособности, в жизненности ее программы, считавшейся «утопической»»[3].

После Февральской революции партия социалистов-революционеров совершенно неожиданно даже для самих эсеров не только воскресла, но и невероятно разбухла. Мелкобуржуазная стихия охватила массы людей, создала самую благоприятную почву для эсеров. К ним повалили крестьяне, служащие, чиновники, учителя, офицеры, учащиеся, кустари. Вступила и часть рабочих. Этому способствовали окруженная романтикой история этой партии, красивые слова на ее фасаде: «Земля и воля», «В борьбе обретешь ты право свое». Летом 1917 г. партия социалистов-революционеров насчитывала примерно 400 тыс. человек и была самой многочисленной в России[4].

В. И. Ленин в работе «Политические партии в России и задачи пролетариата», написанной в апреле 1917 г., указывал, что эсеры (и меньшевики) выражают интересы «мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии,

---

[1] «Знамя труда», 15 февраля 1909 г.

[2] После начала империалистической войны среди эсеров, как и во всех других мелкобуржуазных социалистических партиях, образовались разные течения. Большинство стояло за оборончество, некоторые заняли центристскую позицию, особо выделились интернационалистические элементы.

[3] «Год русской революции (1917—1918 гг.)». Сборник статей. М., 1918, стр. 112.

[4] Подсчитано автором (см. «Партийные известия», 1917 г. и 1918 г.). Сами эсеры не сообщали численности всей партии, но в своей партийной печати публиковали сведения о губернских организациях, правда неточные и противоречивые. Поэтому цифра 400 тыс. является приблизительной.

а также части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих»[1].

Успех вскружил голову многим эсерам. А. Ф. Керенский в конце мая 1917 г. на III съезде партии говорил: «И теперь, когда торжествует русская революция, мы видим, что все, что считалось утопизмом и ошибками нашей партии, именно это дало победу русской революции»[2]. Но более трезвые политики уже тогда задумывались над положением партии. Лидер эсеров В. М. Чернов на том же съезде с тревогой спрашивал: «...оказавшись на той высоте, на которую мы вознесены, поднявшись на самый гребень исторической волны, окажется ли наша партия на высоте событий, на высоте той волны, к которой ее влечет история?»[3]

Участь эсеров, а вместе с ними и меньшевиков решилась в период, получивший в истории название «керенщина». В лице премьер-министра эсера Керенского, бесхребетного фразера, без твердой политической линии, типичного представителя мелкой буржуазии, соглашателя, наиболее ярко проявилась суть эсеровской партии. Именно в этот период социалисты-революционеры растеряли большую часть приобретенного политического багажа. Сбылись слова Фридриха Энгельса: «Мелкая буржуазия, великая в хвастовстве, совершенно не способна к действию и трусливо избегает рисковать чем бы то ни было. Мелочная природа ее торговых сделок и кредитных операций как нельзя более способна наложить отпечаток на весь ее характер, лишая его энергии и предприимчивости; поэтому следовало ожидать, что такими же свойствами будет отличаться и ее политическая деятельность»[4].

Эсеры, имея вместе с меньшевиками большинство в правительстве и Советах, отказались выполнить главный пункт своей программы — передачу земли крестьянам, откладывая решение земельного вопроса до Учредительного собрания. Между тем именно лозунг «социализации земли» дал эсерам большинство в народе. Мало того, когда летом и осенью 1917 г. крестьяне в широких масштабах

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 195.

[2] «Третий съезд партии социалистов-революционеров». Пг., 1917, стр. 104—105. Съезд проходил в Петрограде с 25 мая по 4 июня 1917 г.

[3] Там же, стр. 65. В источнике «на высоте той воли».

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 105.

стали самовольно захватывать помещичьи земли, то есть начали явочным порядком осуществлять эсеровскую программу, министры-эсеры Керенский и Авксентьев послали на их усмирение войска. Между тем было ясно, что от решения аграрного вопроса будет зависеть судьба партии. Недаром один из ее лидеров, Н. Я. Быховский, на III съезде говорил: «Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка»[1].

Эсеры отрицательно отнеслись и к самому животрепещущему вопросу того времени — о мире. Они стояли за продолжение ненавистной народу войны.

Что касается тех рабочих, которые после февраля пошли за социалистами-революционерами, то к октябрю многие из них на собственном опыте убедились в антинародной политике буржуазного Временного правительства и стали выходить из партии.

Приближавшийся крах партии, отразивший кризис буржуазно-демократической революции и полевение масс, привел к тому, что некоторые эсеры все резче стали возражать против явно оппортунистической, соглашательской политики своего руководства. В партии образовалось течение левых эсеров, которые выступили против империалистической войны, коалиции с буржуазией, требовали немедленного созыва Учредительного собрания и передачи крестьянам земли. На III съезде оппозиция резко критиковала линию ЦК, но оставалась в меньшинстве. В начале июля 1917 г. она опубликовала заявление, в котором говорила, что не согласна «подчиниться указаниям руководящего большинства» и отныне решает «сохранить за собой полную свободу выступлений». Дальнейшее развитие событий привело к кризису в партии, к отколу от нее левых эсеров.

Не меньший разброд наблюдался и в партии «народных социалистов». В сентябре 1917 г. в Москве состоялся II съезд представителей этой партии. А. В. Пешехонов повторил почти все лозунги кадетов, но, зная о большой непопулярности этой партии, заявил, что они не пойдут с кадетами, что их дорога идет параллельно с эсерами и меньшевиками.

Второй по численности мелкобуржуазной партией были меньшевики.

---

[1] «Третий съезд партии социалистов-революционеров», стр. 258.

Они в отличие от эсеров, выступавших от имени всех трудящихся, считали себя партией рабочих и формально придерживались марксизма. Но их «марксизм» представлял собой, с одной стороны, собрание закостенелых догм, с другой — ревизионизм. «Меньшевистский марксизм есть марксизм, перекраиваемый на мерку буржуазного либерализма»[1],— писал В. И. Ленин.

Меньшевики в России представляли собой один из отрядов международного оппортунизма в рабочем движении. В начале XX в. почти в каждой стране, где имелся рабочий класс и его партии, существовали меньшевики (под разным названием). Они и подобные им партии II Интернационала стали проводниками буржуазного влияния на рабочий класс, превратившись на деле в агентуру буржуазии.

Меньшевики, так же как и эсеры, после Февральской революции с готовностью передали бразды правления буржуазии. Они больше всего на свете боялись сами взять власть. «Повсюду, где вооруженное столкновение приводило к серьезному кризису,— писал Энгельс,— мелких буржуа охватывал величайший ужас перед создавшимся для них опасным положением: ужас перед народом, который всерьез принял их хвастливый призыв к оружию, ужас перед властью, которая теперь попала им в руки, и прежде всего ужас перед последствиями той политики, в которую им пришлось ввязаться,— последствиями как лично для них самих, так и для их общественного положения и для их собственности»[2]. Эти слова Энгельс адресовал к немецкой мелкой буржуазии. Но они в значительной мере применимы и к России. Они характеризуют поведение мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров в 1917 г., представлявших собой типичные социал-реформистские партии, идеалом которых была буржуазная парламентская республика.

Чтобы подсчитать свои силы и выработать линию поведения в новых условиях, меньшевики в мае 1917 г. собрали Общероссийскую конференцию РСДРП (меньшевистских и объединенных организаций). На ней присутствовали делегаты от 28 меньшевистских и 27 объединенных организаций, представлявших около 45 тыс. человек, но самих

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 378.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 105.

меньшевиков было значительно меньше, ибо в объединенных организациях состояли и большевики[1]. В резолюциях конференции оправдывалась коалиция меньшевиков с буржуазией, вступление их в буржуазное Временное правительство, отказ от передачи власти Советам, поддержка продолжавшейся войны[2].

В июле 1917 г. меньшевики (вместе с эсерами), поддержав буржуазное Временное правительство, расстрелявшее демонстрацию рабочих и солдат в Петрограде, окончательно скатились в лагерь контрреволюции. В травле большевиков, которая неимоверно усилилась после июльских событий, меньшевики занимали одно из первых мест. Чего только они не приписывали коммунистам: и бланкизм, и терроризм, и погромную агитацию. Оргкомитет РСДРП 11 июля 1917 г. в обращении ко всем членам партии призвал везде и всегда бороться с коммунистами, указывая, что «успешную борьбу с ленинизмом может вести только социал-демократия»[3].

После июльских событий у меньшевиков, как и у эсеров, усилилось левое крыло, представители которого называли себя интернационалистами и по целому ряду вопросов выступали против руководства партии. Разброд и шатания в партии меньшевиков ярко проявились на так называемом Объединительном съезде РСДРП, состоявшемся в Петрограде во второй половине августа 1917 г. На съезде собрались почти все течения и группы меньшевизма и те, кто им сочувствовал[4]. Присутствовали 222 делегата от 146 организаций, представлявших 193 172 члена партии[5].

На съезде боролись две основные группы: оборонцы (правое крыло) и интернационалисты (левое крыло). Объединения не удалось достигнуть. Меньшевики, группи-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

[2] См. «Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП». Пг., 1917, стр. 35—55. Конференция проходила в Петрограде 7—11 мая 1917 г.

[3] «Рабочая газета», 11 июля 1917 г. До августа 1917 г. у меньшевиков не было ЦК. Его роль выполнял Оргкомитет.

[4] На «Объединительном съезде» не было плехановской группы «Единство».

[5] «Постановления Объединительного съезда Российской социал-демократической рабочей партии (18—26 августа 1917 г.)». Рязань, 1917, стр. 8. Численность партии меньшевиков, по всей вероятности, завышена. После съезда меньшевики стали именовать свою партию «Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная)». На съезде был выбран Центральный Комитет.

ровавшиеся вокруг газеты «Новая жизнь» (новожизненцы), заявили, что не согласны со многими решениями съезда и оставляют за собой право критиковать ЦК и «мобилизовать партийные массы в целях воздействия на центральное учреждение». Вскоре после съезда из партии вышла небольшая группа во главе с Ю. Лариным и вступила в большевистскую партию.

С конца лета 1917 г. численность меньшевистской партии и влияние ее в массах стали сильно падать. Секретарь Московской губернской организации меньшевиков сообщал в ЦК своей партии осенью 1917 г.: «Число членов, подсчитанное на 1-й губернской конференции 7—8 августа (около 3000), катастрофически падало за август и начало сентября»[1]. Далее говорилось, что к середине ноября 1917 г. в губернской организации состояло около 1400 человек. Такое же положение наблюдалось и в большинстве других губерний. Таким образом, еще задолго до Октябрьской революции началось усиленное бегство из партии. Это было свидетельством глубокого кризиса меньшевизма.

Одним из малочисленных и слабоорганизованных отрядов мелкобуржуазных социалистов в России были анархисты.

Все анархисты независимо от их направлений являются противниками всякой государственной власти, всякого организованного насилия, противниками политической борьбы и любой организации (партии и т. д.)

«Мы видим в нем учреждение,— писал о государстве теоретик анархизма Петр Кропоткин,— которое в течение всей истории человеческих обществ служило для того, чтобы мешать всякому союзу людей между собой, чтобы препятствовать развитию местного почина, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых. И мы знаем, что учреждение, которое прожило уже несколько столетий и прочно сложилось в известную форму ради того, чтобы выполнить известную роль в истории, не может быть приноровлено к роли противоположной»[2].

Анархисты отрицательно относились и к пролетарскому государству. Идеолог анархизма Бакунин считал, что если рабочие войдут в правительство, то они скоро из социалистов превратятся в аристократов и угнетателей.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 33, л. 3.

[2] *П. Кропоткин.* Государство и его роль в истории. М., 1917, стр. 58.

Анархисты проповедовали «безгосударственный» социализм, который якобы установится сразу после революции и при котором не будет никакого принуждения. Революция же, по их утверждению, произойдет не в результате определенных экономических предпосылок, а по воле народа, овладевшего идеями анархизма.

Будущее устройство общества они представляли как совокупность автономных коммун, основанных на свободном соглашении, коллективном труде и коллективной собственности. Эти коммуны общностью интересов соединялись в нации, а нации — в человечество. Конечной целью являлось образование всемирного союза вольных общин.

Анархизм — идеология по преимуществу таких слоев мелкой буржуазии, которых жизнь выбила из колеи: разорившихся кустарей, ремесленников, крестьян, деклассированной интеллигенции, а также безработных и люмпен-пролетариата.

Разорившиеся мелкие буржуа и деклассированные элементы склонны к анархизму потому, что, потеряв средства к существованию, они стремятся прежде всего приобщиться к распределению продуктов производства. Анархисты всем обещают, что начнут осуществлять равенство с распределения материальных благ.

Однако за анархистами могут идти в определенных условиях и зажиточные крестьяне, и кулаки. Гражданская война в России дала тому немало примеров. Богатые крестьяне выступали под знаменем анархизма в Сибири и особенно на Украине. Для них анархизм был средством борьбы с пролетарским государством, с его хлебной монополией, продразверсткой и т. д.

Анархизм, развиваясь, как правило, в отсталых странах, со слаборазвитой промышленностью, наиболее пышно расцветает в периоды больших кризисов, во время войн и революций, сильных социально-экономических потрясений и резких поворотов в истории.

Возникновение анархических групп в России относится ко времени кризиса, предшествовавшего революции 1905—1907 гг., и к периоду самой революции. В то время анархисты совсем затерялись в народных массах, выступивших против самодержавия, и не оказали почти никакого влияния на ход борьбы. Они считали, что главной причиной неудачи первой русской революции, как и всех остальных, была «неспособность во время движения совершить мас-

совую экспроприацию, захват всех продуктов потребления в пользу народа»[1].

В 1906—1908 гг. анархисты в России были повсюду разгромлены. Одних казнили, других сослали на каторгу или посадили в тюрьму. Оставшиеся в живых активисты перебрались за границу.

После февраля 1917 г. уцелевшие анархисты вновь съехались в Россию. Прибыл и Петр Кропоткин, проведший в эмиграции 40 лет. Вернулись ссыльные. Они составили два основных направления в русском анархизме, появившиеся еще в революцию 1905 г.: анархистов-коммунистов и анархистов-синдикалистов. Первое было более многочисленным. Анархисты создали свои группы и объединения в крупных городах России, прежде всего в Петрограде и Москве, и заявили о своих взглядах и тактике[2].

Они решительно высказались против Временного правительства и империалистической войны, призывали к захвату рабочими фабрик, заводов, крестьянами — помещичьих земель, резко критиковали меньшевиков и эсеров.

Тактика анархистов предусматривала прямые действия против государства и буржуазии: стачки, массовые выступления, захваты, индивидуальный террор, заговор, восстания. Противники власти отрицали политическую и парламентскую борьбу. Они участвовали в Советах, но рассматривали их только как массовые организации трудящихся для разрушения старого мира, не признавая их как органы власти. Анархисты-коммунисты центр тяжести переносили на «пропаганду действием», а анархисты-синдикалисты — на создание беспартийных союзов.

Большевики никогда не прекращали идеологической борьбы против сторонников безвластия, как и всех других отрядов мелкобуржуазных социалистов. Так было и в 1917 г. Коммунисты резко критиковали тактику анархистов. «...У анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния*,— указывал В. И. Ленин,— а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами»[3].

---

[1] «Альманах». Сборник по истории анархического движения в России, т. I. Париж, 1909, стр. 54.

[2] См. «Манифест анархистов-коммунистов». Красноярск, 1917; *Новомирский*. Манифест анархистов-коммунистов. М., 1917.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 117.

Однако отношение коммунистов к анархистам было другим, чем к эсерам и меньшевикам. По многим главным вопросам политической борьбы у анархистов и большевиков на определенном этапе революции имелось много точек соприкосновения. В борьбе с буржуазным Временным правительством и капиталистами анархисты являлись попутчиками большевиков. Недаром на всех демонстрациях, в которых принимали участие коммунисты, можно было видеть и черные знамена анархистов со словами: «Долой власть и капитал!», «Анархия — мать порядка!»

Сторонники безвластия, вспомнив старые времена, в 1917 г. занялись экспроприацией. Особенно нашумели тогда захват ими в Петрограде типографии и редакции газеты «Русская воля» и дачи бывшего царского министра П. Н. Дурново.

Анархисты сделали попытку произвести смотр своим силам во всероссийском масштабе и обсудить некоторые общие вопросы движения. Для этого они в июле 1917 г. собрались в Харькове на первую легальную конференцию. В ней участвовали представители анархистских групп и федераций 17 городов[1]. Но и в 1917 г. они не имели большого влияния в народе.

Характерным для всех мелкобуржуазных партий являлось отсутствие единства во взглядах и действиях среди руководителей и среди рядовых членов. Мало того, в них постоянно существовали течения и группировки, соперничавшие между собой. Это было отражением разнородности классового состава партий.

Среди меньшевиков, эсеров, анархистов не было внутренней дисциплины, спайки. Поэтому в организационном отношении их партии были слабыми, аморфными. Это были не армии бойцов, а скорее массы сочувствующих мелкобуржуазным демократам людей, не подготовленных к большим классовым боям.

Так в общих чертах выглядели к Октябрьской революции партии, представлявшие классы и социальные слои русского населения. Наряду с ними на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Закавказье, Средней Азии и других местах существовали различные буржуазные и мелкобуржуазные националистические партии. Несмотря на разли-

[1] См. «Анархия», 18 сентября 1917 г. Конференция проходила с 18 по 22 июля.

чия между русскими и этими партиями, у них имелось большое сходство. Буржуазные националисты смыкались с кадетами, мелкобуржуазные националисты — с эсерами и меньшевиками.

II. О ЧЕМ ГОВОРЯТ ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Владимир Ильич Ленин при анализе причин победы Октябрьской революции, расстановки классовых сил в стране и обосновании коренных задач диктатуры пролетариата широко использовал данные выборов в Учредительное собрание, хотя они были недостаточно полными[1]. В то время имелись сведения по 54 избирательным округам из 79 с числом избирателей 36 262 560 человек. Сейчас имеются данные по 65 округам с числом избирателей 44 433 309 человек[2].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 1—24 («Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»). В этой работе В. И. Ленин использовал материалы эсера Н. В. Святицкого «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание (предисловие)», опубликованные в сборнике статей «Год русской революции (1917—1918 гг.)». М., 1918.

Выборы состоялись в ноябре 1917 г., когда в большинстве уездных городов Советской власти еще не существовало. Важнейшие декреты ее еще не были известны значительной части населения. Во многих местах они умышленно искажались существовавшими старыми органами власти.

[2] Более полные сведения о выборах в Учредительное собрание взяты из архива сектора истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф. 3, оп. 1, п. 30, ед. хр. 2). В число новых 11 округов вошли: 1. Донская обл., 2. Закавказье, 3. Калужская губ., 4. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), 5. Олонецкая губ., 6. Оренбургская губ., 7. Семиреченский округ, 8. Ставропольская губ., 9. Уральская обл., 10. Эстляндская губ., 11. Балтийский флот. Имеются также неполные данные по Степному округу (по г. Омску Акмолинской обл., г. Семипалатинску Семипалатинской обл.) и Кубано-Черноморскому округу (по г. Екатеринодару), но они в число 44 433 309 не вошли. Эти сведения частично использовал и опубликовал Е. Н. Городецкий в монографии «Рождение Советского государства. 1917—1918 гг.» (М., 1965, стр. 437—441). Автор указанной работы ошибочно говорит о 67 округах. Цифра 44 433 309 избирателей отражает данные только 65 округов. Вызывает недоумение также тот факт, что Е. Н. Городецкий, назвав новую цифру избирателей, распределение голосов по партиям в процентах дает на основании не новых, а старых данных по выборам в Учредительное собрание. См. приложение, табл. № 1.

Из 44 433 309 избирателей за русских эсеров голосовало 17 942 974 человека, что составляло 40,4% всех голосов[1]. Большевики получили 10 661 130 голосов, или 24%; кадеты — 2 088 121, или 4,7%; меньшевики — 1 144 615, или 2,7%[2]. Остальные голоса были поданы за националистические мелкобуржуазные и буржуазные партии и разные группы.

Распределение голосов по трем основным группам партий дает следующую картину.

На первом месте стояли мелкобуржуазные партии. Они в общей сложности получили 26 473 455 голосов (59,6%). Далее шла партия пролетариата (24%). На третьем месте были партии и группы буржуазии и помещиков[3]. Им отдали голоса 7 298 724 человека (16,4%).

Таким образом, формально за большевиков голосовал только один избиратель из четырех.

«Как же могло произойти такое чудо, как победа большевиков, имевших 1/4 голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими 3/4 голосов?»[4] — спрашивает В. И. Ленин.

На этот вопрос В. И. Ленин дает такой ответ. Коммунисты победили потому, что за ними шло огромное большинство пролетариата. Во всех важнейших промышленных центрах рабочие отдали свои голоса большевикам. В Петрограде и Москве из 1 675 тыс. голосов коммунисты получили 794 тыс. (47%), кадеты — 512 тыс. (31%), эсеры — 220 тыс. (13%), меньшевики — 51 тыс. (3%). В Центрально-Промышленном районе за коммунистов голосовало 46% избирателей, за эсеров — 38, за кадетов — менее 10%. Здесь не только рабочие, но и многие крестьяне отдали свои голоса большевикам.

---

[1] В подавляющем большинстве округов эсеры (правые, центра и левые) выступали с одним списком. Левые эсеры отдельно баллотировались на выборах только по 5—6 губерниям. Объясняется это тем, что списки по выборам в Учредительное собрание были составлены до формального отделения левых эсеров.

[2] По данным Святицкого, за эсеров голосовало 45,4%, за большевиков — 25, за кадетов — 5,1, за меньшевиков — 1,9%.

[3] В эту группу В. И. Ленин кроме кадетов относил «Союз земельных собственников и землевладельцев», «правые группы», старообрядцев, буржуазных националистов (мусульманских, еврейских, латышских, казаков и т. д.), «списки разных групп и организаций».

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 4.

За коммунистами шла почти половина армии. А если взять важнейшие Северный и Западный фронты и Балтийский флот, то там из 1 870 тыс. голосов большевики получили 1 200 тыс. (64%).

Поддерживаемые подавляющим большинством пролетариата и почти половиной армии, коммунисты в то же время располагали огромным перевесом сил в решающий момент в главных пунктах: в столицах, в центральных губерниях и на фронтах, близких к центру.

«В решающий момент в решающем пункте,— писал В. И. Ленин,— иметь подавляющий перевес сил — этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией»[1].

Важное значение в победе Октябрьской революции, в частности в установлении Советской власти на местах, имело соотношение классовых сил в губернских и областных центрах. Выборы показали, что среди городского населения коммунисты пользовались бóльшим влиянием, чем какая-либо другая партия. За большевиков в городах голосовало 36,5% всех избирателей, за кадетов — 23,9, за эсеров — 14,5, за меньшевиков — 5,8%. Из 68 городов, по которым имеются сведения, коммунисты получили большинство голосов в 32, кадеты — в 15, эсеры — в 8, меньшевики — в 3, националистические партии — в 10 городах[2].

Расстановка классовых и партийных сил в городах станет еще яснее, если проанализировать результаты голосования среди частей гарнизонов. Солдаты были большой силой. Они не только голосовали за ту или иную партию,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 6. На основе выборов в Учредительное собрание, победы Октябрьской революции и опыта гражданской войны В. И. Ленин сделал вывод огромного теоретического и политического значения. Пролетариат не может ставить завоевание им власти в зависимость от того, получит ли он на выборах в буржуазном государстве формальное большинство голосов.

«А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции:— писал В. И. Ленин,—

пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 12).

[2] См. приложение, табл. № 2.

но в случае надобности поддерживали ее штыками. Влияние кадетов среди солдат было совершенно ничтожным. В гарнизонах 49 губернских и областных городов, по которым имеются сведения, за коммунистов голосовало 57% всех солдат, за эсеров — 22, за кадетов — менее 8, за меньшевиков — менее 3, за другие партии — 10%[1].

Мы рассмотрели вопросы о выборах в Учредительное собрание, классовых силах в период Октября в целом, как их ставил и решал Ленин. Фактический материал выборов дает возможность детально проанализировать положение в различных районах России и сделать соответствующие выводы о политических силах, которые там были. Это имеет большое значение для уяснения хода гражданской войны в стране.

Исходя из социально-экономических факторов и специфики исторического развития, территорию Российской Федерации можно разбить на семь больших районов: Северный, Центрально-Промышленный, Средне-Волжский (с Прикамьем), Центрально-Черноземный, Юго-Восточный, Уральский и Сибирский. Каждый из них имеет свои особенности, свое экономическое и политическое лицо[2].

В двух районах из семи — Центрально-Промышленном и Северном — большевики получили значительно больше голосов, чем в среднем по стране. Это не было случайным. Здесь (в Центрально-Промышленном районе и Петрограде) находились основные массы рабочего класса. Но не только пролетариат, а и многие крестьяне, прежде всего бедняки, которых много было в этих двух районах, голосо-

---

[1] См. приложение, табл. № 3.

[2] В Северный район входило 6 губерний: Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская и Псковская; в Центрально-Промышленный — 10: Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская; в Средне-Волжский (с Прикамьем) — 6: Вятская, Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Симбирская; в Центрально-Черноземный — 4: Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская; в Юго-Восточный — 8, из которых сведения по выборам в Учредительное собрание имеются по Донской и Уральской областям, Астраханской и Ставропольской губерниям, по остальным (Кубанской, Терской, Дагестанской областям и Черноморской губернии) отсутствуют; в Уральский — 3: Пермская, Уфимская и Оренбургская; в Сибирский — 11, из которых данные о выборах имеются по Алтайской, Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерниям, Забайкальской области, Приамурскому краю.

	Партия пролетариата (коммунисты)	
	количество голосов	%
По России	10 661 130	24
В том числе по районам:		
Северный	1 151 894	36
Центрально - Промышленный	3 044 371	46
Средне-Волжский (с Прикамьем)	868 458	16
Центрально-Черноземный	754 048	18
Юго-Восточный	258 950	11
Уральский	482 565	16,5
Сибирский	287 232	10

Партии мелкой буржуазии (эсеры, меньшевики и др.)		Партии буржуазии и помещиков (кадеты, буржуазные нацналисты и др.)		Всего	
количество голосов	%	количество голосов	%	количество голосов	%
26 473 455	59,6	7 298 724	16,4	44 433 309	100
1 431 101	45	416 217	19	2 999 212	100
2 679 723	40	892 721	14	6 616 815	100
3 562 992	64,5	974 223	19,5	5 405 673	100
3 144 408	75,5	242 259	6,5	4 140 715	100
897 414	39	1 072 904	50	2 229 268	100
1 444 028	48	986 172	35,5	2 912 765	100
2 203 547	79	300 281	11	2 791 060	100

вали за коммунистов. В Калужской губернии партии большевиков отдали голоса 60% избирателей, во Владимирской и Московской — 56, в Тверской — 58%.

Крестьяне этих районов были тесно связаны с городом, с рабочими. Каждый год сотни тысяч их уходили на отхожие промыслы (прежде всего в город). Они общались с рабочими, видели их жизнь, борьбу и постепенно сами втягивались в революционное движение. Многие десятки тысяч рабочих поддерживали связь с деревней, ездили туда. Все это привело к тому, что Центрально-Промышленный район вместе с Петроградом стал главной базой революции.

В двух районах — Сибирском и Юго-Восточном — коммунисты имели минимальный процент голосов, почти в два с половиной раза меньше, чем в целом по стране. Это понятно. Сибирь была богатейшим сельскохозяйственным районом с большим числом зажиточных крестьян и кулаков, с малочисленным промышленным пролетариатом, разбросанным на огромных пространствах востока России[1]. Однако характерно, что и в Сибири основная масса не только рабочих, но и солдат отдала свои голоса большевикам. Поэтому там коммунисты в период Октябрьской революции имели в решающих пунктах перевес сил. В деревне же большим влиянием пользовались эсеры.

Что касается Юго-Восточного района, то в нем было особенно много богатых казаков и мало рабочих. Пролетариат имелся только в Ростове, Таганроге и угольных районах Донской области, поэтому ни в каком другом районе буржуазно-помещичьи партии и группы не получили такого большого числа голосов. Расстановка классовых сил на юго-востоке таила в себе большую опасность для социалистической революции. Требовалась гибкая тактика по отношению к тем слоям населения, особенно к казачеству, которые шли за буржуазией.

В. И. Ленин, имея в виду прежде всего Сибирь, Дон, Северный Кавказ, указывал: «И вот именно в тех районах,

---

[1] В отношении Сибири надо сделать оговорку. Дело в том, что там в некоторых губерниях и областях выборы или не состоялись, или не был проведен подсчет голосов (например, в Акмолинской и Забайкальской областях, где имелось много казаков). Поэтому, если бы в выборах участвовало все казачество, проживавшее в Сибири, буржуазные партии получили бы не 11% голосов, а больше.

где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний, организации сил контрреволюции. Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина»[1].

В Средне-Волжском и Центрально-Черноземном богатых сельскохозяйственных районах влияние коммунистов было больше, чем на востоке и юго-востоке России, но значительно меньше, чем в губерниях центра страны. Здесь на выборах много голосов получили эсеры. 20% населения Поволжья шло за буржуазно-помещичьими партиями. Соотношение классовых сил в этих областях показывало, что рабочий класс и его партия могли встретить здесь серьезные трудности.

Выборы на Урале отразили серьезные классовые и национальные противоречия на этой территории. Рабочие горнозаводского Урала в большинстве своем отдали голоса коммунистам. Буржуазия, высшие служащие, интеллигенция, оренбургские казаки поддержали буржуазно-помещичьи партии и группы, которые в итоге получили более трети всех голосов. Влияние мелкобуржуазных партий на Урале было значительно меньшим, чем в сельскохозяйственных районах.

III. ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВЛАСТИ ПРОЛЕТАРИАТОМ

Без установления своей диктатуры пролетариат не может упрочить власть, вести успешную борьбу со свергнутыми, но отчаянно сопротивляющимися классами и партиями, не может осуществить в стране экономические преобразования и построить социализм. «Марксист лишь тот,— писал В. И. Ленин,— кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*»[2]. Опыт Советской России и других стран говорит о том, что диктатура пролетариата и руководство марксистско-ленинской партии являются объективной необходимостью для всех стран, вступивших на путь социализма.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 16.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

Марксистско-ленинская теория и история социалистических революций учат, что после перехода власти к пролетариату классовая борьба не прекращается, а только *принимает новые формы.*

В. И. Ленин в набросках работы «О диктатуре пролетариата», сделанных осенью 1919 г., указал на пять основных форм классовой борьбы, которую ведет пролетариат в переходный период от капитализма к социализму:

1) подавление сопротивления эксплуататоров; 2) гражданская война; 3) «нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства; 4) «использование» буржуазии; 5) воспитание новой дисциплины[1].

Буржуазия и помещики сразу же после их свержения стали оказывать Советской власти упорное сопротивление, применяя различные формы и методы борьбы, в том числе и такие, которые рабочий класс использовал раньше против капиталистов: бойкот, саботаж, забастовки, восстания и т. д. Свергнутые эксплуататорские классы всячески воздействовали на мелкую буржуазию, стремились использовать ее в борьбе с пролетариатом.

Советская власть сравнительно быстро подавила саботаж буржуазии и чиновников (к началу весны 1918 г. с ним было покончено). Однако сопротивление старых, господствовавших классов на этом не кончилось. Наоборот, оно возросло еще больше. «...После первого серьезного поражения,— писал В. И. Ленин,— свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...)»[2].

Капиталисты и помещики перешли к другим формам борьбы с пролетариатом. Особенно широкое распространение получила самая острая форма классовой борьбы — гражданская война, которая в России была исторически неизбежной. Она началась сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде.

Яростное вооруженное сопротивление буржуазии и помещиков объяснялось многими причинами. Социалистиче-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 262—264.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. т. 37, стр. 264.

ская революция победила впервые в мире, да притом еще в одной и отсталой стране. Это давало основание российским и международным капиталистам думать о случайности такой победы и о скорой гибели Советской власти, которую считали в лучшем случае экспериментом. Буржуазия не допускала, что неграмотные и полуграмотные рабочие и крестьяне смогут управлять государством и создать армию, способную защитить свои завоевания. Мировой капитализм пришел на помощь буржуазии и помещикам России. Свергнутые классы с остервенением ринулись на борьбу с Советской властью, придав гражданской войне жестокий и затяжной характер.

Опыт социалистических революций в других странах свидетельствует о том, что сопротивление свергнутых эксплуататорских классов не всегда выливается в гражданскую войну. Рабочий класс заинтересован в том, чтобы упрочить свою власть мирным способом. Там же, где гражданская война произойдет, характер ее может стать другим, чем в России. Все будет зависеть от соотношения классовых сил в стране, от ее исторических и национальных особенностей и расстановки классовых сил на международной арене.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом партии, говорится: «Ленинизм учит и исторический опыт подтверждает, что господствующие классы добровольно власти не уступают. Степень ожесточенности и формы классовой борьбы в этих условиях будут зависеть не столько от пролетариата, сколько от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа, от применения насилия этими кругами на том или ином этапе борьбы за социализм»[1].

Наряду с решительным подавлением эксплуататорских классов пролетариат ведет борьбу за привлечение части буржуазии, главным образом буржуазных специалистов, на службу рабоче-крестьянскому государству. В. И. Ленин писал об этом: «Не только подавление сопротивления, не только «нейтрализация», но взятие на работу, принуждение служить пролетариату»[2].

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. В кн. «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 349.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 264.

Привлечение старых специалистов происходит потому, что пролетариат при строительстве социализма использует все лучшее, что создано человечеством, в том числе и буржуазной культурой.

«...Если ставить вопрос в том смысле, чтобы мы только руками чистых коммунистов, а не с помощью буржуазных специалистов построили коммунизм, то это — мысль ребяческая,— указывал В. И. Ленин.— У нас есть закаленность в борьбе, есть силы, единство, и мы должны идти путем организационной работы, используя знания и опыт этих специалистов. Это необходимое условие, без которого социализма построить нельзя. Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм»[1].

Советская власть уже весной 1918 г. приступила к широкому использованию старых специалистов.

Российская интеллигенция, как и всякая другая, не являлась однородной. Верхи ее были выходцами из буржуазного и помещичьего классов и оставались тесно связанными с ними. Эти люди в подавляющем большинстве выступили против рабоче-крестьянского государства. Только отдельные представители пошли на службу Советской власти.

Средние слои в значительной степени состояли из мелкой буржуазии, они подкармливались и развращались буржуазией. Одни из них вместе с буржуазией боролись против рабочих и крестьян, другие хотя и были настроены против Советской власти, но от активной борьбы с ней отказывались и ждали лучших времен, третьи перешли на сторону пролетариата. Самым многочисленным отрядом интеллигенции были учителя начальных школ, сельские врачи, фельдшера, агрономы, счетные работники и т. д. Этот низший малооплачиваемый слой сам подвергался эксплуатации бюрократического аппарата и буржуазии. Эта часть интеллигенции близко стояла к народу, она первая пошла на службу к Советской власти.

Российская действительность полностью подтвердила слова Фридриха Энгельса о том, что буржуазные специалисты будут обманывать рабочих, изменять им. Поэтому над буржуазными специалистами устанавливался строгий

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 142.

контроль и всякая попытка их изменить пролетариату решительно пресекалась.

Советская власть шла навстречу тем буржуазным специалистам, которые честно служили рабоче-крестьянскому государству. Им устанавливали высокую заработную плату, выдавали особые продовольственные пайки[1].

Выше были рассмотрены три главные формы классовой борьбы, которые применяются пролетариатом против буржуазии и помещиков после их свержения.

Что касается мелкой буржуазии, то здесь задача у пролетариата другая. Социалистическое государство не ставит перед собой цель экспроприировать ее. Энгельс писал: «...обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»[2]. За мелкую буржуазию, главным образом крестьянство, рабочий класс ведет длительную и упорную борьбу, чтобы вырвать ее из-под влияния враждебных классов и партий и привлечь на свою сторону.

На разных этапах революции пролетариат использует различные формы классовой борьбы за мелкую буржуазию, за крестьянство.

В России в период социалистической революции и некоторое время после ее победы рабочий класс проводил политику союза с полупролетарскими элементами, прежде всего с сельской беднотой, при нейтрализации мелкой буржуазии, особенно середняка деревни, «чтобы сделать из среднего крестьянства, если не активно помогающий революции пролетариата, то, по крайней мере, не мешающий ей, нейтральный, не становящийся на сторону наших врагов общественный слой»[3].

Положение мелкой буржуазии, как и любого другого класса, определяется прежде всего ее местом в общественном производстве. Мелкая буржуазия вообще, крестьянст-

---

[1] См. *С. А. Федюкин.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 518.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 128—129.

во в особенности как мелкий товаропроизводитель занимает промежуточное положение между пролетариатом и буржуазией. С одной стороны, крестьянин — труженик, он работает сам, никого не эксплуатирует. Это сближает его с рабочим. С другой стороны, он мелкий собственник, продает свой товар, старается нажиться на нем. Это роднит крестьянина с буржуазией. Отсюда постоянные колебания его между пролетариатом и буржуазией, которые были до победы социалистической революции и остаются после нее.

Рабочий класс воздействует на крестьянство, отвоевывает его у буржуазии и мелкобуржуазных партий, ведет его за собой, руководит им. В. И. Ленин указывал, что диктатура пролетариата есть руководство одним рабочим классом всеми непролетарскими трудящимися слоями общества, и прежде всего крестьянством.

Борьба за нейтрализацию мелкой буржуазии ведется не только одними методами убеждения, разъяснения, примера, соглашений, компромиссов и т. д., не исключено также применение к мелкой буржуазии принуждения, когда она отходит от намеченного пролетариатом курса и склоняется в сторону буржуазии. «Нейтрализация,— писал В. И. Ленин,— складывается из убеждения, примера, обучения опытом, пресечения уклонений насилием и т. п.»[1] Однако к мелкой буржуазии в отличие от эксплуататорских классов, против которых пролетариат использует прежде всего средства подавления, применяются главным образом убеждение и пример.

В 1919 г. рабочий класс России от нейтрализации среднего крестьянства перешел к союзу с ним. Это было новой формой классовой борьбы, новой формой руководства пролетариата крестьянством.

После победы социалистической революции пролетариат ведет борьбу также и внутри своего класса — с отсталыми слоями рабочих, наиболее сильно зараженных капитализмом и мелкобуржуазной психологией. Речь идет о воспитании новой дисциплины среди рабочих.

«Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму,— указывал В. И. Ленин,— не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся тра-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 456.

диций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,— содрать с «него» денег побольше»[1].

В первое время в России только наиболее передовая часть рабочих явилась носителем новой трудовой дисциплины. Многие еще нерадиво относились к своей работе. В годы гражданской войны сильно упала производительность труда на фабриках и заводах (конечно, в этом сказались голод, разруха, блокада). Старые привычки долго давали себя знать. В. И. Ленин большое внимание в воспитании новой дисциплины отводил профсоюзам, подчеркивал значение сдельной оплаты труда, премиальной системы.

Характерной особенностью борьбы за новую дисциплину, за перевоспитание рабочих, а также других слоев трудящихся является то, что основными ее средствами были убеждение, обучение и пример. Меры принуждения применялись только к лодырям, рвачам, злостно нарушавшим трудовую дисциплину. Одним из главных средств воспитания стали государственная власть пролетариата, советские законы.

Указанные В. И. Лениным пять основных форм классовой борьбы, используемые пролетариатом после захвата власти, дают возможность раскрыть и понять общие закономерности классовой борьбы в России в первые годы Советской власти, а также многообразие методов и средств при осуществлении в конкретных исторических условиях диктатуры пролетариата, которая, по определению Ленина, «есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»[2].

Эта борьба, проводимая рабочим классом, является движущей силой развития общества на целый исторический период перехода от капитализма к социализму. В России она получила особый характер. «Нам пришлось осуществлять диктатуру пролетариата,— указывал Ленин,— в самой ее суровой форме»[3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 90.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 213.

IV. КЛАССЫ И ПАРТИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в корне изменила положение классов и партий. Буржуазия и помещики были лишены политической власти, пролетариат из эксплуатируемого и бесправного класса превратился в господствующий.

Строительство нового общества рабочий класс начал с того, что разрушил старый государственный аппарат (армию, милицию, суд и т. д.) и стал создавать свои органы власти. Одновременно он приступил к решению главной задачи, рассчитанной на целый исторический период,— созданию новых социалистических производственных отношений, уничтожению эксплуатации человека человеком.

Борьбу за экономическое преобразование общества пролетариат стал осуществлять с введения рабочего контроля над производством и распределением продуктов. К началу 1918 г. рабочий контроль был установлен на большинстве крупных и значительной части средних предприятий в центре страны. Так, тысячи рабочих начали получать первые навыки в управлении производством, познавали сложную механику руководства фабриками и заводами. Это была хорошая школа для пролетариата.

В конце 1917 — начале 1918 г. Советская власть национализировала банки, транспорт, внешнюю торговлю, значительную часть крупной промышленности.

Пролетариат шаг за шагом сосредоточивал в своих руках командные высоты в экономике страны, осваивал их, учился руководить огромным хозяйством республики и в результате этого как класс воспитывался, изменялся, приобретая новые качества. Вначале тысячи, а затем десятки тысяч рабочих заняли важнейшие посты в партийных, советских, военных и хозяйственных учреждениях. Они решали все важнейшие дела в Советской республике.

Сломив первое сопротивление свергнутых, но еще не уничтоженных классов, пролетариат весной 1918 г. приступил к созданию основ новой, социалистической экономики. План строительства был изложен в работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». В основе его лежали идеи индустриализации и электрификации страны, социалистического преобразования сель-

ского хозяйства, роста науки и культуры и широкого использования их для развития производительных сил страны, повсеместного развертывания творческой инициативы трудящихся, прежде всего рабочего класса. Важнейшей задачей было налаживание учета и контроля в хозяйственной деятельности в масштабе всей страны.

В. И. Ленин, намечая очередные задачи пролетариата в области социалистического строительства, исходил прежде всего из особенностей хозяйственного развития России того времени и соотношения классовых сил. Экономика Советской республики носила переходный характер и имела элементы и капитализма и социализма. В ней было пять экономических укладов (форм хозяйства): 1) патриархальное, в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкотоварное производство, к которому относилось большинство крестьян, продававших хлеб; 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм и 5) социализм. Эти уклады переплетались между собой. Среди них численно преобладало мелкотоварное крестьянское хозяйство.

Мелкие хозяйчики выступали против учета и контроля со стороны пролетарского государства. Они спекулировали, создавали почву для капитализма. Мелкобуржуазная стихия представляла тогда наибольшую экономическую и политическую опасность. Борьба с ней приобретала решающее значение. «Либо мы подчиним *своему* контролю и учету этого мелкого буржуа...— писал В. И. Ленин,— либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие»[1].

Рабочий класс, объявив решительную войну мелкобуржуазной анархии, используя мирную передышку после заключения Брестского договора, сделал дальнейшие шаги в превращении России в социалистическую державу. Миллионы пролетариев включились в великую созидательную работу.

Характерной чертой социалистической революции в России являлось то, что она с решением своих основных задач завершила реформы, не законченные буржуазно-демократической революцией, в частности ликвидировала класс помещиков.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 298.

Уничтожение этого класса проходило в особых условиях. Противоречия между крестьянами и земельными собственниками в России достигли небывалой остроты. Помещиков ненавидело все крестьянство. Оно было кровно заинтересовано в полной и быстрой ликвидации этого класса. Вот почему в России в условиях диктатуры пролетариата уничтожение помещичьего землевладения произошло самым революционным способом — без всякого выкупа земель у их владельцев. В свое время Ф. Энгельс писал, что экспроприация крупных землевладельцев, «с выкупом или без него, будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы придем к власти, а также, в частности, и от поведения самих господ крупных землевладельцев. Мы вовсе не считаем, что выкуп недопустим ни при каких обстоятельствах; Маркс высказывал мне — и как часто! — свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды»[1].

История показала, что в некоторых странах, вступивших на путь социализма в середине XX в., часть земель была выкуплена у тех владельцев, которые лояльно отнеслись к победившей революции. Вместе с тем общим правилом для пролетариата всех стран является то, что он революционным путем ликвидирует помещичью собственность.

К осени 1918 г. помещики в России как класс прекратили свое существование. Земля, скот, хлеб, инвентарь, имения у подавляющего большинства из них были отобраны. Им оставили только личные вещи, часть обстановки, небольшое количество продовольствия.

Многие крупные землевладельцы, жившие в городах, боясь крестьян, не поехали в свои имения после Октябрьской революции. Захватив деньги и другие ценности, они бежали на юг или в Сибирь (главным образом на казачьи территории). Так же поступило большинство крупных помещиков, живших в своих усадьбах. В деревне остались мелкие и средние помещики.

Обыкновенно местные власти устанавливали срок, в течение которого оставшиеся владельцы должны были покинуть свои имения. Переселение помещиков происходило в основном весной и летом 1918 г. Некоторые из них жили

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 523.

в своих имениях до конца года. Так, помещица Поромина из Щукинской волости Тульской губернии только в сентябре 1918 г. получила предписание местного Совета и комитета бедноты покинуть имение в 24 часа. Помещица Шафрова уехала с дочерью из своего поместья, находившегося в Тейковском уезде Иваново-Вознесенской губернии, только в ноябре 1918 г. При отъезде она подала заявление в волостной комитет бедноты, чтобы ей и дочери разрешили взять с собой годовую норму довольствия. Крестьяне обстоятельно изучили это заявление. Исходя из норм классового пайка, беднота волости вынесла решение разрешить Шафровой «как не занимающейся физическим трудом» и ее дочери: первой — взять с собой на три месяца 36 фунтов, а второй — 54 фунта хлеба, всего 2 пуда 10 фунтов[1].

Небольшая часть бывших землевладельцев осталась жить в деревне. Некоторые даже стали управляющими принадлежавших им ранее поместий. Однако местные власти в большинстве случаев косо смотрели на специалистов из помещиков. И это вполне понятно. Когда Вологодский губернский земельный отдел назначил в советское хозяйство, созданное на базе имения «Осаново» в Спасской волости, управляющим агронома Г. Н. Волкова — сына бывшего владельца имения, то работники волостного Совета и ячейка коммунистов совхоза решительно воспротивились этому. «Товарищей коммунистов это обстоятельство сильно нервирует, некоторые говорят, что отбивает всякую охоту от работы»[2],— сообщал в Вологду представитель губернского Совета, ездивший в Спасскую волость. Коммунисты настояли на своем. Волкова освободили от должности и направили в другое место.

Советская власть разрешила наделять землей по установленной на местах норме тех бывших помещиков, которые лояльно относились к новому порядку и изъявили согласие трудиться. Но мало кто из них воспользовался этим правом.

Некоторые помещики продолжали жить в Москве, Петрограде, губернских городах. За ними приходилось зорко следить: подавляющее большинство их питало лютую ненависть к рабоче-крестьянской власти.

---

[1] См. «Комитеты бедноты», т. 2, стр. 152.
[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, ед. хр. 60, л. 523.

Несколько по-другому проходила ликвидация класса городской буржуазии.

К весне 1918 г. капиталистам был нанесен сильный удар — Советская власть отобрала у них (к апрелю) более 800 предприятий[1], лишила их большей части денег, конфисковала многие ценности. (У буржуазии были изъяты из банков ценные бумаги, золото и т. д.) Местные органы власти наложили на капиталистов контрибуции. В марте Симбирский губсовнарком[2] потребовал от богачей города 10 млн. руб. и арестовал несколько десятков наиболее крупных капиталистов. Арестованным заявили, что если они не внесут требуемой суммы, то всех их отправят в Петропавловскую крепость, а имущество конфискуют в пользу Советской республики. За две недели буржуазия Симбирска сдала Советской власти 4 млн. руб. В этом же месяце Тверской Совет постановил, что богачи города должны уплатить 5 млн. руб.

К ноябрю 1918 г. местные органы власти в 57 губерниях изъяли у буржуазии более 826 млн. руб., в том числе около 250 млн. в губерниях Центрально-Промышленного района, 120 млн. в Среднем Поволжье, 35 млн. на Урале, 40 млн. в семи губерниях Сибири[3].

Кроме денег у капиталистов отбирали другие ценности. У екатеринбургского богача И. Крумнаса еще в декабре 1917 г. по решению Совета конфисковали 46 слитков золота, много золотых монет и изделий[4]. У самарского миллионера Аржанова изъяли драгоценностей на 500 тыс. руб.

У буржуазии конфисковали различные товары, продовольствие, особняки. В Москве к концу 1918 г. было национализировано 4 тыс. домов, в Петрограде — 2900, в Самарской губернии (к маю 1918 г.) — 624 дома[5]. В них разместились советские и общественные учреждения. Часть домов отдали рабочим под жилье.

---

[1] См. *В. З. Дробижев.* Социалистическое обобществление промышленности в СССР. «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 62.

[2] В первые месяцы Советской власти в некоторых губерниях и уездах были созданы советы народных комиссаров.

[3] См. «Власть Советов», 1919, № 2, стр. 6.

[4] См. «Уральский рабочий», 5 апреля 1918 г.

[5] См. «Московский Совет рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. 1917—1927 гг.». М., 1927, стр. 356; «Власть Советов», 1919, № 6—7, стр. 18; *В. Троцкий.* Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (Хроника событий), т. 1, 1918 год. Самара, 1929, стр. 71.

Так закончился первый период борьбы с буржуазией, названный Лениным красногвардейской атакой на капитал.

С весны 1918 г. Советская власть перешла к новым формам борьбы с буржуазией. Она исходила из того, что пролетариату потребуется определенное время для подготовки из своей среды руководителей экономики. Поспешность в национализации всей крупной промышленности могла временно еще больше расстроить народное хозяйство, увеличить безработицу.

В то же время пролетарское государство стремилось более широко сотрудничать с некоторыми капиталистами под своим контролем, вступая с ним в соглашение, использовало определенное время «государственный капитализм». Советская власть строго карала тех собственников, которые саботировали законы и требования пролетарского государства. У них немедленно экспроприировались предприятия. Но она готова была предоставить капиталистам значительное поле деятельности, если они изъявят желание честно работать. В. И. Ленин указывал тогда, что пролетарское государство допускает возможность «*соединения* приемов беспощадной расправы с капиталистами некультурными, ни на какой «государственный капитализм» не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, *с приемами компромисса* или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на «государственный капитализм», способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов *крупнейших* предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятков миллионов людей»[1].

В. И. Ленин говорил, что «государственный капитализм» мог оказать пролетарскому государству помощь в борьбе с мелкобуржуазной стихией.

История революций 40-х годов XX в. в странах Запада и Востока показала, что в некоторых государствах часть буржуазии пошла на сотрудничество с пролетариатом и известное время вместе с рабочим государством управляла промышленностью, получая за это соответствующую прибыль. Но это продолжалось недолго.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 305.

В России же обстановка в стране летом 1918 г. круто изменилась, и пролетариат вынужден был снова пересмотреть методы борьбы с буржуазией.

Большие изменения в первые месяцы Советской власти произошли в классе мелкой буржуазии, и прежде всего в крестьянстве. Весной 1918 г. крестьяне разделили между собой монастырские, удельные, помещичьи и другие частновладельческие земли. По 32 губерниям Российской Федерации к ноябрю 1918 г. из 24,3 млн. десятин земли сельскохозяйственного значения, находившейся до революции в руках крупных землевладельцев, крестьяне, по неполным данным, получили в личное пользование более 16,4 млн. десятин. 650 тыс. десятин было отдано под советские и 145 тыс. под коллективные хозяйства[1].

Почти каждый крестьянин в Центральной России в той или иной мере увеличил свой надел. Кроме того, около 3 млн. крестьян, главным образом батраков, не имевших раньше земли, теперь получили ее от Советской власти[2]. По районам и отдельным губерниям распределение между крестьянами новых земель произошло очень неравномерно: 6 губерний Среднего Поволжья и Прикамья получили около 8 млн. десятин, 4 губернии Центрально-Черноземного района — 3 млн., 11 губерний Центрально-Промышленного района — 3 300 тыс., 7 губерний Северного района — только 900 тыс. десятин.

Это привело к тому, что прирост земли в крестьянских хозяйствах восточных губерний составил в среднем 50%, в южных — 30, в центральных — 15, в северных — 8%[3].

Одновременно с землей к крестьянам перешло большое количество сельскохозяйственных машин, инвентаря, лошадей, коров, хлеба. В. И. Ленин говорил, что от Советской власти сразу и больше всего выиграли крестьяне[4].

В Елизаветинской волости Бугульминского уезда Самарской губернии, согласно сельскохозяйственной переписи 1917 г., на 1158 хозяйств (6952 жителя) приходилось 8118 десятин пашни и 2290 лошадей. Весной 1918 г. коли-

---

[1] См. «Аграрная политика Советской власти», стр. 498—506. К концу 1919 г. в пользовании крестьян находилось около 20 млн. десятин земли.

[2] См. *Г. В. Шарапов.* Указ. соч., стр. 128.

[3] См. «Вестник статистики», 1923, кн. XII, стр. 138.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 276.

чество земли в волости увеличилось до 11 тыс. десятин, а лошадей — до 2525[1].

В Рождественской волости Сызранского уезда Симбирской губернии до раздела помещичьих земель крестьяне имели 3515 десятин пашни, а в 1918 г.— 8645[2]. Эта волость стала одной из самых богатых в губернии.

Крестьяне были освобождены от огромного долга Крестьянскому банку за выкупленную в свое время у помещиков землю, составлявшего около 3 млрд. руб., а также от ежегодных взносов арендной платы и расходов на приобретение земли, достигавших 700 млн. руб. золотом.

В некоторых местах крестьяне увеличили свои земельные наделы и имущество также за счет кулаков.

Советская власть, партия большевиков, несмотря на упорное сопротивление кулаков, делали все возможное, чтобы при распределении земли выиграли прежде всего бедняки деревни. Государство оказывало им большую помощь в приобретении скота, семян и инвентаря, в которых они особенно остро нуждались. Советское правительство дало указание направлять в деревню лошадей из частей старой армии.

Крестьяне, получив землю, стремились быстрее и лучше ее засеять. Весной 1918 г. значительно увеличились посевы хлебов. Так, в Качкинской волости Елабужского уезда Вятской губернии яровой посев в 1917 г. равнялся 1899 десятинам, а весной 1918 г.— 2644 десятинам (увеличение почти на 40%)[3].

В Николаевском уезде Самарской губернии весной 1918 г. крестьяне засеяли земли на 15% больше, чем в 1914 г. «Экономическое положение уезда,— говорилось в отчете Николаевского совнаркома,— настолько было поднято, что в пределах уезда оказалось бы излишков до 15 миллионов пудов хлеба»[4].

Однако далеко не все крестьяне смогли весной 1918 г. засеять полученную ими землю. Это прежде всего относится к батракам, бедноте, у которых до этого или совсем

---

[1] Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО), ф. 171, оп. 2, ед. хр. 16, л. 1—11; ф. 1408, оп. 1, ед. хр. 72, л. 4—25; ед. хр. 95, л. 1—21.

[2] ГАКО, ф. 30, оп. 3, ед. хр. 15, л. 43; ед. хр. 22, л. 7—8.

[3] Центральный государственный архив Татарской АССР. (ЦГА Тат. АССР), ф. 126, оп. 1, ед. хр. 63, л. 17.

[4] *Е. И. Медведев.* Указ. соч., стр. 590.

не было земли, или имелось очень мало. У них не было рабочего скота, семян, инвентаря.

Наделение крестьян землей имело колоссальные политические последствия — миллионы тружеников деревни навеки связали свою судьбу с рабоче-крестьянским государством. Только Советская власть могла сохранить за ними землю и защитить их от возврата помещиков. Так создавалась прочная база для дальнейшего сотрудничества пролетариата с широкими слоями трудового крестьянства.

* * *

Классовые сдвиги, происшедшие в первые месяцы Советской власти, нашли яркое выражение в изменении положения партий. Партия коммунистов впервые в мировой истории стала правящей. Отныне съезды партии, ее Центральный Комитет направляли всю жизнь страны, определяли ее внешнюю и внутреннюю политику, руководили классовой и партийной борьбой пролетариата и бедного крестьянства. Влияние партии, ее авторитет в массах возросли.

Партии, не признавшие Советскую власть, оказались в полной изоляции и стали распадаться. Раньше всех и больше всех изменилось положение в партии «народной свободы».

В социалистической революции кадеты видели смертельного врага буржуазии и помещиков и сразу же поставили цель — любыми средствами свергнуть рабоче-крестьянскую власть. Лидер кадетов Милюков в конце 1917 г. бежал на юг, где формировалась белогвардейская Добровольческая армия.

Кадеты были наиболее опасными врагами революции. Они вдохновляли и организовывали силы контрреволюции. 30 ноября 1917 г. Совнарком принял декрет об аресте лидеров кадетов и об объявлении их партии партией врагов народа. «Члены руководящих учреждений партии кадетов как партии врагов народа,— говорилось в декрете,— подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается особый надзор за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции»[1].

[1] «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства» (в дальнейшем — СУ), 1917, № 4, ст. 62.

В конце 1917 и начале 1918 г. было арестовано несколько десятков кадетских активистов, в том числе членов ЦК. Но быстрое поражение контрреволюционных генералов, подписание затем Брестского мирного договора и некоторые другие обстоятельства побудили Советскую власть отпустить всех арестованных. Судьба двух бывших министров кадетов Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева была иной. Они находились в больнице, когда в нее явилась группа матросов и учинила самосуд. Советское правительство резко осудило такой поступок и приказало провести расследование обстоятельств смерти двух кадетов.

Освобождение кадетских лидеров свидетельствовало о гуманности большевиков, желании скорее прекратить войну и заняться строительством новой жизни. Впоследствии многие кадеты сами признавали, что весной 1918 г. Советская власть изменила к ним отношение, старалась привлечь кадетов-специалистов к составлению планов восстановления и развития производительных сил. Особенно ожили кадеты в Москве. Видный уральский кадетский деятель Л. А. Кроль, находившийся в то время в Москве, позже писал: «Факт был тот, что у нас настолько появилось уверенности в возможности свободного существования, что мы решились открыто возобновить свою деятельность. Начали функционировать районные комитеты, городской комитет, начались собрания делегатов районных комитетов, возобновились работы комиссий при ЦК»[1].

Кадеты расценили действия коммунистов как слабость и усилили борьбу против Советской власти.

Октябрьскую революцию не признали также правые эсеры и меньшевики. Они считали, что Россия не подготовлена к социализму, а поэтому революция является «незаконнорожденной». «Пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия»[2],— писал Мартов в декабре 1917 г. Партии эсеров и меньшевиков с первых же дней Октября выступили на борьбу с Советской властью.

Правые эсеры, решительно отвергая диктатуру пролетариата и советскую форму правления, так объясняли свою позицию. «Мы против Советской власти потому,— писал один из лидеров эсеров, Н. Ракитников,— что

[1] *Л. А. Кроль.* За три года (Воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921, стр. 20.

[2] «Мартов и его близкие». Нью-Йорк, 1959, стр. 48.

в Советах часть населения вовсе не представлена, потому что они классовые, а не всенародные организации»[1]. Эсеров и меньшевиков устраивала только буржуазная республика.

Открытая борьба эсеров с рабоче-крестьянской властью привела к катастрофическому падению их влияния. В самой партии был сильнейший разброд. Об этом ярко свидетельствовал IV съезд партии социалистов-революционеров, который состоялся в Петрограде в конце ноября — начале декабря 1917 г.[2] Это был первый и последний съезд правых эсеров при Советской власти.

Перед этим (9 ноября) ЦК эсеров исключил из партии левых эсеров, которые остались на II съезде Советов, а накануне своего съезда — всех левых из Петроградской организации. После этого эсеры решили подвести итоги своей деятельности.

«Со смешанным чувством выступаю я по текущему моменту,— заявил представитель Воронежа М. Л. Коган-Бернштейн.— Съезд производит на меня впечатление группы лиц, потерпевших политическое крушение»[3]. Член ЦК И. А. Прилежаев говорил: «Теперь мы переживаем крах съезда и крах партии»[4].

Эсеры по-разному объясняли поражение партии. Говорили о сложной обстановке, в которой приходилось действовать, об умелой тактике большевиков, захвативших власть якобы потому, что обещали народу материальные блага, тогда как социалисты-революционеры пичкали население политическими свободами. «III съезд не дал определенного решения по коренным вопросам,— заявлял Прилежаев,— и когда жизнь потребовала ответа в области рабочего, аграрного вопроса и разрешения войны и мира, партия не могла дать ничего, имея лишь резолюцию и пустые карманы по вопросам социальным»[5].

---

[1] «Дело народа», 18 июня 1918 г.

[2] Съезд проходил с 26 ноября по 5 декабря 1917 г. На нем присутствовало 335 делегатов (из них 120 с совещательным голосом) от 51 губернии. В повестке дня стояли такие вопросы: доклад по текущему моменту; отчет ЦК; вопросы, связанные с Учредительным собранием; организационный вопрос; доклады секций; выборы ЦК.

[3] «Краткий отчет о работах четвертого съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917 г.)», Пг., 1918, стр. 42.

[4] Там же, стр. 78.

[5] Там же.

Большинство основную причину неудач видело в самой партии, в ее разношерстности, в неспособности к решительным действиям, в поведении ЦК, в тактике партии.

«Если бы была взята правильная линия поведения после «корниловского» восстания,— говорил в докладе по текущему моменту В. М. Чернов,— и мы бы сделали все для сохранения единства партийного и демократического фронта, если бы не получилось натянутого решения, никого не удовлетворившего, за которое не было фактического большинства в партии социалистов-революционеров,— может быть, мы дожили бы теперь до Учредительного собрания без гражданской войны»[1]. Чернов считал, что коалиция с буржуазией, которую проводила партия, затянулась слишком надолго, что эсеры вели недостаточно гибкую тактику по вопросам войны и мира, что ЦК проявлял непоследовательность в своих действиях, был мягкотелым.

Больше всех критиковали ЦК за неумелое руководство, за то, что он выпустил из-под своего контроля Керенского, который только один раз присутствовал на заседании ЦК. Члены ЦК неоднократно заявляли премьеру, что они в полном составе готовы сами ехать к нему. Но не только Керенский, а и Авксентьев и другие эсеры, бывшие во Временном правительстве, не считались с указаниями Центрального Комитета своей партии. Некоторые делегаты требовали партийного суда над ЦК. На это другие не без ехидства отвечали, что партия имела такой ЦК, который заслужила. Подводя итоги бурных прений, член Центрального Комитета М. Я. Гендельман заявил: «Надо спасать то, что есть, и в этом мы едины»[2].

Сделав козлом отпущения ЦК, съезд записал в его адрес, что он проявлял полное бездействие. «Результатом явился идейный и организационный разброд, полный паралич партийной дисциплины, поразивший целые организации»[3]. Дело было, конечно, не в ЦК, а в самой партии.

В резолюции съезда по текущему моменту указывалось на то, что необходимый для «социалистической демократии» этап коалиции с буржуазией, сослужившей свою большую службу, в последнее время не оправдал себя,

---

[1] «Краткий отчет о работах четвертого съезда...», стр. 25.
[2] Там же, стр. 107.
[3] Там же, стр. 143.

от него надо было отказаться, но партия «не проявила в трудные моменты достаточной решительности, не взяла вовремя власти в свои руки и оставляла ее до конца в руках ослабленного, обесцвеченного, потерявшего популярность правительства, сделавшегося легкой добычей первого же заговора»[1]. Это было горькое признание своих ошибок.

В отношении Советской власти и большевиков съезд социалистов-революционеров занял непримиримо враждебную позицию. Его резолюции были наполнены злобой на партию коммунистов, на рабоче-крестьянское правительство. Эсеры основную ставку делали на Учредительное собрание, где им принадлежало большинство голосов. Они надеялись с помощью буржуазного парламента установить дооктябрьские порядки. Эсеры грозили прибегнуть к террору, если большевики посягнут на Учредительное собрание. Член ЦК А. Р. Гоц в письме к съезду требовал применить старую тактику, вдохновлявшуюся лозунгом «По делам вашим воздается вам!».

В специально принятой резолюции об Учредительном собрании говорилось, что партия социалистов-революционеров должна взять на себя всю тяжесть борьбы за созыв и работу этого органа. Съезд избрал ЦК из 20 членов и 5 кандидатов[2]. Это был последний ЦК правых эсеров, выбранный на съезде.

После съезда ЦК П.С.-Р. дал указание своим местным комитетам в день открытия Учредительного собрания (5 января 1918 г.) организовать антисоветские митинги и демонстрации под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». К эсерам присоединились все другие контрреволюционные партии и группы. Враги рабоче-крестьянского государства особые надежды возлагали на демонстрацию в Петрограде. К ней они готовились длительно и упорно. Об этом хорошо знали питерские большевики.

---

[1] «Краткий отчет о работах четвертого съезда...», стр. 145.

[2] Членами ЦК партии правых эсеров были избраны (по большинству голосов): Н. И. Ракитников, Д. Ф. Раков, В. М. Чернов, В. М. Зензинов, Н. С. Русанов, В. В. Лункевич, М. А. Лихач, М. А. Веденяпин, И. А. Прилежаев, М. И. Сумгин, А. Р. Гоц, М. Я. Гендельман (Якобий), Ф. Ф. Федорович, В. Н. Рихтер, К. С. Буревой (Сопляков), Е. М. Тимофеев, Л. Я. Герштейн, Д. Д. Донской, В. А. Чайкин, Е. М. Ратнер; кандидатами — А. Б. Ельяшевич, И. И. Тетеркин, Н. Н. Иванов, В. В. Сухомлин, М. Л. Коган-Бернштейн.

За два дня до открытия буржуазного парламента Петроградский Совет вынес специальную резолюцию. В ней говорилось:

«Партия контрреволюции устраивает 5-го числа свою демонстрацию против Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Это будет демонстрация против Октябрьской рабочей революции, против требований земли, воли, мира, рабочего контроля, национализации банков. Это будет демонстрация врагов народа, демонстрация друзей Каледина, Корнилова.

Под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» кроется лозунг «Долой Советы!». Вот почему все капиталисты, вся черная сотня, все банкиры горой стоят за этот лозунг.

5 января на улицах Петрограда будут демонстрировать саботажники, буржуазия, прислужники буржуазии, прячущиеся под именем правых эсеров.

Ни один честный рабочий, ни один сознательный солдат не примут участия в этой демонстрации врагов народа»[1].

Надежды эсеров на то, что им удастся собрать под знамена буржуазного парламента большие массы народа, не оправдались. Рабочие, солдаты и матросы Петрограда не только бойкотировали демонстрацию буржуазных элементов, но и оказали решительный вооруженный отпор контрреволюционерам. В ночь с 5 на 6 января 1918 г. начальник караула, охранявшего здание Учредительного собрания, матрос Анатолий Железняков (анархист) заявил, что «караул устал», и попросил господ эсеро-меньшевистских депутатов покинуть зал заседания. Никто в России не выступил на защиту Учредительного собрания. Так была бита главная карта социалистов-революционеров. Но правые эсеры не образумились. Наоборот, они все больше и больше ожесточались в борьбе с рабоче-крестьянской властью.

Враждебно встретили эсеры весть о заключении Брестского мирного договора с Германией. Они называли большевиков капитулянтами, предателями, призывали население отвергнуть мир. В общем хоре противников Брестского договора правые эсеры кричали громче всех и дольше всех, пытаясь опорочить заключение мира, а затем сорвать его.

---

[1] «Правда», 4 января 1918 г.

Положение меньшевиков было еще хуже, чем правых эсеров. 25 октября 1917 г. во второй половине дня, когда вооруженное восстание в Петрограде уже победило, лидеры меньшевиков спешно собрались на экстренное заседание ЦК. Среди них царила полная растерянность, и только ненависть к «захватчикам-большевикам» придавала им силы. Времени было мало. Скоро открывался II съезд Советов, и меньшевики готовили свою декларацию. Как бы репетируя свои выступления на съезде Советов, один за другим торопливо говорили Дан, Либер, Мартов, Абрамович.

Заседание кончилось, родив на свет еще одну бумажку. «ЦК,— говорилось в ней,— не признает нового правительства, образованного большевиками при помощи военного заговора, и организует борьбу с ним»[1]. Меньшевики предлагали своим организациям повсеместно создавать комитеты общественного спасения и бороться за восстановление власти буржуазного Временного правительства.

Комитеты общественного спасения для Франции конца XVIII в. были органами революционной власти, комитеты того же названия в 1917 г. в России стали оплотом контрреволюции. В этом как в фокусе отразилась вся многолетняя история мелкой буржуазии.

В период французской революции 1789 г. мелкие буржуа, отмечал Ленин, еще могли быть великими революционерами. В 1848 г. они выглядели смешными и жалкими. «В 1917—1921 годах они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное»[2].

На II съезде Советов меньшевики потерпели полное поражение. «Когда Феодор Дан официально открыл съезд от имени Центрального Исполнительного Комитета,— писал впоследствии Абрамович,— все было уже решено. Меньшевики и социалисты-революционеры знали, что игра проиграна, что восставшие большевики застали правительство врасплох и что было слишком поздно пытаться организовать в столице серьезное сопротивление. Чувство обреченности было особенно сильно на заседании делегации меньшевиков и делегации социалистов-революционе-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 44, л. 90.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 238.

ров, проходившем в кабинете Чхеидзе. Чхеидзе мучил жестокий приступ мигрени, его голова была обмотана мокрыми полотенцами, и создавалось впечатление, что собрание происходит дома у постели тяжелобольного человека. Больным человеком была демократическая революция, раненная большевиками»[1].

Меньшевики вместе с правыми эсерами покинули II съезд Советов в Смольном, заявив, что они идут в Зимний дворец спасти своих коллег из партии или погибнуть вместе с ними. Через несколько часов последний оплот буржуазного правительства пал, министры были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. Правда, их скоро освободили.

Мелкобуржуазные демократы дорого заплатили за свой уход из Смольного. Меньшевик Н. Н. Суханов впоследствии сокрушался: «Мы ушли неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и уничтожив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов»[2].

Меньшевики были ярыми сторонниками создания так называемой однородной социалистической власти, то есть правительства из всех социалистических партий, чтобы «мирным путем» сбросить власть большевиков. Лозунг создания «однородного социалистического правительства» в то время поддерживался всеми контрреволюционными партиями (даже кадетами). Кадет В. А. Маклаков в одном из писем в ноябре 1917 г. писал о возможности признания такого правительства, где будут и большевики, объясняя это так: «Раз засилье большевизма зашло так далеко, что его не удалось раздавить сразу, приходится освобождаться от него длинным процессом постепенного оздоровления»[3]. Все это свидетельствовало о явно контрреволюционном характере этого лозунга. В этом свете особенно порочной выглядит позиция Л. Б. Каменева, бывшего несколько дней председателем ВЦИК. Каменев поддерживал идею создания однородной власти. Меньшевики и эсеры рассчитывали на его помощь. Но они просчитались. ЦК боль-

---

[1] *R. R. Abramovitch.* The Soviet Revolution 1917—1939. New-York, 1962, p. 101.

[2] *Ник. Суханов.* Записки о революции, кн. 7. Берлин — Петербург — Москва, 1923, стр. 219.

[3] «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 63.

шевиков отозвал Каменева с поста председателя ВЦИК и отверг предложение о включении в правительство меньшевиков и правых эсеров, не желавших признать декреты II Всероссийского съезда Советов.

«Партия большевиков,— говорил В. И. Ленин,— тогда оказалась непримиримой и поступила правильно; мы сказали себе, что нам предстоит уничтожить врагов пролетариата, нам предстоят битвы по основным вопросам о войне и мире, о буржуазном представительстве, о Советской власти. Во всех этих вопросах мы могли опираться только на свои силы, и мы поступили вполне правильно, когда не пошли на компромисс с мелкобуржуазной демократией»[1].

После Октябрьской революции в меньшевистской, как и во всех других контрреволюционных партиях, происходил развал. Он начался еще до этого, но после Октября принял катастрофические размеры.

Начиная примерно с конца августа 1917 г. ЦК РСДРП (объединенной) как единый орган фактически не существовал. По каждому обсуждаемому вопросу предлагались три-четыре самые противоположные резолюции. Было немало случаев, когда ни одна из них не принималась. Дело дошло до того, что 10 октября 1917 г. Дан временно сложил с себя обязанности члена ЦК и отказался посещать его заседания, мотивируя это тем, что «ЦК постепенно превращается в механического регистратора актов партийного раскола... и лишен возможности играть роль не только политического руководителя партии, но и охранителя ее единства»[2].

В конце ноября 1917 г. меньшевики собрались в Петрограде на экстренный съезд партии[3]. Как и у эсеров, это был их первый и последний съезд при Советской власти.

В декабре все было иначе, чем в августе, когда меньшевики находились в правительстве. Августовский съезд широко рекламировали, о нем трубили газеты. А в декабре многие приехавшие из провинции делегаты долго не могли найти помещение, где им предстояло заседать.

Обстановка на съезде вначале была удручающей. Некоторые меньшевики после октябрьских потрясений никак

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 211.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 44, л. 77.
[3] Съезд проходил с 30 ноября по 7 декабря 1917 г.

еще не могли прийти в себя и осознать свое новое положение.

М. И. Либер на съезде говорил: «Наше левое крыло еще недостаточно освоилось с мыслью, что большевики не являются партией, которая подлежит расстрелу, а, наоборот, властью, которая имеет силу расстреливать»[1]. Тот же самый Либер, как ни ругал большевиков и Советскую власть, а вынужден был признать, что «ни мы (оборонцы.— *Л. С.*), ни даже вы (интернационалисты.— *Л. С.*) не можете иметь успеха у масс. Это ясно показали последние выборы. Ведь не только на выборах в Учредительное собрание, но и в Петроградском Совете еще до переворота никто не голосовал за вас. К чему, в самом деле, большевики второго сорта, когда есть первосортные»[2].

На банкротство партии указывали многие лидеры меньшевиков. Товарищ председателя ЦК К. М. Ермолаев, открывая съезд, заявил, что «в партии царит полное разложение, делающее партию не способной почти ни к какой политической деятельности»[3]. «Мы должны признать,— вторил ему Мартов,— что мы оторваны от широких масс, связаны только с авангардом, и наши задачи — собирать массы»[4].

На съезде еще больше обострились разногласия между различными течениями меньшевиков. Правое крыло представляли Потресов и Либер, центр — Дан. От левых выступал Ерманский.

А. Н. Потресов требовал немедленного свержения большевиков. На вопрос, чем свергнуть их, он отвечал: «Чем угодно». Свою позицию непримиримой борьбы с большевиками вплоть до вооруженного восстания Потресов мотивировал тем, что большевики никогда не откажутся от своих целей. «И неосновательна надежда,— говорил он тем, которые надеялись изменить коммунистов,— что большевизм можно причесать. Большевизм тем и характерен, что он никогда не позволял себя причесывать. Он непоколебим. Его можно сломить, но согнуть нельзя»[5].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 52, л. 19.

[2] Там же, л. 21.

[3] Там же, л. 2. Председателем ЦК меньшевиков был П. Б. Аксельрод.

[4] Там же, л. 11.

[5] Там же, л. 23.

Либер требовал заключения тесного союза с кадетами для совместной борьбы против Советской власти. Он так же, как и Потресов, предлагал использовать все методы борьбы с большевиками. «Мы должны признать за народом право восстания против большевиков»[1], — взывал он на съезде.

К концу съезда разногласия обострились еще больше. Правые отказались участвовать в выборах ЦК[2]. После перебранки, которая так и не позволила меньшевикам дать единую оценку своей старой тактики, делегаты приняли резолюцию о текущем моменте. В ней говорилось, что Октябрьская революция не может осуществить социалистического преобразования общества, поскольку не произошла еще революция на Западе, а в России производительные силы стоят на очень низком уровне. Большевики объявлялись анархо-синдикалистами, утопистами, террористами, диктаторами. Съезд постановил призвать народ на борьбу «за созыв и обеспечение полноты государственной власти за Учредительным собранием и отстаивать в Учредительном собрании соглашение всех социалистических и демократических партий (от большевиков до н.— эсов) для образования революционной власти...»[3].

В резолюциях меньшевистского съезда отсутствовали определенные указания о формах борьбы с Советской властью, в том числе и о вооруженном восстании, о котором много говорили делегаты.

Но активисты понимали, что надо делать. Представитель архангельских меньшевиков Житков, вернувшись из Петрограда, на собрании городской организации так изложил главные постановления съезда: «Задачи партии —

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 52, л. 7.

[2] В выбранный на съезде ЦК меньшевиков вошли 19 членов: П. Б. Аксельрод, Р. Абрамович (Р. А. Рейн), И. С. Астров (Повес), И. И. Ахматов, Б. Н. Бер (Гуревич), Е. Л. Бройдо, Волков, Б. И. Горев, К. Гогуа, Ф. И. Дан (Гурвич), С. О. Ежов (Цедербаум), Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), А. С. Мартынов, И. М. Майский, Пинкевич, С. Семковский, Н. Череванин (Ф. А. Липкин), Г. М. Эрлих, Югов — кандидаты: В. С. Войтинский, Д. Ю. Далин, С. Девдориани, И. А. Исув, Б. С. Кибрик, Коробков, Мендельберг, Олимпиев, Н. А. Рожков, Трифонов, А. А. Трояновский, Л. М. Хинчук, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели (см. «Новый луч», 13 декабря 1917 г.).

[3] «Новый луч», 6 декабря 1917 г.

это резкая борьба с большевизмом, вплоть до оружия в руках, и организация власти без большевиков»[1].

Меньшевики утверждали, что к декабрю 1917 г. их организации без Закавказья насчитывали около 100 тыс. членов, а с Закавказьем — 150 тыс.[2] Цифры эти завышены. Материалами съезда они не подтверждаются. Но если даже допустить, что в конце 1917 г. меньшевиков было 100 тыс., то и тогда их численность по сравнению с августом сократилась почти на 50 тыс. человек.

«Вчера еще большая и влиятельная партия, — писала в начале декабря 1917 г. одна из меньшевистских газет,— руководительница (вместе с эсерами) Советов, популярная в широких слоях демократии, теперь она производит смотр жалким остаткам своей разбитой наголову армии»[3].

После съезда партия меньшевиков стала таять еще быстрее. В конце января 1918 г. из Таганрога сообщали в ЦК РСДРП: «Многие покидают ряды нашей организации... Некоторые заговорили о том, что нужно признать себя побежденными и пойти к большевикам, работать с ними»[4]. Это был голос рядовых членов партии, но лидеры не пожелали прислушаться к нему. Меньшевики все больше и больше отрывались от масс. Когда в феврале 1918 г. архангельские меньшевики попытались на заседании губернского съезда Советов поднять вопрос об Учредительном собрании, поднялась целая буря негодования. «Опять вы об Учредительном собрании». «Опять за старое!»[5] — возмущались делегаты. Об этом сообщали в Петроград своим руководителям сами меньшевики.

Во многих местах рабочие наотрез отказывались слушать ораторов из РСДРП. Так, в начале мая 1918 г. в Тверь из Петрограда приехал пропагандист этой партии Неведомский. Местные меньшевики сбились с ног, пытаясь затащить рабочих послушать приехавшего гастролера. Но у них ничего не получилось. «На лекции Неведомского 8 мая,— сообщала тверская газета,— была лишь

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1.

[2] «Новый луч», 10 декабря 1917 г.; «Новая жизнь», 1 декабря 1917 г.

[3] «Новая жизнь», 7 декабря 1917 г.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 28, л. 11, 13.

[5] Там же, л. 19.

одна интеллигенция и буржуа, а рабочих — только 3, да и то «подмоченных»»[1].

Между тем, чем хуже становилось положение меньшевиков, тем злее выступали их лидеры против Советской власти. В конце февраля 1918 г. Абрамович на заседании ЦК в связи с предстоящим соглашением с Германией высказался «против подписания мира и за восстание в случае, если мир будет подписан»[2]. Мартов грозил, что «российский пролетариат объявит непримиримую войну как правительству, которое заключило мир, так и правительству, которое погубило Россию»[3]. Но пролетариат и на этот раз поддержал большевиков.

Ярким признаком упадка и разложения РСДРП явилось выделение из ее среды (точно так же как и у эсеров) новой самостоятельной партии. Образовавшаяся летом 1917 г. группа меньшевиков-новожизненцев[4] осенью провела свою конференцию, а в январе 1918 г. созвала I учредительный съезд и образовала партию под названием «Российская социал-демократическая рабочая партия (интернационалистов)»[5]. Меньшевики-интернационалисты отличались в то время от других меньшевиков тем, что, всячески ругая большевиков и пророча им гибель, выступали против применения насилия в борьбе с Советской властью. В резолюции I съезда говорилось: «Социал-демократы интернационалисты будут самым решительным образом противодействовать всякой насильственной вооруженной борьбе с большевистской властью, поскольку она не идет против Советов, ибо такая борьба только усилила бы гражданскую войну в среде самой демократии, увеличила бы сопротивление большевиков, привлекая на их сторону симпатии масс, развязала бы силы реакции и в конечном счете привела бы к торжеству врагов демократии. Большевистский период нашей революции необходимо изжить по возможности безболезненно, без особых потрясений, так как катастрофическое крушение большевизма

---

[1] «Известия Тверского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 2 июня 1918 г.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 44, л. 107.

[3] *Ил. Вардин.* Указ соч., стр. 70.

[4] Название произошло от издаваемой ими газеты «Новая жизнь».

[5] Лидерами меньшевиков-интернационалистов были В. А. Базаров (Руднев), С. А. Лозовский (Дридзо), Г. Д. Лиидов и др.

может повлечь за собой крушение завоеваний революции»[1]. Интернационалисты, стараясь стать между большевиками и остальными меньшевиками, проявляли большую непоследовательность.

В другом положении оказались левые социалисты-революционеры. Они признали Октябрьскую революцию. многие из них поддержали большевиков в борьбе за Советы. В. А. Алгасов, П. Е. Лазимир, П. П. Прошьян входили в Военно-революционный комитет при Петроградском Совете и в другие революционные органы. Левые эсеры стояли за общедемократические революционные преобразования, которые предстояло провести в стране наряду с социалистическими. За левыми социалистами-революционерами, которые в то время принадлежали к «наиболее радикальным, наиболее революционным, наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства»[2], шли большие массы мелкой буржуазии, и прежде всего крестьян, требовавших уравнительного землепользования. Левые эсеры имели значительное влияние в Петрограде и Балтийском флоте[3].

Учитывая все эти обстоятельства, большевики предложили левым эсерам заключить соглашение. В. И. Ленин еще до победы Октябрьской революции советовал коммунистам блокироваться на местах с левыми социалистами-революционерами для привлечения на свою сторону населения и получения большинства в Учредительном собрании. 27 сентября 1917 г. он писал в Гельсингфорс председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилге: «Ваше положение исключительно хорошее, ибо Вы можете *начать* сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, который один может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном собрании. Пока там суд да дело, заключите немедленно

---

[1] ЦГАОР, ф. 8357, оп. 1. ед. хр. 5, л. 2.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 326.

[3] В Петрограде из 157 тыс. голосов, отданных за социалистов-революционеров при выборах в Учредительное собрание, левые эсеры получили 152 тыс., что составляло 16% всех голосов избирателей. В Балтийском флоте, сыгравшем огромную роль в победе Октябрьской революции, из 44 тыс. голосов, поданных за эсеров, на долю левых эсеров приходилась 31 тыс., что составляло 30% всех голосов. В Петрограде коммунисты и левые эсеры имели вместе 61% всех голосов, в Балтийском флоте — 88%.

такой *блок* у себя, организуйте издание листовочек (выясните, что́ вы можете сделать технически для этого и для их провоза в Россию) и тогда надо, чтобы в каждой агитаторской группе для деревни было не менее *двух* человек: один от большевиков, один от левых эсеров. В деревне «фирма» эсеров пока царит, и надо пользоваться вашим счастьем (у вас левые эсеры), чтобы *во имя этой* фирмы провести в деревне блок большевиков с *левыми* эсерами, крестьян с рабочими, а не с капиталистами»[1].

Соглашение с левыми социалистами-революционерами нужно было для завоевания крестьянства на сторону Советской власти.

Левые эсеры после колебаний пошли на блок с коммунистами. Сделали они это главным образом потому, что большевики обещали провести «социализацию земли».

История соглашения такова. 26 октября (во время работы II съезда Советов) большевики пригласили на заседание своего ЦК левых эсеров Б. Д. Камкова, В. А. Карелина, В. Б. Спиро и предложили им участвовать в новом правительстве. Последние отказались. На II съезде левые эсеры протестовали против захвата власти большевиками. Их делегаты остались на съезде «с единственной целью, — писала газета «Знамя труда», — парализовать заговор большевиков, доказать им утопичность и авантюристичность диктатуры пролетариата в отсталой в промышленном отношении стране, к тому же стране земледельческой»[2]. Мало того, они предложили принять резолюцию, в которой говорилось: «Военно-революционный комитет немедленно прекращает всякого рода наступательные действия и возвращается к старому исполнению своей непосредственной задачи — охраны Петрограда от контрреволюционных покушений»[3]. Съезд отверг эту резолюцию.

Быстрая победа вооруженного восстания в Петрограде и наличие на съезде большинства делегатов-коммунистов, которые и без левых эсеров приняли бы революционные декреты, восторженно встреченные рабочими, крестьянами, солдатами, заставили левых эсеров изменить свою позицию, дабы не потерять идущие за ними массы и не оказаться генералами без армии. Левые эсеры голосовали

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 266.
[2] «Знамя труда», 31 октября 1917 г.
[3] «Знамя труда», 28 октября 1917 г.

за все декреты, внесенные большевиками. Это не помешало им выступить затем главными инициаторами создания пресловутого однородного социалистического правительства.

4 ноября на заседании ВЦИК В. И. Ленин внес резолюцию, в которой предлагалось левому эсеру А. Л. Колегаеву занять пост наркома земледелия. Левые социалисты-революционеры опять отказались. На этом заседании они обрушились на декрет о печати, направленный против контрреволюционной агитации, обвиняя большевиков в политическом терроре и разжигании гражданской войны[1].

В то же время левые эсеры продолжали проводить политику соглашательства, или, как они сами говорили, «незаконного сожительства с правыми эсерами»[2]. В. И. Ленин 14 ноября указывал, что они «до сих пор подают всю руку Авксентьевым, протягивая рабочим лишь мизинец»[3].

Только в середине ноября, во время работы Чрезвычайного Всероссийского крестьянского съезда Советов, когда выяснилось, что основные массы крестьян поддерживают Советскую власть, которая быстро распространяется по стране, левые эсеры решили войти в Совет Народных Комиссаров. Об этом они заявили 17 ноября на заседании ВЦИК. Эсер Прошьян несколько месяцев спустя, выступая с докладом ЦК на партийном съезде, вспоминал: «Вам, должно быть, известно, с каким трудом мы вошли в состав правительства, — вопрос этот решался самой жизнью»[4]. Лидер левых эсеров М. А. Спиридонова позже говорила, что левые эсеры не хотели входить в правительство просто как группа интеллигентов. Они это сделали, когда образовали свою партию[5].

---

[1] См. «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р. С. Кр. и Каз. Депутатов II созыва». М., 1918, стр. 27.

[2] Нельзя согласиться с утверждением Р. М. Илюхиной, что уже в сентябре 1917 г. «левые эсеры, стремясь удержать мелкобуржуазные массы под своим влиянием, сознательно шли на прямой раскол с эсеровской партией» (см. «Исторические записки», 1963, № 73, стр. 7). На самом деле левые эсеры долго тянули с расколом и совершили его только после победы Октябрьской революции.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 94.

[4] «Знамя труда», 19 апреля 1918 г.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 8, л. 9.

Первым вошел в Совнарком Колегаев, заняв пост народного комиссара земледелия. В конце ноября — начале декабря были заключены дополнительные соглашения: членами Совнаркома стали эсеры П. П. Прошьян (нарком почт и телеграфа), И. З. Штейнберг (нарком юстиции), В. А. Карелин (нарком имуществ Российской республики), В. Е. Трутовский (нарком по делам местного самоуправления) и др. Левые эсеры вошли во все коллегии наркоматов, комиссии правительства и военные органы.

История Коммунистической партии России свидетельствует, что большевики и раньше шли на соглашения с другими партиями. Первым из них был компромисс революционных социал-демократов с «легальными марксистами» в 90-х годах прошлого столетия. В своей работе «Что делать?» (1902 г.) В. И. Ленин писал: «Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать»[1]. В 1907 г. большевики заключили временный политический блок на выборах в Думу с социалистами-революционерами. Летом 1917 г. коммунисты неоднократно блокировались с меньшевиками-интернационалистами на выборах в органы местного самоуправления.

В конце 1917 г. коммунисты пошли на самый большой в истории партии компромисс с мелкобуржуазной партией, не признававшей диктатуру пролетариата, но поддержавшей Советскую власть.

Заключая соглашение с левыми эсерами, большевики делали уступку прежде всего среднему крестьянству — многочисленному слою мелкой буржуазии, тому промежуточному классу, колеблющемуся между буржуазией и пролетариатом, который в будущем предстояло обязательно привлечь на сторону рабочих. Блок с левыми эсерами вбивал новый клин в отношения между левыми и правыми эсерами и сильно ослаблял позиции последних.

Вступая в соглашения с левыми эсерами, коммунисты строго придерживались ленинского указания, что никакие практические союзы с другими партиями ни в коем случае не могут вести к уступкам или компромиссам в теории или программе. Основой соглашения с левыми социалистами-революционерами был союз рабочих и трудящихся

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 16.

крестьян. В этом отношении коалиция была честной. Она будет честной и в верхах, между левыми эсерами и большевиками, указывал В. И. Ленин, «если левые эсеры более определенно выскажут свое убеждение в том, что переживаемая нами революция есть революция социалистическая»[1]. Однако левые эсеры так не считали. Заключением соглашения с левыми эсерами большевики показали всему миру, что они не сектанты, не догматики, а люди, трезво оценивающие соотношение классовых сил и, если нужно, если этого требуют интересы пролетарской революции, идущие на соглашения и союзы с другими партиями. Компромисс правящей партии большевиков с левыми социалистами-революционерами и вхождение последних в Советское правительство опровергают утверждение наших врагов о том, что коммунисты после завоевания власти якобы не терпят около себя никаких других партий. На самом деле они борются только с такими партиями, которые выступают против завоеваний рабочих и крестьян, против революции. Если же мелкобуржуазные партии (и не только мелкобуржуазные) признают победу революции и готовы защищать ее завоевания и честно сотрудничать с коммунистами, то они, несмотря на расхождения по другим вопросам, могут рассчитывать на понимание со стороны правящей коммунистической партии. Сотрудничество таких партий с коммунистами может быть длительным. Примером тому служат страны социализма, вступившие на этот путь после второй мировой войны, в которых до сих пор существует несколько партий. Обязательным условием такого сотрудничества является признание всеми партиями руководящей роли коммунистов.

Не вина большевиков, что соглашение с левыми социалистами-революционерами просуществовало всего несколько месяцев. Виноваты в этом сами левые эсеры, которые оказались очень слабыми союзниками. Они не выдержали испытаний.

С 19 по 28 ноября 1917 г. в Петрограде проходил I съезд левых эсеров, на котором оформилась партия. Он принял несколько программных документов. Наиболее важными из них были резолюции по политической программе, текущему моменту и об Учредительном собрании. В первой говорилось, что съезд партии левых социалис-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 100—101.

тов-революционеров (интернационалистов) кладет в основу политической программы партии следующие положения: «Революционный трудовой народ России тогда сможет выполнить свою великую миссию — способствовать уничтожению ига классовой розни и борьбы среди современных народов, — когда в своих руках исключительно и неотъемлемо он будет держать государственную власть. В период всей нашей текущей непрерывной социальной революции русский трудовой народ не должен разделять властвования с другими классами. Переходные эпохи требуют диктатуры того класса, который хочет победить. Вся власть как в центре, так и на местах должна принадлежать трудовому народу. Его классовые организации должны править страной»[1].

В других документах съезда неоднократно упоминались слова «народная демократия», «рабочая и крестьянская демократия», «диктатура демократии», но нигде не говорилось о диктатуре пролетариата, о руководстве со стороны рабочих крестьянами. Это было характерно для мелкобуржуазной партии.

В резолюции об отношении к Учредительному собранию съезд заявлял, что повторения гибельного опыта коалиции с буржуазией не может быть, что Учредительное собрание лишь при условии признания им решений II съезда Советов заслуживает совершенной поддержки. В то же время говорилось: «Всякую попытку превратить Учредительное собрание в орган борьбы с Советами Р., С. и Кр. Депутатов как органами власти съезд считает посягательством на завоевания революции и считает необходимым оказать ему самое решительное противодействие»[2].

Таким образом, политическая линия левых эсеров сильно отличалась от линии правых, хотя в ней было много неясного. Что касается самой программы, то левые эсеры ничего принципиально нового не создали, хотя почти на каждом съезде делали попытки создать «свою» программу. Об этих попытках мы будем дальше говорить, заметим только, что левые эсеры до конца существования партии так окончательно и не выработали своей программы.

---

[1] «Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов)». М., 1918, стр. 89.

[2] Там же, стр. 111.

I съезд левых социалистов-революционеров выбрал ЦК партии в составе 15 членов и 5 кандидатов[1]. Петроградская газета «Знамя труда» стала центральным органом партии.

Колебания левых эсеров после образования партии и вхождения в Советское правительство не прекратились. Непоследовательность и шатания были характерны для всех их действий. Так, они поддержали большевиков в решении распустить Учредительное собрание. В передовой статье газеты «Знамя труда» накануне открытия Учредительного собрания говорилось: «Октябрьский переворот, открывший шлюзы для свободного и полноводного потока классовых и национальных устремлений, обескровил идею Учредительного собрания, лишив его всякого исторического содержания»[2]. После того как контрреволюционное большинство Учредительного собрания отказалось признать основные законы Советской власти, левые эсеры вслед за большевиками покинули Таврический дворец[3]. Однако, когда Советская власть приняла решительные меры против контрреволюционеров, высыпавших на улицы Петрограда в день открытия Учредительного собрания, то есть когда пролетариат на практике проявил свою диктатуру, левые эсеры подняли страшный шум. Они взяли под защиту врагов Советской власти.

Действия левых эсеров часто определялись не их политикой, а давлением на них масс трудящихся. Так было, например, с объединением рабочих Советов с крестьянскими. Левые эсеры не хотели создания единого органа власти, но вынуждены были пойти на это. В конце 1918 г., на совете партии, Спиридонова проговорилась: «Стихийно рабочие, солдаты и крестьяне начали сливаться в один орган. Это было движение снизу, и с ним было нельзя бороться, хотя это было очень тяжело, так как мы отдавали

---

[1] Членами ЦК партии левых эсеров были избраны М. А. Натансон, М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков (Кац), А. Л. Колегаев, В. А. Карелин, А. М. Устинов, А. А. Биценко, В. А. Алгасов, И. З. Штейнберг, В. Е. Трутовский, Б. Ф. Малкин, С. Д. Мстиславский (Масловский), П. П. Прошьян, Л. Д. Шишко, А. А. Шрейдер, кандидатами — Д. А. Черепанов, Качинский, Прохоров, Д. А. Магеровский, И. А. Майоров (даны в порядке большинства голосов).

[2] «Знамя труда», 4 января 1918 г.

[3] В Таврическом дворце в Петрограде проходило заседание членов Учредительного собрания.

крестьянство в пользование большевикам. Но возражать мы не могли»[1].

Чем глубже развивалась социалистическая революция, тем больше колебались левые эсеры. «В самом деле, — говорил В. И. Ленин, — такие постоянные и непрерывные колебания, как эта партия, едва ли какая-либо другая в истории революции проделала»[2]. В Совнаркоме и ВЦИК левые эсеры выступали против большевиков по многим важным вопросам, подвергаясь каждый раз за это резкой критике со стороны последних. Но надо сказать, что до марта 1918 г. левые эсеры поддерживали коммунистов по большинству основных вопросов. Иначе невозможно было бы соглашение между большевиками и ними. При решении важнейших вопросов (Учредительное собрание, национализация земли и некоторые другие) члены центральных комитетов большевиков и левых эсеров собирались вместе для согласования действий. Огромное превосходство Коммунистической партии, ее политики, стратегии и тактики проявлялось и в том, что большевики ставили левых эсеров в такие условия, в которых эти временные и неустойчивые попутчики революции вынуждены были поддерживать Советскую власть и коммунистов. Так было, например, с декретом о земле. Известно, что большевики включили целиком в декрет крестьянский наказ о земле, составленный эсерами на основании 242 местных крестьянских наказов. После этого левые эсеры не могли отказаться от поддержки декрета о земле, иначе от них отвернулись бы крестьяне, как это произошло с правыми эсерами, не признавшими декрета.

Соглашение с левыми эсерами просуществовало до заключения Брестского договора. 24 февраля эсер Камков, выступая на Петроградской конференции партии, говорил: «Принятие мира наносит моральное и физическое поражение революции, ее существование, экономическое и политическое, делается уже невозможным»[3]. ЦК партии левых эсеров дал указание своим организациям решительно бороться против Брестского договора и «свести его на нет».

На IV съезде Советов (март 1918 г.), после того как Брестский договор был ратифицирован, левые социалисты-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 8, л. 23.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 244.
[3] «Знамя труда», 26 февраля 1918 г.

революционеры заявили о выходе из Совнаркома. Этим самым они разорвали свой союз с большевиками. Они заявили, что не будут бороться против Советской власти, останутся во ВЦИК, местных Советах, чтобы проводить свою линию. «История революции показала, — писала их газета «Знамя труда», — что вне Советов нет спасения для социалистической партии, если эта партия хочет опираться на крепкие классовые организации»[1]. Однако логика классовой борьбы действовала неумолимо. Встав на путь борьбы с Советской властью из-за Брестского договора, левые эсеры затем выступили против рабоче-крестьянской власти и по другим вопросам.

Программные требования, политику и тактику левых эсеров можно проследить по решениям II съезда партии социалистов-революционеров, который проходил в Москве с 17 по 25 апреля 1918 г. Согласно протоколам, хранящимся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, на нем присутствовало 59 человек (от 29 губерний), представлявших 62 651 члена партии[2].

С докладом по текущему моменту выступал Камков. Он заявил, что основу политики партии составляет диктатура пролетариата и трудового крестьянства (к трудовым крестьянам левые эсеры относили всех земледельцев, не эксплуатирующих чужого труда). Докладчик жаловался, что левым эсерам во время существования блока с большевиками не удалось провести в жизнь этот принцип, ибо влияние их в правительстве было очень небольшим. «Это влияние, — говорил он, — было настолько слабо, что

---

[1] «Знамя труда», 17 марта 1918 г.

[2] Наибольшее число левых эсеров числилось в Харьковской губернии (10 200 человек), в Пермской (6250), Воронежской (6134), Петроградской (4 тыс., без Кронштадта, где левые эсеры имели еще 3200 человек). В то же время в Московской и Владимирской губерниях их насчитывалось всего по 350 человек, в Тамбовской и Витебской — по 300, в Самарской — 282 человека (ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1—5).

Интересно отметить социальный состав съезда. Из делегатов с решающим голосом рабочих было — 13, хлеборобов — 11, моряков — 1, землемеров — 1, торговых служащих — 2, инженеров — 2, юристов — 3, педагогов — 3, студентов — 10, остальных — 9. Таким образом, крестьян, на выражение интересов которых партия претендовала, имелось всего 20%. Национальный состав делегатов: из 52 человек русских было 34, евреев — 12, украинцев — 1, белорусов — 1, поляков — 1, латышей — 1, эстонцев — 1, мордвинов — 1 («Знамя труда, 26 апреля 1918 г.).

мы не могли отстоять даже того вопроса, который лежит краеугольным камнем в нашей программе,— диктатуры пролетариата и трудового крестьянства. Мы имеем, вернее, имели до сих пор диктатуру пролетариата с частичным привлечением так называемого беднейшего крестьянства. Вот где было нарушено то трудовое народовластие, о котором мы говорили, ибо не может быть народовластия, когда наибольшая трудовая часть населения почти устранена с политической арены»[1]. Камков не понимал существа пролетарской власти. Большевики, заключив соглашение с левыми эсерами, разделили с ними власть, но при этом диктатура пролетариата оставалась. Рабочий класс, партия коммунистов использовали ее тогда в деревне в интересах беднейшего крестьянства, для расширения и упрочения союза с ним, а не со всем крестьянством.

Далее Камков говорил, что, поскольку рабочий класс распыляется, основной силой революции все больше выступает крестьянство. Ему вторила Спиридонова: «В настоящее время все яснее становится, что главнейшим социальным фактором нашей революции является земля, земельный вопрос и движущей, организующей силой нашей социальной революции является крестьянство, эта великая социальная категория наших дней»[2].

Камков и большинство других руководителей обрушились на коммунистов за то, что те заключили Брестский договор с Германией. Они одобрили выход левых эсеров из Советского правительства. Но среди делегатов съезда были и такие, в том числе Спиридонова, которые осудили уход левых эсеров из Совнаркома и иначе отнеслись к Брестскому договору. «Выход (из СНК.— *Л. С.*) является преступлением по отношению к крестьянству,— говорила Спиридонова, — так как со стороны интересов крестьянства необходимо, чтобы аппарат центральной власти был и у нас в руках»[3]. Она высказала предположение, что левые эсеры этим поступком «осудили себя на гибель». Брест Спиридонова оценила как вынужденный шаг со стороны большевиков. Она указывала на то, что левые эсеры преувеличивают свои силы. «Почему мы не можем распространиться, почему всюду нас бьют, почему всюду

---

[1] «Знамя труда», 20 апреля 1918 г.
[2] «Знамя труда», 21 апреля 1918 г.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 1, л. 177.

большевики впереди нас? — продолжала она. — Здесь нужно, быть может, точно выяснить, на что мы можем рассчитывать в будущем. Даже здесь, в тесной семье, мы считаем возможным опьянять себя небольшой шумихой. Мне кажется, что лучше сказать себе то, что есть: мы небольшая количественно партия, но с той программой, которая при своем распространении способна охватить громадную массу народа, опереться на него»[1]. Спиридонова в своем кругу не стеснялась сказать горькую правду, что в настоящее время левоэсеровская организация «не шибко высокой пробы»: в ней нет ни крупных экономистов, ни научных сил, ни опытных организаторов.

Реалистическое выступление лидера партии не помешало, однако, делегатам съезда принять резолюции, одобряющие позиции левых эсеров по Брестскому договору и выходу из Совнаркома. В резолюции по текущему моменту съезд призывал партийные организации «выпрямлять общую линию советской политики». После съезда борьба между левыми эсерами и большевиками обострилась.

С первых дней Советской власти началось банкротство многих анархистов. Вначале они приветствовали Октябрьскую революцию, уничтожившую власть эксплуататоров, насилие помещиков и капиталистов над народом. В составе Военно-революционного комитета Петроградского Совета находились лидеры петроградских анархистов И. Блейхман, В. Шатов, Е. Ярчук и др. Многие анархисты в составе красногвардейских отрядов участвовали в подавлении сопротивления буржуазии, в сломе старого аппарата.

Но как только рабочие и крестьяне стали закладывать основы социалистической экономики, от разрушения старого мира перешли к созиданию нового, стали строить советский государственный аппарат, издавать через Советы декреты и требовать обязательного их исполнения, сторонники безвластия закричали о насилии и выступили против мер, проводимых Советским государством.

В отличие от эсеров и меньшевиков, тянувших страну назад к капитализму, анархисты, игнорируя экономические законы развития общества, потребовали немедленно приступить к осуществлению коммунистических принци-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 1, л. 184.

нов прежде всего в области распределения. Не получив поддержки со стороны Советской власти, они сами взялись осуществлять свои идеалы. В этом деле у них нашлось много помощников, пожелавших погреть руки на чужом добре.

Когда же начали строго карать за воровство, анархисты ополчились против этой справедливой меры. Они не могли придумать ничего лучшего, как посоветовать Советской власти экспроприировать решительно все имущество буржуазии и этим самым ликвидировать почву для воровства.

Анархисты протестовали против установления рабочего контроля над производством и распределением, национализации земли и промышленности, против Брестского мира, создания Красной Армии, твердой дисциплины. Они требовали передать землю, фабрики и заводы самим производителям, отдельным самоуправляющимся группам крестьян и рабочих («коммунам»), которые не должны признавать власти государства. Постоянной армии анархисты противопоставляли никому не подчинявшиеся вооруженные отряды, действовавшие по своему усмотрению.

Советская власть терпимо относилась к анархистам. До середины весны 1918 г. их не трогали. Они имели полную возможность проявить себя. Казалось бы, в этих условиях анархизм мог получить широкое распространение в России. Этому благоприятствовала и тяжелая обстановка в стране: голод, безработица, увеличение числа деклассированных элементов, разгул мелкобуржуазной стихии. Однако анархизм не расцвел в Советской республике. Сторонников его было немного. К середине апреля 1918 г. наибольшее число их сосредоточилось в Москве. Здесь существовала «Московская федерация анархистских групп», насчитывавшая около тысячи человек. В Петрограде и в некоторых городах Юга анархисты исчислялись несколькими сотнями. В губернских городах Центра страны (не во всех) их было по нескольку десятков.

Таким образом, и после Октябрьской революции анархизм оказался чужд широким массам народа. К теоретической несостоятельности анархизма теперь добавилось его практическое банкротство.

Пользуясь безнаказанностью, анархисты совершенно распоясались. Под видом «экспроприации буржуазии» они

занимались грабежами, захватывали большие ценности, огромное количество продуктов, создавали склады оружия.

Эсеровская газета «Знамя труда» в начале апреля 1918 г. писала об одной из групп анархистов в Москве. «1 апреля в особняк № 42 по 1-й Мещанской улице явилась группа вооруженных лиц человек в 50 и заявила, что они, «независимые» анархисты, занимают это помещение. Заняв особняк, они приступили к расхищению имущества. Была вызвана рота Финляндского красно-советского полка и 16-й Летучий московский отряд. «Независимые», встретив приближающиеся войска беспорядочной стрельбой, разбежались. Задержать никого не удалось, и лишь был отбит ящик, который анархисты пытались увезти на извозчике. Ящик этот был доставлен в штаб, вскрыт, и в нем оказалось различное серебро: чайные ложки, ножи, подстаканники и прочее «реквизированное» в особняке. Серебро сдано в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, которая приняла за расследование этого налета»[1].

Другая группа совершила налет на Купеческий клуб на Малой Дмитровке, отобрала у находившихся там людей все деньги и ценные вещи, разогнала их, а здание превратила в центр пропаганды своих идей. Чтобы привлечь население, анархисты стали готовить дешевые обеды. Всегда находились люди, желавшие получить обед «по 3 руб. с хлебом». Анархисты пользовались этим и всех приходивших к ним обильно снабжали своей литературой. В некоторых местах они раздавали обывателям награбленные вещи. Обыкновенно «экспроприаторы» предлагали всем становиться в очередь и оделяли кого старыми часами, кого пепельницей, кого стулом. Чтобы никто не мог получить дважды, они в паспорте помечали: «Вещь выдана».

В Брянске, Ростове, Екатеринославе анархисты освободили уголовников из тюрем. В Брянске спустя несколько часов после такой операции шли повальные грабежи.

Руководители анархистов видели, что под прикрытием черного знамени стали орудовать профессиональные грабители. Однако они не только ничего не предпринимали против этого, а брали под свою «идейную» защиту воров

[1] «Знамя труда», 3 апреля 1918 г.

и мародеров. Так, в передовой статье газеты петроградских анархистов «Буревестник» в апреле 1918 г. говорилось: «За нами идет целая армия преступности. Мы это хорошо знаем. Почему же мы идем вместе? Вернее, почему они идут под нашим прикрытием? У нас с внешней стороны одна цель. Мы разрушаем современное общество, и они разрушают. Мы выше современного общества, а они ниже. Но мы в глубоком презрении к современному обществу протягиваем руку этим преступникам. У нас один общий враг — современное общество»[1].

Что касается идейных анархистов, то их насчитывалось очень мало и они не могли справиться с захлестывающим анархизм бандитизмом.

Создавалось нетерпимое положение. Советской власти ничего не оставалось, как решительно пресечь преступную деятельность «мародеров революции». Началось с Москвы. В ночь на 12 апреля 1918 г. отряды Всероссийской чрезвычайной комиссии и части Красной Армии начали операцию против сторонников безвластия. Оказалось, что в Москве анархисты захватили 25 особняков и разместили в них свои группы, носившие громкие названия вроде «Анархия», «Буря», «Смерч», «Авангард». В каждой из них было по нескольку десятков человек. Чекисты и красноармейцы окружили особняки и начали разоружать их новых обитателей. В большинстве мест анархисты сдались без боя, но кое-где оказали вооруженное сопротивление. На Малой Дмитровке, на Поварской и Донской завязались бои. Особенно упорно анархисты дрались на Малой Дмитровке (ныне улица Чехова), где помещалась одна из наиболее многочисленных групп — «Анархия». Сторонники безвластия пустили в дело пулеметы и горную пушку. Однако уже к 2 часам дня операция повсюду была закончена. Всего в городе арестовали около 400 человек и отправили в Кремль, где заседала особая комиссия, фильтровавшая анархистов. Среди них оказалось много крупных уголовных преступников, которые разыскивались милицией и ВЧК. В подвалах особняков чекисты обнаружили много продовольствия, одежды, мануфактуры, обуви, кожи и целые склады оружия — от револьверов до пушек. При обысках у отдельных анархистов изъяли большое количество золотых вещей и драгоценных камней.

---

[1] «Буревестник», 19 апреля 1918 г.

В течение трех дней арестованных в определенные часы выводили на одну из площадей в Кремле, а жители приглашались опознать преступников.

Через несколько дней ВЦИК заслушал отчет следственной комиссии ВЧК о разоружении анархистов, одобрил ее действия, заявив, что борьба идет не с идейными последователями Бакунина и Кропоткина, а с уголовными элементами и белогвардейцами, орудовавшими под вывеской анархизма. Вскоре после этого преступность в столице снизилась на 80%[1].

Вслед за Москвой анархисты были разоружены в Петрограде и других городах. Так Советская власть решила сразу две задачи. Она разоблачила перед народом «ретивых социалистов» и пресекла развитие анархии. Любопытно заметить, что обуздание людей, проповедовавших безвластие, произвело огромное впечатление на буржуазию. Кадет Кроль, наблюдавший разоружение анархистов в Москве, впоследствии писал об этом: «В этот день большевистская власть была героем в глазах буржуазии. «Вот если бы Керенский так действовал против большевиков! Вот это — власть!» Так приветствовала буржуазия «сильную» власть»[2].

Но все это еще не означало ликвидацию анархизма в Советской республике. После разоружения и чистки многие анархисты были отпущены на свободу и продолжали свою деятельность. Правда, они уже не могли принести такого вреда, как раньше. Численность их тоже повсюду сократилась.

V. ПОЧЕМУ ПРОЛЕТАРИАТ ЛЕГКО ПОДАВИЛ ПЕРВЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ БУРЖУАЗИИ

Многовековая история классовой борьбы учит, а революции в странах Европы, Азии и Америки середины XX в. подтверждают, что ни один класс не уступал своей власти другому без упорной борьбы. Свергнутые классы не останавливались ни перед какими средствами, чтобы вернуть свое господство. Смотря по соотношению сил и обстановке, они то открыто шли под своими знаменами, то временно

---

[1] См. «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 7.

[2] *Л. А. Кроль*. Указ. соч., стр. 22—23.

рядились в другие одежды, прикрывались чужими лозунгами, лавировали.

Но результаты борьбы в конечном счете всегда определялись схваткой главных борющихся сторон, претендовавших на власть. Промежуточные классы могли на время захватить власть, но удержать ее долгое время были не в состоянии. Власть снова переходила или к революционному, или к старому господствовавшему классу. Промежуточные классы оставались у разбитого корыта, если не переходили на сторону революции.

Так было и в России. Победа в гражданской войне в конечном счете определялась борьбой пролетариата и его союзников с российскими и помогавшими им международными капиталистами.

Буржуазия и помещики сразу не могли выступить против Советской власти со своими лозунгами. Слишком ненавистны были они народу. Вчерашним хозяевам России требовалось прикрытие. Они нашли его у эсеров и меньшевиков, под знаменем которых отряды контрреволюции в лице офицеров, юнкеров и богатых казаков ринулись на штурм только что родившейся Советской власти.

Эсер Керенский 25 октября 1917 г. бежал из Петрограда, чтобы собрать верные буржуазному правительству части и двинуть их на подавление революции. Среди солдат их не было. Они нашлись только среди казачьих частей корпуса генерала П. Н. Краснова.

Бывший премьер собирал войска под Петроградом, а руководители эсеров и меньшевиков снаряжали в столице делегации для встречи казаков и одновременно готовили восстание в городе. Член ЦК эсеров Гоц прибыл к Краснову для «моральной поддержки». Чернов бросился в ставку вербовать офицеров для оказания помощи Керенскому. Меньшевик Войтинский (комиссар при Краснове) уговаривал солдат не мешать казакам двигаться на Петроград. Когда Краснов, заняв Гатчину и Царское Село, подходил к столице, в ней по указанию «Комитета спасения родины и революции» подняли мятеж юнкера.

Однако скоро выяснилось, что силы мятежников оказались во много раз меньше, чем силы Советской власти. В открытом бою 30 октября под Пулковом красногвардейцы и революционные солдаты победили казаков и офицеров, выступавших под знаменами «демократической контрреволюции».

После подавления мятежа в районе Петрограда произошло своеобразное распределение ролей между руководителями мелкобуржуазных партий и лидерами кадетов. Многие из последних бежали на окраины, чтобы там взять на себя роль организаторов войны с Советской властью. Эсеры и меньшевики остались в столице, чтобы здесь бороться с Советской властью всеми доступными для них средствами.

Однако им не удалось помешать Советской власти. Капиталисты и помещики тоже скоро убедились в том, что и у них нет сил для борьбы с рабочими и крестьянами. Их не поддержали даже те слои населения, на которые они больше всего рассчитывали. Это особенно ярко выявилось во время мятежей Каледина на Дону, Дутова в Оренбургской губернии, Семенова в Забайкалье, а также вооруженных выступлений националистической буржуазии в конце 1917 — начале 1918 г.

Руководители контрреволюции считали, что главной силой в борьбе с Советской властью явятся казачьи полки, офицерские отряды и некоторые национальные формирования. Но казачьи части, прежде всего те, которые вернулись с фронта, не пошли против Советской власти.

Генерал М. В. Алексеев в письме французской миссии в Киев, прося помощи в борьбе с большевиками, так описывал положение на Дону:

«Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достояния. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов — буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть»[1].

Собравшийся в январе 1918 г. в станице Каменской съезд казачества признал Советскую власть и образовал Донской военно-революционный комитет, который объявил войну Каледину. Считая положение безвыходным, атаман казачьего войска застрелился.

Отказ казаков от борьбы с Советской властью заставил буржуазию и помещиков ускорить создание собственных вооруженных сил. В конце 1917 г. генералы М. В. Алексеев

[1] *Вера Владимирова.* Указ. соч., стр. 141.

и Л. Г. Корнилов приступили к формированию на Дону армии из добровольцев, получившей название Добровольческой. В нее вошли главным образом офицеры. Весной 1918 г. ею стал командовать генерал А. И. Деникин.

В начале 1918 г. буржуазно-помещичья армия под напором советских войск отступила с Дона на Кубань. В ней было в то время 5—6 тыс. человек. Не имея поддержки у населения, испытывая острый недостаток в оружии и особенно в боеприпасах, она переживала кризис. Но добить ее не удалось. Добровольцы дрались с остервенением. У них ротами командовали полковники, а капитаны и поручики шли рядовыми с винтовками. Эти люди знали, за что дрались. Они не могли смириться с тем, что рабочие и крестьяне отняли у них и их отцов земли, имения, фабрики, заводы. Добровольческая армия стала в дальнейшем главной ударной силой всей южной контрреволюции.

Аналогичная картина была во время мятежа Дутова, который, как и Каледин, пытался опереться на казаков. Но его поддержали главным образом казачья верхушка, офицеры, юнкера. К атаману Оренбургского казачьего войска пристали башкирские и казахские буржуазные националисты, но сколько-нибудь серьезной силы в военном отношении они не представляли.

Когда красногвардейские отряды в январе 1918 г. повели наступление на Оренбург, у Дутова не оказалось достаточно сил для сопротивления. Казаки-фронтовики не поддержали его. Близкий к атаману генерал И. Г. Акулинин впоследствии писал об этом: «Как раз в это время в войско стали прибывать с Австро-Венгерского и Кавказского фронтов строевые части — полки и батареи, но рассчитывать на их помощь оказалось совершенно невозможно: они и слышать не хотели о вооруженной борьбе с большевиками.

У казаков-фронтовиков, утомленных войной, а частью настроенных большевистски, была одна мысль — поскорее попасть в родные станицы... Среди них появились и настоящие большевики, которые вели разлагающую пропаганду сначала в полках, а потом и в станицах»[1].

Попытка Дутова провести мобилизацию казаков дала плачевные результаты. Его гонцы-агитаторы, рыскавшие по станицам, доносили, что казаки не дают людей и велят

[1] *И. Г. Акулинин.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937, стр. 44.

атаману мириться с Советской властью. В Оренбурге главари мятежа со страхом читали решения станичных собраний. Жители Краснохолмской станицы 16 января 1918 г. постановили: «4. Так как на Оренбургском фронте, прикрываясь маской трудового казачества, состоят только кадеты, юнкера и офицеры, просим Малый круг бойню прекратить. 5. Ввиду гражданской войны, которая повторяется вторично и которая ведется не трудовым казачеством, а лишь лицами, указанными в пункте четвертом, выносим недоверие войсковому правительству во главе (с) войсковым атаманом...»[1]

Дутов был наголову разбит красногвардейцами и с несколькими сотнями офицеров и преданных ему казаков бежал в Тургайские степи.

На востоке страны были быстро подавлены мятежи есаула Семенова (в районе Читы), пытавшегося опереться на забайкальских казаков, атамана Гамова (в Благовещенске), атамана Сотникова (в Красноярске). Основная масса казаков их не поддержала.

Такая же участь постигла башкирских, татарских, казахских и других буржуазных националистов, выступивших с оружием в руках против Советской власти. Они не нашли поддержки у своих народов.

Быстрая победа пролетариата над буржуазией и помещиками, даже в тех районах, где они имели наиболее благоприятную социальную базу, была достигнута потому, что к началу 1918 г. соотношение классовых сил в стране по сравнению с осенью 1917 г. изменилось в пользу Советской власти. Рабочий класс, большевики, дав народу мир и землю, быстро завоевали на свою сторону большинство мелкой буржуазии, главным образом крестьянства. Без этого, как указывал В. И. Ленин, победа пролетариата в центральных районах была бы непрочной, временной.

Ярким подтверждением перехода на сторону рабочих основных масс трудящихся классов является тот факт, что Советская власть триумфальным маршем прошла по стране. К середине февраля 1918 г. она установилась даже в самых отдаленных уголках республики.

Советскую власть поддержало все крестьянство, ибо в то время в деревне пролетариат решал главным образом задачи буржуазно-демократической революции.

[1] «Известия Оренбургского военно-революционного комитета», 29 января 1918 г.

«В стране,— указывал В. И. Ленин,— где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции,— наша революция до организации комитетов бедноты, т. е. до лета и даже до осени 1918 года, была в значительной мере революцией *буржуазной*. Мы этого сказать не боимся. Мы так легко проделали Октябрьскую революцию потому, что крестьянство в целом шло с нами...»[1]

За Советскую власть высказалось и большинство казачества.

О расстановке классовых сил в стране накануне и в период Октябрьской революции говорят материалы выборов в Учредительное собрание. Для первых месяцев существования власти пролетариата показательны данные выборов в Советы.

Переход основных масс трудящихся на сторону рабочего класса в то же время означал их отход от правых эсеров и меньшевиков. Процесс завоевания промежуточных классов пролетариатом показывают изменения в составе Сове-

Партии	II съезд* 25—26 октября 1917 г.	III съезд** 10—18 января 1918 г.	IV съезд*** 14—16 марта 1918 г.
Коммунисты	338 (51,8%)	441 (62,4%)	814 (69,8%)
Левые эсеры	98 (15,0%)	112 (15,8%)	238 (20,4%)
Правые эсеры	88 (13,5%)	35 (5,0%)	15 (1,3%)
Максималисты	—	18 (2,5%)	24 (2,1%)
Меньшевики	36 (5,5%)	22 (3,1%)	27 (2,3%)
Меньшевики-интернационалисты	49 (7,5%)	18 (2,5%)	16 (1,4%)
Анархисты	1	5 (1,1%)	14 (1,2%)
Прочие	20 (3,0%)	1	—
Беспартийные	23 (3,5%)	56 (7,9%)	18 (1,5%)
Всего	653	708	1166

* См. „Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д". М.—Л., 1928, стр. 171.

** См. „Триумфальное шествие Советской власти", ч. 2. М., 1963, стр. 360.

*** См. „Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов". М., 1920, стр. 83.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 143.

тов. Рассмотрим таблицу партийного состава трех Всероссийских съездов Советов[1] (см. стр. 111).

Из таблицы видно, что начиная с Октябрьской революции и до весны 1918 г. от съезда к съезду росло число делегатов-коммунистов. С октября 1917 г. (II съезд Советов) по март 1918 г. (IV съезд Советов) процент депутатских мандатов большевиков увеличился почти наполовину (с 52 до 70).

Количество эсеров и меньшевиков, выбираемых на съезды, наоборот, постоянно уменьшалось. Удельный вес меньшевиков на IV съезде был почти в два с половиной раза меньше, чем на II съезде.

Рост влияния коммунистов в деревне можно проследить по съездам Советов крестьянских депутатов. На II съезде (конец ноября — начало декабря 1917 г.) из 790 делегатов большевиков было 91 человек (12%), правых эсеров — 307 (39%), левых эсеров — 350 (44%), а на III съезде (январь 1918 г.) из 664 депутатов большевиков было 309 (47%), левых эсеров — 278 (42%)[2].

Аналогичная картина наблюдалась на губернских и уездных съездах Советов. Здесь к середине марта 1918 г. коммунисты с сочувствующими им имели почти две трети мест.

Все это свидетельствовало о том, что партия пролетариата завоевывала все новые и новые слои населения, а мелкобуржуазные партии, кроме левых эсеров, стоявших на советской платформе, везде теряли влияние в средних слоях. Этим и объясняется, почему рабочий класс в союзе с деревенской беднотой при поддержке всего крестьянства в вооруженной борьбе на первом этапе гражданской войны быстро разгромил буржуазию, помещиков и укрепил свою власть.

---

[1] II и III Всероссийских съездов Советов рабочих и солдатских депутатов и IV Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

[2] См. *Е. Г. Гимпельсон.* Некоторые новые данные о составе III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 216.

Глава вторая

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ДЕРЕВНЕ. НОВЫЙ ЭТАП КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

I. КЛАССЫ РЕВОЛЮЦИИ И ИХ ПАРТИЯ

1. Рабочий класс

Весной и летом 1918 г. обстановка в Советской республике круто изменилась. Произошли важные события: подписание Брестского договора с Германией, начало военной интервенции империалистов Антанты, национализация всей крупной промышленности и одновременно с этим усиление голода и поход рабочих в деревню за хлебом, резкое увеличение классового раскола в крестьянстве. Все это отразилось на положении классов и партий и привело к изменению в расстановке классовых сил в стране.

К лету 1918 г. значительно уменьшилась численность пролетариата. По данным Центрального статистического управления РСФСР, к концу августа в России в крупной промышленности насчитывалось 2 072 тыс. промышленных рабочих[1], а в 1917 г. на этой же территории было 2 596 тыс. рабочих[2]. Сокращение численности пролетариата произошло главным образом потому, что военные заводы, на которых раньше было занято огромное количество людей, почти прекратили изготовление военных материалов. Полностью встали или сократили работу из-за отсутствия топлива и сырья многие другие предприятия. Начавшийся весной голод заставил многих рабочих уехать в деревню.

[1] См. «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г.», стр. IV.

[2] См. *С. Г. Струмилин.* Производительность труда в СССР за 40 лет. В кн.: «Советская социалистическая экономика. 1917—1957». М., 1957, стр. 122.

В Петрограде, по данным Комиссариата труда, с 1 января по 1 августа 1918 г. закрылось около половины металлических и химических заводов, а число рабочих сократилось с 331,3 тыс. до 99,4 тыс. человек[1]. Только в апреле 1918 г. из Петрограда выехало 17 846 рабочих семей[2].

В Москве численность пролетариата сократилась значительно меньше, ибо в ней было сравнительно немного военных заводов. И все же к концу лета количество рабочих в Московской губернии уменьшилось по сравнению с 1917 г. на 50 тыс. и составляло около 330 тыс. человек. Во Владимирской губернии в 1917 г. было 205 тыс. рабочих, а к концу августа 1918 г. осталось 112 тыс. Многие пролетарии остались без работы. На 15 мая 1918 г. на биржах труда было зарегистрировано 308 тыс. безработных, в том числе 120 тыс. в Московской области и 70 тыс. в Петроградской[3]. Около 70% безработных составляли чернорабочие или малоквалифицированные рабочие[4].

Сокращение рабочих на производстве произошло и потому, что часть их ушла в партийный и советский аппарат, в Красную Армию, в продовольственные отряды.

Несмотря на уменьшение численности пролетариата, концентрация его и в годы гражданской войны оставалась большой. На конец августа 1918 г. в 31 губернии европейской части России на предприятиях с числом 200 и более работавших находилось свыше 80% всего состава промышленного пролетариата. На 136 предприятиях-гигантах имелось 477 тыс. человек, в их числе было девять, где на каждом числилось более 10 тыс. рабочих[5].

Распределение рабочих на 31 августа 1918 г. (по районам) видно из следующей таблицы, составленной по данным промышленной переписи 1918 г.[6]

---

[1] См. «Северная коммуна», 23 октября 1918 г.

[2] См. *Фишгендлер.* Современное состояние русской промышленности и ее ближайшие перспективы. «Вестник Тверской кооперации». Вып. 3. Тверь, 1920, стр. 27.

[3] Имеются в виду Московский и Петроградский промышленные районы.

[4] См. «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата», стр. 244.

[5] См. «Статистический ежегодник. 1918—1920 гг.». Вып. 2, стр. 355.

[6] Промышленная и профессиональная перепись 1918 г. учитывала только тех рабочих, которые были заняты на предприятиях, имевших не менее 15 рабочих (при одном механическом двигателе) или не менее 30 рабочих (без двигателя).

Районы	Число всех промышленных предприятий	В том числе		Число всех промышленных рабочих	В том числе		Количество рабочих на одно действующее предприятие
		действующих	бездействующих		на действующих предприятиях	на бездействующих предприятиях	
Северный	1212	725	487	174 000	164 000	10 000	226
Центрально-Промышленный	4470	2795	405	875 000	834 000	41 000	299
Средне-Волжский (с Прикамьем). . . .	2389	1648	741	114 000	105 000	9 000	69
Центрально-Черноземный	981	520	461	67 000	52 000	15 000	128
Юго-Восточный*	около 900			около 100 000			
Уральский**	779			184 000			236
Сибирский**	911			51 000			56

* Из этого района только по Астраханской губернии сведения взяты из промышленной переписи 1918 г.; данные по Донской, Дагестанской, Кубанской и Терской областям, Ставропольской и Черноморской губерниям даются за 1917 г. (см. „Статистический сборник за 1913—1917 гг.", стр. 38). Сюда же включено число шахтеров угольных районов Донской области.

** По данным бывшего министерства торговли и промышленности (см. „Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г.", стр. V). Сведения эти не полные.

Из таблицы видно, что более 40% всех индустриальных рабочих страны находилось в Центрально-Промышленном районе. Если к нему добавить только одну Петроградскую губернию, в которой оставалось еще более 135 тыс. рабочих, то получится, что в 12 губерниях, расположенных вокруг Москвы, находилась половина всего промышленного пролетариата России. Здесь была самая высокая концентрация пролетариата на фабриках и заводах, составлявшая в среднем на одно предприятие 299 человек (на Урале это число равнялось 236). Не случайно, что из этого района Советская власть в годы гражданской войны черпала свои основные силы. Большой отряд рабочих находился также на Урале.

Что же собой представляли оставшиеся на фабриках и заводах рабочие? Большинство из них были потомственные пролетарии. Ушли с производства прежде всего те рабочие, которые поступили на заводы в годы мировой войны или незадолго до нее. Однако и оставшиеся не были однородной массой.

В. И. Ленин говорил о трех прослойках в рабочем классе. Одна из них — кадровые пролетарии, всю жизнь работающие на производстве. Это был самый передовой, самый сознательный отряд рабочих. Следующий слой — люди, работающие на производстве сравнительно длительное время (10—15 лет), но еще не потерявшие окончательной связи с деревней. Эта группа рабочих в острые периоды классовой борьбы могла оказаться неустойчивой. Наконец, третий слой — это рабочие, в большинстве недавно пришедшие на производство. Многие из них сами или члены их семьи имели хозяйство в деревне. Эти люди с мелкобуржуазной психологией были подвержены большим колебаниям.

По данным профессиональной переписи 1918 г., в 31 губернии европейской части Советской России из 1 142 268 рабочих 672 067 человек, или около 60%, не имели земли ни сами, ни их семьи[1]. Это были потомственные пролетарии. Остальные 40% сохраняли связь с деревней.

В различных районах, губерниях и городах состав рабочего класса был далеко не однороден. Наибольшее число кадровых рабочих находилось в Петрограде. Здесь из 107 тыс. человек 80 тыс., или почти 75%, не имели никакой связи с деревней. В Москве 51% рабочих сами или их

[1] См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.». Приложение, стр. 118—119.

семьи имели землю[1]. В 1917 г. В. И. Ленин писал: «Что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый»[2].

Сосредоточение многих, а в некоторых случаях и большинства промышленных предприятий, а вместе с ними и рабочих в губернских городах было характерным явлением. Так, из 146 промышленных предприятий, обследованных в Казанской губернии, 90 размещалось в Казани и ее окрестностях. На них числилось 18 946 человек, составлявших 89% всех рабочих[3].

Говоря о неоднородности рабочего класса, важно учесть особенности развития пролетариата в некоторых районах, в частности в Прикамье (Приуралье) и на Урале, ставших ареной ожесточенных боев в годы гражданской войны. Остановимся прежде всего на ижевских и воткинских рабочих. С давних времен многие из них имели свои дома, огороды, скот, земли для посева, луга для покоса, а некоторые и лесные участки. Работая на заводе, они в то же время вели свои хозяйства. По сельскохозяйственной переписи 1916 г., у ижевских рабочих было 40 543 десятины земли, 1646 рабочих лошадей, 3848 коров, 1126 свиней, 3792 овцы, 695 телят[4]. Особенно хорошо была обеспечена верхушка рабочего класса. Некоторые из таких рабочих имели в городе свои мастерские. Известно, что на военных заводах заработная плата рабочих была выше, чем на других. В империалистическую войну на Ижевский завод попало много мелких городских и деревенских буржуа, спасавшихся от мобилизации в армию.

Конечно, не все ижевские рабочие находились в одинаковом положении. Среди них было немало подлинных про-

---

[1] В некоторых местах процент рабочих, порвавших связь с землей, был значительно выше среднего. В Ярославской губернии он равнялся 85, в Тверской — 70, в Иваново-Вознесенской — 63, в Самарской — 80. В то же время в Воронежской губернии таких рабочих было всего 42%, в Курской — 44% (см. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», стр. 118—119).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 278.

[3] ЦГА Тат. АССР, ф. 1296, оп. 2, ед. хр. 10, л. 67, 68.

[4] См. «Статистический ежегодник по Вятской губернии за 1917 год». Вятка, 1917, стр. 22—24.

летариев, которые жили только продажей своей рабочей силы. Эти рабочие и явились опорой Советской власти.

К лету 1918 г. на заводе осталось 30 тыс. человек. Из них около 60% было тесно связано с сельским хозяйством[1]. Именно эти рабочие и оказались самыми неустойчивыми. На соседнем Воткинском заводе из 7 тыс. имевшихся рабочих также большая часть была подвержена колебаниям.

Значительная часть рабочих Урала находилась в крупных городах: Перми, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Надеждинске, Челябинске, Златоусте и т. д. Среди них было много потомственных пролетариев, которые по своему социально-экономическому положению мало чем отличались от промышленных рабочих центра и юга страны.

Вместе с тем на Урале имелись рабочие, в социальном отношении схожие с ижевцами. Но в отличие от последних, сконцентрированных в одном месте, эта часть населения Урала проживала в многочисленных, но сравнительно небольших поселках, раскиданных на огромной территории. Так же как и ижевские рабочие, они наряду с работой на заводе занимались сельским хозяйством.

Следует отметить, что до Октябрьской революции далеко не все рабочие поселков горнозаводского Урала имели землю и вели хозяйство. Об этом говорят материалы сельскохозяйственных переписей. В 1916 г. 55% хозяйств горнозаводского Урала не имело посевов[2]. С 1918 г. положение стало меняться. Весной одни заводы остановились, другие сократили объем работы. А в это время на Урале, как и по всей стране, начался передел земли. Частновладельческие земли передавались трудящимся, отменялись существовавшие ранее ограничения в пользовании заводской землей, лесами, покосами. Этим воспользовались рабочие и многие из тех, которые раньше не имели земли, они получили ее весной и летом 1918 г.

Наличие собственных хозяйств у поселковых рабочих привело к тому, что эта часть пролетариата, лишившись работы на заводах и рудниках, не ушла в деревню, а осталась на старом месте. Вот почему на Урале в целом

---

[1] См. «Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Сборник документов, ч. I. Ижевск, 1960, стр. 67.

[2] См. «Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала». Итоги с.-х. переписей и выборочных обследований на Урале за 1916—1926 гг. Свердловск, 1928, стр. 17.

к лету 1918 г. численность рабочих на предприятиях сократилась меньше, чем в других промышленных центрах России. Сокращение произошло главным образом в больших городах, где рабочие, оставшись без работы, не могли жить.

Были и другие факторы, обусловливавшие неоднородность пролетариата. Известно, что труд отдельных отрядов рабочих в зависимости от производства оплачивался по-разному. Существовала разница и в квалификации работников. Имелась рабочая верхушка («рабочая аристократия»). Буржуазия в свое время подкармливала ее. Все это накладывало отпечаток на поведение разных групп пролетариата.

Материальное положение рабочего класса было также разным. Известно, что в 1918—1920 гг. он питался и одевался значительно хуже, чем до революции. Реальная заработная плата все время снижалась. Если зарплату 1913 г. принять за 100%, то в 1917 г. она составляла 75% ,а в первой половине 1918 г.— всего 25%[1].

Хуже всего было с продовольствием. Рабочие Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Твери и многих других промышленных центров голодали. В городах Центрально-Черноземной области, Среднего Поволжья и других сельскохозяйственных районов (не говоря уже о Сибири) положение с продовольствием было значительно лучше.

Особенно тяжело приходилось петроградским рабочим. За первые пять месяцев 1918 г. они получали по карточкам только 6 дней по фунту хлеба, остальное время меньше. 106 дней им выдавали три четверти фунта, 25 дней — полфунта и 10 дней — четверть фунта. В Обуховскую больницу было доставлено 156 жителей города, умирающих от голода. В. И. Ленин 9 мая 1918 г. телеграфировал всем губернским Советам и продовольственным комитетам: «Петроград [в] небывало катастрофическом положении. Хлеба нет. Выдаются населению остатки картофельной муки, сухарей. Красная столица на краю гибели от голода. Контрреволюция поднимает голову, направляя недовольство голодных масс против Советской власти. Наши классовые враги, империалисты всех стран, стремятся сдавить кольцом голодной смерти социалистическую республику»[2].

---

[1] См. *С. Г. Струмилин*. Указ. соч., стр. 18.
[2] Ленинский сборник XVIII, стр. 214.

Партия большевиков и Советская власть принимали меры, чтобы спасти рабочих Петрограда и других городов от голода.

С середины мая 1918 г. петроградские рабочие ввели новую систему распределения продовольствия, получившую название «классового пайка». В основе ее лежал принцип: «Кто не работает, тот не ест». Были установлены четыре категории пайка. Первая охватывала рабочих, занятых тяжелым физическим трудом, вторая — всех остальных рабочих и служащих, третья — лиц свободных профессий, четвертая — людей, пользующихся наемным трудом и живущих на капитал. Паек четвертой категории был в восемь раз меньше пайка первой категории. По примеру питерских рабочих классовый паек затем ввели во всех городах страны.

Большие трудности были с жильем. После революции у части рабочих улучшились жилищные условия. Десятки тысяч их переехали из подвалов и лачуг в дома буржуазии. В одной Москве им передали для заселения 258 домов. Но доля таких рабочих в общей численности пролетариата была небольшой.

Таким образом, в 1918 г. в результате тяжелых условий, сложившихся в Советской республике, начался процесс распыления промышленного пролетариата, повлиявший на ход гражданской войны. Уменьшение и так сравнительно небольшого слоя рабочих не могло не вызвать тревогу у партии большевиков. С особой силой вставал вопрос о путях расширения классовой базы диктатуры пролетариата, о привлечении новых союзников.

До сих пор речь шла о промышленном пролетариате. Что касается сельскохозяйственных рабочих, то численность их к лету 1918 г. сократилась во много раз больше, чем городских рабочих, ибо многие из них получили землю и стали вести свое хозяйство.

Союзником пролетариата в период социалистической революции было бедное крестьянство[1]. О положении его к лету 1918 г. будет сказано в разделе о крестьянстве.

---

[1] Бедное крестьянство не являлось самостоятельным классом, а представляло собой беднейшую часть деревенской мелкой буржуазии. В. И. Ленин часто называл сельских бедняков полупролетариями.

2. Российская Коммунистическая партия (большевиков)

С марта 1918 г., после выхода левых эсеров из состава Советского правительства, большевистская партия стала единственной правящей партией в стране, взявшей на себя всю ответственность за судьбы революции и народа.

К середине года в результате сложных внутренних процессов в партии произошли большие изменения. Укрепление авангарда рабочего класса было сопряжено с огромными трудностями.

Во время Октябрьской революции и в первые месяцы после нее в партию вступило много людей. Наряду с честными тружениками в нее попали неустойчивые люди, а также карьеристы. Они разлагающе действовали на некоторых коммунистов.

На незакаленных членов партии влияло и тяжелое экономическое положение страны. Некоторые люди, вступая в РКП(б), ждали, что большевики, взяв власть, сразу наладят хозяйственную жизнь России. Они не представляли глубины разрухи, в которой оказалась страна после первой мировой войны, и трудностей, связанных с переходом от одного общественного строя к другому в такой бедной стране, как Россия.

Все это вело к шатаниям, к упадку дисциплины среди части партийцев. Во многих местах произошел отлив из партийных организаций. Участились случаи внутрипартийных конфликтов, неподчинение директивам вышестоящих органов. В циркулярном письме Центрального Комитета РКП(б), опубликованном в газете «Правда» 29 мая 1918 г., говорилось:

«Всякий активный работник должен был обратить внимание на уменьшение числа членов нашей партии, в более крупных центрах численному упадку сопутствовал и упадок качественный. Участились случаи внутренних конфликтов в наших партийных организациях. Нередки конфликты между партийными организациями и фракциями нашей партии в Советах и исполнительных комитетах. Стройность и цельность партийного аппарата нарушены, нет прежнего единства действий. Дисциплина, столь крепкая всегда в нашей партии, ослабела»[1]. Говоря об отсутст-

[1] «Правда», 29 мая 1918 г.

вии прежнего единства, ЦК РКП(б) имел в виду прежде всего появление в партии оппозиционного течения, представители которого получили название «левых коммунистов».

Оппозиция возникла в период борьбы партии за заключение мира с Германией. Руководители «левых коммунистов» (Бухарин, Крестинский, Ломов, Преображенский, Пятаков и др.) выступили против ленинской тактики. В. И. Ленин считал, что в борьбе с мировым империализмом необходимо применять на определенных этапах лавирование и компромиссы. Таким компромиссом было заключение Брестского мирного договора с Германией. Со стороны немцев договор являлся грабительским. Но у Советской республики не было сил противостоять разбойничьему германскому империализму, и ей пришлось пойти на очень тяжелые условия мира. Завоевания Великого Октября были сохранены. Это главное.

Заключение сепаратного мира с Германией явилось одним из самых крупных поворотов в ходе социалистической революции. Но именно в такие моменты обнаруживаются среди отсталых и мелкобуржуазных элементов партии колебания. Выразителями их и были «левые коммунисты». Против Брестского договора фактически выступил и Троцкий, заняв позицию «ни мира, ни войны». Ленин, вскрывая классовые корни «левой оппозиции», указывал:

«Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелкобуржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы»[1].

Мелкая буржуазия, указывал В. И. Ленин, была по своей социально-экономической природе наиболее патриотичной. Заключение «похабного мира» оскорбило ее патриотические чувства, она требовала революционной войны с Германией.

Вождь большевистской партии говорил, что «левые коммунисты» — люди революционной фразы, не умеют творчески применять марксизм в конкретной исторической обстановке. «Революционная фраза,— писал он,— есть повторение революционных лозунгов без учета объективных

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 343.

обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место»[1].

Догматизм «левых коммунистов» состоял прежде всего в том, что они, беспрестанно повторяя лозунг о революционной войне, не видели или не желали видеть силы германского империализма и военной неподготовленности Советской республики, не имевшей армии для защиты страны.

«Левые коммунисты» оказались плохими марксистами в оценке международного значения Октябрьской революции и определении путей развития мировой революции. Они упрекали партию в том, что, заключив мир с Германией, она якобы отходит от принципов пролетарского интернационализма, затрудняет развитие революции на Западе.

Ленин показал, что такие утверждения беспочвенны, что не только для России, но и для всего международного социалистического движения превыше всего сохранение Советской республики, которая будет живым примером для народов всех стран и окажет огромное революционизирующее воздействие.

«Левые коммунисты» и Троцкий считали, что победа социализма в одной стране, особенно в такой, как Россия, невозможна, что нужна мировая революция, которую необходимо разжигать и подталкивать при помощи революционной войны победившего пролетариата против международного империализма. Они заявляли, что диктатура пролетариата в России может быть спасена только мировой революцией. Против подталкивания мировой революции решительно выступил В. И. Ленин. «Подобная «теория»,— указывал он,— шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам»[2]. Это ленинское положение имеет непреходящее значение.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 343.
[2] Там же, стр. 403.

«Левая» оппозиция развернула ожесточенную борьбу внутри партии вначале против Брестского договора, затем против ленинского плана создания основ социалистической экономики, против дисциплины и организованности. Ленин назвал этих людей «недоношенными левыми эсерами», выражавшими психологию «взбесившегося мелкого буржуа».

Когда весной 1918 г. положение в стране сильно ухудшилось, неустойчивые люди стали выходить из партии. Пытаясь прикрыть свое малодушие, они прибегали к всевозможным уловкам вплоть до утверждения, что партия изменила не только название, но и программу и что они-де не согласны с этим. Отвечая таким людям, коммунисты Челябинска писали: «Это неверно, товарищи, программа осталась та же, вы от страха полиняли и не выдержали курса»[1]. Повсюду число коммунистов сокращалось. В Уральской партийной организации в январе 1918 г. было 35 тыс. членов, а в конце апреля стало 30 тыс. К лету она еще сократилась.

О значительном уменьшении рядов партии сообщали в ЦК РКП(б) в конце мая 1918 г. коммунисты Ижевска. Они просили прислать из центра на завод хорошо подготовленных большевиков, чтобы дать отпор представителям мелкобуржуазных партий. В письме председателя Ижевского комитета коммунистов И. Пастухова говорилось: «Мы, рабочие, без поддержки от вас сознаем: [отход] предотвратить не в силах (пример: в нашей партии было 1700 членов, за апрель и с мая выбыло около 1300 членов)»[2]. В Нижегородской губернской партийной организации к марту 1918 г. числилось 6128 человек, а к середине июня осталось 2771[3].

Ввиду ухода из партии неустойчивых элементов, перерегистрации ее членов, вступления коммунистов в Красную Армию численность многих местных организаций РКП(б) летом 1918 г. по сравнению с первыми месяцами Советской власти сократилась почти наполовину[4]. К се-

---

[1] «Известия Челябинского Совета», 26 мая 1918 г.

[2] «Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии». Сборник документов. Киров, 1957, стр. 391.

[3] См. *В. Фадеев, П. Шульпин, Л. Парусов.* Очерки истории Горьковской организации КПСС, ч. I. Горький, 1961, стр. 474.

[4] В девяти губернских партийных организациях Центральной России (Вологодской, Воронежской, Калужской, Московской, Ни-

редине 1918 г. на территории Советской республики насчитывалось около 150 тыс. коммунистов[1]. Но это были самые надежные, закаленные, сознательные кадры партии, состоявшие главным образом из рабочих. На уменьшение численности партии сильно повлияло и распыление рабочего класса, уход части пролетариев-коммунистов в деревню, где в то время почти не было партийных организаций (эти люди также временно не учитывались).

Существовали и другие причины, приведшие к ослаблению партийной деятельности местных большевистских организаций. В период завоевания пролетариатом власти многие ответственные коммунисты ушли с партийной на советскую работу. Об этом писали в анкетах многие делегаты VII съезда партии в марте 1918 г. Представитель Ярославской организации указывал, что Октябрьская революция «заставила активных и опытных работников уйти в Советы, и в партии обнаружился кризис в партийных опытных работниках»[2].

Сосредоточение крупных партийных сил в Советах в свое время было необходимо. Теперь же на первое место выдвинулись вопросы партийного строительства, поднятие дисциплины и всемерной активизации членов партии — начались новые жаркие классовые бои. Советская республика вступала в самый острый период гражданской войны. Правящая партия не могла мириться с шатаниями и неорганизованностью в своих рядах.

В майских обращениях к членам партии ЦК РКП(б) указывал на исключительную остроту момента, переживаемого Советской республикой. Он подчеркивал необходимость того, чтобы каждый коммунист ясно осознал, что без крепко сплоченной, действующей, как один человек, партии страна не справится с задачами, которые встают перед ней, а рабочие и крестьяне не удержат завоеваний Великого Октября.

жегородской, Новгородской, Петербургской, Тульской и Ярославской) в первые месяцы Советской власти числилось около 73,5 тыс. коммунистов, а в середине лета 1918 г. — менее 39,5 тыс. (см. приложение, табл. № 4).

[1] В отчете Секретариата ЦК VII съезду партии говорилось о 240 тыс. членов партии к марту 1918 г., плативших членские взносы, хотя в партии в то время числилось около 300 тыс. (см. «Седьмой экстренный съезд РКП(б)». Март 1918 года Стенографический отчет. М., 1962, стр. 239).

[2] «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 37.

«Наша партия,— говорилось в письме ЦК РКП(б) от 29 мая 1918 г.,— стоит во главе Советской власти. Декреты, мероприятия Советской власти исходят главным образом от нашей партии. Все они направлены к осуществлению конечных идеалов рабочего класса, к полному уничтожению классового неравенства, эксплуатации, к торжеству коммунизма.

Все эти мероприятия могут быть проведены в жизнь лишь путем суровой диктатуры над буржуазией. Но диктатура требует от рабочего класса, от нашей партии, как его авангарда, в первую очередь крепкой, стройной организации. Вне этого последнего условия железная диктатура, могущая подавить буржуазию, превращается в бумажную.

Наша партия должна вновь стать цельной, литой из единого куска. Она должна очиститься от посторонних элементов, вносящих разложение в ее ряды. В нашей партии не должно быть места бездельникам, хулиганам, авантюристам, пьяницам и ворам. Не место в нашей партии колеблющимся и шатающимся. Строжайшая дисциплина и единство действий должны царить в нашей партии. Железной метлой должны мы очистить [ее] от вредных, негодных элементов. Пусть партия потеряет в количестве, она выиграет в качестве. Выиграет партия и в силе»[1].

Через месяц после опубликования писем Центральный Комитет отмечал, что коммунисты повсюду осознали необходимость строжайшей партийной дисциплины, быстрого и точного выполнения директив партийных комитетов. На состоявшейся в июне Саратовской губернской конференции РКП(б) коммунисты потребовали в кратчайший срок очистить организацию от чуждых элементов и восстановить твердую дисциплину. Большевики Саратова провели перерегистрацию членов партии. Так же поступили коммунисты Челябинска. Они писали, что для укрепления завоеваний революции «нужны сознательные, самоотверженные люди, искренне отдавшиеся делу революции; и только при таком составе и строгой партийной дисциплине возможна будет плодотворная работа. Все это можно осуществить лишь путем реорганизации, путем строгого контроля при записи новых членов партии; и истинные революционеры, желающие нести бремя революции, поймут эту задачу и не замедлят снова встать в обновленные

[1] «Правда», 29 мая 1918 г.

ряды своей партии и продолжать великое дело социальной революции»[1].

В апреле — мае 1918 г. партийная организация Казани провела перерегистрацию членов партии в крупнейшем городском районе. О перерегистрации большевиков в Воронежской организации сообщалось: «...было решено партию профильтровать, и 18 июня партия была вновь организована; члены теперь не ограничиваются только работой в Советах, ими читаются часто лекции, устраиваются митинги; они разъезжают по уезду, где вербуют в Красную Армию»[2].

Партии предстояло решить и многие другие важные вопросы внутренней жизни. Надо было создать единую, стройную систему партийных организаций снизу доверху.

К лету 1918 г. структура РКП(б) выглядела так. Во главе партии стоял Центральный Комитет, выбранный на VII съезде в марте 1918 г. в количестве 15 членов и 8 кандидатов[3].

Из состава ЦК было выделено Бюро, которое занималось главным образом текущими организационными вопросами. Существовало также Петроградское бюро ЦК РКП(б). Важнейшие дела обсуждались на пленумах и заседаниях Центрального Комитета. ЦК РКП(б) действовал как коллективный орган партии. Решения по важным вопросам ставились на голосование и считались принятыми, если получали большинство голосов. Аппарат ЦК был в то время очень небольшим: в нем работало всего около десяти человек.

В тех местах, где были области (в область входило несколько губерний), существовали областные комитеты РКП(б): Московский, Северный, Северо-Западный, Уральский и др. Далее шли губернские и уездные комитеты пар-

---

[1] «Известия Челябинского Совета», 26 мая 1918 г.

[2] «Правда», 2 июля 1918 г.

[3] Членами ЦК РКП(б) были избраны (в порядке большинства голосов): В. И. Ленин (Ульянов), Л. Д. Троцкий (Бронштейн), Я. М. Свердлов, Г. Е. Зиновьев (Радомысльский), Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников (Бриллиант), И. В. Сталин (Джугашвили), Н. Н. Крестинский, И. Т. Смилга, Е. Д. Стасова, М. М. Лашевич, В. В. Шмидт, Ф. Э. Дзержинский, М. Ф. Владимирский, Ф. А. Сергеев (Артем); кандидатами — А. А. Иоффе, П. И. Стучка, Г. И. Петровский, А. Г. Шляпников, А. Ломов (Г. И. Оппоков), Я. А. Винтер (Берзин), А. С. Киселев, М. С. Урицкий (см. «Седьмой экстренный съезд РКП(б)», стр. 170, 178).

тии. В губернских городах имелись городские и районные комитеты. Партийные организации предприятий с большим числом коммунистов приравнивались к районным комитетам. Низшим звеном считались организации и ячейки РКП(б) на предприятиях, в учреждениях, в волостях. Партийные организации частей Красной Армии подчинялись местным комитетам РКП(б). Во главе комитетов и ячеек стояли выборные председатели.

Губернские и уездные комитеты РКП(б), исходя из общих положений Устава партии, принятого на VI съезде в 1917 г., вырабатывали свои временные уставы, свои правила приема в партию и формы членских билетов. Таким образом, местные большевистские организации сами регламентировали внутрипартийную жизнь. В первое время это имело свои положительные стороны: партийное строительство в губерниях и уездах велось с учетом своеобразия местных условий, конкретной обстановки. Через этот этап нельзя было перешагнуть. Однако к лету 1918 г. он уже изживал себя. Коммунистическая партия вступила в новую полосу своего развития.

Что же представляли собой отдельные коммунистические организации летом 1918 г.?

Самым крупным отрядом партии были большевики Петрограда. Из 15 тыс. коммунистов, находившихся в городе в середине июня 1918 г., более четырех пятых происходили из рабочих. По данным 6-й Петроградской городской конференции РКП(б) (июнь 1918 г.), состав членов партии пяти районов города был таким:

Василеостровский район	— 96% рабочие, 4% красноармейцы;
Московский	— 80% рабочие, 2% красноармейцы, 18% служащие, интеллигенция;
Железнодорожный	— 65% рабочие, 35% служащие;
Петроградский	— 79% рабочие, 14% красноармейцы, 7% проч.
Выборгский	— 80% рабочие, 12% красноармейцы, 8% служащие, интеллигенция*

* См. „Красная звезда", 18 июня 1918 г.

Если учесть, что много красноармейцев состояло из питерских пролетариев, то процент коммунистов-рабочих будет еще больше. Что касается служащих и интеллигенции, то это в основном были конторщики, учителя, работ-

Группа руководящих работников Самарской организации РКП(б) (октябрь 1918 г.)
1-й ряд (слева направо): Г. Д. Курдлов, М. С. Бешенковская; 2-й ряд: К. П. Сомс, С. И. Кацаф, Г. М. Леплевский, П. И. Струппе, Е. С. Коган, К. Ф. Левитин, Ю. К. Милонов; 3-й ряд: А. К. Альберт, В. П. Мяги, И. Т. Козырьков, А. П. Егоров, Д. П. Котляренко, Н. П. Теплов, В. А. Тронин, Ф. С. Шуцкевер (Магид), М. М. Хатаевич

ики железных дорог и торгово-промышленных предприятий. В отчете 6-й конференции с полным основанием говорилось, что «Коммунистическая партия и ее организации Петрограде остались тем же, чем были раньше,— организацией передовых слоев рабочего класса, авангардом терского пролетариата»[1].

В августе 1918 г. Петроградский комитет РКП(б) провел обследование, которое показало, что около 20% коммунистов вступило в партию до Февральской революции, 0% — между февралем и октябрем 1917 г. и 40% — после циалистической революции. В организации состояло

[1] «Красная звезда», 18 июня 1918 г.

7 тыс. членов партии, 5 тыс. кандидатов и более 3 тыс. сочувствующих[1]. Такого состава коммунистов по стажу не было ни в одной другой организации.

Колыбель пролетарской революции имела не только самых передовых рабочих, но и самых стойких коммунистов. Вот почему Ленин всегда, когда в годы гражданской войны Советской республике грозила смертельная опасность, обращался прежде всего к питерским рабочим, к питерским большевикам. И не было случая, чтобы они не откликнулись на зов вождя. Тысячи и тысячи коммунистов шли туда, где решались главные задачи революции. Питерского рабочего-коммуниста можно было встретить везде: на посту председателя губернского и уездного комитетов партии или исполкомов Советов, политического комиссара полка или дивизии, руководителя продовольственных органов или в роли политического бойца, сражавшегося в первых рядах советских войск.

Одной из самых многочисленных большевистских организаций в сельскохозяйственных губерниях была Самарская. К марту 1918 г. в ней насчитывалось 6—7 тыс. коммунистов, из которых около 4 тыс. находилось в Самаре[2]. К лету число членов партии в губернии сократилось.

У нас нет данных о социальном составе всей организации, но с полной уверенностью можно сказать, что половина членов ее были рабочими. Мы располагаем сведениями о руководящем ядре и активистах партии. Из 180 человек 96 (53%) были рабочие, в том числе 21 человек с Трубочного завода, 7 человек (4%) — крестьяне, 77 человек (43%) — служащие (писари, счетоводы, учителя, журналисты, техники, а также военные). По партийному стажу коммунисты распределялись следующим образом: членов партии до февраля 1917 г.— 65, с февраля до октября — 44, после октября 1917 г.— 71 человек[3].

Таким образом, более половины руководящего состава Самарской партийной организации были рабочие. Почти две трети состояли членами большевистской партии до Октябрьской революции.

---

[1] См. «Петроградская правда», 23 ноября 1918 г.

[2] См. «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 29.

[3] Старейшие члены партии: А. Х. Митрофанов (с 1903 г.), Ф. И. Венцек, С. И. Дерябина, В. В. Куйбышев (с 1904 г.), А. П. Галактионов, И. А. Крайнюков, Н. М. Шверник (с 1905 г.). (ПАКО, ф. I/VI, оп. 8, ед. хр. 39, л. 1—178.) Подсчитано автором.

В большинстве других губернских партийных организаций летом 1918 г. имелось в среднем от одной до двух тысяч коммунистов[1]. Везде рабочие составляли основную массу членов партии.

Летом 1918 г. партийных организаций в деревне было очень мало. Так, в Казанской губернии в первой половине года в волостях и селах имелось только 5 ячеек, в Саратовской губернии — 15, в Курской — около 20, в Пензенской — 23, в Новгородской — 6, в Тверской — 13, а всего в 30 губерниях европейской части Советской России — около 400, что составляло менее 4% всех деревенских партийных организаций, возникших в годы гражданской войны[2].

Подводя некоторые итоги партийного строительства весной и летом 1918 г., следует отметить, что, несмотря на значительное уменьшение численности РКП(б), костяк ее состоял из передовых рабочих. Это свидетельствовало о том, что партия большевиков в то время являлась не только по своей программе, но и по составу прежде всего партией промышленного пролетариата. Вторым по численности слоем в партии были служащие. Среди них большинство принадлежало к разряду малооплачиваемых работников.

Трудящихся крестьян в партии было еще очень мало. Они в большинстве губерний составляли 5—8% численности партийных организаций. Это говорило о том, что партия коммунистов не смогла еще организационно оформить и закрепить свое влияние среди беднейшего крестьянства, которое являлось союзником рабочего класса и шло за ним. Отсутствие сколько-нибудь значительной сети партийных организаций в деревне сильно сказалось на развитии классовой борьбы и на ходе гражданской войны летом 1918 г. Этим воспользовались мелкобуржуазные контрреволюционные партии и кулачество.

Партийным организациям большевиков предстояла тяжелая борьба с мощным натиском классового врага. Дальнейшее строительство партии и укрепление ее рядов проходило в ожесточенной вооруженной борьбе с интервентами и белогвардейцами.

---

[1] См. приложение, табл. № 4.

[2] Подсчитано автором на основании документов, хранящихся в ЦПА ИМЛ.

II. КЛАССЫ И ПАРТИИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

1. Буржуазия

После Октябрьской революции эксплуататорские классы, несмотря на то что их экономические позиции были сильно подорваны (помещики лишились полностью средств производства), продолжали сохранять значительные практические преимущества: у них оставались деньги, обширные связи, организационные навыки, знание «тайн» управления; у них было более высокое образование, чем у нового класса, и — что особенно важно — они имели большие знания в военном деле. Все это говорило о том, что буржуазия и помещики оставались серьезным врагом, сопротивление которого предстояло сломить в упорнейшей борьбе.

Положение городской буржуазии в разных районах страны оказалось далеко не одинаковым. В крупнейших городах Центральной России, и прежде всего в Петрограде и Москве, позиции ее были подорваны больше, чем на окраинах. Число капиталистов здесь сильно сократилось. Если в Петрограде в 1910 г. был 44 331 хозяин, имевший наемных рабочих, то на 1 июня 1918 г. их стало 17 252, в том числе 5792 промышленника, 5967 торговцев[1]. Такая же картина наблюдалась и на Урале, где Советская власть ввиду упорного сопротивления капиталистов уже к лету экспроприировала большинство крупных предприятий. Ведущая отрасль промышленности — металлургия была национализирована на 85%. На Волге, юге страны и в Сибири буржуазия имела еще значительные силы.

Начавшаяся военная интервенция окрылила свергнутые эксплуататорские классы, и они усилили борьбу против Советской власти, используя все средства, в том числе и экономические. Капиталисты отказывались выполнять декреты рабоче-крестьянского правительства и передавали свои предприятия иностранной буржуазии, особенно немецкой. Оставлять дальше в их руках промышленные и другие предприятия, используемые во вред Советской вла-

[1] См. «Бюллетень Центрального статистического управления» № 80, 15 ноября 1923 г., стр. 4; «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата», стр. 352—353. 1 июня 1918 г. в Петрограде была проведена перепись населения.

сти, было нельзя. Следовало как можно быстрее лишить буржуазию всех средств производства и этим обезоружить ее.

28 июня 1918 г. Совнарком объявил о национализации всей крупной промышленности. Это был сильнейший удар по российским и международным капиталистам. Однако буржуазия как класс этим еще не уничтожалась. Дело в том, что декрет стал осуществляться в то время, когда уже во всей стране полыхало пламя гражданской войны и большая часть территории оказалась захваченной врагами. Многие предприятия так и остались у капиталистов.

Крупная буржуазия, так же как и помещики, в большинстве своем бежала на юг, а средняя — чаще на Волгу и в Сибирь. Это объяснялось многими причинами. Главной из них было то, что на юге имелись социальные силы в лице прежде всего контрреволюционно настроенных верхов донских и кубанских казаков, которые можно было использовать для борьбы с Советской властью. Юг имел большое экономическое и политическое значение для страны и находился сравнительно недалеко от центра. Захват его имел бы особое значение в дальнейшем развитии гражданской войны. Через порты южных губерний империалисты Антанты после разгрома Германии могли оказать русской буржуазии наиболее быструю и эффективную помощь.

Что касается средней буржуазии, то для нее наиболее родственной социальной средой являлось Среднее Поволжье, которое и в политическом отношении их больше устраивало, чем юг, где верховодили крупные помещики и капиталисты. В Поволжье легче было добраться.

В 1918 г. мало кто из представителей бывших эксплуататорских классов уехал за границу. Поэтому численность городской буржуазии и помещиков в целом по стране осталась примерно той же, что и до Октябрьской революции. Но удельный вес их в разных районах сильно изменился: уменьшился в центре страны и увеличился на юге и в Сибири. Это привело к тому, что городское население Донской области, Северного Кавказа, Сибири в 1919 г. увеличилось на много сотен тысяч человек, в то время как во всех остальных областях уменьшилось.

Но сила этих классов заключалась не в их численности, а в той роли, которую они играли на востоке и юге России.

Бывшие хозяева страны, были убеждены в том, что Советская власть долго не продержится, что с помощью

англо-французских, американских и японских империалистов рабоче-крестьянская республика будет уничтожена. Капиталисты не только субсидировали деньгами контрреволюционные организации, но и сами активно участвовали в них. Они вместе с белогвардейскими офицерами и кулаками готовили заговор против Советской власти.

Самым многочисленным эксплуататорским классом в стране продолжала оставаться деревенская буржуазия — кулачество. В первые месяцы после Октябрьской революции большинство кулаков не утратило своей экономической силы. Численно деревенская буржуазия не сократилась, а даже выросла. Произошло это потому, что некоторые зажиточные середняки разбогатели и превратились в кулаков. В богатых сельскохозяйственных губерниях Европейской России деревенская буржуазия в середине 1918 г. составляла до одной пятой, а в Сибири более четверти всего населения. Она увеличилась даже в бедных центральных губерниях страны. Так, в Тверской губернии к осени 1918 г. число средних хозяйств по сравнению с 1917 г. возросло на 8%, а богатых и кулацких — более чем на 10%[1].

Во многих местах в руках деревенской буржуазии оказались лучшие помещичьи земли, а также львиная доля помещичьего имущества, скота, инвентаря. Часть имущества они захватили при разгроме имений, часть купили.

В одном сообщении из Симбирской губернии говорилось: «Инвентарь и хлеб был продан кулакам, тогда как по закону Совета Народных Комиссаров весь живой и мертвый инвентарь и хлеб должен быть распределен между беднейшими семьями населения»[2]. В отчете Николаевского уездного земельного отдела Самарской губернии указывалось, что при распределении помещичьих, монастырских и других земель лучшие участки захватили кулаки, которые, «будучи экономически сильнее бедняков, распахивали эти участки под посев на текущий год»[3]. Земельный отдел с тревогой отмечал, что кулаки воспользовались завоеваниями Октябрьской революции. Такое положение наблю-

[1] См. «1917 и 1918 гг. по данным выборочной сельскохозяйственной переписи 1918 г.», стр. 9—11.

[2] *Б. Чистов.* Парторганизация в дни гражданской войны. В кн.: «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936, стр. 25.

[3] *Е. И. Медведев.* Указ. соч., стр. 583.

далось почти повсюду. Из Воронежской губернии писали, что с торгов проданы сложные сельскохозяйственные машины, вывезенные из помещичьих имений, дорогой племенной скот. «Покупателями по преимуществу являлось кулачество, игравшее во всей этой истории достаточно активную роль»[1]. Многие бедные и средние крестьяне находились в экономической зависимости от кулаков, к которым они вынуждены были обращаться за семенами, рабочим скотом, инвентарем.

«Эти вампиры,— писал В. И. Ленин о кулаках,— подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян»[2].

Наибольшее количество деревенской буржуазии имелось среди казачества. Многие казаки-середняки были богаче, чем кулаки в центральных губерниях страны.

До Октябрьской революции казаки имели много привилегий. У них были лучшие земли и в большом количестве, много скота, хлеба. Они широко пользовались сельскохозяйственными машинами. Многие из них имели крупнотоварные хозяйства.

В России перед Октябрьской революцией насчитывалось около 4,5 млн. казаков, объединенных в 11 казачьих войск[3]. Самыми многочисленными являлись донские казаки. Их было более 1,5 млн. человек. За ними шли кубанские (около 1,4 млн.) и оренбургские (575 тыс.) казаки. Самыми малочисленными были иркутские казаки (всего около 13 тыс. человек).

В гражданской войне наиболее активное участие принимали донские, кубанские, уральские, оренбургские и сибирские казаки, большинство которых выступило на стороне контрреволюции.

Донские казаки к 1916 г. составляли 47% населения Донской области, а владели 85% всей земельной площади. 900 тыс. «коренных» крестьян имело в 1917 г. всего 550 тыс. десятин надельной земли. Столько же земли принадлежало 4730 помещикам. У 800 тыс. «иногородних» крестьян своей земли совсем не было. Они арендовали ее

---

[1] *А. В. Шестаков.* Указ. соч., стр. 23.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 41.

[3] Донское, кубанское, терское, астраханское, уральское, оренбургское, сибирское, семиреченское, забайкальское, уссурийское и амурское. Кроме того, были еще енисейские и иркутские казаки (см. приложение, табл. № 5).

у казаков и помещиков[1]. В. И. Ленин накануне Октябрьской революции указывал, что на Дону в лице слоя «земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых»[2] «можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»[3].

Кубанским казакам, составлявшим в 1917 г. менее половины населения Кубанской области, принадлежало около 75% всех земель, а крестьянским сельским общинам — всего 6%. На одно казачье хозяйство приходилось 10,6 десятины посева, 5,4 лошади и рабочего вола, 2,17 дойной коровы[4].

В Оренбургской губернии различия между казачьими и крестьянскими хозяйствами были значительно меньше. Там на первое в среднем приходилось 8,5 десятины посева, 3,3 лошади, 2,1 коровы и 5 овец, а на второе — 5,5 десятины посева, 2,3 лошади, 1,6 коровы и 3,1 овцы[5].

В казачестве, так же как и в крестьянстве, происходило сильное расслоение: были богатые, средние и бедные казаки. В 1917 г. из 239 854 казацких хозяйств на Дону 18 758 (7,8%) совсем не имели рабочего скота, 65 697 (27,4%) имели по одной голове, 70 498 (29,4%) — по 2—3 головы, 53 819 (22,4%) — по 4—5 голов, 31 082 (13%) — по 6 и более голов рабочего скота[6]. Это означало, что примерно одну треть всех хозяйств составляли бедняки и столько же — богатые казаки и кулаки. Еще большая дифференциация была среди кубанских казаков[7].

У казачьих офицеров были частные земли. Размеры их во много раз превышали наделы рядовых казаков. В Оренбургской губернии на одно частновладельческое хозяйство, находившееся на территории казачьего войска, приходилось в среднем около 44 десятин посева[8]. В некоторых ме-

---

[1] См. *И. Разгон.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917—1920 гг. М., 1941, стр. 14—15.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 402.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 219.

[4] См. *И. Гольдентул.* Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Ростов-на-Дону — Краснодар, 1924, стр. 20, 29.

[5] Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 132, оп. 1, ед. хр. 13, л. 210—212 (по с/х переписи 1916 г.).

[6] См. *М. Н. Корчин.* Донское казачество (из прошлого). Ростов н/Д, 1949, стр. 67.

[7] См. *А. Голубев.* Врангелевские десанты на Кубани. М.—Л., 1929, стр. 17.

[8] ГАОО, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 13, л. 210—212.

стах эта цифра была значительно выше. Так, в Сакмарской станице Оренбургского уезда весной 1918 г. 14 казачьих офицеров имели 1934 десятины пахотной земли, а 5 тыс. казаков — 59 369 десятин[1]. На одно офицерское хозяйство приходилось 138 десятин, а на казацкое — 12. То же примерно было и среди уральского казачества.

За Уралом самыми богатыми были сибирские казаки. Их насчитывалось 115 тыс., проживали они в 185 станицах. Казакам принадлежало 5 млн. десятин земель, что составляло 70 десятин на одну мужскую душу. Их наделы находились на самых плодородных землях в Акмолинской и Семипалатинской областях и Алтайской губернии.

2. Кадеты

В мае 1918 г.в Москве состоялась конференция партии «народной свободы», которая определила следующие главные задачи кадетов: непримиримая борьба с большевизмом, возрождение единой России, верность союзникам, то есть империалистам Антанты, полная поддержка Деникина и его Добровольческой армии, установление единоличной власти (диктатуры), заключение соглашений с другими партиями и группами для совместной борьбы против Советской власти. Конференция признала необходимым созыв Учредительного собрания, но нового состава. С такими установками часть руководящих кадетов выехала на юг и в Сибирь проводить их в жизнь.

Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), узнав о решении конференции, вновь арестовала несколько десятков кадетов — членов Центрального, Московского городского комитетов и активистов. После этого кадеты окончательно перешли в подполье и оттуда повели подрывную работу. Многие члены ЦК, чтобы не быть узнанными, изменили внешность, подделываясь под «простонародье».

Туго приходилось кадетам в Москве летом 1918 г. Поддержки в народе у них не было никакой. Они больше всего боялись встретить своих бывших слуг, которые могли легко опознать их и заявить органам Советской власти. Кадеты находились как бы в осаде. Недаром свое пребывание в столице в 1918 г. они называли «московским сидением».

---

[1] ГАОО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 238, л. 1—4.

Руководитель оставшихся в Москве кадетов член ЦК князь П. Д. Долгоруков писал об этом:

«Изгнанные из дач и имений, мы должны были все лето из-за опасений ареста и расстрела вести в Москве кочевую жизнь в поисках ночлега, без прописки, опасаясь доноса швейцаров и дворников, постоянно меняя местожительство. Собиралось 2—3 раза в неделю лишь Бюро Центрального Комитета, человек 5—6, все лето по разным душным квартиркам на окраинах»[1].

Кадетам удалось в течение лета 1918 г. провести в Москве два заседания ЦК. На одном из них (пленарном), состоявшемся в конце июля 1918 г., кадеты «почтили память» бывшего царя Николая Романова. Это была единственная из всех контрреволюционных партий (кроме, конечно, монархистов), которая оплакивала «российского самодержца»[2].

Кадеты на июльском пленуме наметили новые планы восстаний, заговоров и диверсий против Советской власти. Летом 1918 г. они стали душой многих крупнейших мятежей против рабоче-крестьянского правительства. Кадеты готовили их сами или руками представителей мелкобуржуазных контрреволюционных партий.

Тот же Долгоруков писал, что главная задача кадетов в то время состояла «в образовании широкого межпартийного общественного политического фронта, долженствующего подпереть противобольшевистскую военную силу, дать точку приложения союзнической помощи и способствовать образованию русской государственности»[3].

С этой целью кадеты приняли самое активное участие в создании контрреволюционных организаций в Москве: «Национального центра» и «Союза возрождения». «ЦК,— писал кадет Кроль,— задался целью объединить всю анти-

---

[1] *Пав. Д. Долгоруков.* Национальная политика и партия народной свободы. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 7.

[2] Николай Романов вместе с семьей в апреле 1918 г. был перевезен из Тобольска в Екатеринбург. Здесь он жил под охраной в одном из купеческих домов. Разгорелась гражданская война. На Урале она носила особенно острый характер. В середине июля к Екатеринбургу вплотную подошли чехословаки и белогвардейцы. В тылу советских войск то и дело вспыхивали кулацкие мятежи. В этих условиях Уральский Совет вынес российскому деспоту смертный приговор. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Николай Романов и члены его семьи были расстреляны.

[3] *Пав. Д. Долгоруков.* Указ. соч., стр. 9.

большевистскую общественность на основе общенациональной задачи — установления национальной власти (то есть буржуазной.— *Л. С.*) и возобновления войны с Германией»[1]. В первой из них были кадеты и монархисты, во второй — кадеты, эсеры, меньшевики, «народные социалисты». Кадеты играли руководящую роль в этих организациях и являлись связующим звеном между ними. По настоянию ЦК партии «народной свободы» обе эти организации пошли на компромисс и заключили соглашение о временной власти — создании директории из трех лиц с последующим созывом нового Учредительного собрания.

В партии «народной свободы» не было единства. Особенно большие разногласия возникли с весны 1918 г. Произошло это так. В мае 1918 г. Главный комитет кадетов на Украине высказался за германскую ориентацию. Кадеты вошли в созданное немцами правительство гетмана Скоропадского. ЦК в Москве резко возразил против действий своих собратьев на Украине. Туда был послан член ЦК М. М. Винавер. В Киеве Винавер узнал, что приехавший туда из Добровольческой армии Милюков полностью поддержал украинских кадетов и сам высказался за ориентацию на Германию. Вот как описал Винавер свою встречу и разговор с Милюковым в Киеве в июне 1918 г.

— Ну, я совершенно бросил союзников,— заявил Милюков.— Веду алексеевскую армию на Москву, с тем чтобы немцы обеспечили ей тыл.

На вопрос Винавера: «Это значит, что вы во власти немцев?» — Милюков ответил: «Фактически это так, но пока это правительство образуется формально не немцами»[2].

Лидер кадетов совершил поворот во внешней политике на 180 градусов. Винавер отмечал, что Милюков даже изменил свою внешность. Седой шевелюры, украшавшей голову почти 60-летнего профессора истории, не было. Исчезли и усы. Голова Милюкова походила на круглый лоснящийся шар. Весь он казался очень обтекаемым. И вот этот человек говорил, что континентальная война скоро кончится, ибо Франция и Италия будут разбиты, а заокеанская война Германии с Англией и Америкой про-

---

[1] *Л. А. Кроль.* Указ. соч., стр. 28.
[2] ЦГАОР, ф. 7506, оп. 1, ед. хр. 5, л. 3.

длится лет 20. Милюков проповедовал, что для достижения цели «хороши все наличные средства».

Некоторые кадеты шли еще дальше. Председатель Ростовского комитета партии «народной свободы» П. Н. Мишаков в июле 1918 г. писал в Киев, что он полностью поддерживает ориентацию на немцев и предлагает «освободить Москву в контакте и, насколько окажется необходимым, при прямом содействии германцев и освободить ее под знаменем восстановления конституционной монархии не только потому, что этого хотят германцы, но и потому, что это безмерно облегчает процесс объединения и успокоения России»[1].

Буржуазия и ее партия не останавливались перед продажей родины, чтобы вернуть себе власть. Кадет князь Долгоруков писал, что летом 1918 г. бывшие помещики, капиталисты буквально осаждали германское посольство, прося у посла графа Мирбаха военной помощи в борьбе с Советской властью. Были и такие, которые соглашались на превращение России в германскую колонию. Бывший член Государственного совета граф Х., писал Долгоруков, говорил мне: «Пусть немцы, освободив нас от большевиков, превратят Россию лет на пятьдесят в германскую провинцию. Какое благоденствие наступит у нас. Они покроют Россию сетью шоссе и железных дорог»[2].

Но большая часть буржуазии и помещиков, а значит и кадетов, придерживалась старой ориентации на своих союзников в империалистической войне. Милюков и его единомышленники остались в меньшинстве. Скоро лидер партии уехал за границу, сложив с себя обязанности председателя ЦК.

Осенью 1918 г. большинство членов ЦК партии «народной свободы» бежало на юг к Деникину, небольшая группа осталась в Москве. Главные свои надежды кадеты возлагали на белогвардейскую Добровольческую армию и южное казачество.

«С Дона и Кубани, обагренных кровью казаков и добровольцев, суждено волею судеб возродиться единой России»[3],— вещал кадетский лидер князь Долгоруков.

---

[1] ЦГАОР, ф. 7506, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1.
[2] *Пав. Д. Долгоруков.* Указ. соч., стр. 8.
[3] Там же, стр. 10.

1. Социальные слои в крестьянстве

К лету 1918 г. в деревне в результате аграрных преобразований произошли огромные сдвиги в положении различных слоев крестьянства. Число бедных хозяйств уменьшилось по сравнению с 1917 г., хотя их осталось все же много. Значительно увеличилось количество середняцких хозяйств, хотя летом 1918 г. середняк еще не стал главной силой в деревне. Это произошло позже. Кулаки, как уже говорилось, не только сохранили свои позиции, но и в большинстве мест усилили их. Все это свидетельствовало о том, что деревня в целом стала богаче, чем в 1917 г.

Но положение крестьян в различных местах страны по-прежнему было неодинаковым. Мало того, разница эта еще больше увеличилась. Посмотрим, что собой представляли крестьянские хозяйства летом 1918 г. в разных районах Советской республики. В основу их классификации положены указания В. И. Ленина, данные им в работе «Развитие капитализма в России».

Начнем с одной из самых богатых губерний страны — Самарской[1]. В селе Мокше Николаевского уезда насчитывалось 863 хозяйства (6070 душ населения). Из них в 170 не имелось или лошадей, или коров, или посева. В 281 хозяйстве было по 1 лошади, в большинстве случаев по 1 корове, до 5 десятин посева. Все эти хозяйства являлись

[1] В. И. Ленин, рассматривая крестьянские хозяйства Новоузенского уезда Самарской губернии, так классифицировал их: а) бедные хозяйства — без рабочего скота, а также имевшие 1 лошадь и до 5 десятин посева; б) средние хозяйства — имевшие 2—3 лошади и до 10 десятин посева (сюда же относились середняки, имевшие 4 лошади и до 16 десятин посева); в) богатые хозяйства — имевшие 5 и более лошадей, с большими посевами (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 76).

Эта ленинская схема применима ко всем богатым уездам не только Самарской, но и других губерний Среднего Поволжья, а также Центрально-Черноземного района. Однако, учитывая сокращение во время войны поголовья рабочего скота и посевов, необходимо будет особо выделенную Лениным верхушку середняков отнести в разряд вообще зажиточных, богатых крестьян. Дополнительным основанием к этому служит то обстоятельство, что многие из указанных крестьян применяли наемный труд, сельскохозяйственные машины и летом 1918 г. имели большие излишки хлеба.

батрацкими и бедняцкими. 200 крестьянских дворов имели по 2 лошади, по 1—2 коровы и 71 двор — по 3 лошади, в большинстве по 2 коровы. Они засевали от 5 до 10 десятин. Это середняки. Наконец, 141 хозяин держал по 4—5 и более лошадей и по 2—4 коровы, засевал от 10 до 20 десятин. Это были богатые крестьяне и кулаки[1]. Итак, в селе Мокше около 50% хозяйств были бедняцкими, 30% — середняцкими и 20% — богатыми и кулацкими.

В большом селе Подъем-Михайловском того же уезда беднота составляла половину населения, середняки — около 37% и кулаки — 13%[2]. В Елизаветинской волости Бугульминского уезда бедняцких хозяйств было около 30%, середняцких — 50, богатых и кулацких — 20%[3].

Такое же примерно соотношение наблюдалось в большинстве сел губернии. Таким образом, летом 1918 г. в Самарской губернии 40—45% хозяйств были бедняцкие, 35—40% — середняцкие и 16—17% — богатые и кулацкие[4].

Аналогичное положение существовало во всех богатых губерниях Среднего Поволжья, Прикамья, а также Центрально-Черноземного района. Так, в Качкинской волости Елабужского уезда Вятской губернии (уезд считался богатым) из обследованных на 1 июня 1918 г. 882 дворов в 145 совсем не было хлеба, в 195 имелись излишки, в остальных 542 хлеб был, но излишки отсутствовали. Из 195 хозяйств в 130 имелись большие излишки хлеба[5]. Следовательно, 145 дворов являлись бедняцкими. Но бедняков было значительно больше, ибо часть их (более одной трети) вошла в число 542: это те, у кого недоставало хлеба до нового урожая. Зато богатые и кулацкие хозяйства налицо — их 130 дворов (15% всех хозяйств). В Рождественской волости Сызранского уезда Симбирской губернии (волость была богатой) бедняки составляли около

---

[1] ГАКО, ф. 1241, оп. 1, ед. хр. 5, л. 91—123. Подсчитано автором.

[2] ГАКО, ф. 1242, оп. 2, ед. хр. 24, л. 7—21. Подсчитано автором. В основу подсчета взято количество скота в хозяйствах.

[3] ГАКО, ф. 1408, оп. 1, ед. хр. 24, л. 4—20. Подсчитано автором.

[4] В отношении богатых и кулацких хозяйств необходимо сделать оговорку. И это относится ко всем губерниям. Анализ состояния крестьянских хозяйств (по архивным документам) дает основание считать, что во многих случаях сведения о кулацких хозяйствах в 1918 г. занижены. В действительности их имелось больше.

[5] ЦГА Тат. АССР, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 70, л. 3—47. Подсчитано автором.

50%, середняки — 35, кулаки и богатые крестьяне — 15%[1].

Конечно, не во всех уездах и тем более волостях Среднего Поволжья и Центрально-Черноземного района положение крестьян было таким. Имелись бедные уезды и волости, но не они определяли лицо губерний.

Теперь рассмотрим соотношение сил в деревне центральных и северных губерний страны. Здесь должен быть применен другой критерий в оценке крестьянских хозяйств. В Калужской губернии В. И. Ленин считал богатыми те дворы, которые имели 3 лошади, а для Тверской губернии — засевавшие более 2 десятин.

В Тверской губернии, согласно выборочной переписи, к осени 1918 г. имелось беспосевных и сеющих до 1 десятины 64,3% хозяйств, от 1 до 2 десятин — 32,7, свыше 2 десятин — 3%[2]. Первая категория хозяйств относилась к бедняцким, вторая — к середняцким, третья — к кулацким. Такое же примерно положение было в Ярославской, Владимирской, Новгородской и других губерниях[3].

Не трудно заметить, какая огромная разница существовала между крестьянами производящих (богатых хлебом) и потребляющих (бедных хлебом) губерний. В первых дифференциация крестьянства выражалась более ярко. Там на одном полюсе — богатые крестьяне и кулаки, на другом — беднота. Чем богаче губернии, тем резче классовые контрасты. В центральных и северных губерниях бедноты имелось больше, чем на востоке и юге, а кулаков значительно меньше.

Итак, результатом раздела помещичьих земель было, с одной стороны, завоевание на сторону Советской власти огромного большинства крестьян, с другой — уменьшение пролетарских и полупролетарских слоев и возрастание численности мелкой буржуазии. Последнее обстоятельство таило в себе некоторую опасность, ибо сужалась база диктатуры пролетариата в деревне. Оно неизбежно должно было повлиять на ход гражданской войны, особенно в период развития социалистической революции на селе.

---

[1] ГАКО, ф. 30, оп. 3, ед. хр. 12, л. 47—89. Подсчитано автором.

[2] См. «1917 и 1918 годы по данным выборочной сельскохозяйственной переписи 1918 г.», стр. 9—11.

[3] Исключение составляли сравнительно богатые хлебом Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская губернии.

Иное положение складывалось в тех местах, где не существовало помещичьего землевладения, например в Сибири. Там частновладельческих земель имелось очень мало. Они составляли всего 0,15% общей площади[1]. Правда, в Сибири (особенно на Алтае) до революции было много бывших кабинетских земель, которые сдавались крестьянам в аренду. В 1917 г. они составляли более 60 млн. десятин; эти земли перешли в пользование крестьян. Ликвидировались недоимки, некоторые налоги, повинности, монопольное пользование лесами, водоемами. Все это облегчало положение сибирского крестьянства. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что получили от Советской власти крестьяне тех мест, где существовало помещичье землевладение.

Поэтому в Сибири экономическое положение крестьянства к лету 1918 г. мало чем изменилось по сравнению с 1917 г. Почти таким же оно осталось и до осени 1919 г.

Хозяйства сибирских крестьян хотя и были в массе своей мелкотоварными, однако в них удельный вес кулацких хозяйств был больше, чем в Среднем Поволжье или Центрально-Черноземном районе. Кулацкие хозяйства были крупнотоварные. В них широко применялся наемный труд и сельскохозяйственные машины. Это и понятно: развитие капитализма в сельском хозяйстве Сибири до 1917 г. шло быстрее, чем в районах, сильно обремененных остатками крепостничества. Сибирь была одной из самых богатых сельскохозяйственных окраин России. В ней на одно хозяйство приходилось в полтора раза больше машин, чем в Европейской России, в два раза больше посевов, в три раза коров и в четыре раза лошадей.

К 1918 г. в Сибири скопилось много продовольствия. Посланный туда весной этого года за хлебом бывший депутат IV Государственной думы коммунист А. Е. Бадаев писал: «Первые же впечатления по приезде в Омск подтвердили имевшиеся у нас сведения об огромных запасах продовольствия в Сибири. У самого Сибирского краевого

---

[1] Согласно сельскохозяйственной переписи 1916 г., в Сибири было 1461 частновладельческое хозяйство, засевавшее 43 348 десятин. Большая часть частновладельческих земель принадлежала казачьим офицерам, особенно в Акмолинской и Семипалатинской областях. Помещичьи земли встречались главным образом в Тобольской и Томской губерниях, где цари в свое время давали наделы служилым людям и дворянам (см. «Советская Сибирь», 10 января 1920 г.).

Совета было больше десяти миллионов пудов хлеба, который он мог послать в Россию. У крестьян имелся хлеб, оставшийся от урожаев за пять лет назад. Необмолоченный хлеб лежал по деревням в огромных скирдах по нескольку тысяч пудов в каждой. Но достать этот хлеб было не легко»[1].

В апреле 1918 г. в Сибири имелось излишков хлеба около 110 млн. пудов, в том числе в Алтайской губернии — около 52 млн. пудов, в Акмолинской (Омской) области — 26 млн., в Томской губернии — 8 млн. пудов[2].

Мы не располагаем полными сведениями для определения классового состава всего сельского населения Сибири. Однако имеющиеся отдельные данные позволяют составить в целом правильное представление об этом[3]. Вот что говорят документы о положении в сибирской деревне.

Сибирская кооперативная организация «Закупсбыт», стремясь выяснить состояние крестьянских хозяйств, в 1919 г. разослала анкеты по трем самым богатым губерниям Сибири. Были получены 624 анкеты, в том числе 192 (26%) из Алтайской, 339 (46%) из Енисейской и 93 (13%) из Омской (бывшей Акмолинской области) губерний. Согласно анкетам, в среднем на одно хозяйство приходилось около 8 десятин посева, 3,9 рабочей лошади, 5,1 коровы, 8 овец[4].

Из 624 хозяйств 45 не имели посева, 126 засевали до 3 десятин, 141 — от 3 до 6 десятин, 146 — от 6 до 10 деся-

---

[1] *А. Е. Бадаев.* Десять лет борьбы и строительства. Л., 1927, стр. 38.

[2] См. *Б. Монастырский.* Сибирь — кормилица (Работа продорганов). В кн.: «Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917—1920)». Омск, 1920, стр. 74—75.

[3] При классификации социальных слоев сибирских крестьян мы используем тот же метод, который применял В. И. Ленин, исследуя в свое время крестьянские хозяйства Иркутской и Енисейской губерний. К низшим группам крестьянства (бедноте) он относил безлошадные хозяйства, а также те, которые имели 1—2 лошади и до 5 десятин посева. К средним группам (середнякам) принадлежали крестьянские дворы, имевшие 3—4 лошади и до 10 десятин посева. К высшим группам (зажиточные крестьяне и кулаки) относились хозяйства, в которых было 5 и более лошадей и большие посевы. Ленин еще в конце прошлого века подчеркивал большое расслоение сибирского крестьянства. К 1918 г. оно увеличилось (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 116).

[4] «Сборник Сибирского статистического управления», т. 2. Вып. 7. Новониколаевск, 1922, стр. 2—3.

тин, 90 — от 10 до 15 десятин и 73 — свыше 15 десятин. Значит, в богатых районах Сибири около 40% дворов были бедными, 30—35% середняцкими и около 25% зажиточными и кулацкими.

В Иркутской, Томской и Тобольской губерниях соотношение социальных групп в крестьянстве было другим. Там дифференциация крестьянства несколько слабее: меньше было кулацких и бедняцких хозяйств и больше середняцких. Различия в соотношении социальных слоев сибирского крестьянства в разных губерниях влияли на остроту классовой борьбы в деревне, на поведение крестьян в отдельные периоды гражданской войны.

2. Усиление классовой борьбы в деревне

Если в первые месяцы Советской власти классовая борьба в деревне в основном велась между крестьянами и помещиками, то с весны 1918 г. она развернулась между беднотой и кулачеством. Это являлось отражением объективных законов, вытекавших из социально-экономических отношений, которые существовали в то время на селе.

Усиление классовой борьбы в крестьянстве произошло еще в период раздела помещичьих земель. В дальнейшем она все больше обострялась, ибо у бедняков подходил к концу хлеб и им нечего было ни есть, ни сеять.

В феврале 1918 г. в селах и деревнях Клянчинской волости Казанской губернии состоялись собрания русской и татарской бедноты, на которых горячо обсуждался вопрос об изъятии у кулаков хлеба. Крестьяне просили свияжского уездного комиссара дать им оружие, чтобы произвести реквизицию продовольствия. Предвидя сопротивление кулачества, бедняки постановили создать вооруженный отряд. В него записался 51 человек[1].

Деревенские богатеи действительно оказали бедноте отчаянное сопротивление. Их поддержали эсеры, сидевшие в продовольственных и земельных органах в уезде. Поэтому неимущие крестьяне Клянчинской волости мало чего добились. Однако они не сдавались. Борьба с кулаками продолжалась и углублялась дальше.

Попытки деревенской бедноты объединить свои силы в классовой войне с сельской буржуазией имели место во

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 177, оп. 1, ед. хр. 7, л. 7.

многих местах страны. Неимущие крестьяне деревни Абросово Якимовичинской волости Вятской губернии 13 апреля на собрании избрали для защиты своих интересов комитет из трех человек. Председатель собрания П. П. Машковцев (по всей видимости, рабочий из города, переехавший на жительство в деревню) говорил: «В городах пролетариат взял власть в свои руки и строит социализм и ведет борьбу с остатками капитализма, а в деревне еще нет твердой власти; чтобы защищать бедняков, для этого снизу и до центра следует создать комитеты бедноты, которые займутся в первую голову переделом земли и дадут бедноте хлеб, сох, лошадей от тех, кто от бедняков награбил путем эксплуатации»[1]. Собрание вынесло решение просить Якимовичинский Совет организовать во всех деревнях и селах волости комитеты бедноты. Одновременно оно постановило конфисковать у семи кулаков деревни 270 пудов хлеба. «В случае если граждане будут сопротивляться и угрожать убийством,— говорилось в решении,— тогда просить Красную гвардию из волости для приведения в исполнение сего постановления»[2].

В Тверской губернии классовые организации бедноты получили название «Голодные комитеты», в Саратовской и других губерниях — «Союзы бедняков» и т. д.

Характерно, что организаторами первых объединений крестьянской бедноты часто были рабочие, приехавшие из городов в деревню.

В некоторых местах сельскому полупролетариату при содействии Советов, руководимых большевиками, или при помощи местных ячеек коммунистов удавалось изъять излишки хлеба у деревенской буржуазии. Но часто у бедноты недоставало сил для борьбы с кулаками, которые захватили руководство во многих Советах. Сельских же партийных ячеек большевиков было мало. В уездах продовольственными и земельными делами зачастую вершили эсеры. Беднота все больше понимала, что ей без помощи рабочих победить деревенских буржуев нельзя. Она чаще стала обращаться в город к рабочим, к большевикам.

Партия коммунистов, Советская власть пришли на помощь бедным крестьянам.

---

[1] «Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии», стр. 482.

[2] Там же, стр. 483.

Рабоче-крестьянское государство, приступив весной 1918 г. к созданию основ социалистической экономики, рассчитывало установить между городом и деревней, между складывающейся социалистической промышленностью и мелкотоварным в своей основе сельским хозяйством экономические связи, основанные на продуктообмене[1]. Город посылал деревне продукты промышленности, крестьяне давали рабочим продукты сельского хозяйства. Товарно-денежные отношения, рынок исключались[2].

К апрелю 1918 г. Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод) получил в свое распоряжение в качестве обменного фонда 400 млн. аршин мануфактуры, 2 млн. пар галош, 200 тыс. пар обуви, 17 млн. пудов сахару, керосин, спички, железные изделия, сельскохозяйственный инвентарь[3]. Предполагалось выменять у крестьян 120 млн. пудов хлеба. Но заготовили хлеба очень мало. Стоимость его была несравнимо меньше стоимости промышленных товаров. За 600 вагонов товаров Наркомпрод получил всего 400 вагонов хлеба[4], то есть около 400 тыс. пудов.

Заготовка хлеба путем продуктообмена сорвалась. Главными причинами этого явились сопротивление богатых крестьян и кулаков, владевших основной массой товарного хлеба, экономической политике Советской власти, а также разбушевавшаяся в стране мелкобуржуазная стихия. В мае 1918 г. подвоз продовольствия в Москву, Петроград и другие промышленные центры все время уменьшался. Между тем хлеб в стране был. В некоторых местах он остался от урожая прошлых годов. Излишки продовольствия определялись сотнями миллионов пудов главным

---

[1] В большинстве документов периода гражданской войны продуктообмен именовался товарообменом.

[2] Следует заметить, что экономисты и историки, полностью отождествляющие экономическую политику Советской власти, провозглашенную Лениным весной 1918 г. в «Очередных задачах Советской власти», с нэпом, введенным после окончания гражданской войны, допускают ошибку. Одной из главных основ нэпа являлись товарно-денежные отношения, рынок, чего не было в 1918 г.

[3] «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного комитета 4-го созыва (Стенографический отчет)». М., 1920, стр. 80—81.

[4] Там же, стр. 82. В общей сложности с марта 1918 по январь 1919 г. в деревню было отправлено 35 тыс. вагонов различных промышленных товаров на сумму 1 762 млн. руб.

Продовольственный отряд рабочих направляется в деревню (1918 г.)

бразом в Сибири, на Средней Волге, в Приуралье, Центрально-Черноземном районе.

Перед Коммунистической партией и Советским правительством со всей остротой встал вопрос, как получить продовольствие для рабочих, Красной Армии и деревенских бедняков непроизводящих губерний. Конечно, можно было бы, централизовав его заготовку и реорганизовав продовольственный аппарат, попытаться продолжать продукообмен. Но беда состояла в том, что у Советского государства уже в начале лета 1918 г. не оказалось необходимого количества промышленных товаров, чтобы менять их на хлеб. Из-за разрухи в промышленности городских товаров было мало и Советская власть не могла возместить крестьянам стоимость получаемого от них продовольствия. Кроме того, в разгоравшейся гражданской войне богатые продовольствием районы один за другим захватывались врагом: сначала Украина (оккупированная немцами), за ней Северный Кавказ, Сибирь и Среднее Поволжье.

В этих условиях Советской власти ничего не оставалось, как укрепить на новой основе хлебную монополию[1], запретить свободную торговлю хлебом, ввести твердые цены и приступить к новым формам его заготовки.

Поскольку основные запасы продовольствия находились у кулаков, то главный удар направлялся против них. Деревенская буржуазия пыталась дать бой Советской власти по одному из самых главных вопросов того времени — хлебному. Борьбу за хлеб Ленин рассматривал как борьбу за социализм. Кулак стал злейшим врагом пролетарского государства.

Наркомпрод получил чрезвычайные полномочия для борьбы с деревенской буржуазией, укрывающей хлеб. Партия большевиков организовала великий поход рабочих в деревню, чтобы сломить сопротивление кулаков, организовать деревенскую бедноту и получить хлеб для городов[2].

«Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — Советского — переворота состоит в том,— указывал В. И. Ленин, — что передовой рабочий, *как руководитель* бедноты, *как вождь* деревенской трудящейся массы, *как строитель государства труда,* «пошел в народ». Тысячи и тысячи лучших рабочих отдал деревне Питер, отдали ей другие пролетарские центры»[3].

Интересы деревенской бедноты и интересы рабочих в деревне совпали. Поэтому неимущие крестьяне выступали классовым союзником пролетариата в борьбе за социализм. Но как одни бедняки не могли победить кулака, так и одни рабочие без поддержки сельской бедноты не в состоянии были получить в необходимом количестве хлеб из деревни и разгромить контрреволюционное кулачество, которое поддерживалось частью среднего крестьянства.

В этих условиях перед партией коммунистов задачей номер один явилось создание классовых организаций деревенской бедноты, наделение сельских пролетариев и полупролетариев политической и экономической властью.

---

[1] Хлебная монополия была введена Временным правительством в марте 1917 г.

[2] Во второй половине 1918 г. в деревню за хлебом было направлено около 60 тыс. рабочих (см. *В. М. Селунская.* Руководящая роль рабочего класса в социалистической революции в деревне (1918 год). «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 10).

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 363.

Дело в том, что многие Советы в деревне находились тогда в руках кулаков и не могли быть орудием социалистической революции.

3. Комбеды

Для Коммунистической партии вопрос организации сельских пролетариев и полупролетариев теоретически не являлся новым. Еще задолго до Октябрьской революции В. И. Ленин в своих работах «К крестьянской бедноте» (1903 г.), «Пролетариат и крестьянство» (1905 г.), в выступлении на III съезде партии указывал на необходимость создания самостоятельных организаций сельского пролетариата. В дальнейшем он неоднократно возвращался к этому. Об объединении деревенской бедноты говорилось в решениях съездов и конференций партии.

В период от февраля до октября 1917 г. идея политической организации сельских бедняков пронизывает все высказывания Ленина о развитии классовой борьбы в деревне. После установления Советской власти она встала с новой силой. И это вполне естественно. Рабочий класс, совершив революцию, должен был серьезно позаботиться об упрочении своей классовой опоры на селе. Но для этого необходимо было усилить классовый раскол в крестьянстве, организовать бедноту как союзника пролетариата. До конца весны — начала лета 1918 г. сделать это было нельзя. «...Если бы большевистский пролетариат,— указывал Ленин,— попробовал сразу, в октябре—ноябре 1917 года, не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев *подготовить* и провести его, попробовал «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. п.,— тогда это было бы *бланкистским* искажением марксизма...»[1]

К лету 1918 г. предпосылки, о которых говорил Ленин, были налицо. Речь шла только о том, какие формы и методы явятся наилучшими в обстановке того времени для организации неимущих крестьян. В различных странах и в разное время формы и методы борьбы рабочего класса за укрепление диктатуры пролетариата в деревне не одина-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 316.

ковы. Их выбор зависит прежде всего от соотношения классовых сил в стране.

Что касается России того времени, то на формы организации деревенских пролетариев и полупролетариев и методы ведения классовой борьбы на селе решающее влияние оказали голод, разруха, иностранная военная интервенция и гражданская война. Большую роль в этом сыграл практический опыт революционной борьбы самих крестьян.

11 июня 1918 г. ВЦИК постановил повсеместно создать волостные, сельские комитеты деревенской бедноты, возложив организацию их на Советы и продовольственные органы под общим руководством Наркомпрода и ВЦИК. В задачи их входило: «1. Распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий. 2. Оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев»[1]. Предусматривалась передача бедноте части реквизированного у кулаков хлеба бесплатно или по льготной цене, снабжение волостных комбедов сложными сельскохозяйственными орудиями для общественной обработки полей и уборки урожая малоимущих крестьян. Выбирать в новые организации и участвовать в их работе могли все крестьяне, кроме кулаков и богатеев.

Хотя по декрету комбеды формально определялись как продовольственные органы (возможно, что это было сделано по тактическим соображениям), они были политическими организациями, созданными рабочим классом для развития классовой борьбы на селе. Так они и понимались на местах большевиками, которые практически организовали их, и так они действовали.

9 июля из Смоленского Совета сообщали в Народный комиссариат внутренних дел: «Решено образовать комитеты деревенской бедноты для борьбы с укрывательством хлеба и для расширения и углубления классовой борьбы в деревне»[2].

Первые комбеды появились уже в конце июня 1918 г., но массовое создание их началось с августа и особенно широко развернулось в сентябре, а в Среднем Поволжье, Приуралье и районах РСФСР, оккупированных немцами,—

[1] СУ, 1918, № 43, ст. 524.
[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 34, л. 161.

после их освобождения — в октябре — декабре 1918 г. К концу года комбеды существовали в большинстве сел и волостей Российской Федерации.

Кулаки и левые эсеры, находившиеся в Советах, оказали бешеное сопротивление созданию классовых организаций сельских пролетариев и полупролетариев.

Неправильные действия некоторых местных советских и партийных организаций, которые в первое время не допускали в комбеды крестьян-середняков, привели к тому, что кулаки, используя недовольство середняков, во многих местах силой разгоняли собрания бедноты.

Ввиду этого Совнарком и Наркомпрод 17 августа 1918 г. в телеграмме губернским Советам и продовольственным комитетам за подписями В. И. Ленина и А. Д. Цюрупы потребовали исправить ошибки и широко привлекать в комбеды середняков[1].

Комбеды являлись орудием пролетариата, партии большевиков. Не случайно в них было много коммунистов. По неполным данным, в руководящем составе комбедов Северной области было 14,5% коммунистов, 57% — сочувствующих им, 28% — беспартийных и только 0,5% — левых эсеров[2]. Характерным является социальный состав комбедов. Среди делегатов первого съезда комбедов Северной области (ноябрь 1918 г.) подавляющее большинство составляли бедные крестьяне. В комбедах Тамбовской губернии имелось 52,7% людей, занятых сельским хозяйством, 23,3% — военнослужащих, 16,6% — рабочих, 4,9% — служащих, 2,5% — кустарей и ремесленников[3].

Ход классовой борьбы вел к тому, что комбеды все больше сосредоточивали в своих руках власть в деревне. В тех условиях это было закономерно. Чем решительнее тот или иной комитет бедноты вел борьбу с деревенской буржуазией, тем тверже становилось его положение.

* * *

На селе существовали сельскохозяйственные коммуны, артели и советские хозяйства. Они представляли создающийся социалистический сектор сельского хозяйства

---

[1] См. Ленинский сборник XVIII, стр. 144. А. Д. Цюрупа был народным комиссаром по продовольствию.

[2] См. «Комитеты деревенской бедноты Северной области», стр. 16—17.

[3] См. «Комитеты бедноты», т. 1, стр. 21.

и сыграли немалую роль в развитии классовой борьбы в деревне. Коммуны и совхозы возникали главным образом на базе бывших помещичьих имений.

Партия коммунистов говорила крестьянам, что не уравнительное землепользование, а только постепенное обобществление крестьянских хозяйств на базе передовой машинной техники может в корне улучшить их положение. Большевики ставили задачу на практике показать сельскому населению выгоды коллективных форм обработки земли. Советское правительство выделяло большие средства совхозам, коммунам и артелям, всячески их поддерживало. «...Мы не были бы коммунистами и сторонниками введения социалистического хозяйства,— говорил В. И. Ленин в 1919 г.,— если бы не осуществляли государственной помощи всякого рода коллективным земледельческим предприятиям. Мы вынуждены это делать и потому, что это соответствует всем нашим заданиям, и так как мы прекрасно знаем, что эти товарищества, артели и коллективные организации являются новшеством, и если ему не оказать поддержку со стороны рабочего класса, стоящего у власти, то оно не привьется»[1].

К концу 1918 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 975 сельскохозяйственных коммун, 604 артели и более 3 тыс. совхозов. Характерным являлось то, что подавляющее большинство этих форм хозяйства было создано в комбедовский период, то есть в конце лета и осенью 1918 г. Это свидетельствовало о тесной связи между организацией комитетов бедноты и коллективными формами земледелия. Комбеды во многих случаях сами создавали сельскохозяйственные коммуны и артели.

Коллективные и советские хозяйства, как правило, состояли из деревенской бедноты и поэтому представляли собой надежную опору рабочих в борьбе с кулаками. В уставе Щеботовской коммуны Боровичского уезда Новгородской губернии было записано, что «коммуна следит за действиями деревенских кулаков и ни в коем случае не допускает эксплуатации деревенской бедноты и [лишает кулаков возможности] нанимать тайно или явно граждан на обработку земли»[2]. Члены коммун и артелей помогали

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 376.
[2] «Аграрная политика Советской власти», стр. 479.

рабочим изымать у деревенских мироедов хлеб, они приходили на помощь Советской власти в подавлении кулацких мятежей.

IV. МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ

1. Правые эсеры

Состоявшийся в мае 1918 г. 8-й совет партии правых социалистов-революционеров принял решение о восстании против Советской власти. В нем было сказано, что основной задачей всей русской демократии является борьба за решение социально-политических задач, выдвинутых Февральской революцией. «Главным препятствием для осуществления этих задач,— говорилось далее в решении,— является большевистская власть. Поэтому ликвидация ее составляет очередную и неотложную задачу всей демократии»[1].

После свержения Советской власти правые эсеры намечали восстановить Учредительное собрание и старые органы местного самоуправления, то есть вернуться к буржуазной форме правления в России.

Правые социалисты-революционеры обратились к государствам Антанты, чтобы те направили войска, «которые бы дали возможность России с наименьшими потерями свергнуть германское засилье и восстановить боеспособность армии и флота»[2]. Вместе с тем эсеры шли на явный обман, когда писали, что «трудовая демократия не может опираться для восстановления народовластия на поддержку иностранной, хотя бы и союзной, военной силы».

Если эсеровский совет вынужден был маскировать свои действия, то отдельные деятели партии открыто призывали к интервенции против Советской России. Старейшая эсерка Е. К. Брешко-Брешковская, прозванная бабушкой русской революции (в 1918 г. ей было 73 года), в мае 1918 г. обратилась с письмами к американскому послу в России Френсису и французскому послу Нулансу с призывом немедленно начать интервенцию союзников, чтобы «помочь России освободиться от большевистской власти»[3].

---

[1] «Дело народа», 15 мая 1918 года. 8-й совет партии проходил с 8 по 14 мая в Москве.

[2] Там же.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1. Новые поступления.

Для ведения борьбы с Советами широким фронтом социалисты-революционеры весной и летом 1918 г. установили связи со многими белогвардейскими организациями, а также с представителями Антанты в России.

Правые эсеры понимали, что им нельзя рассчитывать на поддержку населения центральных губерний страны, где крестьянство в большинстве своем крепко стояло за Советскую власть. Поэтому они сосредоточили основные усилия в других районах, главным образом на востоке страны.

На состоявшемся сразу же после 8-го совета партии заседании ЦК (16 мая 1918 г.) эсеры произвели распределение своих сил. В Москве оставалось только восемь членов ЦК, десять направлялось в разные районы, в том числе четыре человека — в Поволжье (Д. Д. Донской, М. А. Веденяпин, К. С. Буревой и Ф. Ф. Федорович), два — в Приуралье (Н. Н. Иванов и Л. Я. Герштейн), один — в район Ижевского и Воткинского заводов (И. И. Тетеркин), два — в Петроград и один — на Украину. Кроме того, в восточные губернии в помощь цекистам командировались группы видных эсеров. Одновременно с этим два члена ЦК (Н. С. Русанов и В. В. Сухомлин) были направлены за границу, чтобы повлиять на общественное мнение и заручиться поддержкой власть имущих[1].

Таким образом, партия правых эсеров активно включилась в подготовку вооруженного восстания, избрав для этого восточные губернии страны. Центром мятежа намечалось Среднее Поволжье, где имелось много кулаков и зажиточных крестьян, интересы которых выражали социалисты-революционеры. Руководители эсеров говорили: «Если не сейчас, то когда же, если не мы, то кто же свергнет большевиков?»

В ЦК П. С.-Р., непосредственно руководившем подготовкой восстания, самыми активными были семь человек: Чернов В. М. — лидер партии, бывший министр буржуазного Временного правительства, председатель Учредительного собрания, интеллигент; Гендельман М. Я.— бывший присяжный поверенный; Герштейн Л. Я.— выходец из буржуазной семьи; Гоц А. Р.— происходил из богатой буржуазной семьи, владевшей чайной фирмой; Донской Д. Д.—

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

военный врач; Иванов Н. Н. — выходец из дворянской семьи; Федорович Ф. Ф. — из дворянской семьи.

До мая 1918 г. большинство членов ЦК правых эсеров находилось в Петрограде. Здесь издавался центральный орган партии газета «Дело народа», которая из номера в номер помещала провокационные статьи, призывала к борьбе с коммунистами.

Советское правительство долго терпело грязную стряпню и поджигательские призывы правых социалистов-революционеров и только летом 1918 г. закрыло «Дело народа». После этого многие члены ЦК П. С.-Р. перебрались через фронт и появились в Самаре. Оставшиеся в Москве цекисты перешли на нелегальное положение. Летом же из Петрограда в Москву прибыли основные силы центрального боевого отряда террористов, во главе которого стоял А. Ф. Семенов (Васильев). Террористы получили задание подготовить покушение на Ленина, а также на других крупных деятелей Советской власти.

14 июня 1918 г. ВЦИК вынес решение об исключении правых эсеров из своего состава и из местных Советов. Правда, в некоторых губерниях правых социалистов-революционеров и меньшевиков еще раньше выгнали из органов власти и закрыли их газеты. Но правые эсеры продолжали свою деятельность подпольно, готовились к восстанию.

К середине 1918 г. партии правых социалистов-революционеров как массовой организации уже не существовало. Численность ее была невелика. В ней остались главным образом руководители и активисты. В центральных районах страны эсеров насчитывалось по нескольку сот в губернии, да и то не везде. На Волге и в Сибири их было значительно больше. За спиной эсеров стояли белогвардейские организации, их поддерживали кулаки и богатые крестьяне. Таким образом, на востоке страны правые эсеры представляли значительную силу.

2. Меньшевики

К маю 1918 г. в партии меньшевиков (по их сведениям) осталось менее 60 тыс. человек, в том числе в Тульской организации — до 2 тыс., на Урале — до 2 тыс., в Томской губернии — около 1,5 тыс., в Петроградской —

500, в Московской — 600 человек[1]. К осени численность РСДРП[2] по сравнению с маем сократилась в несколько раз. Меньшевистская партия как массовая организация прекратила свое существование.

Но это еще не означало, что меньшевики потеряли всякое влияние в массах. За ними продолжали идти некоторые слои населения, в том числе и часть рабочих. При выборах в Московский Совет в апреле 1918 г. они получили 42 места из 479. Это было немного, до этого меньшевики были представлены в Моссовете 118 депутатами.

Члены РСДРП использовали свое пребывание в Советах для того, чтобы разлагать их изнутри. Учитывая контрреволюционную деятельность меньшевиков, ВЦИК 14 июня 1918 г. вынес постановление об изгнании их из ВЦИК и местных Советов вместе с правыми эсерами[3].

Не было ни одного мероприятия коммунистов, которое бы меньшевики яростно не атаковали. Они приложили много усилий, чтобы сорвать создание советских вооруженных сил. Вместо классовой рабоче-крестьянской армии они продолжали требовать «демократическую милицию», «всеобщее вооружение народа», в том числе, конечно, и буржуазии. Меньшевики не останавливались перед клеветой, пытались опорочить переход от добровольческой армии к мобилизации рабочих и трудящихся крестьян. Мартов говорил, что призыв в армию петроградских и московских рабочих — это «средство разрядить атмосферу рабочих кварталов... Массы, как это делало бонапартовское правительство, будут отправлены в лагеря да казармы. Этим, и только этим, можно объяснить такого рода изъятие...»[4].

В конце мая 1918 г. в Москве состоялось Всероссийское партийное совещание меньшевиков. На нем был произведен смотр оставшихся сил, подведен итог полугодовой борьбы с Советской властью и намечена дальнейшая тактика партии. В резолюции совещания говорилось, что меньшевики должны в противовес Советам, где большин-

---

[1] «См. «Партийные известия», 10 июня 1918 г., стр. 4. Численность партии в 60 тыс. дана без Закавказья, но вместе с Бундом.

[2] С апреля 1918 г партия меньшевиков опять стала называться РСДРП (без слова «объединенная»).

[3] После IV съезда Советов во ВЦИК от меньшевиков были Абрамович, Дан, Мартов, Суханов, Череванин.

[4] *Ил. Вардин.* Указ. соч., стр. 80.

ство у коммунистов, создавать другие органы, что нужна «замена Советской власти властью, сплачивающей силы всей демократии»[1].

На совещании левые и центр (Мартов и Дан) капитулировали перед правым крылом меньшевиков (Либер). Либер выдвинул лозунг «Мимо Советов!». Совещание развязало руки наиболее оголтелым меньшевикам, звавшим к восстанию против Советской власти. И то, чего не дописали (из-за трусости, а может быть, и конспирации) меньшевики в резолюции совещания, они доделали другим путем. 10 июня 1918 г. в журнале «Новая заря» — органе комитета меньшевиков центральной области — в директивной статье «Под знаком голода и народных восстаний» следующим образом формулировались задачи партии:

«Мы не должны забывать, что мы вступили в полосу народных восстаний, неудержимо развивающихся. Назад мы ничего не повернем, то, что движется, мы должны организовать. Наша задача — создавать свободную арену для организации движения, порывая с погибающими Советами и обеспечивая стихии организованный и политически-плодотворный выход на демократические позиции...»[2]

Правда, в отличие от эсеров меньшевистский ЦК не занимался подготовкой восстания. Мало того, он в своих официальных постановлениях даже как бы осуждал это. Так, в резолюции ЦК РСДРП от 1 июля 1918 г. говорилось о задачах партии: «Решительно отклоняя всякое участие в заговорах, устраиваемых за спиной масс и беспринципно использующих их стихийные, бунтарские вспышки под влиянием безработицы, нищеты и голода, и отвергая всякую апелляцию к вмешательству иностранных вооруженных сил во внутреннюю борьбу, вести неустанную агитацию, устную и путем усиленного распространения партийной печати, листков и т. д., разъясняя массам их кровную заинтересованность в осуществлении демократических требований нашей партии...»[3]

Однако дальше в этой резолюции говорилось, что в случае успеха местных восстаний, происшедших без участия меньшевиков, последние их поддержат, но якобы для того, чтобы скорее окончить гражданскую войну и предотвра-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 59, л. 17.
[2] Цитировано по кн.: *Ил. Вардин.* Указ. соч., стр. 77—78.
[3] «Социал-демократ», 9 сентября 1918 г. Тифлис.

тить расправу и самосуд над побежденными большевиками.

В резолюции имелись и совершенно ясные пункты, не вызывающие никакого сомнения в том, что меньшевики хотели во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть. ЦК РСДРП призывал рабочих вместо Советов организовывать новые органы власти, устраивать антиправительственные демонстрации и политические забастовки. Короче говоря, меньшевики продолжали вести бешеную борьбу против Советской власти. На словах они отмежевывались от буржуазии и интервентов, а на деле блокировались с интервентами и белогвардейцами, участвовали почти во всех контрреволюционных движениях и организациях. Партия меньшевиков добивалась свержения Советской власти теми средствами, которые были в ее распоряжении. Она бы не остановилась перед восстанием, имея уверенность в его успехе. «Мы отрицаем восстание против большевиков точно так же, как и Вы, только по соображениям целесообразности,— писал позже Мартов Аксельроду,— и даже наша первая резолюция, в которой мы после Ярославского восстания выступили летом 1918 года против агитации за восстание, заключала в себе оговорку: «признавая по-прежнему право на восстание за пролетариатом (или, кажется, народом) против угнетающего его строя»»[1].

По-прежнему пытались занять серединную позицию между большевиками и меньшевиками интернационалисты. Их половинчатость особенно ярко отразилась в решении II съезда, состоявшегося в мае 1918 г. В нем предлагалось поддерживать Советы, но в то же время подчеркивалось, что эти органы власти не являются лучшей формой правления. То же самое было и с Брестским договором: его и ругали и хвалили. О Красной Армии говорилось, что она разлагается, но в то же время положительно оценивался принцип перехода от добровольности к мобилизации, указывалось, что Красная Армия являлась единственной силой революции. Показательным было то, что съезд заявил о невозможности созыва в то время Учредительного собрания.

Меньшевики-интернационалисты за пять месяцев, прошедших со времени работы их I съезда, чуть-чуть полевели. Это выразилось, в частности, и в том, что они несколь-

[1] «Мартов и его близкие», стр. 52.

ко смягчили критику большевиков. Однако раздвоенность, непоследовательность у них оставались разительными. Было ясно, что интернационалисты не могли длительное время вести такую политику. Они должны были или изменить свое поведение, решительно порвать с прошлым и примкнуть к коммунистам, или вернуться к меньшевикам.

3. Левые эсеры

В конце весны — начале лета 1918 г. левые социалисты-революционеры в связи с принятием декретов о продовольственной политике и комбедах резко усилили борьбу против Советской власти.

На второй день после постановления ВЦИК об организации деревенской бедноты (12 июня) весь номер газеты «Знамя труда» был наполнен протестами против этого мероприятия. Левые эсеры обвиняли большевиков в том, что те якобы разгоняли местные Советы и прижимали «трудового» крестьянина. Их особенно выводило из себя то место декрета, где говорилось о богатых крестьянах, имевших излишки хлеба. Левые социалисты-революционеры различали только две группы в крестьянстве: «трудовых» крестьян и кулаков. Они не хотели и слушать, что так называемые трудовые крестьяне состояли из бедняков, середняков и богатых, что последние имели излишки хлеба и спекулировали ими. Член ЦК Карелин на одном из съездов партии левых эсеров говорил, что для него совершенно неважно, имеет крестьянин 10 или 30 десятин земли, есть у него излишки хлеба или нет. Главное, чтобы крестьянин сам трудился. Основной признак трудовых крестьян — «отсутствие наемного труда», доказывал он[1].

Левые эсеры на словах стояли за хлебную монополию и твердые цены на продукты питания. Однако они делали оговорку, что хлеб у крестьян можно брать по твердым ценам только тогда, когда им дадут в избытке промышленные товары. Ну, а если пролетариат не имел необходимого количества товаров широкого потребления для деревни, что тогда делать, спрашивали их большевики, помирать рабочим? На этот вопрос левые эсеры ничего разумного не могли ответить.

15 июня 1918 г. ЦК партии левых социалистов-революционеров опубликовал постановление, в котором говори-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 4, л. 215.

лось: «Левые эсеры и максималисты заявляют, что против проведения вредных мер, ведущих к неестественному разделению трудового крестьянства, они будут бороться самыми решительными мерами как в центре, так и на местах»[1].

Плохо разбираясь в законах классовой борьбы, левые эсеры утверждали: «Ясно как день, что фундамент Советской власти гораздо шире, когда он опирается на огромное большинство населения деревни, чем когда он опирается на незначительную часть этого населения, окрещенную «деревенской беднотой»[2]. «Ясно» это было только для таких социалистов, как эсеры. В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что социалистом может называться только тот, кто стоит за развитие классовой борьбы в крестьянстве, кто доводит ее до конца.

Яростная борьба левых эсеров против комбедов, продовольственных рабочих отрядов, централизации продовольственного дела и защита ими крестьян, имевших излишки хлеба и спекулирующих ими, говорили о том, что эта партия защищает интересы богатых крестьян.

В связи с этим необходимо рассмотреть социальную базу партии левых социалистов-революционеров. По этому вопросу существуют самые разные точки зрения — от утверждения, что левые эсеры отражали настроения деревенской бедноты, до признания их кулацкой партией. Автор книги о левых эсерах К. В. Гусев объединил несколько высказываний и считает, что левые эсеры были партией трудового крестьянства, то есть всех крестьян, которые не эксплуатировали чужого труда. Нам представляется, что такое определение с известной поправкой является наиболее верным. Поправка эта должна подчеркнуть два момента: что левые социалисты-революционеры, претендуя на выражение интересов всех трудящихся крестьян, были прежде всего партией среднего крестьянства (недаром В. И. Ленин говорил, что, заключая с ними союз, большевики шли на уступки главным образом середнякам деревни) и что левые эсеры в двойственной природе крестьянина апеллировали главным образом к психологии мелкого собственника, в то время как коммунисты обращались к крестьянину-труженику.

---

[1] «Знамя труда», 15 июня 1918 г.
[2] «Знамя труда», 13 июня 1918 г.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением К. В. Гусева о том, что «социальная база левых эсеров менялась в зависимости от их политики на различных этапах революции»[1]. Не политика какой-либо партии определяет ее социальную базу, а, наоборот, социальная база определяет политику. Так обстояло дело и у партии социалистов-революционеров. Изменение ее политики и тактики происходило потому, что совершились огромные социально-экономические сдвиги в тех слоях крестьянства, интересы которых она отражала. А слои эти были очень широкими — от бедноты до зажиточных середняков и богатых крестьян. Отсюда и большая амплитуда колебаний у эсеров. Когда летом 1918 г. Советская власть повела борьбу не только с кулаками, но и с богатыми крестьянами, имевшими излишки хлеба и отказывавшимися сдать их рабочему государству, левые эсеры горой встали за этих крестьян, объективно превратившись в партию, защищавшую интересы деревенской буржуазии.

Таким образом, партия левых социалистов-революционеров, все время колебавшаяся между пролетариатом и буржуазией, летом 1918 г., когда в деревне начинается в собственном смысле слова социалистическая революция, в силу своей социальной природы «поддается корыстным крикам и воплям буржуазии, она кричит против хлебной монополии, она «протестует» против продовольственной диктатуры, она дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаком и истерически мечется...»[2].

А тот, кто открыто встал на защиту богатых крестьян, неизбежно должен был в ходе дальнейшего развития социалистической революции в деревне оказаться в стане врагов Советской власти, сомкнуться с правыми эсерами, меньшевиками, белогвардейцами. Так случилось и с левыми эсерами. Начав борьбу с рабоче-крестьянской властью, они пошли на крайние меры и стали готовить вооруженное восстание.

Еще 4 мая 1918 г. ЦК партии левых социалистов-революционеров вынес по докладу Прошьяна решение об организации боевых дружин. Для этого назначили бюро из трех лиц[3]. 12 мая ЦК обсудил вопрос о создании специального левоэсеровского батальона, подчиненного непосред-

[1] *К. Гусев.* Указ., соч., стр. 90.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 360.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 12, л. 5.

ственно военной коллегии при Центральном Комитете. Тогда же было постановлено: «Предложить партийным товарищам занять ответственные посты по формированию Красной Армии». ЦК левых эсеров проявлял особую заботу, чтобы члены партии заняли соответствующие посты в ВЧК. Он несколько раз обсуждал работу в ВЧК Блюмкина, совершившего впоследствии убийство германского посла. 20 июня 1918 г. ЦК левых социалистов-революционеров опубликовал постановление, которое обязывало все местные партийные организации немедленно приступить к созданию при комитетах партии боевых дружин «для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией». Поскольку левые эсеры считали, что политика Совнаркома и большевиков становилась «все более контрреволюционной», то боевые дружины предназначались прежде всего для борьбы с ними. При ЦК партии был создан Главный штаб Всероссийской боевой организации[1].

24 июня Центральный Комитет левых эсеров принял постановление разорвать Брестский договор путем убийства немецких представителей в России. В нем говорилось, что Центральный Комитет левых эсеров-интернационалистов считает необходимым «в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях Ц. Комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма»[2].

28 июня 1918 г. в Москве открылся III съезд партии левых социалистов-революционеров. Он проходил при закрытых дверях[3]. Выступления делегатов не публиковались в печати. Поэтому значительный интерес представляет сохранившаяся в архиве стенографическая запись работы съезда, раскрывающая подоплеку подготовки левоэсеровского мятежа. (Материалы съезда до сих пор историками не использовались.)

Эсер Голубовский, выступавший от ЦК, доложил, что собравшиеся 180 делегатов от 132 организаций представ-

---

[1] См. «Знамя труда», 20 июня 1918 г.

[2] «Красная книга ВЧК», т. 1. М., 1920, стр. 129.

[3] Съезд продолжался с 28 июня по 1 июля. На повестке дня стояли следующие вопросы: отчет ЦК, текущий момент, о смертной казни, о вооружении народа, доклады с мест, избрание ЦК.

ляют около 80 тыс. членов партии[1]. Делегаты от местных партийных организаций указывали на увеличение числа левых эсеров в губерниях. В Москве их насчитывалось около 1 тыс. человек, в Петрограде —4500, в Вятской губернии —2 тыс., в Пермской —9500, в Саратовской —300.

Организаторы съезда в самом начале его работы предупредили делегатов, что обстановка требует от них быстрых и смелых решений. (Имелось в виду одобрение делегатами решения ЦК о вооруженном восстании.) Голубовский заявил, что не исключена возможность ухода партии в подполье.

В работе съезда отчетливо проявилась одна характерная черта: высказывания руководителей партии и представителей с мест по главному вопросу (срыв Брестского договора) весьма отличались друг от друга. Первые доказывали, что надо немедленно при помощи силы разорвать мирный договор и таким же путем изменить политику Советской власти, то есть звали к войне с Германией и к свержению большевиков. «Передышке должен быть положен конец»,— требовала Спиридонова, предлагая поднять на восстание прежде всего крестьян, которые одни якобы могли спасти Россию, ибо «они гораздо крепче, чем пролетариат, который, так же как и партия большевиков, начинает изменять своим лозунгам»[2].

Мария Спиридонова выступила на съезде несколько раз. Она употребила все свое влияние, чтобы воздействовать на делегатов. Сухая, высокая, одетая во все черное, как монахиня, с прыгающим на носу большим пенсне, она

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 4, л. 10,44. В число 80 тыс. не вошли левые эсеры, находившиеся в захваченных белогвардейцами и интервентами областях. Голубовский выступал несколько раз В середине работы съезда он заявил, что если бы собрались левые эсеры всей России, то они составили бы цифру свыше 300 тыс. Это было явным преувеличением. При закрытии съезда Карелин заявил, что по анкетным данным, на съезде представлено 58 тыс. членов партии, по устным опросам — 75 тыс. Голубовский назвал новую цифру — 100 тыс. членов партии. Практически сами эсеры точно не знали, сколько людей состояло в их партии. Видимо, наиболее реальная цифра — около 80 тыс.

[2] Там же, л. 186. Если весной 1918 г. руководители левых эсеров говорили о том, что рабочий класс утрачивает свои позиции, то летом они настойчиво твердили, что пролетариат уже окончательно уступил место крестьянству, что последнее является самым революционным слоем населения. «Крестьянство теперь,— говорил на III съезде партии Карелин,— главный опорный пункт социальной революции».

говорила страстно, порой истерично. Среди левых эсеров она пользовалась огромным авторитетом.

Когда-то Спиридонова имела большой успех среди солдат старой армии. Ее шутливо называли эсеровской богородицей. На митингах часто кричали: «Давай Марусю Спиридонову!» И она говорила. Речь ее была хлесткой, захватывающей, хотя и не всегда логичной. Мария Спиридонова была хорошим оратором, но плохим политиком.

В июне 1918 г. выступления Спиридоновой на митингах не имели такого успеха, как раньше, но многие еще продолжали ей верить. Среди левых эсеров она по-прежнему оставалась первой фигурой.

И вот теперь лидер левых эсеров настойчиво призывала делегатов насильственно разорвать мир с Германий. Она грозила, что если на предстоящем съезде Советов их требование о ликвидации передышки не примут, то произойдет столкновение с большевиками, формы которого могут быть самые острые. Спиридонова говорила, что после срыва Бреста германцы станут наступать, «пойдут на Петроград, будут брать Москву и пусть берут, пусть берут Петроград, пусть карательные экспедиции покроют всю Россию, пусть находят себе гибель»[1]. Она считала, что карательные отряды оккупантов заставят крестьян подняться на борьбу. Сами же немцы завязнут в России и погибнут, как Наполеон. Спиридонова в слепой фанатичности допускала даже гибель своей партии: «Возможно, что мы будем растоптаны в нашей схватке с германским империализмом, что мы будем растоптаны в борьбе с большевиками...»

Спиридонова резко выступила против внутренней политики Советской власти, и прежде всего против комбедов. О бедняках она говорила, что они «в деревне называются лодырями и не пользуются ни авторитетом, ни весом, ни хозяйственным значением»[2]. Свое выступление она закончила такими словами: «Наша партия должна взять на себя, товарищи, все бремя этого восстания, на которое мы будем звать все массы, будем поджигать, подстрекать и организовывать. Только через восстание мы в состоянии будем одолеть то, что идет на нас»[3].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 4, л. 197.

[2] Камков заявил на съезде о комбедах, что это «Советы лодырских депутатов».

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 4, л. 200.

Аналогичными были и многие другие речи деятелей левоэсеровской партии. Член ЦК Черепанов заявил, что Брест мешает рождению мировой революции, а потому партия должна взять на себя роль акушера и произвести кесарево сечение. Камков в заключительной речи говорил, что «мы сделаем все, что зависит от нас, и в кратчайший срок, чтобы политике, которая ведет нас к полной катастрофической гибели, был положен конец всеми методами и способами, которые находятся в распоряжении революционной социалистической партии»[1].

Выступления представителей с мест носили совсем другой характер. В них сообщалось о недовольстве крестьян (речь шла главным образом о зажиточных крестьянах и середняках) продовольственной политикой Советской власти, о волнениях среди части городского (мещанского) населения, но вопрос о восстании или не поднимался, или на него давался отрицательный ответ. Представитель Самарской губернии заявил: «Крестьяне смотрят на нарушение Брестского мира, как на войну с Германией. Воевать они не желают». Делегат от Новгородской губернии вторил ему: «Восстание поднять среди крестьян нельзя». Уполномоченный от Архангельской и Вологодской губерний говорил, что крестьяне недовольны Брестом, «но отвергать его они вряд ли будут, вряд ли поднимутся против него»[2].

Некоторые делегаты прямо указывали, что у партии нет средств осуществлять то, что намечают ее лидеры. «Общий тон всех докладов,— говорил эсер Полянский,— нам не нужна передышка, долой передышку; большевики не умеют углублять революцию и вести ее к успеху, а потому — долой большевиков. Из этого надо сделать выводы: значит, по первому пункту надо поднять восстание, по второму — свергнуть большевиков. И я спрашиваю, какие средства есть для поднятия восстания, кроме слов, кроме красивого энтузиазма наших вождей, может быть, даже партии в целом?»[3] На этот вопрос руководители левых эсеров не ответили. Они не захотели прислушаться к трезвым голосам делегатов с мест, которые знали настроение масс, и навязали съезду роковое решение.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 4, л. 47.
[2] Там же, л. 51.
[3] Там же, л. 40.

В резолюции, принятой по текущему моменту, левые эсеры повторили свои возражения против Брестского договора, организации комбедов, против применения смертной казни к врагам революции[1], против централизации в управлении страной. Ставя точки над «и», они записали: «...3 съезд признает необходимым, чтобы партия без промедления всей силой своего влияния и партийного аппарата выпрямила линию советской политики»[2]. Это было не что иное, как призыв к насильственному изменению политики Советской власти, то есть призыв к вооруженному восстанию.

* * *

К левым эсерам близко примыкали эсеры-максималисты. Они также признали Советскую власть и поддержали ее первые шаги. С весны 1918 г. среди максималистов начался сильный разброд. Одни из них (большая часть) стали активно выступать против Советской власти, другие сохраняли нейтралитет или поддерживали большевиков.

Во второй половине апреля 1918 г. в Москве состоялась 3 Всероссийская конференция социалистов-революционеров максималистов. В принятой ею резолюции говорилось: «Мы признаем, что в настоящее время нужно перешагнуть ту роковую черту, к которой привела нас «передышка...»»[3].

Наиболее крупное антисоветское выступление максималистов произошло в мае 1918 г. в Самаре. Максималистам при поддержке анархистов удалось захватить почту, телеграф, телефонную станцию, разоружить часть милиции. Мятеж продолжался три дня и был подавлен только вооруженной силой. Попытки максималистов выступить против Советской власти предпринимались во многих городах, в том числе и в Ижевске.

Сотрудник Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии Л. Т. Кочуров, посланный в Ижевск и Воткинск для помощи местным властям, в конце апреля 1918 г. в донесении в Москву достаточно полно описал действия этих представителей мелкой буржуазии.

---

[1] Смертная казнь, отмененная II съездом Советов в период Октябрьской революции, была восстановлена ВЦИК 21 июня 1918 г.

[2] «Знамя труда», 2 июля 1918 г.

[3] «Максималист», 26 апреля 1918 г. (2-я конференция проходила в октябре 1917 г.)

Максималисты, окопавшись в отрядах Красной гвардии (отряды на четыре пятых состояли из максималистов), с марта 1918 г. стали бесчинствовать. Они ездили по деревням и грабили крестьян. Но этого им показалось мало, они по наговору, без всякого следствия и суда начали расстреливать людей за воровство и изготовление самогона. В документе приводится такой случай. Однажды максималисты поймали двух воров. Одного они сразу расстреляли, другого ранили и отвезли в больницу. Через несколько дней в больницу пришел начальник одного из отрядов Красной гвардии — ярый максималист, вызвал вора в коридор и на глазах больных убил его ударом ножа.

Ижевский Совет потребовал от максималистов прекратить беззакония, но те ответили, что Красная гвардия не подчиняется Совету, что он слишком правый и большевики, занимающие руководящую роль в Совете, якобы тоже очень поправели.

Ижевские максималисты убирали каждого, кто им не нравился. Они имели в отрядах Красной гвардии 700 хорошо вооруженных человек. В отрядах были пулеметы и пушки.

4 апреля Ижевский Совет по инициативе большевиков принял резолюцию о немедленной реорганизации Красной гвардии и чистке ее. Максималисты отказались выполнить решение Совета, а у последнего не было сил что-либо сделать. На заседаниях Совета максималисты кричали, что они не признают власти Совнаркома, мирного договора с Германией, что они на фронт не поедут, а будут здесь громить местную буржуазию.

Тогда большевики приступили к созданию Красной Армии и сформировали отряд в 140 человек.

В середине апреля из Вятки и Казани прибыли представители советских и партийных организаций, чтобы разрешить кризис. Была образована комиссия. Она постановила немедленно распустить Красную гвардию, оружие сдать, преступников отдать под суд. Но и на этот раз максималисты отказались выполнить решение советско-партийного органа. Комиссия запросила помощь из Казани. Одновременно большевики Ижевска мобилизовали отряд Красной Армии, членов партии в количестве 240 человек, заняли все ключевые позиции в городе и стали ждать отряда моряков из Казани, который прибыл 20 апреля 1918 г. Максималистам предъявили ультиматум, но они его от-

клонили. Началась перестрелка. Скоро максималисты сдались. Было арестовано около 200 человек, но главари скрылись. Состоялся суд, виновных приговорили к небольшим мерам наказания[1]. Апрельские события сильно подорвали организацию максималистов в Ижевске, но она не прекратила своего существования. Оставшиеся максималисты продолжали антисоветскую работу, хотя и не так открыто.

В других местах силы максималистов были значительно меньше. К осени 1918 г. численность их повсюду сократилась, влияние упало.

Таким образом, левые эсеры (и некоторые близко стоявшие к ним группы), будучи союзниками большевиков в период, когда в деревне в основном решались буржуазно-демократические задачи, на новом этапе классовой борьбы (развитие социалистической революции в деревне, которую левые эсеры не признавали) порывали с коммунистами, Советской властью и становились их врагами.

4. Анархисты

Летом 1918 г. группы сторонников безвластия существовали во многих губернских городах, не говоря уже о Москве и Петрограде. Некоторые из них, например анархисты-коммунисты, кое-где даже временно увеличили свое влияние среди населения, в том числе и среди определенных слоев рабочих. Так было в Иваново-Вознесенске. В мае оттуда сообщили: «Правые эсеры и меньшевики успехом в пролетарских массах не пользуются. Анархосиндикалисты себя очень слабо проявляют. Упорную борьбу приходится вести с анархистами-коммунистами. Борьба эта тем более тяжела, что большинство членов групп — рабочие»[2].

В некоторых местах анархисты продолжали сотрудничать с Советской властью. В Саратове анархисты (20—30 человек) вначале мирно жили в здании Совета, пропускали посетителей, несли дежурство. Представители местной власти не раз вступались за них. Однажды в городе была расклеена провокационная листовка «О социализации женщин». Огромная толпа народа на Верхнем базаре начала громить анархистов, считая, что это их рук дело. Председатель Самарского Совета В. П. Антонов выехал

[1] ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20, л. 12—14.
[2] «Правда», 30 мая 1918 г.

на автомобиле, чтобы отбить анархистов от рассвирепевших горожан. Для острастки открыли в воздух огонь из пулемета.

Летом сторонники всеобщей социализации, не довольствуясь тем, что Совет выдавал им по заявкам необходимые продукты, обмундирование, днем, сняв охрану, «экспроприировали» склад. После этого анархистов разоружили, отобрали у них награбленное и сказали им: «Уезжайте мигом хоть к черту и бросьте свои дела в Саратове»[1].

В ряде мест анархисты послали свои отряды на фронт для борьбы с белогвардейцами и интервентами. Но у них не хватало ни выдержки, ни умения вести длительные боевые действия, и отряды быстро распадались. Отдельные анархисты проявляли большой героизм. Смертью храбрых погиб на Южном фронте командир советского бронепоезда матрос-анархист А. Г. Железняков.

В августе 1918 г. в Брянске собрались представители анархистов центральных и северных губерний. Они подтвердили свои старые программные требования, тактику и форму организации[2]. Три недели спустя брянские анархисты с оружием в руках выступили против Советской власти. 2 сентября они открыли стрельбу в городе, грозили расстрелять неугодных им советских работников. Большевики немедленно создали Военно-революционный комитет, сосредоточивший в своих руках всю власть. Мятеж был быстро подавлен.

V. О ЧЕМ ГОВОРЯТ ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ В АПРЕЛЕ — ИЮЛЕ 1918 г.

Расстановка классовых сил в середине 1918 г., как и в первые месяцы после победы Октябрьской революции, определялась главным образом позицией мелкой буржуазии, то есть в основном крестьянства.

Если все крестьяне поддержали Советскую власть во время конфискации помещичьих земель, то теперь, когда большевики стали проводить в жизнь хлебную монополию, послали в деревню продотряды из рабочих, создали комитеты деревенской бедноты, повели решительную борьбу

[1] «В боях за диктатуру пролетариата». Сборник воспоминаний. Саратов, 1933, стр. 12.

[2] См. «Северный областной съезд анархистов. Резолюции». М., 1918.

против кулаков и богатых крестьян, большая часть среднего крестьянства заколебалась. Значительные слои его, отойдя от большевиков, заняли нейтральную позицию, другие поддержали кулаков, третьи остались на стороне пролетариата.

В среднем крестьянине временно взял верх мелкий буржуа, спекулянт, жаждавший нажиться на голоде. Наряду с экономическими были и политические причины, объяснявшие такое поведение мелкой буржуазии. Одной из них, как уже отмечалось, явилось недовольство Брестским договором с Германией.

«Сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире,— писал о колебаниях мелкобуржуазного населения В. И. Ленин.— Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам»[1].

Колебания мелкой буржуазии ярко отразились в изменении партийного состава делегатов V Всероссийского съезда Советов (см. табл. на стр. 173).

Не трудно заметить, что распределение депутатских мест в июле 1918 г. значительно отличалось от того, которое было в марте. Число делегатов-коммунистов на V съезде по сравнению с IV съездом сократилось с 70 до 66%, а левых эсеров, наоборот, увеличилось с 20 до 30%. Число голосов, поданных за левых эсеров, выросло прежде всего в богатых сельскохозяйственных районах, где колебания мелкой буржуазии достигли наибольшей силы. Там же, где пролетарское влияние на крестьян было значительным, эти колебания явились небольшими.

Из 510 делегатов, представленных на V съезде Советов от Центрально-Промышленного района, большевиков было 364 (71%), а эсеров и меньшевиков — только 134 (26%). Среди делегатов от южных губерний эсеры имели уже 37% всех мандатов, а среди делегатов от сельскохозяйственных восточных районов — еще больше. В трех губерниях Сред-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 16—17.

него Поволжья (Казанской, Пензенской и Симбирской) левые эсеры при выборах на съезд получили больше голосов, чем коммунисты.

На Урале большевики из 75 мест имели 45, то есть 60%. Левые эсеры располагали 29 мандатами (почти 39%). В самой промышленной Пермской губернии ком-

Партии	IV съезд* (14—16 марта 1918 г.)	V съезд** (4—10 июля 1918 г.)
Коммунисты	814 (69,8%)	773 (66,4%)
Левые эсеры	238 (20,4%)	353 (30,3%)
Правые эсеры	15 (1,3%)	1 (0,1%)
Максималисты	24 (2,1%)	17 (1,5%)
Меньшевики	27 (2,3%) (24—меньш. объед., 3—укр. с.-д.)	—
Меньшевики-интернационалисты	16 (1,4%)	4 (0,3%)
Анархисты	14 (1,2%)	4 (0,3%)
Прочие		2 (0,2%)
Беспартийные	18 (1,5%)	10 (0,9%)
Всего	1166 (100%)	1164 (100%)

* См. „Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов солдатских, крестьянских и казачьих депутатов". М., 1920, стр. 83.

** См. „Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов". Стенографический отчет. Москва, 4—10 июля 1918 г. М., 1918, стр. 248—250.

мунисты получили 34 места (67%), а левые эсеры — 16 мест. От Уфимской губернии делегатов-эсеров было несколько больше, чем коммунистов.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными по Сибири. Начавшийся в конце мая 1918 г. чехословацкий мятеж сорвал там проведение выборов делегатов на V съезд.

О серьезных изменениях в расстановке классовых сил к середине 1918 г. в Советской республике, и прежде всего в богатых сельскохозяйственных районах, говорит состав местных Советов. Мы располагаем сведениями о партийном составе делегатов около 100 уездных съездов Советов,

состоявшихся в апреле — августе 1918 г. Сравним эти данные с составом Советов на 14 марта 1918 г.[1]:

Партии	На 14 марта 1918 г. (в %)	Апрель—август 1918 г. (в %)
Большевики	66,0	44,8
Левые эсеры	18,9	23,1
Правые эсеры	1,2	2,7
Меньшевики	3,3	1,3
Максималисты и анархисты	1,2	0,5
Беспартийные	9,3	27,1

Достаточно взглянуть на приведенную таблицу, чтобы убедиться, какие огромные изменения в результате ожесточенной классово-партийной борьбы в крестьянстве произошли в деревне весной и летом 1918 г. В середине 1918 г. большевики имели на 21% депутатов меньше, чем в первые месяцы Советской власти, левые эсеры, наоборот, получили мандатов на 4% больше. Число голосов, поданных за правых эсеров, увеличилось, но незначительно. Число мандатов у меньшевиков, максималистов и анархистов и так совсем небольшое уменьшилось более чем в два раза. В три раза возросло количество беспартийных депутатов.

Какие слои сельских жителей временно отошли от пролетариата и поддержали эсеров? Ответ на этот вопрос надо искать в социально-экономической структуре крестьянства, сложившейся к середине 1918 г., и в политических процессах, происходивших весной и летом в деревне. 45% крестьян, шедших за большевиками,— это сельские бедняки и небольшая часть середняков. Только беднота деревни могла прочно поддержать пролетариат в развертывавшейся на селе социалистической революции. 21% потерянных большевиками мест — это отошедшие от пролетариата середняки деревни, обогатившиеся помещичьей землей, которым не по душе пришлась хлебная монополия.

[1] Сведения на 14 марта 1918 г. взяты из книги: *Х. А. Ерицян.* Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960, стр. 188—189, а на апрель—август — из архивных источников (ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 2, 4, 8, 13, 22, 28, 29, 30, 31. Подсчитано автором). Указанные архивные источники частично использованы К. В. Гусевым в его монографии.

Изменения в партийном составе делегатов съездов уездных Советов в 1918 г.

Районы	Большевики		Левые эсеры		Правые эсеры		Меньшевики		Максималисты и анархисты		Беспартийные	
	на 14 марта	апрель—август	на 14 марта	апрель—август	на 14 марта	апрель—август	на 14 марта	апрель—август	на 14 марта	апрель—август	на 14 марта	апрель—август

Приведенные данные опровергают утверждения тех историков, которые считают, что левые эсеры летом 1918 г. имели в деревне более слабые позиции, чем, например, в марте 1918 г.

В таблице на стр. 175 показаны изменения в партийном составе делегатов съездов уездных Советов по районам[1]. Они отражают степень классовой борьбы в различных местах в 1918 г.

Таблица еще раз подтверждает мысль о том, что наибольшие колебания крестьянства от пролетариата в сторону буржуазии имели место в богатых сельскохозяйственных губерниях. В Центрально-Промышленном районе удельный вес левых эсеров в уездных Советах возрос всего на 1%, а в губерниях Среднего Поволжья — на 6%, в Центрально-Черноземном районе — на 5%. Эти цифры говорили о многом. Они отражали не только соотношение политических сил, представленных в местных Советах, но и ожесточенную классовую борьбу, развернувшуюся в деревне.

До сих пор речь шла о составе уездных съездов Советов, говорившем прежде всего о положении в деревне. Что касается городских Советов, отражавших настроение городского населения, и в первую очередь пролетариата, то там наблюдалась совершенно другая картина. В них было много рабочих, а поэтому коммунисты располагали значительным большинством голосов. В Красноярском Совете, выборы в который состоялись в конце апреля, большевики вместе с сочувствующими имели 70% всех голосов[2]. В Рязанском городском Совете в июне коммунистов было 30 человек, сочувствующих им — 67, левых эсеров — 2, меньшевиков — 7[3]. В исполкоме Новгородского городского Совета в начале июня большевики имели 14 мест, левые эсеры — 1 место[4]. Аналогичное положение было в большинстве Советов заводских поселков.

Именно такие Советы весной и летом 1918 г. осуществляли диктатуру пролетариата. Они играли главную роль в защите Советской власти в развернувшейся ожесточенной классовой борьбе.

---

[1] Таблица составлена на основе тех же источников, что и предыдущая.

[2] См. «Красноярский рабочий», 9 мая 1918 г.

[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 2, л. 47.

[4] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 31, л. 142.

Исключение составляли лишь немногие городские и заводские Советы, в том числе Ижевский. В конце мая в него проходили выборы, на которых победили мелкобуржуазные партии. Из 170 депутатов только 22 были коммунистами[1]. Ижевский Совет оказался настолько правым, что даже выступил против Совнаркома. В знак протеста большевики вышли из него.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что летом 1918 г. внутреннее положение Страны Советов в результате больших колебаний среднего крестьянства в сторону буржуазии сильно осложнилось. Наиболее опасным оно оказалось на востоке и юге страны. В мае 1918 г. ЦК РКП(б) в письме к партийным организациям писал:

«Наша социалистическая Советская республика переживает крайне критический момент. Не кончилась еще борьба внутри страны за полное господство пролетариата и беднейших слоев деревни и города. Мы более или менее победили крупную буржуазию, мы более или менее укрепились в городах. В деревне борьба с буржуазией, богатыми слоями еще только начинается. Деревня, отсталая экономически, переживает позднее и острее классовую борьбу между различными населяющими ее слоями»[2].

VI. ВЫСШИЙ НАКАЛ КЛАССОВОЙ И ПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ

1. Кулацкие восстания

Развитие и углубление социалистической революции на селе[3] привели к дальнейшему размежеванию в крестьянстве, к сильному обострению классовой борьбы. В деревне образовались два непримиримых лагеря. С одной стороны, кулаки и богатые крестьяне, с другой — беднота, поддержанная городским пролетариатом. Между этими двумя лагерями находилась основная масса середняков,

[1] См. *Е. И. Рябухин.* В борьбе с контрреволюцией. Киров, 1959, стр. 43.

[2] «Правда», 22 мая 1918 г.

[3] «И тот, кто наблюдал деревенскую жизнь,— указывал В. И. Ленин,— кто соприкоснулся с крестьянскими массами в деревне, говорит: Октябрьская революция городов для деревни стала настоящей Октябрьской революцией только летом и осенью 1918 г.» *(В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 141).

у которых тоже отбирали излишки хлеба. Чувство мелкого собственника, мелкого буржуа не хотело мириться с продовольственной диктатурой пролетариата, поэтому часть середняков выступала на стороне деревенской буржуазии. Кулаки в свою очередь старались всеми мерами привлечь к себе середняков и бедняков. Они даже продавали им хлеб по низким ценам, чтобы те могли спекулировать, изготовлять самогон. Чем больше продовольствия было в губернии, тем большее число середняков переходило на сторону деревенской буржуазии. В бедных губерниях средние крестьяне тоже колебались, но кулаков поддерживали немногие. Основные массы середняков здесь занимали нейтральную позицию, значительные слои их выступали вместе с беднотой.

В борьбе с деревенской буржуазией пролетариат мог прочно опереться только на неимущих крестьян. Генеральный лозунг большевистской партии — в период социалистической революции рабочий класс борется в союзе с деревенской беднотой при нейтрализации среднего крестьянства — приобретал теперь для села решающее значение.

Развернувшаяся в деревне летом 1918 г. ожесточенная классовая борьба не утихала до конца осени. Тогда Советская власть не ставила задачу уничтожения кулачества как класса. Речь шла о том, чтобы сломить сопротивление его, обуздать, подорвать экономическую и политическую силу, ибо кулаки являлись основной базой, на которую опирались в борьбе с Советской властью капиталисты и помещики.

В развитии социалистической революции в деревне, а следовательно и классовой борьбы, было два этапа. Первый — июнь — середина августа 1918 г.— самый острый, характерный массовыми восстаниями против Советской власти, когда колебания середняка достигли наибольшего размаха. Беднота еще не полностью организовалась. В то время произошло объединение всех враждебных социализму сил. Классовая борьба в деревне переплелась с борьбой в городах, в которых проходили мятежи белогвардейцев и эсеров, поддержанные меньшевиками. Внутренняя контрреволюция соединилась с внешней. Это было время июльского кризиса.

Второй этап начался примерно со второй половины августа и продолжался до конца 1918 г., в некоторых местах

он захватил и начало следующего года. В это время беднота уже организовалась, объединилась с рабочими (повсеместное создание комбедов, большое увеличение числа рабочих продотрядов), середняк стал отходить от кулаков и постепенно поворачивать в сторону Советской власти. Экономические и политические позиции деревенской буржуазии были подорваны. Восстаний становилось меньше. Военное положение страны стало улучшаться (было освобождено Поволжье).

На первом этапе трудность борьбы усугублялась тем, что во многих губернских Советах до конца июля находились левые эсеры, а в уездных — до сентября 1918 г. Используя свое положение в органах власти, они в одних местах открыто, а в других скрытно выступали против продовольственной политики, против борьбы с кулачеством. Деревенская буржуазия нашла защиту в партии, находившейся в Советах.

Главным вопросом, вокруг которого развернулась классовая борьба на селе, был хлеб. Формы, виды и средства борьбы носили самый разный характер: противодействие местных Советов (кулацко-эсеровских) декретам центра, антисоветская агитация, укрывательство хлеба, спекуляция им, расходование его на самогон, выступления против Советской власти вплоть до вооруженных восстаний.

21 июня Казанский губернский исполком, в котором большинство мест принадлежало левым эсерам, отменил твердые цены на хлеб и разрешил свободную продажу хлеба. 6-й Чрезвычайный Чистопольский уездный съезд Советов 24 июля голосами левых эсеров, кулаков и зажиточных крестьян (уезд был одним из самых богатых в Казанской губернии) принял резолюцию против продовольственной политики и создания комбедов, якобы «вбивающих клин между городом и деревней»[1].

Кулаки и левые эсеры, составлявшие большинство делегатов 2-го Рузаевского уездного съезда Советов (Пензенская губерния), 28 августа также не захотели признать хлебную монополию.

В августе Рульшаевский, Трехалевский и Чупровский волостные Советы Невельского уезда Витебской губернии выступили против создания комбедов, мотивируя это тем, что якобы «в волости только одна беднота, кулаков и бога-

[1] *А. Лебедева, А. Шишкин.* Комитеты деревенской бедноты Татарии. Казань, 1961, стр. 17.

теев нет»[1]. Подобные заявления были характерны для многих волостных Советов потребляющих губерний.

Самым распространенным видом борьбы была антисоветская агитация. Она велась кулаками, богатыми крестьянами, попами, эсерами, белогвардейцами. Надо особо подчеркнуть контрреволюционную роль духовенства. Оно использовало свое выгодное положение. Имея постоянную аудиторию верующих в церквах, служители культа методически вели антисоветскую агитацию. Под их влиянием крестьяне нередко переходили к прямой борьбе с Советской властью. Во второй половине 1918 и начале 1919 г. прокатилась целая волна крестьянских выступлений на религиозной почве, руководителями которых нередко выступали священники.

Крестьян стращали тем, что у них отберут подчистую продовольствие и насильно загонят в коммуны, где все будут спать на полу под одним большим одеялом, все будет общее, в том числе и жены. Попы пугали, что большевики выкинут все иконы и разорят церкви.

Самым острым видом политической борьбы были вооруженные восстания кулаков. Мы не располагаем данными о всех кулацких выступлениях за вторую половину 1918 г. по губерниям Российской Федерации[2]. Но с уверенностью можно сказать, что не было не только ни одной губернии, но и ни одного уезда, где бы ни происходили выступления кулаков, богатых крестьян и части середняков. Характер этих выступлений в различных районах был разный. Методы и способы борьбы определялись соотношением классовых сил, местной обстановкой, близостью фронта. Во многих губерниях приближение белогвардейского фронта имело решающее значение в обострении классовой борьбы.

Наиболее крупные кулацкие мятежи известны. По сведениям Народного комиссариата внутренних дел, с июля по конец 1918 г. в 16 губерниях европейской части Российской Федерации в деревне произошло 129 восстаний, в том числе в июле — 13, в августе — 29, в сентябре — 17[3].

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 34, л. 201.

[2] В ЦГАОР, в фонде Народного комиссариата внутренних дел (ф. 393, оп. 4, ед. хр. 51), имеются сводки «о всех контрреволюционных выступлениях», но они далеко не полные. Видимо, в них речь идет *только о самых крупных контрреволюционных выступлениях*, главным образом о восстаниях.

[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 4, ед. хр. 51, л. 7, 12, 30, 36, 44, 49, 54.

Наряду с борьбой за хлеб с конца лета 1918 г. все большее значение стал приобретать вопрос о мобилизации крестьян в Красную Армию. Летом Советская власть объявила призыв тружеников деревни в вооруженные силы республики. Бедняки в большинстве своем пошли на призывные пункты, кулаки встретили в штыки эту меру, середняк и здесь заколебался. Многие средние крестьяне не захотели вступить в Красную Армию. Таким образом, к борьбе за хлеб добавилась и борьба за привлечение крестьянства в Красную Армию.

Из документов того времени видно, как развивалась классовая борьба в деревне. Из Глазовского уездного Совета Вятской губернии сообщали, что в июне 1918 г. кулацкие выступления произошли в четырех волостях. Кулаки противодействовали изъятию излишков хлеба, самовольно проводили перевыборы волостных Советов, устраивали антисоветские демонстрации. Небольшой вооруженный отряд уездного Совета быстро навел порядок. На кулаков была наложена большая контрибуция, которая, говорилось в сообщении, «взыскивается мерами революционного времени»[1].

В июле — августе классовая борьба в Глазовском уезде охватила больше волостей и стала еще острее. Это было связано с приближением фронта, падением Казани, мятежом в Ижевске. В начале августа кулаки Афанасьевской волости при реквизиции у них хлеба убили комиссара Глазовского Совета Соболева и шесть красноармейцев. В Балезинской волости сельские богатеи разогнали комитеты деревенской бедноты.

Кулаки также усилили антисоветскую агитацию. В некоторых местах не только сельские, но и волостные Советы под их влиянием выносили резолюции в эсеровском духе. Показательным в этом отношении является собрание Игринского волостного Совета 20 августа. Интересна даже сама организация его. Из 120 членов Совета явилось 80, но зато прибыло много богатых крестьян, не являвшихся членами Совета. Они добились предоставления им при голосовании права решающего голоса наряду с членами Совета. На собрании присутствовали представители из Вятского Совета и Уральского военного комиссариата. Доклад о текущем моменте и мобилизации крестьян в Красную

[1] ЦГА Удм. АССР, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 34, л. 4.

Армию сделал агитатор Уральского военкомата Леванов. Не успел он закончить речь, как кулаки принялись задавать провокационные вопросы. Разгорелся жаркий спор. Противникам Советской власти удалось повести за собой собрание. Работники из Вятки не смогли ничего сделать, и Совет принял эсеровскую резолюцию. В ней говорилось:

«Собрание постановило: поддержать Советскую власть только в том случае, если будут осуществлены полное равноправие всех граждан без различия классов, вероисповеданий и состояний, начало свободы: свобода собрания, союзов, слова, печати, вероисповеданий и неприкосновенность личности и жилья; обязательный созыв Учредительного собрания на основании положений, выработанных бывшим Временным правительством. Мобилизация может быть только общая, и то для защиты страны от внешних врагов, так как казачество не внешний враг, а такие же хлеборобы, как и мы; обязательный референдум всех объявленных основных законов»[1].

Далее указывалось, что Совет отклоняет организацию в волости партийных ячеек большевиков и объявленную мобилизацию в Красную Армию унтер-офицеров.

Но в деревне были бедняки, а кое-где и коммунисты. Они не бездействовали. В конце лета деревенская беднота перешла в наступление. В том же Глазовском уезде в августе многие села, деревни и целые волости под влиянием бедноты и рабочих продовольственных отрядов активно выступили на защиту Советской власти. На собрании Елганского волостного Совета крестьяне 11 августа постановили: «Советскую власть поддержать всеми силами, способствуя проведению в жизнь ее декретов, и по первому зову встать на защиту Октябрьской революции»[2]. 16 августа жители Юрской волости заявили, что они будут бороться с врагами крестьян и рабочих, за Советскую власть. Таких решений поступало все больше и больше. Из Усольского уезда соседней Пермской губернии в середине августа писали, что борьба с кулаками идет не на жизнь, а на смерть. В Осокинской волости кулаки в свое время разогнали военный комиссариат, бедняки опять его создали, а на богатеев наложили контрибуцию. «Чувствуя за собой силу и поддержку рабочих,— говорилось о борьбе неимущих осокинских крестьян с кулаками,— бедняки органи-

[1] ЦГА Удм. АССР, ф. 41, оп. 1, ед хр. 34, л. 22.
[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 105, л. 195—196.

зуются и готовы идти до конца в отстаивании Советской власти»[1].

Ожесточенная классовая борьба развернулась летом 1918 г. и в Центрально-Черноземном районе. Особенно остро она протекала в Тамбовской и Воронежской губерниях, где было много кулаков, большим влиянием пользовались эсеры, а деревенская беднота в первое время еще не имела своих организаций. Здесь кулаки чаще прибегали к вооруженной борьбе.

В этих двух губерниях из 88 разных кулацких выступлений, совершенных с июля по декабрь 1918 г., было 27 вооруженных восстаний[2]. Типичным примером кулацкого мятежа явилось выступление в Задонском уезде Воронежской губернии в первой половине августа 1918 г., о котором с самого начала знал В. И. Ленин и дал правильную оценку, указав пути его ликвидации.

В богатом хлебом Задонском уезде летом 1918 г. особенно большое влияние имели левые эсеры. На состоявшемся 4 июля уездном съезде Советов среди делегатов находилось 38 коммунистов, 95 левых эсеров и 6 беспартийных[3]. Левые эсеры делали все возможное, чтобы помешать развитию социалистической революции в деревне. Они открыто заявляли, что не будут проводить в жизнь декрета о комбедах. И действительно, к августу 1918 г. деревенская беднота оказалась неорганизованной. Кулаки и богатые крестьяне, наоборот, при помощи левых эсеров смогли объединиться и действовали сообща. Они раздобыли оружие, привлекли бывших офицеров. Мятеж принял большие размеры.

17 августа Ленин писал Задонскому исполкому: «Действуйте самым решительным образом против кулаков и снюхавшейся с ними левоэсерской сволочи. Обратитесь с воззваниями к бедноте. Организуйте ее. Запросите помощи от Ельца. Необходимо беспощадное подавление кулаков-кровопийцев. Телеграфируйте. Предсовнаркома *Ленин*»[4]. Мятеж скоро ликвидировали.

Острая классовая борьба охватила летом 1918 г. губернии Центрально-Промышленного и Северного районов. Однако соотношение сил здесь было другим. Это и опре-

---

[1] «Уральский рабочий», 22 августа 1918 г.
[2] См. *А. В. Шестаков.* Указ. соч., стр 102.
[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 31, л. 179.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 152—153.

делило ход борьбы. По данным Народного комиссариата внутренних дел, с 1 июля по 15 декабря 1918 г. в 8 губерниях Северной области было зарегистрировано 12 восстаний, 13 случаев противодействия Советской власти и 31 случай волнений и беспорядков[1]. Больше всего кулацких выступлений произошло в Вологодской, а затем в Новгородской губерниях, меньше — в Петроградской. Это не было случайным. Из девяти исполкомов уездных Советов Вологодской губернии, о которых у нас имеются сведения, коммунисты летом 1918 г. имели большинство мест только в одном, а левые эсеры с поддерживавшими их партиями в четырех Советах[2]. Кулацкие выступления в северных губерниях не носили такого широкого размаха, как на юге, легче и быстрее подавлялись.

В производящих и потребляющих районах были разные мотивы контрреволюционных движений. В первых основными причинами являлись реквизиция продовольствия и мобилизация в армию, во вторых — нехватка хлеба, голод среди крестьян. Из бедных губерний хлеб, отобранный у кулаков, не вывозился, а распределялся среди местных неимущих жителей. Но его было так мало, что удовлетворить потребности бедного населения не представлялось возможным. Каждая из потребляющих губерний раньше ввозила миллионы пудов продовольствия, летом же 1918 г. подвоз почти прекратился. Вследствие этого голод охватил не только губернские и уездные города, но и деревни.

В июле 1918 г. из Новгорода сообщали: «Подвоз продовольствия совершенно прекращается и совсем не удовлетворяет население. Благодаря голоду настроение населения резко изменилось»[3]. Из многих мест писали в Москву, что народ находится в сильном брожении.

В центральных губерниях республики кулакам удалось поднять за второе полугодие 1918 г. 36 мятежей[4]. Однако в них, как и на севере, участвовало значительно меньше крестьян, чем на юге и востоке, продолжительность их была небольшой.

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 32-б, л. 1 об. Этот документ использован в книге *А. Беркевич.* Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. 1918—1920 гг. Л., 1941.

[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 29, л. 57; ед. хр. 31, л. 170—190.

[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 34, л. 174.

[4] ЦГАОР, ф. 393, оп. 4, ед. хр. 51, л. 7—54. Имеются в виду только самые крупные мятежи.

Вот несколько наиболее характерных выступлений кулаков. 27 июня 1918 г. из уездного центра Пошехонья (Ярославская губерния) сообщали в Народный комиссариат внутренних дел: «25 июня в городе состоялось собрание крестьян Ериловской волости. Членам исполкома уездного Совета и волостного Совета не дали слова. Члена исполкома встретили криками «Долой!», «Убить его!» и арестовали, не выпуская из толпы. Председатель фракции большевиков был незначительно побит. При помощи Красной Армии беспорядки ликвидированы»[1]

Через 20 дней из того же города донесли в Москву уже о происшедшем в уезде кулацком мятеже: «8 июля в Белом селе офицерами совместно с буржуазией была организована контрреволюционная банда. Цель ее — смещение Пошехонского Совдепа. Этой бандой мобилизовались крестьяне силой оружия. 10 июля банда появилась в 6 верстах от Пошехонья, куда отправилась разведка с членом уездного исполкома, который был захвачен бандой и убит. Прибывшими из Рыбинска красноармейцами дальнейшее распространение беспорядков ликвидировано»[2].

В июле восстали кулаки Климовской и Баранье-Горской волостей Новоторжского уезда Тверской губернии. Мятежники действовали разрозненно. Несмотря на это, им удалось разоружить посланные на подавление восстания мелкие отряды. Но новые отряды красноармейцев быстро заставили контрреволюционеров капитулировать.

В большинстве случаев мятежи охватывали одну или две-три волости и продолжались всего несколько дней. Подавлялись они местными силами при активной поддержке бедноты.

Но различие форм, видов и методов борьбы и размах ее в разных районах не меняли ее сути, которая оставалась везде одна и та же: деревенская буржуазия, организуя антисоветские выступления и руководя ими, всеми силами и средствами давала бой социализму. Кулаки не останавливались ни перед чем, чтобы свергнуть власть рабочих и бедных крестьян. Во время мятежей в 22 губерниях (по неполным данным) они за июль — сентябрь 1918 г. убили около 15 тыс. сторонников Советской власти. Пролетарскому государству пришлось сурово покарать злейших врагов социалистической революции.

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 34, л. 148.
[2] Там же, л. 161—162.

Приняв вначале на заседании ЦК, а затем на III съезде решение о восстании против Советской власти, левые эсеры стали стягивать в Москву свои дружины и заготавливать оружие. В Ярославль от имени крестьянской секции ВЦИК, возглавляемой Спиридоновой, выехал эсер Петров, чтобы получить там 40 пулеметов, 1 тыс. винтовок, 5 орудий и боеприпасы. В начале июля из Петрограда и Витебска отбыли в Москву левоэсеровские отряды. В столице левые социалисты-революционеры приводили в боевую готовность свои силы. Их главной опорой в Москве являлся отряд (численностью менее 1 тыс. чел.) эсера Д. И. Попова, состоящий при Всероссийской чрезвычайной комиссии[1]. Кроме этого отряда они имели свои дружины в городских районах столицы, при Московском областном военном комиссариате. Кроме того, эсеры рассчитывали, что им удастся перетянуть на свою сторону часть солдат московского гарнизона.

Мятеж начался днем 6 июля 1918 г. Произошло это так. 4 июля в Москве, в Большом театре, открылся V Всероссийский съезд Советов. Левые эсеры возлагали на него большие надежды. Накануне открытия съезда они пустили слух среди делегатов, что получат большинство голосов. Однако это оказалось очередной левоэсеровской «уткой». Выяснилось, что левые эсеры имели менее одной трети голосов, а большевики — две трети. Но это не остановило левоэсеровских лидеров. Они использовали трибуну съезда для нападок на партию коммунистов и Совнарком.

Ночью 5 июля на съезде состоялось голосование резолюции по отчету о деятельности ВЦИК и Совнаркома. Делегаты огромным большинством одобрили внешнюю и внутреннюю политику Советской власти. Резолюция левых эсеров, предлагавшая выразить недоверие Совнаркому, расторгнуть Брестский договор, отменить продовольственную диктатуру пролетариата, ликвидировать комбеды, продотряды и т. д., была отвергнута. После этого левые

[1] Левые эсеры еще в конце 1917 г., войдя в Советское правительство, потребовали предоставления им поста заместителя председателя ВЧК. На эту должность они выдвинули В. А. Александровича (Дмитриевского). Совнарком удовлетворил их требование. В аппарат ВЧК на руководящие должности попали и другие левые эсеры.

эсеры покинули зал заседания, а их лидеры поспешили в штаб, чтобы дать команду начать восстание.

«Партия поднимает перчатку»,— писал 5 июля центральный орган эсеров газета «Знамя труда». 6 июля газета вышла с аншлагом «Долой Брестскую петлю, удушающую русскую революцию!» Передовая статья газеты называлась «Канун развязки».

Сигналом к мятежу послужило убийство германского посла в Москве графа Мирбаха. Террористический акт совершили левые эсеры — заведующий секретным отделением ВЧК Яков Блюмкин и фотограф ВЧК Николай Андреев. В середине дня 6 июля они с поддельным мандатом ВЧК прибыли в немецкое посольство и потребовали личного свидания с Мирбахом. Посол в присутствии двух других работников принял их. Блюмкин, чтобы выиграть время предъявил Мирбаху заранее приготовленные документы, в которых говорилось, что офицер австрийской армии Роберт Мирбах, родственник посла, обвиняется в шпионаже против Советской республики.

Ознакомившись с документами, посол ответил, что он никакого отношения к этому делу не имеет, и предложил прекратить разговор. Тогда Блюмкин со словами: «По-видимому, послу угодно знать меры, которые могут быть приняты против него?» — выхватил из портфеля револьвер и выстрелил в Мирбаха, но промахнулся. Мирбах бросился в соседнюю комнату. Вдогонку ему полетела бомба. А в это время Андреев стал стрелять в спрятавшихся за кресла советника посольства и офицера кайзеровской армии. Увидев, что Мирбах убит, террористы выпрыгнули в окно и на автомобиле умчались в штаб отряда Попова, находившийся в Трехсвятительском переулке около Покровских ворот.

Председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский, узнав о случившемся, немедленно прибыл в штаб Попова и потребовал выдачи убийцы Мирбаха, но мятежники по приказанию находившихся там членов ЦК левых эсеров обезоружили его и арестовали.

Главари левых эсеров предвкушали скорую победу. Член ЦК Черепанов говорил Дзержинскому: «У вас были октябрьские дни, у нас — июльские». Мятежники хвастались, что с ними будут солдаты Покровских казарм, латыши, с Волги спешит на помощь Муравьев, из Воронежа — казаки.

В действительности события протекали по другому. Вечером 6 июля отряд левых эсеров во главе с членом ЦК Прошьяном занял телеграф и разослал по стране телеграммы и «бюллетень». В них предлагалось задерживать все депеши за подписями Ленина, Свердлова, а также Троцкого, говорилось об убийстве Мирбаха, захвате власти левыми эсерами. Документы носили демагогический и лживый характер. Левые эсеры и во время мятежа продолжали кричать на всех перекрестках, что они за Советскую власть, но только против большевиков, которых они называли агентами немецкого империализма.

Мятежники недолго владели телеграфом. Их скоро выбили оттуда. Было освобождено от них и здание ВЧК на Лубянке (ныне площадь Дзержинского). Правда, эсерам удалось арестовать заместителя Дзержинского М. Я. Лациса, председателя Моссовета П. Г. Смидовича и еще около 20 большевиков и препроводить их в штаб отряда Попова.

Но на этом их успехи и кончились. Попытка под прикрытием броневика пробиться к Большому театру и освободить арестованную левоэсеровскую фракцию V съезда Советов в количестве 350 человек во главе со Спиридоновой не удалась.

Главари мятежа впали в бешенство, когда узнали, что их лидер и собратья задержаны в Большом театре. Попов кричал: «За Марию снесу пол-Кремля, пол-Лубянки, пол-театра!»

Но положение эсеров ухудшалось с каждым часом. Ожидаемые пополнения не прибывали, если не считать нескольких небольших дружин эсеров и групп красноармейцев из крестьян и служащих, не представлявших сколько-нибудь серьезной силы.

Большевики немедленно приступили к подавлению мятежа. Владимир Ильич Ленин лично руководил мобилизацией сил, дав указание решительно действовать против авантюристов. 6 июля он направил телеграмму во все районные комитеты большевистской партии, Советы и штабы Красной Армии Москвы с сообщением об убийстве Мирбаха и потребовал задержания преступников[1]. В ночь на 7 июля В. И. Ленин в телеграмме наркому И. В. Сталину, посланному за продовольствием в Царицын, указывал: «Мы ликвидируем сегодня же ночью беспощад-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 112—113.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК) Я. М. Свердлов (1918 г.)

но и скажем народу всю правду: мы на волосок от войны. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров. Все, кто против войны, будут за нас»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 114.

С начала мятежа председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов направил телефонограмму в Московский Совет, предписав ему установить постоянную связь с районами и фабрично-заводскими комитетами, «чтобы по первому призыву можно было бы вывести рабочих на улицу»[1].

В районы Москвы были посланы коммунисты — делегаты V съезда Советов, чтобы оказать помощь местным партийным комитетам РКП(б) и Советам. Местные комитеты партии в свою очередь направили представителей в полки и отряды Красной Армии для разъяснения красноармейцам сущности левоэсеровского мятежа.

Пролетариат Москвы оказался на высоте положения. В столице не нашлось ни одного завода, ни одной фабрики, которые поддержали бы мятеж эсеров. Везде раздавался гневный голос протеста.

Рабочие Ростокинской красильно-аппретурной фабрики заявили: «...Мы, рабочие, требуем немедленного разоружения этой контрреволюционной организации и привлечения заговорщиков к суровому революционному суду. Требуем немедленного освобождения тт. Дзержинского, Лациса и Смидовича, заявляем, что все подобные провокационные выходки будут караться железной рукой пролетариата, и на угрозы шайки бандитов будем отвечать массовым террором»[2].

В ночь с 6 на 7 июля в Москве не спал ни один коммунист. Большевики и беспартийные рабочие вооружались, создавали отряды, занимали важные в военном отношении пункты, разоружали и арестовывали левых эсеров. Рабочие изолировали мятежников и тем самым оказали неоценимую услугу частям Красной Армии, которые приступили к вооруженному подавлению восстания. Были перехвачены и левоэсеровские отряды, следовавшие в Москву из других городов.

Что касается сил мятежников, окопавшихся в районе Покровских ворот, то они были сравнительно невелики. У них числилось всего 1800 стрелков, 80 кавалеристов, 4 броневика, 6—8 орудий, 48 пулеметов[3].

---

[1] См. *Я. М. Свердлов.* Избр. произв., т. 2. М., 1959, стр. 252.

[2] «Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии». Документы и материалы. М., 1958, стр. 143.

[3] Эти официальные данные завышены.

Латышские стрелки охраняют Большой театр во время заседаний V Всероссийского съезда Советов (июль 1918 г.)

Вечером 6 июля советские войска стали стягиваться в назначенные для наступления пункты. Общее военное руководство подавлением мятежа было поручено заместителю наркома по военным и морским делам Николаю Ивановичу Подвойскому.

Наиболее боеспособными и преданными Советской власти войсками в Москве в то время являлись латышские полки[1], Образцовый советский полк, комендантские караульные части, слушатели пулеметных курсов, инструкторская рота и некоторые другие части и подразделения. Стойкость этих войск определялась прежде всего их соци-

[1] В начале июля 1918 г. в Москве и в лагерях на Ходынке находились четыре латышских полка и артиллерийские подразделения общей численностью 3750 стрелков. Латыши охраняли Кремль, Большой театр, где проходил V съезд Советов, Наркомвоенмор и некоторые другие учреждения

альным и партийным составом, уровнем политической сознательности бойцов и командиров[1].

7 июля рано утром советские войска начали наступление на район Покровских ворот. В. И. Ленину непрерывно сообщали в Кремль о ходе боев. После артиллерийского обстрела (прямой наводкой) штаба и других зданий, занятых мятежниками (один из снарядов попал в соседнюю комнату с той, где заседал ЦК левых эсеров), среди эсеров началась паника, и они отступили к Курскому вокзалу, забыв о тех, кого арестовали.

Железнодорожники не дали мятежникам эшелона, и те вынуждены были отходить пешком. Часть левых эсеров задержали в Москве, но многие из них бежали по Владимирскому шоссе в сторону Богородска. В 20 *км* от Москвы мятежники были настигнуты и окончательно разгромлены.

В 4 часа дня 7 июля Совнарком объявил населению: «Контрреволюционное восстание левых эсеров в Москве ликвидировано. Левоэсеровские отряды один за другим обратились в самое постыдное бегство. Отдано распоряжение об аресте и разоружении всех левоэсеровских отрядов и прежде всего об аресте всех членов Центрального Комитета партии левых эсеров»[2].

---

[1] В начале 1918 г. в 5-м Земгальском латышском полку батраки и крестьяне-бедняки составляли 56%, рабочие — 34%, интеллигенты — 6%. В 6-м Тукумском полку (по данным на весну 1916 г.) рабочие, батраки и рыбаки составляли более половины всего состава (см. *Я. Кайминь.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. 1917—1918. Рига, 1961, стр. 37). К июлю 1918 г. удельный вес пролетарских элементов в латышских полках возрос еще больше, ибо часть солдат и офицеров из буржуазии перешла на сторону контрреволюции. Возросло число коммунистов. В 9-м латышском полку, охранявшем Кремль, они составляли больше половины всего состава (см. *Б. А. Томан.* Страница из истории латышских стрелков. «Труды Московского историко-архивного института», т. 16, 1961, стр. 185). Особенно много членов партии находилось среди командиров. В 1-м латышском стрелковом полку в начале 1919 г. из 96 человек командного, начальствующего и административного состава 22 были коммунисты (среди них имелись члены партии с дореволюционным стажем), во 2-м латышском стрелковом полку из 20 командиров батальонов и рот 11 (55%) являлись членами РКП(б), из них 5 — с дореволюционным стажем (ЦГАСА, ф. 2526, оп. 1, ед. хр. 170, л. 1—145; ф. 2628, оп 1, ед. хр. 42, л. 1—20).

[2] *В. Владимирова.* Левые эсеры в 1917—1918 гг. «Пролетарская революция», 1927, № 4, стр. 128.

Левые эсеры, поставившие Советскую Россию на грань войны с кайзеровской Германией, заслуживали самого сурового наказания. Но с ними обошлись милостиво. Только 13 человек, которые несли большую личную ответственность за мятеж и сами участвовали в нем с оружием в руках, были расстреляны, среди них Александрович.

В ноябре 1918 г. состоялся суд над членами ЦК левых эсеров и активными деятелями партии. Попова приговорили к расстрелу, Камкова, Карелина, Трутовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева и некоторых других присудили к трем годам заключения. «Спиридоновой и Саблину,— говорилось в приговоре революционного трибунала,— принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией, смягчить меру наказания и заключить в тюрьму сроком на один год»[1]. ВЦИК амнистировал их.

Мятеж показал, что последняя мелкобуржуазная партия в Советской республике скатилась на позиции контрреволюции. Левые эсеры сами вычеркнули себя из списка советской партии, порвав окончательно с рабоче-крестьянской властью. Руководители их вынесли смертный приговор своей партии.

Вслед за Москвой левые эсеры подняли мятеж в некоторых других районах страны. Самым крупным из них явилось выступление Муравьева, который в то время командовал Восточным фронтом[2].

Муравьеву активно помогали левые эсеры Симбирска. Для вида они осудили восстание Попова в Москве, позицию ЦК своей партии, но в то же время вынесли решение, что «левые эсеры, не мирясь с позором Брестского мира, должны продолжать на местах работу над подготовкой всенародного восстания против германского империализма»[3]. Это было не что иное, как подготовка к мятежу. 10 июля в Симбирск из Казани с отрядом войск прибыл Муравьев и выступил против Советской власти.

Главари симбирских левых эсеров через командующего Симбирской группой войск левого эсера Клима Ива-

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 223.

[2] Полковник старой армии М. А. Муравьев примкнул к советской революции, как и все левые эсеры. До Восточного фронта он командовал одной из советских армий на Украине, «прославившись» там зверским обращением с населением. В апреле 1918 г. его арестовали и предали суду, но при заступничестве Троцкого и других лиц он был оправдан.

[3] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 13, ед. хр. 11, л. 2.

нова поддерживали с Муравьевым постоянную связь[1]. За несколько дней до мятежа они стали стягивать к городу свои боевые партийные дружины. 8 июля Иванов телеграфировал в Сенгилей: «Приказываю вам отправить в мое распоряжение Самарскую дружину левых социалистов-революционеров»[2]. Утром 10 июля эта дружина уже подплывала на пароходе к назначенному пункту.

Прибыв в Симбирск, Муравьев отдал приказ занять банк, телеграф, телефонную станцию, арестовать некоторых советских работников, в том числе командующего 1-й армией Михаила Николаевича Тухачевского, который предложил симбирским большевикам свою помощь в борьбе с левыми эсерами. Одновременно Муравьев дал телеграммы Ленину, в германское посольство, в Киев и другие места, в которых объявлял войну Германии. Изменник выступил перед солдатами в Симбирске с призывом поддержать его действия.

Своей основной боевой силой Муравьев считал броневой дивизион, которому дал указание окружить Совет и навести на него пулеметы бронеавтомобилей.

Вечером главарь мятежа созвал в Троицкой гостинице собрание актива левоэсеровской организации. По воспоминаниям левого эсера Степана Петрова, бывшего в то время губернским комиссаром по продовольствию, на заседании в присутствии 30 человек Муравьев выступил с декларацией. Он заявил, что гражданская война в стране прекращается и начинается война с немцами и большевиками, что все русские офицеры, белая армия и чехословаки пойдут воевать против Германии.

На вопрос, как быть с коммунистами, мятежник ответил, что, если большевики выступят с нами, мы их привлечем в Советы, а если откажутся — посадим в тюрьму[3].

В конце заседания Муравьев огласил список образованного им правительства «Поволжской республики».

В городе создалась исключительно трудная обстановка. Большевики Симбирска проявили большое самообладание

---

[1] Появившаяся в 1922 г. в книге «Сборник воспоминаний. К четвертой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 1918—1922» (М.) статья К. Иванова «Муравьевщина», подписанная инициалами П. С. И., искаженно освещала события в Симбирске, и в частности роль левых эсеров и самого Иванова.

[2] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 13, ед. хр. 11, л. 2.

[3] Там же, л. 6.

и находчивость. С Муравьевым нелегко было бороться. Он располагал значительными силами. Ему подчинялись как командующему Восточным фронтом, ибо сообщение Совнаркома об объявлении его врагом народа в то время еще не было получено в Симбирске.

Правильно оценив обстановку и замыслы левых эсеров, большевики Симбирска прежде всего объединили вокруг себя надежные части и послали агитаторов в отряды Муравьева. Это сыграло решающую роль в подавлении мятежа. Многие красноармейцы, узнав об измене, решительно встали на поддержку Советской власти. Однако некоторые продолжали колебаться. В таких условиях вступать с авантюристом в открытый бой было опасно, поэтому коммунисты решили арестовать изменника. Руководить этой операцией поручили главе симбирских большевиков Иосифу Михайловичу Варейкису.

Большевики сформировали из самых надежных бойцов две группы общей численностью 120 человек. В них вошли латыши, охранявшие Совет, красноармейцы из московского, броневого и других отрядов. После этого коммунисты потребовали, чтобы члены исполкома Совета левые эсеры вместе с Муравьевым прибыли на заседание Совета и дали объяснения своим действиям. Расчет строился на парламентской слабости эсеров, любивших заседать и говорить во всех случаях, нужных и ненужных. Он оправдался. Эсеры решили выдержать «парламентский демократизм».

Заседание началось поздно ночью 10 июля. Муравьев явился в Совет с адъютантами и свитой, но в зал заседания с ним вошли три человека. Членов исполкома присутствовало около 20 человек, из них почти половину составляли левые эсеры. Небольшая группа большевиков решила умереть или обезглавить мятеж.

Левые эсеры проявили на заседании растерянность и трусость, ибо не верили ни в свои силы, ни в поддержку народа. Они вместе с Муравьевым оказались как бы на скамье подсудимых. Муравьев начал свою речь с неизменного для всех его выступлений: «Прежде всего вся власть Советам!» Затем он повторил примерно то, что говорил на совещании эсеров, предложив при этом Варейкису пост министра в правительстве «Поволжской республики». Затем выступили большевики и левые эсеры.

Коммунисты назвали своим именем действия Муравьева и левых эсеров. В заключительном слове Варейкис

сказал, что Муравьев наносит удар ножом в спину революции, что «мы не с вами, а против вас».

Эсеры не ожидали такого сопротивления от большевиков и еще больше перетрусили. Некоторые из них стали догадываться, что готовится арест Муравьева, и потребовали перерыва, чтобы выяснить обстановку и призвать на помощь верные отряды. Но было уже поздно.

Еще когда Муравьев и левые эсеры только вошли в комнату заседания, одна из групп бойцов заняла соседний гимнастический зал и стала ждать указаний коммунистов. Связь с этой группой поддерживал большевик А. Медведь.

Вот как описал в своих воспоминаниях Варейкис развязку этого заседания:

«Я объявил перерыв. Муравьев встал. Молчание... Все взоры направлены на Муравьева. Я смотрю на него в упор. Он тоже. Видно, он прочел что-то в моих глазах. Сказав: «Я пойду успокою отряд», он повернулся и солдатским шагом направился со свитой к двери.

Для слабых момент психологически невыносимый.

В это время за дверью все приготовились для ареста. Медведь ждал условного знака, который я должен был ему подать в нужный момент.

Муравьев идет к выходной двери. Ему осталось сделать шаг, чтобы взяться за ручку. Я махнул рукой. Медведь скрылся...

Дверь перед Муравьевым распахнулась, блестят штыки...

— Вы арестованы!

— Как, провокация? — крикнул Муравьев и схватился за маузер, который висел у него за поясом. Медведь схватил его за руку. Муравьев выхватил из кармана браунинг и хотел стрелять.

Увидев вооруженное сопротивление, отряд начал стрелять. После шести-семи выстрелов с той и с другой стороны Муравьев свалился. Все это произошло в одно мгновение. Изменник, пытавшийся затянуть петлю на шее русской революции, на шее Советской власти, лежал в дверях исполкома трупом»[1]. Так кончилась левоэсеровская авантюра в Симбирске.

[1] «Боевое прошлое. Воспоминания». Куйбышев, 1958, стр. 49. Варейкис в телеграмме, направленной в Москву 14 июля 1918 г., сообщал, что первые выстрелы сделал Муравьев, ранив нескольких

Измена Муравьева нанесла большой ущерб обороне Советской республики. Восточный фронт, на котором в то время решалась судьба революции, был ослаблен.

Мятежи левых эсеров были подавлены и в других городах. 9 июля 1918 г. председатель Петроградской ЧК сообщил В. И. Ленину: «В Петрограде левые эсеры сконцентрировались в здании Пажеского корпуса. После получасового обстрела мятежники выбросили белый флаг. В остальных районах разоружение левых эсеров проходит без сопротивления»[1]. Большевики быстро обезвредили дружины левых эсеров в Витебске, Вологде, Воронеже, Жиздре и других городах.

Мятежи левых социалистов-революционеров не были случайны. Они явились логическим завершением политики партии, метавшейся между двух лагерей. (Партия, поднявшая меч на диктатуру пролетариата, была обречена на неизбежную гибель.) На новом этапе развития революции левые эсеры превратились в открытых врагов рабочих и крестьян. Недаром их в то время стали называть партией «кадетов с бомбой». Восстания левых эсеров привели к политическому краху партии, за которым потом последовала ее гибель.

Пролетариат Советской республики заклеймил авантюру левых эсеров. Об этом свидетельствовали многочисленные резолюции собраний и митингов. Рабочий класс решительно заявил, что будет железной рукой пресекать все попытки левых эсеров бороться против Советской власти.

С осуждением левоэсеровского мятежа выступила деревенская беднота. Характерным является решение, принятое бедными крестьянами деревни Брынки Казанской губернии в середине июля 1918 г. В нем говорилось, что «собрание клеймит позором партию левых социалистов-революционеров за то, что она стремится втянуть измученный трудовой народ России в империалистическую войну, и шлет привет дорогим товарищам коммунистам как единственным защитникам бедняков»[2]. Далее крестьяне просили, чтобы им дали оружие для защиты Советской власти.

красноармейцев. После этого раздались ответные выстрелы. При осмотре у Муравьева обнаружили пять пулевых и несколько штыковых ран (ЦГАСА, ф. 33938, оп. 1, ед. хр. 26, л. 14).

[1] См. *К. Гусев.* Указ. соч., стр. 212.

[2] «Знамя революции», 19 июля 1918 г.

Часть среднего крестьянства также недоброжелательно отнеслась к левоэсеровской авантюре. Мятежников не поддерживали даже те середняки, которые выступали вместе с левыми эсерами против продовольственной политики диктатуры пролетариата, ибо они не хотели, чтобы Советская Россия была втянута в войну с Германией.

На решительные меры большевиков левые эсеры пытались ответить террором. 4 августа 1918 г. 1-й совет партии принял по этому вопросу специальную резолюцию. В ней говорилось: «Партия л. с.-р. всегда признавала и будет признавать террор как средство активного меньшинства, зовущего на борьбу с насилием»[1]. Левые эсеры заявили, что если большевики не прекратят репрессий против них, то они применят террор. Однако выполнить свою угрозу эсеры не смогли: их партия окончательно разлагалась. Это особенно ярко показали события, которые произошли в конце лета и осенью 1918 г.

После московского мятежа многие левые эсеры осудили линию своего ЦК и вышли из партии. Из них несколько тысяч вступило в РКП(б), большая часть отошла от политики. Оставшиеся в партии левые эсеры раскололись. Выделились две самостоятельные группы, назвавшие себя партиями.

В августе 1918 г. в Москве образовалась партия «народников-коммунистов». Объясняя название своей партии, они писали в манифесте: «Мы народники потому, что высоко ценим все духовные возможности, заложенные в царе жизни — человеке, и считаем, что высокое развитие критической личности — одна из первейших задач человечества в построении своих идеалов. И чем выше отдельная личность в коллективе, в коммуне, тем культурнее и производительнее коммуна, тем выше завоевание революционного творчества. Чем глубже и ярче проявляет себя инициативное меньшинство — авангард коммунистов, тем крепче и сильнее развивается коммуна как целое всех критических личностей. Вот почему мы считаем, как и Михайловский, что «прогресс человечества выражается в борьбе за установление общественной солидарности и за всестороннее, гармоническое развитие человеческой личности»[2].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 31, л. 1.
[2] «Знамя трудовой коммуны», 21 августа 1918 г.

Коммунистами они называли себя потому, что стояли за самую совершенную форму хозяйства и человеческого развития. «В коммунах,— говорили «народники-коммунисты»,— все обобществлено, все приспособлено для всех человеческих потребностей, все с наибольшей экономией и наименьшей затратой сил организуется для разумного, целесообразного использования всех видов природы и человеческого гения и изобретательности».

«Народники-коммунисты» признавали и поддерживали Советскую власть, считали комбеды органами классовой борьбы, хотя и делали при этом ряд оговорок. Партия эта с ее народническими взглядами была настолько малочисленной и слабой по влиянию на массы, что самостоятельно долго существовать не могла. В ноябре 1918 г. «народники-коммунисты» на своем Чрезвычайном (II) съезде постановили влиться в РКП(б). Большевики пошли им навстречу.

25 сентября 1918 г. состоявшаяся в Саратове конференция части левых эсеров объявила о создании партии «революционных коммунистов»[1]. Органом партии стала газета «Воля труда».

«Революционные коммунисты» заявили, что считают недопустимым срыв насильственным путем каких-либо международных договоров, заключенных Советской властью, и отвергают применение террора. «...Наша политика в деревне,— говорили они,— выявление и обострение классовых противоречий с неизбежной при этом гражданской войной»[2]. Однако «революционные коммунисты» тут же выставляли требование быстрейшей ликвидации комбедов. Представители новой партии писали, что они воссоздают советскую партию, которая «не только программно приемлет Советскую власть как выражение воли трудящихся, но и содействует всячески ее укреплению»[3]. Это было в то время самое главное. Большевики мало обращали внимания на различные словесные упражнения «революционных коммунистов», изложенные в их резолюциях, вроде

---

[1] В состав ЦК партии «революционных коммунистов» были избраны Александров, А. Биценко, М. Доброхотов, А. Колегаев, Г. Максимов, А. Устинов и В. Черный.

[2] «Сборник докладов и резолюций Первого Всероссийского съезда партии революционного коммунизма». Б/м, б/г, стр. 34.

[3] «Воля труда», 19 декабря 1918 г.

таких, как «аграрный коммунизм», «интегральный социализм».

Но далеко не все гладко было в отношениях между РКП(б) и «революционными коммунистами». Это особенно проявлялось в губерниях и уездах, где представители новой партии не всегда выполняли свои обещания поддерживать Советскую власть. В некоторых городах они вели активную антисоветскую работу. Это заставляло местные партийные организации большевиков очень осторожно подходить к сближению с «революционными коммунистами», а иногда и решительно пресекать их деятельность. В резолюции 8-го Аткарского уездного съезда Советов, предложенной коммунистами в начале марта 1919 г., говорилось:

«Слишком много было примеров, когда различные перекрасившиеся в защитные цвета революции группы эсеров наносили предательские удары в спину революции, слишком много раз эсеры всех мастей поднимали восстания, устраивали заговоры, покушались на вождей пролетарской революции и даже убивали их, чтобы не отнестись с особой осторожностью и вниманием и ко вновь возникшему течению эсерства — «революционному коммунизму»».

Практика местной жизни, жизни целого уезда за последние несколько месяцев с несомненностью показала основательность подобных опасений.

Везде «революционные коммунисты» являлись противниками организации бедноты, везде они стояли за объединение всего крестьянства, т. е. в действительности за оставление бедного и среднего крестьянства под властью кулаков и их сторонников»[1]. Далее говорилось, что кулачество в поисках легальных форм борьбы с Советской властью ухватилось за «революционных коммунистов» и всячески поддерживает их.

Из сведений, которые привел на съезде один из членов мандатной комиссии, явствовало, что делегаты съезда, шедшие за «революционными коммунистами», принадлежали к богатым крестьянам и кулакам. Учитывая этот факт, уездный съезд Советов лишил «революционных коммунистов» мандатов. После этого 88 делегатов съезда,

[1] «Советы в эпоху военного коммунизма (1918—1921)». Сборник документов, ч. 1. М., 1928, стр. 424.

принадлежавших к этой партии, и 15 человек сочувствующих им покинули съезд[1].

«Революционные коммунисты» имели известное влияние среди крестьян главным образом богатых сельскохозяйственных губерний. Не случайно то, что и учредительный съезд этой партии собрался в Саратове.

Со второй половины 1919 г. влияние этой партии стало быстро падать, а сама она, и так малочисленная, редеть. От нее откалывались все новые и новые группы. Осенью 1919 г. произошел раскол в ЦК «революционных коммунистов»[2].

Еще хуже было положение левых эсеров.

Со 2 по 7 октября 1918 г. в Москве проходил IV съезд этой партии. Сохранившиеся в архиве материалы съезда (стенографическая запись выступлений делегатов, резолюции, анкеты, письма) дают возможность детально проследить процесс политической гибели партии левых эсеров.

Численность партии и влияние ее в массах к октябрю катастрофически упали. «У нас, в Вологодской губернии,— говорил эсер Шипков,— после 6 июля организация совсем распалась»[3]. Он жаловался съезду: «По какому поводу было выступление 6 июля, нам ничего не известно, и мы не знаем, как держаться и проводить линию».

«Положение нашей партии в Новгородской губернии,— вторил ему эсер Балахин,— весьма печальное и вот почему: все организации совершенно разгромлены». Представитель Курской губернии сообщал, что до июля левые эсеры занимали около 40% мест в губернском Совете и еще больше в уездах, а теперь их повсюду выгнали. Делегат Москвы отмечал, что до мятежа в Городском районе столицы числилось до 200 левых эсеров, а теперь их осталось 12. В Витебской губернии до июля было 1500 левых эсеров, а стало 300, в Ярославской от 700 осталось 200.

Если до мятежа в 11 губерниях Центральной России насчитывалось 7142 левых эсера, то к октябрю их было 2962[4]. Распад партии усиленно продолжался и дальше,

[1] Всего на съезде присутствовало 334 делегата, из них 96 коммунистов и 101 человек, сочувствовавший им.

[2] Из ЦК «революционных коммунистов» вышли В. Безель, В. Зитта, Г. Максимов, Е. Семеновская.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 5, л. 31.

[4] Там же, ед. хр. 7, л. 81—106. Подсчитано автором на основании анкет делегатов съезда. В число 11 вошли Витебская, Воло-

обострялись разногласия между руководителями и целыми группами. Это ярко проявилось на съезде.

Камков, Карелин, Прошьян, придерживаясь старой тактики, требовали не идти ни на какие уступки большевикам, а продолжать с ними решительную борьбу вплоть до нового восстания. Карелин, выступавший с отчетным докладом ЦК, заявил, что уступками «мы политического капитала не приобретем, а невинность потеряем». Приведя известные слова: «Если зайца очень бить, то он выучится стрелять», докладчик говорил, что большевики нас бьют, а у нас все получается наоборот — мы разучились стрелять. «Мы должны быть всегда под ружьем,— требовал Карелин,— бороться, проводя все методы и приемы революционной последовательной борьбы». Он напоминал, что решение о срыве Бреста принял III съезд партии, «правда в условиях конспирации этого нельзя было ясно сказать». Докладчик утверждал, что ЦК во время мятежа в Москве не ставил вопроса о захвате власти: «Мы страдали властобоязнью». Однако Карелин сказал не все.

Левые эсеры не отказались бы от власти, имея возможность ее захватить. «За политическую власть борются все партии»[1],— поясняла Мария Спиридонова еще в апреле 1918 г. Она же на III съезде партии перед самым мятежом говорила: «Мы вступаем в новую стадию политического продвижения вперед, когда, наверное, мы будем партией господствующей»[2].

У левых эсеров не хватало сил для захвата власти. Колебания, нерешительность членов ЦК во время московского мятежа подтверждали это.

М. А. Спиридонова в письме к IV съезду (она в то время находилась под арестом в Кремле) заняла несколько другую позицию. Оправдывая убийство Мирбаха, она вместе с тем писала, что партия не подготовилась к этому акту, поторопилась и теперь расплачивается за него. «Вина ЦК, в частности моя (я бы себя четвертовать дала сейчас за свою вину), в непредусмотрительности, отсутствии дальновидности, которая должна была бы предугадать возможные последствия акта и заранее нейтрализовать

годская, Костромская, Нижегородская, Олонецкая, Орловская, Псковская, Тамбовская, Твердская, Череповецкая и Ярославская губернии.

[1] «Знамя труда», 21 апреля 1918 г.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 4, л. 188.

их»[1]. Лидер партии каялась в том, что когда-то защищала заключение Брестского договора: «Чувствуя себя безмерно виноватой в том, что стояла за Брест, я поэтому взяла на себя главное исполнение начала разрыва — организацию акта и несение ответственности за него»[2]. Спиридонова высказалась против применения террора в борьбе с большевиками, не звала на немедленное восстание, а предлагала партии принять «защитный цвет», чтобы избежать дальнейших ударов большевиков, «выработать мудрую тактику, которая с наибольшим успехом и с наименьшей потерей времени дала бы русской революции возможность разорвать Брестский мир». Она писала, что главная задача партии состоит в завоевании доверия масс, которое левые эсеры потеряли из-за мятежа.

Другая группа эсеров (Крушинский, Магеровский, Черепанов) высказалась за новую тактику. Видя политический крах партии и изменения в мелкобуржуазных слоях, они предлагали отказаться от восстания, помириться с Советской властью, приспособиться к большевикам, добиться легального существования левых эсеров, накапливать силы. «Если бы у нас были силы,— говорил Черепанов,— если бы не было инертности и апатии масс, если наш партийный аппарат не был ослаблен и рассироплен, тогда — да, нужно было бы начать вооруженное восстание и борьбу с империализмом всего мира, можно было бы тогда произвести срыв Брестского мира и захват власти. Но сейчас — нет»[3].

В резолюции по текущему моменту съезд принял решение не выполнять условий Брестского договора, бороться с ним, но к прямому восстанию не призывал.

Показательным является решение левых эсеров о комитетах деревенской бедноты. Оно, с одной стороны, еще больше подчеркивало политический крах партии, а с другой — отражало давление крестьян и попытку левых эсеров маневрировать. О комбедах на съезде разгорелся большой спор, ибо они и осенью 1918 г. составляли главное звено социалистической революции в деревне. Одни делегаты считали, что жизнь заставляет левых эсеров изменить

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 5, письмо Спиридоновой 4-му Всероссийскому съезду партии левых социалистов-революционеров от 4 октября. Б/м, б/г, стр. 8—9.

[2] Там же, стр. 13.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 5, л. 132.

отношение к комбедам, войти в них. Эсер Викторов говорил, что если бы мы «и стали возражать, то наши возражения не возымели бы действия, потому что трудовое крестьянство безусловно пойдет за этими комитетами, ибо оно заинтересовано в комитетах бедноты, и, как бы мы его ни удерживали, все равно пойдет...»[1]. Другие делегаты требовали продолжения открытой борьбы с этими организациями.

Съезд принял решение о вхождении в комбеды «постольку поскольку». Если в комбедах было много середняков и имелась надежда завоевать их, то рекомендовалось входить, если же там беднота занимала сильные позиции — бойкотировать. Где в комитетах беднота, где «остались лодырские организации,— поучал Карелин,— там нужно взрывать борьбой динамитной, а в некоторых местах жизнь уже прошибла и оказалась калитка, поэтому пройдем в калитку»[2].

Левые эсеры большие надежды возлагали на то, что в комбеды, согласно августовской телеграмме Ленина и Цюрупы[3], в большом числе войдут середняки. Но они обманывали себя, ибо среднее крестьянство уходило из-под их влияния. Левые эсеры лишались своей основной классовой опоры, что и определило окончательную гибель этой мелкобуржуазной партии.

Левые социалисты-революционеры предлагали входить в комбеды только для того, чтобы изгнать оттуда большевиков и придать этим организациям новый характер. В резолюции съезда говорилось, что комбеды «должны быть использованы партийными работниками в качестве экономических отделов Советов крестьянских депутатов...»[4]. Левые эсеры должны были входить в комитеты деревенской бедноты для того, чтобы превратить их из классовых организаций в исключительно хозяйственные отделы Советов и проводить через них свою продовольственную политику. Это было не что иное, как попытка взорвать комбеды изнутри.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 5, л. 148.
[2] Там же, л. 278.
[3] См. стр. 154 настоящей книги.
[4] «Резолюции и постановления IV Всероссийского съезда партии левых социал-революционеров (интернационалистов)». М., 1918, стр. 13.

IV съезд левых эсеров констатировал огромный раскол в партии, выделение из нее самостоятельных групп. В специально принятой резолюции эти группы и возглавлявшие их лица предавались анафеме. Это был последний съезд левых социалистов-революционеров. Партия левых эсеров как массовая организация прекратила свое существование, но остатки ее, находясь на полулегальном положении, продолжали еще существовать.

3. Белогвардейские заговоры и восстания

Буржуазия и помещики, оставшиеся внутри Советской республики, используя грозную обстановку лета 1918 г., усилили заговорщическую деятельность и подготовку восстаний в городах страны, надеясь одним ударом свалить рабоче-крестьянскую власть. Душой многих заговоров и мятежей являлись кадеты и находившиеся в России представители государств Антанты. Основной ударной силой буржуазии было офицерство.

Центральный Комитет РКП(б) так оценивал обстановку в городах весной и летом 1918 г.:

«Ряды активной контрреволюции, точившей втайне нож на Советскую власть, пополнялись из многочисленного кадрового офицерства, из сыновей помещиков и буржуазии. Этим людям нечего было терять. Среди них бродила мысль, что удачный военный заговор сразу может вернуть все, что потеряно ими было в октябре. Они опирались в своей работе на сочувствие и прямую поддержку не только всех буржуазных элементов России, но и активную денежную, материальную и моральную поддержку заграничных империалистов. В их руках были известные запасы оружия, несомненный боевой опыт и дисциплинированность, вынесенные из службы в армии»[1].

Главными центрами белогвардейских заговоров и восстаний являлись кадетско-монархический «Национальный центр» и иностранные посольства. Последние после заключения Брестского договора покинули Петроград и поселились в Вологде, где пробыли до августа 1918 г. Оттуда французский посол Нуланс, американский посол Френсис, английский военный атташе Хилл и другие направляли

[1] «Правда», 8 февраля 1919 г.

деятельность заговорщиков. Сотрудники посольств установили тесную связь с руководителями белогвардейских организаций, снабжали их деньгами, разрабатывали общие планы удушения Советской республики, координируя заговоры и восстания с действиями войск интервентов. Самой крупной подпольной белогвардейской организацией был «Союз защиты родины и свободы». Его создал из офицеров весной 1918 г. бывший правый эсер Б. В. Савинков, вернувшийся с Дона. Он получил от генерала Алексеева задание объединить все разрозненные подпольные офицерские группы и организации. По словам английского резидента в России Локкарта, обер-заговорщик Савинков «так много соприкасался со шпионами и агентами-провокаторами, что подобно герою из своего романа с трудом разбирался в том, обманывал ли он себя или тех, кого хотел обмануть»[1].

Командующим войсками «Союза» стал царский генерал Рычков, начальником штаба — полковник Перхуров. Руководство этой организацией осуществляли кадеты через «Национальный центр». Летом 1918 г. «Союз» объединял около 5 тыс. офицеров. Центр его находился в Москве, а филиалы — в Ярославле, Казани, Рыбинске, Муроме и других городах.

В мае 1918 г. работники ВЧК в Москве напали на след савинковской организации и арестовали многих заговорщиков. Из захваченных у них документов выяснилось, что вначале белогвардейцы хотели поднять восстание в Москве, но затем изменили план и решили захватить Казань, куда должны были подойти войска белочехов.

Врагам не удалось осуществить своего намерения. ВЧК к тому времени окончательно раскрыла планы заговорщиков и пресекла их преступную деятельность в Москве и Казани. После этого уцелевшие от арестов руководители «Союза» перебрались в другие города: Савинков — в Рыбинск, Перхуров — в Ярославль. Между тем представители английского, французского и американского правительств требовали от русских контрреволюционеров ускорить восстание на Верхней Волге, чтобы оказать помощь продвижению белочехов с востока и интервентов с севера.

---

[1] *R. H. Bruce Lockhart.* Memoirs of a British Agent. London, 1935, p. 182.

Ярославский мятеж был наиболее крупным вооруженным выступлением белогвардейцев в центре Советской страны. В Ярославле после демобилизации старой армии скопилось много офицеров. В городе находились большие склады оружия (Ярославль являлся одной из тыловых баз Северного фронта). Все это было на руку заговорщикам. Подготовкой восстания непосредственно ведали полковники Перхуров и Лебедев. Из Москвы в город почти ежедневно прибывали гонцы-офицеры с секретными поручениями от «Союза» и «Национального Центра». В целях конспирации была создана система троек: знали друг друга только три человека. К июлю 1918 г. в подпольной организации насчитывалось около тысячи человек, главным образом офицеров. Многие из них по указанию руководителей заговора служили в частях Красной Армии, в военных комиссариатах и советских учреждениях. Перед самым выступлением в Ярославль прибыло из других мест еще несколько сот офицеров.

Правые эсеры были в курсе подготовки контрреволюционного выступления и обещали помочь заговорщикам.

Восстание началось рано утром 6 июля 1918 г. Большая группа офицеров во главе с Перхуровым обезоружила охрану военных складов, находившихся за городом, захватила винтовки и несколько орудий. Однако подоспевшие красноармейцы скоро отбили склады, лишив мятежников арсенала с оружием и боеприпасами, но в руках белогвардейцев оказался почти весь город.

В приказе, изданном Перхуровым в первый день восстания, говорилось:

«На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армии, находящейся под верховным командованием генерала Алексеева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в Ярославском районе, занятом частями Северной Добровольческой армии»[1]. Таким образом, созданные в Ярославле офицерские отряды составляли часть общероссийской контрреволюционной белой армии, которую сколачивала отечественная и международная буржуазия для свержения рабоче-крестьянского правительства.

---

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 21.

Через неделю Перхуров опубликовал «постановление», которым отменял не только декреты Советской власти, но и многие законы буржуазного Временного правительства. Власть в городах передавалась земству, а в деревне — волостным старшинам. Во главе гражданского управления был поставлен председатель местного комитета меньшевиков И. Т. Савинов.

Захватив Ярославль, белогвардейцы стали расправляться с коммунистами и советскими работниками. Их истязали и расстреливали без суда. Многих пленных мятежники согнали на баржу и вывезли на середину Волги, грозя всех утопить.

На третий день после начала мятежа советские войска, усиленные прибывшими из Иваново-Вознесенска, Владимира и Вологды отрядами, начали артиллерийский обстрел части города, захваченной контрреволюционерами. В Ярославле начались большие пожары. Среди населения поднялась паника. Многие обыватели, примкнувшие к восстанию в первые дни, стали отходить от него. По показаниям белогвардейцев, число записавшихся добровольцев вначале достигло 6 тыс. человек, но потом оно значительно уменьшилось. Бои за город продолжались 16 дней. Положение мятежников все время ухудшалось. Никто не оказал им помощи, хотя Перхуров в приказах писал, что в Ярославль прибудут с севера отряды союзников и белогвардейской армии. За несколько дней до разгрома Перхуров с группой офицеров бежал на катере из Ярославля. После этого город покинули и другие офицеры, предварительно разграбив банк и поделив между собой деньги. Некоторые из них были захвачены и расстреляны. 22 июля ярославский мятеж был окончательно подавлен.

Неудача постигла мятежников и в других верхневолжских городах, в которых в июле произошли восстания, в частности в Рыбинске и Муроме. После этого «Союз защиты родины и свободы» распался. Савинкову удалось скрыться.

Разгром белогвардейских мятежей в верхневолжских городах означал, что буржуазия и помещики летом 1918 г. не располагали внутри страны достаточными силами для успешной борьбы с рабоче-крестьянской властью. Офицеров и примкнувших к ним буржуазных элементов оказалось слишком мало. Резервов у буржуазии не имелось. Городская мелкая буржуазия, несмотря на большие коле-

бания, в массе своей на вооруженную борьбу не пошла, ибо увидела, что офицеры-белогвардейцы восстанавливают царские порядки.

Таким образом, надежды русской и антантовской буржуазии добиться больших успехов в борьбе с Советской властью при помощи белогвардейских восстаний не оправдались.

Неудача на Верхней Волге заставила дипломатических представителей Антанты усилить подготовку заговоров в столице Советской республики. Они сделали попытку еще раз «одним ударом» решить борьбу в свою пользу. Английские и французские дипломаты надеялись подкупить латышских стрелков, охранявших Кремль и Советское правительство, арестовать членов Совнаркома и таким образом свергнуть Советскую власть. Заговором руководил английский агент Локкарт. Ему помогали французский консул Гренар и американский консул Пуль. Но и на этот раз у врагов ничего не вышло. Планы их были раскрыты.

К концу лета у ВЧК накопилось достаточно материалов, чтобы уличить англо-французских и американских дипломатов в организации заговоров, шпионажа и диверсий против Советской республики. 31 августа чекисты оцепили здание английского посольства в Петрограде, чтобы изъять оттуда шпионов и заговорщиков. Им оказали вооруженное сопротивление. Были убитые с обеих сторон. Чекисты арестовали около 40 человек. При обыске в посольстве нашли оружие, боеприпасы, документы, изобличающие преступников. В это же время в Москве арестовали Локкарта.

Английское правительство, узнав о провале Локкарта и его задержке органами ВЧК, арестовало в Лондоне советского представителя М. М. Литвинова. После переговоров Локкарт был обменен на Литвинова.

В ноябре 1918 г. в Москве состоялся суд над дипломатическими диверсантами и их агентами в России. На скамье подсудимых находилось 19 человек. Локкарта, Гренара и некоторых других судили заочно, признали врагами народа и объявили вне закона. Восьмерых приговорили к пятилетнему тюремному заключению, двоих (американского шпиона Каламатиано и подполковника Фриде) — к расстрелу, остальные были освобождены.

Так был ликвидирован крупнейший заговор империалистов Антанты в Советской России.

Летом 1918 г. буржуазия перешла к массовому и индивидуальному террору, преследуя цель, с одной стороны, запугать рабочих и крестьян многочисленными убийствами, а с другой — вырвать из рядов революции ее вождей и лучших активистов.

Белый террор принял особенно широкий размах в тех местах, где было много кулаков, богатых казаков, офицеров, где имелась наибольшая поляризация классовых сил. Так было на Дону, Кубани, в Поволжье, Оренбургской губернии, Сибири. Богатые казаки нередко вырубали сотни и тысячи «иногородних» крестьян, составлявших опору Советской власти в деревне. Кулаки безжалостно уничтожали рабочих-продотрядников, прибывших за хлебом для голодающего населения городов, а также свою деревенскую бедноту. Офицеры расстреливали коммунистов и беспартийных советских работников.

Приведем хронику событий богатого Новоузенского уезда Самарской губернии за несколько дней мая 1918 г.

5 мая — село Александров-Гай занято уральскими казаками; в селе растерзан председатель волостного Совета Чугунков; расстреляны многие советские работники.

6 мая — кулацкий съезд в Новоузенске постановил расстрелять всех большевиков.

9 мая — в Александров-Гае казаки убили всех сдавшихся в плен красноармейцев (96 человек), раненых засыпали землей в общей яме. Всего белые расстреляли в селе 675 человек[1].

Активный участник ярославского мятежа царский полковник Б. Веверн впоследствии писал: «Попавшихся в руки восставших комиссаров, разного рода советских дельцов и пособников их стали свозить во двор ярославского отделения государственного банка. Здесь творилась кровавая месть... расстреливали без всякой жалости»[2].

В районах, где белогвардейцы захватили власть, террор принимал угрожающие размеры. По далеко не полным сведениям, полученным Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР, за последние семь месяцев 1918 г.

---

[1] См. *В. Троцкий*. Указ. соч., т. 2, стр. 76—77.

[2] «Возрождение», 3 июля 1933 г. Париж.

Расправа белоказаков с захваченными большевиками в Александров-Гае Новоузенского уезда Самарской губернии (1918 г.)

елогвардейцы на территории только 13 губерний расстреяли 22 780 человек[1].

Одновременно с массовым террором против рабочих и рестьян враги Советской власти приступили к организации убийств видных деятелей Коммунистической парии и Советской власти. Эту роль взяли на себя правые серы, имевшие большой опыт в совершении террористических актов. 20 июня 1918 г. террорист Сергеев убил етроградского комиссара печати В. В. Володарского, кога тот возвращался с Обуховского завода, где выступал а митинге.

30 августа правые эсеры совершили покушение на . И. Ленина. Глава террористов Семенов (Васильев) так последствии описал этот злодейский акт:

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 4, ед. хр. 51, л. 99—114. 13 — это среднее исло губерний, по которым имелись сведения.

«...Я разослал дежурных на все митинги. Лучшим исполнителем я считал Каплан. Поэтому я послал ее в тот район, где я считал более всего шансов на приезд Ленина. Послал хорошего боевика, старого с.-р. рабочего Новикова на завод Михельсона, где ожидался приезд Ленина. Каплан должна была дежурить на Серпуховской площади, недалеко от завода. Я считал, что бежать после совершения акта не надо, что за такой момент покушающийся должен отдать жизнь, но практическое решение этого вопроса я предоставлял каждому из исполнителей. Каплан разделяла мою точку зрения. Все-таки на случай желания Каплан бежать я предложил Новикову нанять извозчика-лихача и поставить наготове у завода (что Новиков и сделал).

Ленин приехал на завод Михельсона. Окончив говорить, Ленин направился к выходу. Каплан и Новиков пошли следом. Каплан вышла вместе с Лениным и несколькими сопровождавшими его рабочими. Новиков нарочно споткнулся и застрял в выходной двери, задерживая несколько выходящую публику. На минуту между выходной дверью и автомобилем, к которому направился Ленин, образовалось пустое пространство. Каплан вынула из сумочки револьвер: выстрелив три раза, тяжело ранила Ленина. Бросилась бежать. Через несколько минут она остановилась и, обернувшись лицом к бегущим за нею, ждала, пока ее арестуют. (Думаю, что Каплан остановилась, вспомнив свое решение не бежать и овладев собою.) Каплан была арестована. На Новикова никто не обратил внимания»[1].

В этот же день бывший юнкер «народный социалист» Кенегиссер убил из револьвера председателя Петроградской чрезвычайной комиссии М. С. Урицкого.

После покушения на В. И. Ленина ЦК правых эсеров заявил, что партия непричастна к террористическому акту. То же самое он сделал, когда убили Володарского. Поведением эсеровских лидеров возмутились даже террористы. Многие из них после этого отошли от партии, группа Семенова распалась.

Злодейское покушение на Владимира Ильича Ленина всколыхнуло рабоче-крестьянскую Россию. Повсюду вы-

[1] *Г. Семенов (Васильев).* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922, стр. 38—39. Каплан была расстреляна 3 сентября 1918 г.

посились гневные резолюции с требованием на белый террор ответить красным террором.

«Не на живот, а на смерть повели борьбу враги рабочей революции,— писала «Правда» 31 августа 1918 г.— ...На деньги союзного капитала работают правые эсеры и прочая черная сволочь, чтобы задушить рабочих костлявой рукой голода, расстроить фронт и тыл революционной армии, снять головы с лучших вождей рабочего класса...

— Рабочие! Настало время, когда или вы должны уничтожить буржуазию, или она уничтожит вас... Надо очистить города от буржуазной гнили. Надо взять всех господ буржуа на учет, как это сделали с господами офицерами, и истребить всех опасных для дела революции. Стреляя в Ленина, эти негодяи стреляли в сердце пролетариата. Выстрелами ответим им и мы. Гимном рабочего класса отныне будет гимн ненависти и мести!..»

Бедняки Рязанской губернии, собравшиеся на съезд комбедов, заверяли Совнарком, ВЦИК и Центральный Комитет большевиков: «Выражая свою глубокую скорбь по поводу покушения на т. Ленина, мы единогласно заявляем, что контрреволюция будет окончательно задушена, растоптана пролетариатом и беднотой, получившей свое *классовое и политическое освобождение. Рукою бедняка*, рукою пролетариата все гады контрреволюции будут уничтожены»[1].

5. Красный террор

Выражая волю многомиллионных рабоче-крестьянских масс, Совнарком 5 сентября 1918 г. принял постановление о красном терроре. В нем говорилось:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности

[1] «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов, т. 1. М., 1960, стр. 209.

необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»[1].

Так российская и международная буржуазия заставила рабочих и крестьян Советской республики прибегнуть к крайней мере борьбы. Это был вынужденный ответ на вызов врагов социалистической революции.

До лета 1918 г. карательные органы диктатуры пролетариата не расстреливали политических противников рабочих и крестьян. Советское государство действовало при помощи обычных органов власти: Народного комиссариата внутренних дел, Наркомата юстиции, суда, прокуратуры, милиции и т. д. В. И. Ленин писал об этом в 1919 г.: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора»[2].

Этот факт признают даже враги Советской власти. Реакционный историк Шапиро писал: «Однако в первые месяцы террор применялся лишь от случая к случаю и не принимал организованного характера вплоть до лета 1918 года — начала гражданской войны, убийства нескольких большевистских лидеров и покушения на Ленина»[3].

Марксисты-ленинцы всегда считали и считают, что насилие в период революции неизбежно. «...Это прямая ложь, что большевики были противниками смертной казни для эпохи революции,— писал В. И. Ленин в 1919 г.— На II съезде нашей партии, в 1903 году, когда возник

---

[1] СУ, 1918, № 65, ст. 710. «О красном терроре». Постановление было подписано народным комиссаром юстиции Д. И. Курским, народным комиссаром по внутренним делам Г. И. Петровским и управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичем.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 113—114.

[3] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union, p. 182.

Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) Ф. Э. Дзержинский (1918 г.)

шевизм, составлялась программа партии, и в протоко-
съезда значится, что мысль вставить в программу
ну смертной казни вызвала только насмешливые
ласы: «и для Николая II?» Даже меньшевики в
году не посмели поставить на голоса предложения об
не смертной казни для царя. А в 1917 году, во время

керенщины, я писал в «Правде», что ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется и что весь вопрос только в том, *против какого класса* направляется данным правительством оружие смертной казни»[1].

Но рабочий класс, коммунисты, считая смертную казнь неизбежной в острейшие периоды классовой борьбы, делают все возможное, чтобы ограничить применение репрессий. Примером тому история Советской власти в годы гражданской войны.

С середины осени 1918 г. репрессии резко сократились. В октябре расстреляли 641 врага Советской власти, в ноябре — 210, в декабре — 302, в январе 1919 г.— 144, в феврале — 34 человека[2]. Это произошло потому, что к концу 1918 г. сопротивление буржуазии внутри страны было в значительной степени сломлено. В результате — меньше заговоров, мятежей, диверсий.

«И вот краткий период этого красного террора обнаружил,— говорил в начале 1919 г. Дзержинский,— что в самой России нет другой силы, кроме силы рабочих и беднейших крестьян и их партии — партии большевиков, что нет той группы, что нет той партии и нет того класса, которые могли бы взять власть в России, кроме них. Красный террор победил, показав эту силу. Это было тем условием, при наличии которого можно было влить надежду и уверенность победы в сердца тех, которые среди нас самих, может быть, сомневались в успехе борьбы нашей, и доказать заграницe, что силы наши неисчерпаемы»[3].

За девять месяцев (июнь 1918 — февраль 1919 г.) ЧК по приговорам расстреляли на территории 23 губерний 5496 преступников, в том числе около 800 уголовников. Белогвардейцы же за семь месяцев только в 13 губерниях уничтожили в четыре с лишним раза больше рабочих и крестьян, причем число казненных все время росло. Весной 1919 г. только в одной Сибири колчаковцы расстреляли несколько десятков тысяч трудящихся.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 39, стр. 183—184.

[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 4, ед. хр. 51, л. 100—118. (Имеются в виду политические преступники.) См. также *Лацис (Субрабс).* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921, стр. 9; «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 32.

[3] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 8.

Два лагеря — две противоположные картины. Объяснялось это тем, что карательная политика диктатуры пролетариата была направлена против свергнутых, но сопротивляющихся представителей эксплуататорских классов во имя миллионов рабочих и крестьян. Ее активно поддерживали пролетарские слои населения. «Без помощи рабочих чрезвычайные комиссии не сделали бы и половины своей работы, не сыграли бы той роли, какая им принадлежит в пролетарской революции»[1],— писали в 1919 г. руководящие работники ВЧК.

У белогвардейцев репрессии проводились наемниками против большинства народа, в угоду кучки капиталистов и помещиков.

В начале 1919 г. положение в Советской республике изменилось. Коммунистическая партия и Советское правительство поставили вопрос о принятии законодательных мер, направленных на изменение карательной политики и уменьшение репрессий. 4 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) принял решение об ограничении деятельности чрезвычайных комиссий. У ЧК изымалось право вынесения приговоров и передавалось революционным трибуналам[2]. ВЧК по согласованию с ЦК РКП(б) подготавливала отмену смертной казни. И только новое наступление белогвардейцев в марте 1919 г. и в связи с ним активизация контрреволюции внутри страны не позволили Советскому правительству осуществить эту меру.

Начавшиеся весной 1919 г. в некоторых местах республики восстания и диверсии заставили усилить репрессии к врагам Советской власти, но государство диктатуры пролетариата не прибегло к красному террору даже в самое тяжелое для него время — летом — осенью 1919 г.

В январе 1920 г., когда военное положение Советской республики в корне улучшилось, хотя гражданская война еще продолжалась, ВЦИК и Совнарком по инициативе Ф. Э. Дзержинского отменили в стране смертную казнь. Характерно, что ни одно государство мира не отменяло во время войны смертную казнь, а государство диктатуры пролетариата это сделало.

---

[1] «Известия ВЦИК», 28 января 1919 г.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 9, л. 1.

6. Подавление сопротивления кулачества

Фридрих Энгельс в 1894 г. в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» высказал предположение, что удастся обойтись без подавления и экспроприации богатых крестьян[1]. Однако в России, как мы видели, кулачество было одним из главных врагов Советской власти. «В России,— говорил В. И. Ленин, имея в виду высказывание Ф. Энгельса,— это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками»[2].

Пролетариат в союзе с деревенской беднотой развернул наступление против деревенской буржуазии по всем направлениям. Были использованы все формы классовой борьбы, причем экономическая борьба тесно переплелась с политической.

Рабочий класс и Коммунистическая партия понимали, что до тех пор, пока в Советах будут находиться левые эсеры, кулаки, подавление контрреволюционных выступлений внутри страны окажется очень трудным делом. Задача состояла в том, чтобы лишить кулачество политической поддержки.

Исходя из постановления V съезда Советов о том, что левые эсеры, солидаризирующиеся со своим ЦК, не могут находиться в органах власти, большевики приступили к очищению от них губернских и уездных исполкомов.

В некоторых местах этот процесс проходил в трудных условиях, особенно там, где коммунисты находились в меньшинстве в Советах. Так было, например, в Казанском губисполкоме. Пользуясь численным перевесом, левые эсеры приняли резолюцию в защиту московского мятежа. Губисполком был распущен и вместо него создан Военно-революционный комитет. Но на этом борьба не закончилась. В начале августа 1918 г. состоялся очередной губернский съезд Советов. Он также оказался эсеро-кулацким и занял антисоветскую позицию, после чего Народный комиссариат внутренних дел распустил съезд[3].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 523.

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.

[3] См. *М. К. Мухарямов*. Октябрьская революция и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917—1920 г.). Докторская диссертация. Казань, 1962, стр. 339.

В уездах дело обстояло проще. Здесь левоэсеровские исполкомы чаще всего распускались приказами губернских организаций. Так 3 августа поступил и Тверской губисполком со Старицким уездным исполнительным комитетом, временно передав власть в уезде созданному Военно-революционному комитету[1]. Но немало было случаев, когда левоэсеровские исполкомы разгонялись местными коммунистами.

Иначе проходила чистка Советов в тех местах, где левые эсеры находились в меньшинстве (а таких Советов было больше всего). Если левые эсеры поддерживали мятеж в Москве или примирительно к нему относились, их немедленно исключали из исполкомов. В постановлении Калужского губисполкома говорилось, что «партия левых эсеров в настоящее время превращается в руководящую организацию всех кулацких и черносотенных элементов деревни, ничем не отличающихся от белогвардейских вооруженных банд»[2], а потому представители ее изгоняются из исполкома. К 17 июля 1918 г. в Калужском губисполкоме не осталось ни одного левого эсера. 15 июля из Боброва, уездного центра Воронежской губернии, сообщали в Москву: «Левые эсеры после мятежа перешли в контрреволюционный лагерь, а потому представителя партии левых эсеров исключает уездисполком из своего состава»[3].

Места левых эсеров везде занимались коммунистами.

В некоторых губерниях левые социалисты-революционеры сами выходили из Советов, как, например, в Петрозаводске, Демянске (Новгородская губерния), но таких случаев было мало.

Многие левые эсеры заявляли о том, что они не разделяют политику своего ЦК, поддерживают линию Совнаркома и хотят работать в Советах вместе с большевиками. Среди таких было два типа людей. Одни (меньшинство) искренне осуждали мятеж. Их оставляли в Советах. В этом отношении показателен пример Тверского губисполкома. В начале июля в нем находились 23 коммуниста, 13 левых эсеров, 1 максималист. При обсуждении вопроса об отношении к московскому мятежу 11 левых

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 415, л. 94.
[2] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 31, л. 176.
[3] Там же, л. 190.

эсеров осудили свой ЦК, 2 солидаризировались с ним. Последних немедленно исключили из губисполкома, остальных оставили, но уже на второстепенных должностях. Некоторые из них вступили в РКП(б). В ноябре 1918 г. на губернском съезде Советов уже ни один левый эсер не попал в исполком.

Но часто левые эсеры двурушничали. Стремясь сохранить места в Советах, они на словах открещивались от своего ЦК, на деле же продолжали антисоветскую деятельность. Характерный случай произошел в Новгороде. 17 июля на заседании губисполкома левые эсеры отказались осудить московский мятеж и губисполком вынес решение об их исключении. Но на другой день они заявили, что не согласны с политикой своего ЦК, и губисполком оставил их в своем составе[1]. Неискренность левых эсеров была очевидна.

Значительно сложнее обстояло дело с изгнанием левых эсеров и кулаков из волостных и сельских Советов. Основная тяжесть этой борьбы пала на ячейки коммунистов и комитеты деревенской бедноты. В некоторых местах уже в июле — августе 1918 г. Советы были очищены от деревенской буржуазии и ее защитников. Интересный документ о борьбе с левыми эсерами и кулаками оставила инициативная группа большевиков Симоновской волости Саратовской губернии. Вот как развивались там события. В июле состоялись выборы в волостной Совет. Левые эсеры при помощи кулаков получили большинство мест. Однако большевики, избранные в Совет, не сложили оружия.

23 июля они собрались и вынесли решение не допускать левых эсеров и кулаков к работе в Совете, мотивируя это тем, что левые эсеры до сих пор не хотят проводить в жизнь декрета о комбедах, защищают интересы кулаков, а не бедноты.

В решении говорилось: «Организуемую партию кулаков, лавочников, богатеев и т. п. лиц, идущих вразрез с пролетариатом, признать неработающей в контакте с пролетариатом и выставленных ею 11 человек кандидатов в волостной Совет не допускать и устранить, а всю власть взять в свои руки, объявив себя... членами Симоновского

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 31, л. 193.

волостного Совета, и немедленно приступить к работе в интересах Советской власти и пролетариата»[1]. Большевистский Совет энергично взялся за дело.

В некоторых местах крестьяне-бедняки, разгоняя кулацкие Советы, передавали власть комбедам. Так, из Ириновской волости Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии в октябре 1918 г. сообщали, что Совет, состоящий из деревенских мироедов, разогнан и избран комитет бедноты из семи человек, сочувствующих коммунистам, который принял от бывшего Совета все дела и деньги[2].

Очищение Советов везде проходило под руководством местных партийных организаций коммунистов. В докладе Краснослободского уездного комитета РКП(б) в Пензенский губком о работе за четыре последних месяца 1918 г. говорилось: «Под руководством партии и ее контролем Краснослободский уездный Совет через комитеты деревенской бедноты повел энергичную чистку волостных и сельских Советов от кулацких и контрреволюционных элементов»[3].

К середине осени 1918 г. в составе волостных и сельских Советов произошли большие изменения. Во многих местах Советы избавились от кулаков и левых эсеров. Так было прежде всего в губерниях центральной, северной и западной частей Российской Федерации. Здесь уже к концу октября в большинстве волостей в Советах не было ни одного представителя левых эсеров. В богатых хлебом губерниях этот процесс проходил медленнее и закончился в начале 1919 г.

В борьбе с кулачеством важное место занимал подрыв его экономической базы. Сюда входили конфискация части продуктов сельского хозяйства, средств производства, изъятие денег при помощи контрибуций и налогов, реквизиция домашнего имущества. Прежде всего у деревенской буржуазии отбирали излишки хлеба, лишая тем самым главного оружия борьбы с Советской властью. Из двух

---

[1] «1917 год в Саратовской губернии». Сборник документов. Саратов, 1957, стр. 454.

[2] См. «Деревенская коммуна», 24 октября 1918 г.

[3] «Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии (1918—1920 гг.)». Документы и материалы. Саранск, 1960, стр. 61.

с лишним миллионов пудов хлеба, заготовленного продовольственными отрядами до августа 1918 г. (до нового урожая), и 62 млн.— с августа по конец декабря 1918 г., большая часть принадлежала деревенской буржуазии. Это означало, что в богатых сельскохозяйственных районах, откуда главным образом получали продовольствие, экономическая сила деревенской буржуазии была в значительной степени подорвана. Отобрали избыточный хлеб у богатых крестьян и в потребляющих губерниях. Конфискация хлеба у кулаков на основе продовольственной разверстки, введенной в январе 1919 г., продолжалась до 1921 г.

Кроме продовольствия у деревенской буржуазии изымали излишки земли и передавали их бедноте и маломощным середнякам. В Костромской губернии за период деятельности комбедов (с лета до осени 1918 г.)[1] кулаки лишились 400 тыс. десятин земли. Эту землю передали бедным крестьянам[2]. Всего у деревенской буржуазии комитеты бедноты отобрали 50 млн. десятин земли.

У многих деревенских богачей (особенно у тех, кто открыто выступал против Советской власти) конфисковали мельницы, кирпичные заводы и другие промышленные предприятия, а также лошадей, коров, домашнее имущество. 5 августа 1918 г. Кузьмино-Гатский волостной комитет бедноты Тамбовского уезда постановил изъять у кулаков-мельников братьев Григорьевых молодой рогатый скот, часть лошадей, лишние косилки, жнейки, сеялки, сохи, бороны, телеги, сбрую. В сентябре Ново-Акшинский волостной Совет и комбед (Саранского уезда Пензенской губернии) отобрали у кулака поселка Ногаевки Дектеева 8 *из имевшихся у него 22 коров*. В Моршанской волости Николаевского уезда Самарской губернии только за ноябрь и декабрь 1918 г. у кулаков были изъяты 31 лошадь и 5 коров[3].

Самым распространенным средством в борьбе с кулаками были контрибуции и налоги. Они накладывались на

---

[1] Комбеды были упразднены решением VI Всероссийского съезда Советов в ноябре 1918 г.

[2] См. *Ю. С. Афанасьев.* Первые социально-экономические сдвиги в костромской деревне в 1918 г. «Ученые записки Ленинградского государственного университета». Серия исторических наук. Вып. 30, 1959, стр. 47.

[3] ГАКО, ф. 1241, оп. 1, ед. хр. 4, л. 18.

деревенскую буржуазию главным образом за контрреволюционные выступления. Большую роль в борьбе с деревенской буржуазией сыграл единовременный чрезвычайный 10-миллиардный налог, декрет о котором ВЦИК утвердил 30 октября 1918 г.

Меры, принятые Коммунистической партией и Советской властью по борьбе с контрреволюционным кулачеством, дали свои плоды. Перейдя с августа 1918 г. в решительное наступление против деревенской буржуазии, пролетарское государство к середине осени имело на своей стороне в деревне уже большую часть крестьян. Силы кулаков как в экономическом, так и в политическом отношении оказались основательно подорванными. Деревенскую буржуазию изолировали от среднего крестьянства, в котором в это время происходили большие социально-экономические и политические перемены. Сельская беднота сплотилась, повела за собой другие слои трудящихся крестьян и стала прочной силой в деревне. Об изменениях, происшедших в деревне, сообщали из всех губерний. «Кулаки начинают сдаваться»[1],— писал в октябре Епифанский уездный комитет бедноты Тульской губернии.

Вместе с тем необходимо отметить, что раскол в деревне и обуздание кулачества произошли только в тех районах, где Советская власть или существовала все время, или была быстро восстановлена вновь, как, например, в Среднем Поволжье. Что касается губерний, которые освободили от белогвардейцев только в январе — феврале 1919 г., то там этого не случилось. Речь идет прежде всего о юго-восточных губерниях, населенных богатым казачеством. В них до весны 1919 г., когда началась главная военная схватка пролетариата с буржуазией, классового размежевания в деревне провести не удалось, что крайне отрицательно сказалось на ходе гражданской войны.

Однако в 30 центральных губерниях Советской России в деревне произошла великая революция, в корне изменившая расстановку классовых сил. Создались условия для расширения базы диктатуры пролетариата и на основе этого укрепления Советской власти.

---

[1] См. «Комитеты деревенской бедноты Московской области», стр. 251.

В ЛАГЕРЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ
(классы и партии на территории, занятой врагом)

I. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

1. Иностранная интервенция — один из решающих факторов обострения гражданской войны

Классовая и партийная борьба в России и годы гражданской войны являлись продолжением Октябрьской революции, ставшей великим классовым водоразделом во всем мире.

На международной арене существовали те же основные классы и партии, что и в России, только соотношение сил там было другим. Каждый класс по-своему реагировал на события в России.

Буржуазия всего мира и ее партии, как и следовало ожидать, резко отрицательно отнеслись к Октябрьской революции и встали на защиту свергнутых капиталистов, помещиков и их партий. Передовые слои международного пролетариата, наоборот, горячо приветствовали Советскую Россию. Мелкая буржуазия Запада, будучи в коалиции с буржуазией, шла за последней, проявляя при этом колебания и непоследовательность. Мелкобуржуазные социалистические партии встали на сторону русских меньшевиков и эсеров. Их лидеры — Каутский, Вандервельде, Макдональд и другие — выступили против диктатуры пролетариата в России. В. И. Ленин осенью 1918 г. назвал Карла Каутского ренегатом пролетарской революции. Политика лидеров социалистических партий Запада помогала буржуазии Антанты бороться за восстановление прорванного в России фронта империализма.

Международная буржуазия с первых же дней победы Октябрьской революции начала беспощадную борьбу против рабочих и крестьян России. Империалисты преследовали прежде всего свои корыстные классовые цели, стремясь извлечь наибольшие экономические, военные и поли-

Внешние фронты Советской республики в 1919 годах

Л. М. Спирин

тические выгоды для себя. Их заинтересованность в России определялась главным образом стремлением спасти там свои капиталы, еще больше экономически закабалить страну и использовать ее в своих целях для продолжения войны. Помимо этого мировой империализм боялся победы социалистической революции в других странах. Буржуазия не без основания полагала, что примеру рабочих и крестьян России последуют трудящиеся многих государств. Отсюда стремление международного капитала оказать помощь буржуазии и помещикам любых стран.

В первое время государства Антанты, воевавшие с германским блоком, не могли выделить необходимых военных сил, которые крайне нужны были им самим, а использовали в борьбе с Советской властью другие средства. Они снабжали российскую буржуазию, помещиков и их агентов деньгами, оружием, организовывали саботаж, диверсии, заговоры. Империалисты Антанты установили блокаду социалистической республики. Затем они перешли к военной интервенции.

Первыми вторглись империалисты Германии, Австро-Венгрии, Турции. Они оккупировали Прибалтику, Псковщину, Белоруссию, Украину, Крым, часть южных губерний, Закавказье. Вслед за ними на Севере и Дальнем Востоке высадились войска англо-французских, японских и американских интервентов. Внутри страны начался мятеж чехословацкого корпуса. Вступление на советскую землю интервентов резко изменило ход классовой борьбы в России.

Мы видели, как все восстания российской буржуазии и помещиков в конце 1917 и начале 1918 г. сравнительно легко подавлялись красногвардейскими отрядами и частями Красной Армии. Теперь положение стало другим: не только увеличились силы внутренней контрреволюции, но и появился новый фактор в классовой борьбе — войска интервентов.

И все же, несмотря на то что летом 1918 г. соотношение классовых сил внутри страны временно изменилось не в пользу рабоче-крестьянского государства, на стороне революции имелось достаточное количество вооруженных пролетариев и бедняков деревни, чтобы разгромить мятежников. Без иностранной военной помощи российская контрреволюция не добилась бы большого успеха.

Командующие войсками интервентов на Дальнем Востоке
В центре (сидит) японский генерал Отани, справа от него американский генерал Гревс

Под защитой войск интервентов белогвардейцы получили возможность формировать свои армии из офицеров, юнкеров, казаков, добровольцев из богатых классов.

Мировая буржуазия поставила российской контрреволюции оружие и боеприпасы: кайзеровская Германия — Краснову, государства Антанты — белочехам, Колчаку, Деникину, Юденичу, Миллеру.

Империалисты США в 1918 г. передали белочехам 200 тыс. винтовок, около 5 млн. патронов, 220 тыс. снарядов, большое количество обуви, а в 1919 г. колчаковской армии — около 400 тыс. винтовок, 1 тыс. пулеметов, сотни миллионов патронов, миллионы снарядов, 2 млн. пар обуви и много другого военного имущества.

Англия к сентябрю 1919 г. израсходовала на войну против Советской России около 100 млн. ф. ст. По свидетельству военного министра Черчилля, она передала только одному Деникину 250 тыс. винтовок, 200 пушек, 30 танков и огромное количество боеприпасов и снарядов[1]. Французс-

[1] См. *У. Черчилль.* Мировой кризис. М.— Л., 1932, стр. 167.

ские империалисты израсходовали на белочехов и колчаковские войска до октября 1919 г. около 700 млн. фр. Они передали Колчаку 400 орудий, 1700 пулеметов и 30 аэропланов.

Особую роль в интервенции против Советской России играла буржуазия США, ибо без ее финансовой поддержки ни Англия, ни Франция не смогли бы так активно участвовать в борьбе против первого в мире рабоче-крестьянского государства. Характеристика, данная В. И. Лениным в 1918 г. империалистам США как современным рабовладельцам, глубоко определяла их истинное лицо.

Последнее слово во многих важных вопросах так называемой союзнической интервенции оставалось за США. Так было и с чехословаками, являвшимися ударной силой интервентов в борьбе с Советской властью. Когда у чехов произошли первые столкновения с местными Советами в Сибири, их руководители, видимо, не надеясь на свои силы, предприняли было попытку договориться об улаживании конфликта. Они дали об этом телеграмму по линии железной дороги различным группам своих войск. Но в это время последовало указание американского генерального консула в Иркутске Гарриса, и белочехи немедленно прекратили переговоры, перейдя повсюду к активной вооруженной борьбе[1].

Уполномоченный Временного сибирского правительства эсер Фельдман уже через несколько дней после начала мятежа доносил в Томск о переговорах с Гаррисом: «Результаты переговоров дают нам полную уверенность, что генеральный консул Гаррис сделает все, что от него зависит, для признания Соединенными Штатами правительства Сибирской областной думы»[2].

Когда Советская власть в Сибири была свергнута, американцы первые приступили к оснащению белогвардейской армии. 4 сентября 1918 г. американская миссия во главе с Гаррисом посетила командующего войсками

[1] Надо отметить, что Гаррис в первые дни, тоже, видимо, боясь, что мятеж еще недостаточно подготовлен и будет подавлен, предложил свои услуги посредничества между Советами в Сибири и чехословаками. Но это продолжалось буквально два-три дня. Когда он убедился, что мятежники при поддержке русских белогвардейцев добиваются успеха, то отказался от посредничества, предложил чехам прекратить переговоры и стал раздувать мятеж.

[2] ЦГАОР, ф. 151, оп. 1, ед. хр. 10, л. 37.

белых в Средней Сибири полковника А. Н. Пепеляева и заявила ему, что его солдаты в ближайшее время получат от США обмундирование. В заключение беседы, сообщал Пепеляев, «американский консул Гаррис благодарил и поздравлял с успехом, сказал, что все это будет передано иностранным державам и что те придут в восторг от таких скорых побед»[1].

Конечно, не все делалось при участии США или по согласованию с ними. Часто Англия и Франция действовали самостоятельно, а иногда предпринимали меры вразрез с американской политикой. Разногласия между США, Англией и Францией давали себя знать, не говоря уже об огромных противоречиях между Америкой и Японией, которые сгладить было совершенно невозможно. По многим вопросам интервенты так и не могли договориться между собой.

Что же представляли собой чехи и словаки, каков был их классовый состав, почему они с оружием выступили против первого в мире социалистического государства?[2]

Чехословацкий корпус сформировали в России еще до Октябрьской революции из бывших военнопленных австро-венгерской армии. Он подчинялся русскому отделению чешского «Национального совета» и весной 1918 г. следовал на Дальний Восток для отправки оттуда пароходами во Францию, чтобы там принять участие в боях с немцами[3]. Офицеры корпуса в большинстве своем были выходцами из буржуазии. Среди них находились и такие,

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 11, л. 37.

[2] Подробное описание чехословацкого корпуса см.: *А. Х. Клеванский.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.

[3] Точная численность корпуса к лету 1918 г. до сих пор не установлена. Одни историки считают, что в нем было около 35 тыс. штыков *(V. Klecanda.* Operace československého vojska na Rusi v latech 1917—1920. Praha, 1921. Схемы); другие — 30—40 тыс. человек (см. «Гражданская война 1918—1921 гг.» (Оперативно-стратегический очерк), т. 3. М.—Л., 1930, стр. 71); третьи — 50 тыс. (см. «История гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1957, стр. 182). Видимо, в корпусе насчитывалось 35—40 тыс. Такое предположение можно сделать на том основании, что, по сведениям чехов, их в начале ноября 1918 г. было 20,5 тыс. штыков и сабель (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 3, л. 242), что составляло примерно 35 тыс. человек. Потери, которые они понесли в боях, восполнялись мобилизацией среди военнопленных Сибири.

которые раньше служили в русской армии при царе. Все это определило их позицию к Советской власти.

Солдаты и низший офицерский состав в массе своей происходили из крестьян и рабочих, но среди крестьян было немало зажиточных людей. Что касается рабочих, то из них значительная часть даже состояла в партии социал-демократов. Но они были социалистами типа русских меньшевиков, воспитанные западноевропейскими оппортунистическими вождями. Солдаты корпуса представляли собой если не по составу, то по духу мелкобуржуазную массу со всеми присущими ей тенденциями. Вот почему их лидеры так быстро сошлись в России с эсерами и меньшевиками. «Мы — убежденные демократы,— уверяли чехи,— мы стоим за народовластие и лишь потому решились вмешаться во внутренние дела России и помочь низвергнуть большевиков, что этим самым мы можем помочь разогнанному большевиками Учредительному собранию»[1].

Чехословаки, будучи на Украине, не вступили в бой с немецкими войсками в феврале 1918 г., напавшими на Советскую республику. «Почему чешские офицеры, почему господа из русского отделения Чехословацкого национального совета не хотели воевать вместе с большевиками против немцев? — спрашивала тогда чехословацкая коммунистическая газета «Прукопник свободы».— Ответ совершенно ясен: они ненавидят пролетарскую революцию. Немецкий империализм им ближе, чем диктатура пролетариата. Они скорее договорятся с немецкими капиталистами, чем с русскими рабочими. Их поведение является следствием их классовой ненависти и злобы к пролетариату и доказывает их солидарность с немецкими капиталистами»[2].

Наряду с указанными причинами, определявшими поведение чехов и словаков в Советской России, существовали и другие факторы, сыгравшие огромную роль в подготовке мятежа. Офицеры корпуса и русские белогвардейцы, поступившие на службу к чехословакам, при помощи эсеров и меньшевиков вели среди солдат бешеную антисоветскую, националистическую пропаганду. Усилен-

[1] *Н. В. Святицкий.* Реакция и народовластие (Очерк событий на востоке России). М., 1920, стр. 6.

[2] См. *В. Краль.* О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955, стр. 78.

но распространялся слух, что всех легионеров выдадут немцам. Солдатам ежедневно внушали, что только они сами при помощи оружия могут спасти себя, достичь Владивостока и выехать из России. Одновременно с этим распространялась клевета на Советскую власть, которая якобы притесняет рабочих и крестьян. Корпус находился на полном содержании империалистов Антанты и выполнял их волю. К началу мятежа командование чехословаков получило от английских и французских представителей около 15 млн. руб.[1]

Однако состав чехов и словаков был далеко не однороден. Среди них были солдаты (и отдельные офицеры) из сознательных пролетариев и деревенских батраков, которые не поддались антисоветской пропаганде. Некоторые из них еще до мятежа покинули корпус, другие вышли из него уже после. Таких насчитывалось несколько тысяч. Лучшие из чехов и словаков добровольно вступили в Красную Армию для защиты великой русской революции, в которой они видели залог освобождения трудящихся всех национальностей от капиталистического рабства.

Под влиянием Октябрьской революции классовое расслоение происходило и среди других военнопленных в России. Одна часть их шла в Красную Армию, другая — в белые войска. Это, конечно, не означало, что военнопленные обязательно примыкали к той или иной боровшейся стороне. Большинство их старалось сохранить своего рода нейтралитет и не участвовать в вооруженных столкновениях. Многие из «нейтральных» сочувствовали тем или иным классам или партиям, но дальше этого не шли. Так было и среди чехословаков. Основная масса их оставалась в лагерях военнопленных. После начала мятежа белочехи пытались в Сибири и на Урале пополнить свои войска за счет этой категории людей, но большого успеха не имели. Подавляющее большинство пленных чехословаков категорически отказалось воевать против Советской власти.

---

[1] Буржуазные историки Запада и сейчас отрицают тот факт, что правящие круги государств Антанты повинны в выступлении чехословаков. Так, Кеннан в своей книге о России писал в 1958 г., что ни союзники, ни русские белогвардейцы не играли существенной роли в подготовке мятежа *(G. F. Kennan.* The Decision to Intervention. Princeton, 1958, p. 164). Документы полностью опровергают это.

21 июня 1918 г. представитель шведского Красного Креста в Сибири писал уполномоченному Временного сибирского правительства Павлу Михайлову: «Сегодня в четыре часа утра вооруженные чехословаки самым возмутительным образом ворвались в лагерь Томск I и, всячески истязая нежелающих присоединиться к ним добровольно чехословаков, насильно увели последних. В результате оказалось двое убитых и много раненых: тоже жертвы чехословацких насилий. За эти преступления против беззащитных пленных, за эти истязания и убийства я возлагаю на вас ответственность и самым энергичным образом протестую против безобразий со стороны чехословаков, которые чинятся при полном вашем молчании»[1].

Мятеж чехословаков начался в конце мая 1918 г. 25 мая они захватили Мариинск и Новониколаевск (в Сибири), 26 мая — Челябинск, 30 мая — Пензу.

2. Кто свергал и кто защищал Советскую власть

Из всех контрреволюционных мелкобуржуазных партий главное место в борьбе с рабоче-крестьянской властью занимали правые эсеры. На них ложится особая ответственность за гражданскую войну в России. Именно они прикрыли все контрреволюционные силы, выступившие летом 1918 г. против Советской власти.

Как правые эсеры блокировались с офицерско-белогвардейскими организациями, казаками, чехословаками, представителями Англии, Франции, США, финансировались отечественной и иностранной буржуазией, свергали Советскую власть, ясно видно на примере Самары, ставшей центром мелкобуржуазной контрреволюции в Среднем Поволжье.

В архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранятся воспоминания бывших руководителей и активных деятелей самарского эсеровского правительства, в которых содержится много фактов, неизвестных до сих пор. По материалам управляющего военным ведомством контрреволюционного правительства в Самаре полковника царской армии Н. А. Галкина, картина подготовки и проведения мятежа предстает в следующем виде.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 2, л. 67—68.

В конце 1917 г. в Самаре возникла тайная офицерская организация, состоящая главным образом из местной буржуазии. В феврале 1918 г. во главе ее встал приехавший в город полковник Галкин, с которым вскоре связались местные эсеры. Член Самарского губкома партии правых эсеров В. К. Фортунатов предложил офицерам установить тесный контакт для совместной борьбы с Советской властью. На состоявшемся совещании руководителей обеих организаций выяснилось, что у офицеров имелось 200—250 человек, у эсеров — городская дружина в 300 человек и несколько небольших отрядов в уездах[1]. Был создан штаб. В него вошли от эсеров Фортунатов и Брушвит, от офицеров Галкин. Объединенная эсеро-белогвардейская организация связалась с уральскими казаками, которые в марте 1918 г. свергли Советскую власть и образовали «уральское правительство» во главе с Н. С. Фомичевым. Для установления контактов с сибирскими эсерами в Омск ездил Брушвит.

Весной 1918 г. контрреволюционеры установили связь с представителями союзников, находившимися в то время в Самаре, в частности с французским военным агентом Жано, с которым они провели несколько совещаний, а также с офицерами чехословацкого корпуса.

«Через несколько дней,— писал об одной из этих встреч Галкин,— состоялось третье свидание с Жано в той же гостинице, где мы уже встречались. На этом совещании присутствовали кроме прежних лиц два чешских офицера. Эти два чешских офицера говорили о том, что чехи должны будут пройти через Самару с оружием в руках, причем если большевики будут им препятствовать в этом походе, то они примут бой и пройдут во что бы то ни стало, что благодаря этому безусловно создается благоприятная обстановка для русских контрреволюционеров и что они смогут использовать эту обстановку для осуществления своих планов»[2].

После этого совещания к чехословакам были посланы Брушвит (для координации действий по политической

---

[1] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 7, ед. хр. 3, л. 3. Самарская эсеровская дружина состояла из служащих, железнодорожников и небольшой части рабочих с заводов. Деревенские эсеровские отряды находились в южных, богатых уездах губернии и формировались из богатых крестьян и кулаков.

[2] Там же, л. 5—6.

линии) и Бурцев (для осуществления военной связи). Эсеры привели в боевую готовность свои дружины и стянули их к линии железной дороги, по которой продвигались на восток чехи. Перед самым восстанием в военный штаб ввели представителя ЦК партии правых эсеров Боголюбова. Для общего руководства мятежом создали подпольный комитет, в который вошли члены Учредительного собрания Вольский, Брушвит и Климушкин. Последний являлся председателем Самарского губкома партии правых эсеров.

Галкин вспоминает такой характерный случай. Чехи при приближении к Самаре дали команду эсерам начать восстание. Но те, не рассчитывая на свои силы (эсеры и белогвардейцы в районе Самары имели всего около 600 человек), все время оттягивали выступление. И только тогда, когда чехи уже вплотную подошли к городу, белогвардейцы открыли огонь в спину оборонявшим Самару рабочим и красноармейцам. До этого эсеровские дружины, руководимые Фортунатовым, занимались главным образом диверсиями в тылу красных войск: взрывали железнодорожное полотно и мосты.

А кто выступил на защиту Советской власти в Самаре? Получив известие о мятеже, самарские большевики объявили губернию на военном положении и стали собирать силы, чтобы преградить дорогу врагу. Под ружье были поставлены все члены РКП(б). Более 2 тыс. рабочих вступили в коммунистические дружины. В деревне поднималась беднота. В борьбу с белочехами включились рабочие и крестьяне из бывших военнопленных. Это были интернационалисты поляки, венгры, немцы, сербы. На защиту завоеваний Октября встала и самая передовая часть чехов и словаков во главе с революционерами Ярославом Гашеком, Иосифом Малиной, Иосифом Поспишилом.

Для обороны города коммунисты создали боевой революционный штаб. В него вошли председатель Самарского Совета В. В. Куйбышев, помощник командующего Оренбургским фронтом уральский рабочий (большевик с 1905 г.) П. В. Гузаков и уральский рабочий-революционер руководитель отрядов уфимских пролетариев М. С. Кадомцев, вступивший в партию большевиков в первую русскую революцию. Отряды Красной Армии и рабочие дружины смело выступили навстречу приближавшемуся к Самаре врагу. Но на стороне легионеров имелось большое военное

преимущество. Героизм рабочих не мог спасти положения. В решающей схватке 4 июня советские войска потерпели поражение. Во время боя погиб командующий красными отрядами М. С. Кадомцев. 8 июня 1918 г. белочехи и белогвардейцы заняли Самару.

* * *

Ожесточенные бои между защитниками и врагами Советской власти развернулись в Оренбургской губернии.

Во второй половине весны в казачестве началось классовое размежевание.

Казачья верхушка и офицеры после разгрома и бегства Дутова не только не прекратили вооруженной борьбы с Советской властью, но еще больше активизировали ее. Богатые казаки видели в Советской власти своего смертельного врага.

Казачья беднота и «иногородние» в массе своей стояли за рабоче-крестьянскую власть. В некоторых станицах они захватили офицерские земли и твердо решили не отдавать их. На станичных собраниях бедняки первыми давали отпор кулакам и офицерам, вербовавшим казаков в контрреволюционные отряды. Из одной и той же станицы богатые казаки уходили в белые отряды, а бедняки — в красные.

Середняки старались проводить свою промежуточную политику. Она выразилась в том, что многие станицы весной 1918 г. объявили себя «нейтральными», требуя «казачьей автономии». Правда, «нейтралитет» был своеобразным. За ним скрывалось заметное сочувствие Советской власти и недоброжелательное отношение к белогвардейцам, пытавшимся втянуть казаков в войну с большевиками. Такое положение долго существовать не могло. «Нейтралитет» середняков был временным. Среднее казачество по логике классовой борьбы должно было примкнуть к одной из боровшихся сторон и этим самым решить исход сражения. Враги Советской власти делали все возможное, чтобы не только перетянуть на свою сторону казаков-середняков, но и сгладить классовую борьбу в станицах. Они прекрасно понимали, какую угрозу несет для них раскол в казачестве. В одном из белогвардейских воззваний, написанном в начале мая 1918 г., говорилось, что казаки должны забыть все распри между собой, забыть «классовый раскол» (в документе так и сказано: «Классо-

вый раскол».— *Л. С.*), поверить офицерам и вместе с ними идти в бой на большевиков[1].

В классовой борьбе пролетариата за трудовое казачество огромную роль играла правильная политика и гибкая тактика по отношению к различным слоям его, учет конкретной обстановки и особого положения казаков. Задача состояла в том, чтобы усилить классовое расслоение в казачестве, изолировать богатых казаков и офицеров, помочь организоваться бедноте, поддержать «нейтралитет» средних слоев, с тем чтобы затем привлечь их на сторону Советской власти. Однако не все коммунисты правильно понимали эти вопросы. Во многих губерниях и областях были допущены серьезные ошибки, которые дорого обошлись рабочим и крестьянам.

Среди партийных и советских работников Оренбурга и других мест распространенным было мнение, что все казаки (или почти все) являлись врагами Советской власти. Сторонники его приводили много неоспоримых фактов. Так, в ночь на 4 апреля 1918 г. более тысячи казаков ворвались в Оренбург и вырезали 129 человек, среди которых 6 детей и несколько женщин. 4 апреля казаки в районе Соль-Илецка поголовно вырубили большой отряд красногвардейцев, во главе которого стоял председатель Оренбургского губкома коммунист С. М. Цвиллинг. Враг творил страшные зверства и во многих других местах.

В апреле 1918 г., после того как было отбито нападение белоказаков на Оренбург, губернский военно-революционный штаб по формированию Красной Армии предъявил казакам ультиматум. В нем говорилось, что все станицы, население которых будет замечено в контрреволюционных действиях, подлежат уничтожению независимо от того, все казаки виноваты или нет. В гражданской войне такое решение явилось особо ошибочным. Белогвардейские агитаторы быстро воспользовались этим. Они стали трубить, что большевики хотят уничтожить всех казаков без разбору, что поэтому надо объединиться всему казачеству и защищать свои права. Без конца упоминались станицы Донская и Татищевская, сожженные красногвардейскими отрядами за преступления казачьих главарей.

Между тем население многих станиц писало в Оренбургский Совет и революционный комитет, что основная

[1] ГАОО, ф. 1912, оп. 1, ед. хр. 7, л. 21.

масса казаков не виновата, что часто бедных и средних казаков офицеры и кулаки силой оружия заставляют выступать против Советской власти. Они просили помощи. Но помощь эта не пришла. Оренбург не сумел вовремя оказать поддержки «нейтральным» станицам и этим допустил большую ошибку.

Казаки-середняки долго и упорно отстаивали свой «нейтралитет». Вначале белогвардейцы пытались воздействовать на них уговорами. В одном воззвании мы читаем: «Умоляем всех станичников бросить держать позорные нейтралитеты, взяться за оружие и идти на помощь братьям»[1].

Когда увещевания не подействовали, контрреволюционеры перешли к решительным действиям против непокорных. Белогвардейцы были особенно разъярены упорным сопротивлением жителей Краснохолмской станицы, являвшейся центром «нейтральных» станиц[2]. Казаки этой станицы открыто заявили белогвардейцам, что те дерутся с большевиками «в угоду офицерству и во вред интересам казачества»[3].

Белоказаки в 20-х числах мая напали на Красноярский поселок, захватили его и учинили над жителями расправу. Они расстреляли 19 и выпороли 17 казаков[4]. Так богатые казаки поступили с бедными, которые не хотели идти против Советской власти.

В начале июня белогвардейцы осадили станицу Краснохолмскую. Силы оказались неравными. Многие казаки-середняки заколебались; 12 июня станица приняла ультиматум. Почти все активисты обороны были арестованы. Часть из них во главе с казаком Н. Г. Пановым контрреволюционеры расстреляли.

Оренбургские большевики знали о борьбе среди казачества. Они даже предпринимали некоторые меры,

---

[1] ГАОО, ф. 1912, оп. 1, ед. хр. 7, л. 21.

[2] В Краснохолмской станице в начале 1918 г. насчитывалось 1300 дворов и около 9 тыс. жителей. В мае в ней проходил съезд представителей «нейтральных» станиц — Краснохолмской, Городищенской, Красноярской, Никольской, Чесноковской. Съезд послал делегацию в Оренбургский Совет просить оружия для защиты станиц от белогвардейцев.

[3] ГАОО, ф. 1912, оп. 1, ед. хр. 7, л. 40.

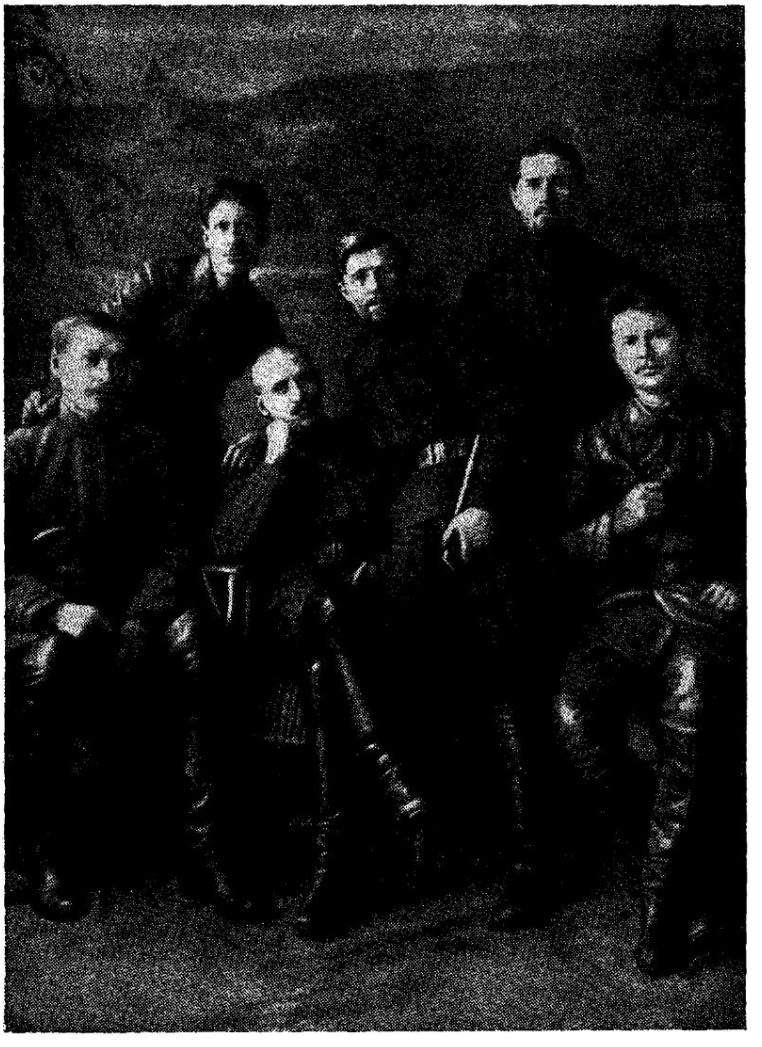
[4] Партийный архив Оренбургского обкома КПСС (ПАОО), ф. 6002, оп. 1, ед. хр. 225, л. 6—7.

чтобы усилить раскол между казаками, но сделали очень мало. Конечно, нельзя забывать об огромных трудностях, связанных с борьбой за трудовое казачество. Расслоение в станицах проходило в особых условиях. Все казаки были связаны между собой военной организацией, дисциплиной и многими другими факторами казачьей жизни и быта. Отколоть бедноту, организовать ее, изолировать богатеев от остальных станичников — все это было значительно труднее провести, чем в крестьянстве. Но самая большая трудность заключалась в самом экономическом положении среднего казачества, которое делало этот слой населения очень неустойчивым по отношению к Советской власти.

Казак-середняк хотя и трудился в поте лица своего, но имел столько земли, хлеба, скота, что в его двойственной натуре чаще, чем у среднего крестьянина, перевес брал собственник, враг социализма. Большинство казаков-середняков не могло понять, почему Советская власть лишала их привилегий. В этих условиях особую роль должна была сыграть агитация среди казаков. Но она велась очень слабо. Белогвардейская агитация на том этапе борьбы оказалась более действенной.

Несмотря на большую сложность, имелись правильные пути в решении, хотя бы частичном, казачьего вопроса. В первых числах июня 1918 г. в Оренбург вернулся видный советский работник И. Ф. Киселев. Он сделал в губисполкоме доклад о поездке в столицу и о своей беседе с председателем Совнаркома. Киселев рассказал, что Ленин поручил ему попытаться начать мирные переговоры с казаками, с тем чтобы помочь им избрать верный путь. Ленин верил, что трудящиеся казаки могут пойти за Советской властью, но для этого их надо оторвать от контрреволюции. По воспоминаниям председателя комиссариата трудового казачества Оренбургского Совета А. С. Шереметьева губисполком одобрил доклад Киселева и решил вести переговоры с казаками. Но время было упущено.

Мятеж чехословаков оказал влияние и на среднее казачество, ускорив переход значительной части его на сторону врагов Советской власти. С каждым днем ожесточались классовые бои. В этих условиях мирным путем решить казачий вопрос было уже нельзя. Это, конечно, не означало, что Советская власть отказывалась вести переговоры



Штаб красногвардейского отряда В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина, действовавшего на Урале летом 1918 г.

1-й ряд (слева направо): Н. Д. Каширин, В. К. Блюхер, Гвоздюковский, Баранов; 2-й ряд: Леонтьев, Томин.

с трудовым казачеством, вставшим на сторону Дутова. Борьба за него продолжалась и велась разными средствами, в том числе и путем агитации и пропаганды. Однако на первом плане летом 1918 г. стояла вооруженная борьба. Основная масса казаков оказалась в стане контрреволюции. В августе 1918 г. оренбургские казаки составляли в белогвардейских армиях около 28 тыс. сабель и штыков, а в советских войсках — около 2 тыс.[1] Значит, на стороне контрреволюции сражалось в 14 раз больше казаков, чем за Советскую власть. В дальнейшем, когда враги перешли к мобилизации, соотношение это еще больше увеличилось. Почти все казаки, вступившие в белогвардейские войска летом 1918 г., являлись добровольцами.

Интересно выяснить, какие слои казаков выступили против Советской власти и какие защищали ее. Обратимся к известной нам уже станице Сакмарской, в которой к началу августа был сформирован из добровольцев белоказачий полк в 600 сабель[2]. В этой богатой станице весной 1918 г. насчитывалось около 800 дворов и 5 тыс. жителей. На сторону Дутова сразу перешли все 14 офицеров станицы: два полковника, один войсковой старшина, три подъесаула и т. д. Все они имели много земли, хлеба и скота. В лагере контрреволюции оказалось более 100 унтер-офицеров (вахмистров, урядников). Многие из них являлись кулаками и богатыми казаками. К ним примкнуло около 480 зажиточных и средних казаков[3].

В Красную Армию вступили добровольно 16 казаков. Это были главным образом бедняки. Среди них находились Карп Барсуков (семья состояла из четырех человек, в хозяйстве имелась одна лошадь, одна корова), Александр Козлов (семья из четырех человек, в хозяйстве одна лошадь и одна корова; лошадь белогвардейцы отобрали в отместку за службу в советских войсках), Филипп Кистенев, Петр Воржеев и др.[4] Такая же картина наблюдалась во многих других станицах.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 2, л. 123; ед. хр. 11, л. 2—3. В этих документах отражена численность белоказаков. Что касается казаков, выступавших на стороне Советской власти, то число их подсчитано автором на основании многих самых разнообразных источников. Оренбургские красные казаки составили четыре советских полка и несколько подразделений.

[2] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 11, л. 2—3.

[3] ГАОО, ф. 230, оп. 1, ед. хр. 102, л. 4—25.

[4] ГАОО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 103, л. 36—47.

В конце лета атаман Дутов начал мобилизацию. В ноябре — декабре 1918 г. в Сакмарской станице в белую армию взяли всех казаков до 55-летнего возраста. После этого число жителей станицы, находившихся в контрреволюционных войсках, составило 1225 человек[1].

В станицах, державших «нейтралитет», например Краснохолмской, число казаков, вступивших в Красную Армию, было значительно выше. Однако в губернии в целом сложилось очень тяжелое положение для Советской власти. Не получая подкреплений, красные войска, состоявшие из рабочих, крестьянской и казачьей бедноты, 3 июля 1918 г. оставили Оренбург. Часть войск отступила в Туркестан, образовав там Актюбинский фронт под командованием Г. В. Зиновьева, другая часть под командованием В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина отошла на север к Белорецку.

Положение, создавшееся в Оренбургской губернии, было характерным для многих районов, населенных казаками. Везде весной 1918 г. в казачестве наметился раскол между бедными и богатыми, везде середняки цеплялись за «нейтралитет». В Уральской области, несмотря на падение Советской власти в городе Уральске еще в марте 1918 г., многие станицы и после этого отстаивали «нейтральное» положение, а некоторые открыто выступали за Советскую власть. К последним принадлежали станица Мустаевская и поселок Грязно-Иртецкий Благодарновской станицы. Белоказачья газета «Яицкая воля» сообщила, что в апреле 1918 г. на собрании в поселке Грязно-Иртецком из 240 человек 195 высказались за признание Советской власти и добровольную сдачу оружия[2].

На Дону «великий раздел» между сторонниками и противниками Советской власти завершился к концу весны 1918 г. В северных, наиболее бедных округах области значительная часть казаков пошла за рабочими. Оплотом контрреволюции стали южные округа, где казаки имели особенно много земель и большие привилегии. Классовый раскол произошел также на Кубани и Тереке.

Большинство донских, кубанских и терских казаков также встало на сторону контрреволюции. И здесь белогвардейцы повели за собой основные массы середняков. Атаман Донского казачьего войска Краснов в середине

[1] ГАОО, ф. 230, оп. 1, ед. хр. 102, л. 4—25.
[2] См. «Яицкая воля», 16 апреля 1918 г.

лета 1918 г. имел армию в 27 тыс. пехоты и 30 тыс. конницы[1]. Последняя состояла главным образом из офицеров и богатых казаков. Казачья беднота вступила в Красную Армию, образовав советские конные полки, которыми командовали С. М. Буденный, О. И. Городовиков и другие герои гражданской войны. Однако и на Дону в советских войсках находилось во много раз меньше казаков, чем в армии Краснова.

Можно ли было изменить ход классовой борьбы, проходившей в казачестве весной и летом 1918 г.? Полностью нет. В исторической обстановке того времени переход части не только среднего казачества, но и среднего крестьянства, более бедного, чем казаки, на сторону буржуазии являлся неизбежным. В этом проявилась одна из закономерностей классовой борьбы. Однако Советская власть могла правильными действиями уменьшить колебания среднего казачества. Надо и можно было сделать так, чтобы к Дутову, Краснову и другим контрреволюционерам перешло меньше людей, а в Красную Армию больше.

К сожалению, этого не произошло. Рабочему классу не удалось летом 1918 г. выиграть битву за трудовое казачество. Этот факт имел серьезные последствия для всей гражданской войны. Он дорого обошелся рабочим и крестьянам, но еще дороже казакам. Тернистый путь предстояло пройти им. Два года вели они кровопролитные бои с Красной Армией, стоившие больших жертв обеим сторонам.

Но вернемся к Краснову. В конце лета и осенью 1918 г. белоказачьи войска добились значительных успехов. Они захватили всю Донскую область и вторглись в пределы Воронежской губернии. Главной целью белогвардейцев являлся захват Царицына, который позволил бы соединиться южной и восточной контрреволюции. Краснов дважды наступал на Царицын (в августе и сентябре — октябре 1918 г.), но оба раза его отборные полки разбивались частями Красной Армии, состоявшими из царицынских, донбасских, московских рабочих и бедных крестьян и казаков южных губерний и областей.

На Северном Кавказе действовала Добровольческая армия Деникина. Весной в ней числилось всего около 8 тыс. человек, но скоро она оправилась и тоже перешла в наступление. Краснов помогал ей боеприпасами, которые

[1] См. «История гражданской войны в СССР», т. 3, стр. 252.

он получал от немецкого командования, а затем, по иронической замечанию самого атамана, мыл их в водах Дона и уже «чистенькими» передавал белогвардейцам. Добровольческая армия в августе 1918 г. заняла Екатеринодар и Новороссийск.

Бои на Дону и Северном Кавказе, как и во многих других местах, носили ожесточенный характер. Столкнулись не только две армии, но и два противоположных класса. Офицеры и богатые казаки жестоко расправлялись с защитниками Советской власти, в том числе и с казачьей беднотой. Широко известен такой случай. В начале мая 1918 г. ЦИК Советов Донской республики направил группу руководящих работников в северные округа Донской области для формирования отрядов из казаков. Во главе ее стоял председатель Совнаркома Донской советской республики и военный комиссар казак Ф. Г. Подтелков. В группу входил секретарь Донского военно-революционного комитета казак М. В. Кривошлыков. На хуторе Калашникове восставшие белоказаки захватили в плен представителей Советской власти и находившийся вместе с ними отряд красногвардейцев, состоявший главным образом из казаков-бедняков. Наскоро организованный из офицеров и богатых казаков военно-полевой суд приговорил всех 76 пленных к расстрелу, а Подтелкова и Кривошлыкова — к повешению. Казнь состоялась 11 мая 1918 г.

* * *

По-другому протекала борьба за защиту Советской власти в горнозаводском Урале. Классовый смысл происходивших там событий был изложен в обращении Уральского областного и Екатеринбургского Советов к рабочим, крестьянам и всем трудящимся Урала, опубликованном 16 июня. В нем говорилось, что с помощью чехословацких штыков капиталисты хотят вернуть себе заводы, фабрики и шахты, а помещики — землю, вновь втянуть народы России в империалистическую войну. Советская власть призывала рабочих и трудовых крестьян подняться на защиту их завоеваний[1].

Первыми взялись за оружие коммунисты — самый передовой, самый сознательный отряд уральских рабочих. 28 мая Пермские окружной и городской комитеты больше-

[1] См. «Уральский рабочий», 16 июня 1918 г.

виков начали поголовную мобилизацию членов партии в городе и пригородах. Из коммунистов, владевших оружием, в тот же день образовали партийные дружины, которые направили в распоряжение местного военного комиссариата. Остальные члены партии занялись военной учебой[1]. В течение июня и начале июля почти все местные организации большевиков Северного и Среднего Урала поставили членов партии под ружье.

Вместе с коммунистами в Красную Армию добровольно вступали передовые беспартийные рабочие. 13 июня из Алапаевска выехали в Екатеринбург четыре отряда численностью 412 человек, в том числе два отряда коммунистов, один отряд рабочих и один отряд из иностранных рабочих-интернационалистов. Участник гражданской войны на Урале П. М. Быков позже писал, что, когда рабочие Верхне-Уфалейского завода получили весть о движении белогвардейцев из Челябинска на Екатеринбург, они немедленно собрались по заводскому гудку и в числе 420 человек отправились грузиться в эшелон. «Люди были в грязных блузах, в лаптях, только что оторванные от станков с работы. Хозяйственного аппарата у нас тоже не было. Но чувствовалась вера в свою победу»[2].

На защиту Советской власти встало и беднейшее крестьянство Урала. Из Каслинского района в начале июня сообщали: «Деревня откликнулась настолько добросовестно, что по первому зову повалила через Касно, как районный пункт, деревенская Красная Армия; тут шли без разбору — молодые и старые. Отряды следовали один за другим, не хватало лошадей для них»[3].

Против белогвардейцев выступили некоторые анархисты и левые эсеры, создав свои отряды. Анархисты Екатеринбурга послали на фронт 37 человек, которые кроме винтовок, бомб и другого оружия имели 5 пулеметов[4]. Военком Екатеринбургского уездного военного комиссариата анархист П. И. Жебенев возглавил командование нескольких отрядов на Екатеринбургско-Челябинском на-

---

[1] См. «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов», 1 июня 1918 г.

[2] *П. М. Быков.* Красная Армия в борьбе за Урал. (По материалам Уралистпарта.) Свердловск, 1928, стр. 24.

[3] «Уральский рабочий», 13 июня 1918 г.

[4] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 8, л. 61.

правлении, проявив в боях большую храбрость. Позже он отошел от анархизма и вступил в РКП(б).

К 8 июня 1918 г. в боях с чехами и белогвардейцами в районе Челябинск — Екатеринбург участвовало уже около 11 тыс. уральских рабочих и крестьян, находившихся в частях и отрядах Красной Армии. Они имели на вооружении 129 пулеметов, 13 орудий, 4 броневика[1]. Представитель Высшей военной инспекции, находившийся в районе Миаса, где комиссаром войск был старый уральский большевик Иван Михайлович Малышев, писал об уральских рабочих: «Каждый боец в отдельности был прекрасным. Многие из них горели желанием умереть за Советскую власть»[2]. Но он же дальше сообщал, что организация войск была слабой, некоторые бойцы не умели стрелять. Поэтому под натиском регулярных войск белочехов отряды Красной Армии вынуждены были отступать.

Этим не замедлили воспользоваться контрреволюционные классы и партии в тылу: городская и сельская буржуазия, кадеты, меньшевики, правые эсеры. Они старались сыграть на недовольстве мелкой буржуазии и части отсталых рабочих. В некоторых городах и селах вспыхнули контрреволюционные восстания. Выступления врагов Советской власти облегчались тем, что многие сознательные рабочие ушли на фронт.

12 июня в Невьянске подняли мятеж солдаты автомобильного отряда, прибывшего из Луги. Состав отряда был сплошь мелкобуржуазным. Мятежники расстреляли председателя Совета и некоторых других руководящих работников. Через пять дней они отступили из Невьянска. 12—13 июня контрреволюционеры пытались поднять восстание на Верх-Исетском заводе. Там буржуазия действовала через союз эвакуированных и инвалидов. Члены его отказались вступить в Красную Армию, устроили митинг, призывая к насильственному свержению Совета. Отряд Красной Армии разогнал сборище. Зачинщиков арестовали и расстреляли.

Решительными мерами рабочему классу удалось пресечь мятежи. Но дело заключалось не только в том, что

---

[1] См. *Л. М. Спирин.* Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии (1918 г.). В кн.: «Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.». Сборник статей. М., 1956, стр. 417.

[2] ЦГАСА, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 185, л. 141.

Советская власть проявила большую твердость. Соотношение классовых сил на Урале было другим. И это главное. Контрреволюция не имела здесь широкой базы. В противоположность губерниям и областям с богатым сельским населением, особенно казацким, в горнозаводском Урале на защиту Советской власти с оружием в руках поднялись десятки тысяч рабочих и беднейших крестьян, вступивших затем в Красную Армию. Белая же армия объединяла в своих рядах только офицеров, интеллигенцию, кулаков. И если бы не чешские войска, сыгравшие главную роль в захвате Урала, белогвардейцы там никогда не имели бы успеха. Таким образом, на Урале у врагов Советской власти был только чисто военный перевес, но он в то время явился решающим.

В середине июля чехословаки и белогвардейцы предприняли новое яростное наступление на Екатеринбург. Создалось критическое положение, и 25 июля 1918 г. части Красной Армии оставили город.

Многие рабочие и активисты из деревенской бедноты уходили с Урала вместе с советскими войсками. В июле при приближении врага к Сысертскому заводу все рабочие взялись за оружие. После вынужденного оставления завода рабочие в количестве 3 тыс. человек вступили в Красную Армию.

Уральские рабочие явились основным костяком в организации большинства полков 3-й армии Восточного фронта. Коммунисты Урала создали из членов партии целый батальон. Впоследствии ему присвоили имя славного большевика, погибшего на фронте, И. М. Малышева. Батальон развернули в полк, и позже он вошел в 30-ю дивизию. Этот полк вписал много славных страниц в героическую эпопею борьбы рабочего класса Урала за Советскую власть.

Вместе с уральским пролетариатом сражались прибывшие на помощь рабочие центральных губерний, много их было из Петрограда. Но основную тяжесть боев с чехословаками и белогвардейцами вынес на своих плечах пролетариат Урала, которому помогла деревенская беднота. Ни одна армия Восточного фронта, да и не только Восточного, не имела в своих рядах столько рабочих-добровольцев, как 3-я. Ни в одной армии не было столько членов РКП(б), как в ней. (В декабре 1918 г. в 3-й армии имелось около 11 тыс. коммунистов, а в четырех остальных армиях Восточного фронта — 14 тыс.) Рабочие Урала,

и особенно члены партии, понесли огромные потери. К началу 1919 г. уральская партийная организация не досчиталась в своих рядах 10 тыс. коммунистов, павших в боях за Советскую власть. Их смерть не была напрасной. 3-я армия сорвала замысел белогвардейцев соединиться в районе Вятки — Котласа с англо-французскими и американскими войсками, наступавшими с севера. Уральские рабочие измотали и обескровили в боях лучшие вражеские дивизии. Этим они оказали неоценимую услугу Советской республике.

* * *

Своеобразно протекала вооруженная борьба в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь к 1 июня 1918 г. в отрядах Красной Армии и Красной гвардии числилось около 21 тыс. человек. Эти силы располагались главным образом в крупных городах по линии Сибирской железной дороги. И хотя на защиту завоеваний Октября поднялись тысячи передовых рабочих, интервенты и белогвардейцы уже через 2—3 недели после выступления имели военное превосходство. Оно, как и везде в то время, выражалось прежде всего в лучшей организации войск.

Основная масса сибирских крестьян не поддержала Советскую власть. Кулаки, богатые крестьяне и значительная часть середняков пошли за эсерами, обещавшими свободную торговлю хлебом (остальные середняки заняли нейтральную позицию). Вот здесь-то и сказались 100 млн. пудов излишков хлеба, имевшиеся в Сибири. Что касается рабочих, то их было мало и не все они сразу взялись за оружие. Только наиболее сознательные пролетарии немедленно вступили в отряды Красной Армии. В Сибири, как и во многих других районах Востока, основной силой при свержении Советской власти были белочехи.

Наиболее крупные бои развернулись за Омск. Здесь особенно ярко отразилось состояние военной организации борющихся сторон и расстановка классовых сил в Сибири.

В 1917 г. в Омске насчитывалось 140 тыс. жителей, из которых около 10 тыс. составлял промышленный пролетариат. Столько же было рабочих кустарных предприятий. К лету 1918 г. численность населения в городе возросла за счет бежавших сюда из центральных районов буржуазии и помещиков. Количество рабочих осталось прежним.

Подавляющую часть населения города составляли мелкобуржуазные и буржуазные элементы, среди них находилось много торговцев, бывших чиновников, царских офицеров.

В политическом отношении жизнь Омска была очень пестрой. Наряду с правящей партией большевиков, в которой состояло несколько сот человек, в городе существовали почти все другие партии, имевшиеся в то время в России, начиная от самых правых и кончая теми, о которых говорили, что они «левее здравого смысла». Одни из них действовали открыто и имели свои печатные органы, другие находились на полулегальном или нелегальном положении.

Двигавшиеся через Сибирь чехословаки воодушевляли эсеров, меньшевиков и белогвардейцев. «До мятежа чехи свободно ходили по городу,— писал в воспоминаниях председатель исполкома Западно-Сибирского Совета коммунист Владимир Михайлович Косарев,— шпионили за нами, пользуясь нашей доверчивостью. Они успели крепко связаться с местной буржуазией, казачьими верхами, кулачьем и прочими врагами Советской власти. Они ждали, пока мы демобилизуем все солдатские гарнизоны...»[1]

В этой сложной обстановке 24 мая 1918 г. в Омске получили телеграмму о разоружении чехословаков. После этого Совет отказал командующему чехословацкой группой войск Гайде в продвижении его эшелонов на восток. Попытка противника прорваться не увенчалась успехом. Чехи отступили к станции Марьяновке (западнее Омска), расстреляли посланный им навстречу отряд красногвардейцев и стали ждать подкреплений, чтобы начать бой за город. В первое время сложилась такая обстановка, что ни у Омского Совета, ни у мятежников не было сил вести сражение. Начались переговоры. Перемирие длилось семь дней.

Тем временем большевики Омска спешно формировали новые отряды из железнодорожников, металлистов, грузчиков города. Во главе их встали коммунисты. В Омске было объявлено военное положение. Вся власть перешла к военно-революционному штабу. В конце мая на помощь

---

[1] *К. Телегин.* Борьба с иностранной и внутренней контрреволюцией в Западной Сибири в первой половине 1918 г. «Военно-исторический журнал», 1959, № 4, стр. 36.

городу прибыли отряды из других мест, в том числе из Екатеринбурга.

И все же Омскому Совету не удалось собрать достаточно сил для борьбы с врагами. Часть рабочих проявила нерешительность, колебалась. Некоторые из них пошли на поводу меньшевиков и эсеров, митинговавших в городе. Один из участников событий тех дней писал: «Эсеры и меньшевики в Омске развили бешеную агитацию среди населения и даже рабочих, говоря, что чехи — славяне несут спокойствие и т. д. Многие поддались на эту удочку»[1]. Крестьяне, кроме небольших групп бедноты, отказались защищать Советскую власть. Это особенно ярко проявилось в мобилизации, которую Омский Совет объявил 28 мая в пяти уездах. В телеграмме, разосланной на места, говорилось: «Решается вопрос жизни и смерти трудового крестьянства и рабочих. Завоеваниям революции грозит опасность... Надо спасать землю и волю»[2]. Однако крестьяне не откликнулись на обращение рабочих. Мобилизация не удалась. Участник боев за Омск М. Я. Захарченко позже писал об этом: «Во время борьбы был издан приказ о мобилизации крестьян, но те сорвали его»[3].

Когда 4 июня кончилось перемирие и начались бои, Омский военно-революционный штаб имел в своем распоряжении 2500 красноармейцев и красногвардейцев. В это число вошел отряд интернационалистов, состоявший главным образом из военнопленных венгров. Белочехи имели в два раза больше сил. Кроме того, им помогали отряды белогвардейцев (атамана Анненкова и казаки близлежащих к Омску станиц). Решающий бой произошел под станицей Марьяновкой. Он длился несколько дней. Защитники Советской власти проявляли большой героизм, но, недостаточно обученные и подготовленные в военном отношении, они во многом уступали врагу. Красноармейцы понесли большие потери и были разгромлены.

По воспоминаниям старого большевика В. А. Ведерникова, командовавшего в боях под Омском одним из отрядов красногвардейцев, под городом на стороне врага действовали также боевые дружины правых эсеров. Они разобрали железнодорожное полотно в сторону Тюмени

[1] ПАОмО, ф. 19, оп. 23, ед. хр. 63, л. 2.

[2] «В борьбе с контрреволюцией». Сборник документальных материалов (1918—1919 гг.). Омск, 1959, стр. 36.

[3] ПАОмО, ф. 19, оп. 24, ед. хр. 57, л. 12.

и Новониколаевска и тем самым отрезали возможность советским войскам отступить по железной дороге[1]. Остатки красных отрядов в количестве около тысячи человек 7 июня отступили из Омска на трех пароходах по Иртышу в направлении на Тобольск, а затем соединились с советскими войсками, действовавшими на Урале.

Не успевшие отступить из Омска красногвардейцы большей частью были схвачены и посажены в лагерь. Некоторые группами и в одиночку пробирались на Урал. Деревенская буржуазия, особенно в районах казачьих станиц и богатых старожильческих сел, задерживала защитников Советской власти.

Что представляли собой белогвардейские отряды, свергавшие вместе с чехословаками Советскую власть в Сибири, сколько их было, из кого они состояли?

По сведениям штаба Сибирской армии, которую русские контрреволюционеры стали формировать, в ней на 18 июня 1918 г. числилось 4332 штыка, 1215 сабель, 36 пулеметов, 19 орудий и около 500 невооруженных человек[2]. Это были еще отдельные отряды из офицеров, добровольцев и казаков, причем больше половины в них составляли офицеры. В дальнейшем белогвардейцам удалось значительно увеличить свои вооруженные силы за счет указанных выше категорий людей, и к концу лета 1918 г. в Сибирской армии насчитывалось уже около 20 тыс. штыков, 17 тыс. сабель, 201 пулемет и 59 орудий[3]. Это означало, что внутренняя контрреволюция собрала под свои знамена на территории от Урала до Байкала более 40 тыс. человек, в том числе около 10 тыс. офицеров и 30 тыс. добровольцев[4]. Большинство офицеров и добро-

[1] ПАОмО, ф. 19, оп. 24, ед. хр. 57, л. 11.

[2] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 61, л. 17 (первое время белогвардейская армия называлась Западно-Сибирской). См. также *Г. Х. Эйхе.* Опрокинутый тыл. М., 1966, стр. 21—22.

[3] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 113 г., л. 31. Сведения на 24 августа 1918 г.

[4] Главную боевую силу белогвардейской Сибирской армии составляли офицеры. Подавляющее большинство их в первое время использовались как рядовые бойцы. Даже в начале сентября 1918 г. на фронте в качестве солдат воевало более 4500 офицеров, то есть почти половина всего офицерского состава. В некоторых частях и соединениях офицеров насчитывалось больше, чем солдат. В Средне-Сибирском корпусе из 5261 человека, воевавшего на фронте с винтовками, 2929 являлись офицерами и 2332 человека солдатами (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 113а, л. 41—46. Сведения на 2 сентября 1918 г.).

вольцев состояло из буржуазии, помещиков, интеллигенции, казаков. Значит, и в Сибири Советскую власть свергали те же классы, что и в других местах. Разница только в том, что на востоке страны в первые месяцы борьбы главную роль играли белочехи, но уже в августе 1918 г. российские контрреволюционеры имели армию, значительно превышающую силы интервентов.

К середине июля 1918 г. интервенты и белогвардейцы захватили всю Сибирь до Байкала, а к началу осени и весь Дальний Восток.

3. Комитет членов Учредительного собрания (Комуч)

На смену Советской власти в восточных районах страны пришли правительства, во главе которых встали эсеры и меньшевики.

В Самаре 8 июня 1918 г., то есть на другой же день после захвата города врагом, появился приказ № 1. В нем сообщалось, что Советская власть в городе и губернии низложена и переходит к комитету, состоящему из членов Учредительного собрания, восстанавливаются органы местного самоуправления: городские думы и земские управы. Приказ извещал, что существующие Советы распускаются и будут назначены новые выборы, восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов, начинается формирование новой армии.

В этот же день появилось еще несколько документов. В одном из них говорилось о запрещении расстрелов, в том числе и большевиков. (Во время захвата Самары были зверски убиты видные коммунисты и советские работники: председатель Революционного трибунала Ф. И. Венцек, заведующий жилищным отделом горисполкома И. И. Штыркин, рабочий сахарного завода Абас Алеев и др.)

Игру в демократию Комуч продолжал еще некоторое время. При нем существовали переизбранные Советы. Правда, у них отобрали почти все права и они могли выносить только резолюции. Разрешались забастовки, локауты объявлялись вне закона. Были оставлены многие советские законы о труде, сохранены некоторые права профсоюзов. Создавалась видимость борьбы с реакционерами.

Но это не мешало Комучу сажать в тюрьмы рабочих и крестьян.

Кто же мог воспользоваться объявленной эсерами «свободой»? Прежде всего те классы и люди, в руки которых передавались материальные блага. Уже 12 июня Комуч объявил о денационализации банков, а через день постановил: «Поручить члену Комитета В. К. Вольскому созвать совещание из представителей рабочих и предпринимателей с участием представителей соответствующих органов самоуправления по вопросу о восстановлении прав владельцев»[1]. Речь шла о возвращении буржуазии фабрик, заводов и всех других предприятий и учреждений. 9 июля была создана особая комиссия, которая объявила о денационализации промышленности.

Эсеры позаботились и о деревенской буржуазии. В первые же дни после захвата власти они разрешили свободную торговлю хлебом и отменили твердые цены на него. 25 июня Комуч восстановил земельные комитеты и опубликовал права пользования землей. В них говорилось, что земельные комитеты должны в своей работе руководствоваться принятым 5 января 1918 г. Учредительным собранием законом о земле.

Как этот закон осуществлялся, красноречиво говорит постановление уполномоченного Комуча в Оренбургской губернии. В нем указывалось, что крестьяне, получившие землю, обязаны возместить прежним владельцам стоимость обработки земли, если таковая была произведена, и стоимость семян, если земля оказалась засеянной. «Разобранный у владельца сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь,— гласил документ,— за исключением уборочного сельскохозяйственного инвентаря, подлежит немедленному возврату владельцам»[2]. Далее говорилось, что если владелец, у которого отобрали имущество, имеет посевы, то ему возвращается обратно все, в том числе и уборочный инвентарь.

Не трудно заметить, что постановление было направлено на защиту интересов бывших владельцев землей. Так эсеры под покровом демократического тумана восстанавливали власть буржуазии.

---

[1] ГАКО, ф. 402, оп. 1, ед. хр. 2, л. 5.
[2] ГАОО, ф. 365, оп. 1, ед. хр. 45, л. 3—4.

Вначале Комитет членов Учредительного собрания состоял из пяти человек: В. К. Вольского, И. М. Брушвита, П. Д. Климушкина, И. П. Нестерова и Б. К. Фортунатова. Все они были членами партии правых эсеров. Они до конца существования «самарского правительства» занимали в нем самые видные места.

Председателем Комуча являлся Вольский. Все эсеры и меньшевики и тогда и после давали ему положительную оценку. Его считали умным, лично честным, но не всегда решительным в отстаивании своих взглядов. Он, видимо, принадлежал к той категории эсеров, которые честно заблуждались. Недаром потом Вольский был наиболее активным сторонником переговоров с Советской властью. Однако этот человек всю жизнь продолжал колебаться между пролетариатом и буржуазией.

О Брушвите один из меньшевиков сказал: «Его в Самаре никто никогда не знал, не знал, что такое Брушвит. И попал в Самару неизвестно откуда, и неизвестно, кто такой сам по себе. Словом, взялся откуда-то в Самаре». Брушвит был солдатом самарского гарнизона, попал в губернский Совет, где верховодили эсеры, и занял там видный пост. Весной 1918 г. он развил большую деятельность по подготовке мятежа. В Комуче он управлял банками и учреждениями, ведавшими финансовыми делами.

Климушкин — житель Самары. Обыватели хорошо знали его как активного эсера и ненавистника Советской власти. В 1918 г. был арестован большевиками, но бежал. В «самарском правительстве» ведал административными делами, органами охраны и самоуправления. О нем говорили, что проявляет усердие не по уму.

Нестеров управлял органами ведомства путей сообщения и народного образования. О нем никто и ничего не говорил.

Фортунатов ведал в Комуче военными делами, он был самым решительным и жестоким из самарских эсеров. В его распоряжении находился особый эсеровский отряд.

В июне в Самару со всех сторон стали прибывать другие члены Учредительного собрания. Многие из них тайно переходили фронт, пробирались под чужими фамилиями, загримированные. К началу августа в Комуче состояло 29 человек, в сентябре — 70 с лишним, из которых более 50 были эсеры, 11 — представители национали-

стических партий, 2 — от Оренбургского казачьего войска[1]. Таким образом, «самарское правительство» было правительством эсеров в наиболее «чистом» виде, какое существовало в годы гражданской войны. Оно проводило политическую и экономическую линию ЦК партии социалистов-революционеров. Недаром в Самаре собрались почти все члены ЦК правых эсеров. Сюда тайно перебрался лидер партии Виктор Чернов. Его поместили в гостинице, у дверей выставили охрану. Эсеры боялись (и не без основания), что офицеры, обвинявшие его в разложении старой армии, прикончат Чернова. В Самаре стал выходить официоз эсеров газета «Дело народа». В августе в Самаре состоялся съезд партии социалистов-революционеров территории Учредительного собрания[2].

Своеобразную роль играли в Самаре меньшевики. По воспоминаниям их лидера Лепского, к моменту мятежа они насчитывали до 200 активных членов (на бумаге числилось 350 человек)[3]. Меньшевики не участвовали в Комуче, но поддерживали его, особенно после состоявшейся в Самаре в июле конференции меньшевистских организаций Поволжья, которая вынесла решение принять участие в вооруженной борьбе с Советской властью. ЦК меньшевиков направил в Самару некоторых своих крупных работников. Меньшевик И. М. Майский возглавлял в «самарском правительстве» ведомство труда. Полтора года спустя он в письме Анатолию Васильевичу Луначарскому из Монголии так характеризовал свою деятельность в Самаре:

«Я был ярым апологетом борьбы с большевизмом, и так как по натуре я человек логичный и решительный, то мне глубоко претила та бесцветно-половинчатая политика, которую в то время вела меньшевистская партия. Уж если борьба, так настоящая борьба не с аршинными резолюциями, а с винтовкой в руках. Когда мне говорили, что под знаменем открытой борьбы с большевизмом группируются силы реакции и что, вступая с этими силами в вольный

---

[1] ГАКО, ф. 532, оп. 1, ед. хр. 1, л. 21—22.

[2] Съезд проходил с 8 по 10 августа 1918 г. Он вынес решение: «...До созыва Учредительного собрания конструирование Временной всероссийской власти должно быть предоставлено съезду всех членов Учредительного собрания и имеющих возможность прибыть на этот съезд» («Армия и народ» № 2, сентябрь 1918 г.).

[3] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 12, ед. хр. 3, л. 2.

или невольный союз, я рискую окончательно погубить революцию, я отвечал: «Я верю в силу демократии, я верю, что не реакция съест демократию, а, наоборот, демократия съест реакцию, предварительно использовав последнюю как орудие в своих руках». С таким убеждением в душе я перешел в конце лета 1918 года линию фронта и стал членом Самарского правительства Комитета членов В.У.С., заняв пост министра труда. В своей министерской декларации, опубликованной в августе 1918 г., я опять повторял о буржуазном характере революции и о незыблемости основ капитализма, обещая только подстричь капитализму ногти. Действительно, я провел закон о восьмичасовом рабочем дне и занялся введением «конституции» на фабриках и заводах.

Самарская деятельность была лебединой песней моей веры в «буржуазно-демократический» характер нашей революции. Затем начался медленный, но неудержимый поворот»[1].

Меньшевики помогали обрабатывать рабочих, ибо эсеры одни сделать этого не могли. Галкин впоследствии писал об эсерах: «Я видел, что они чувствовали полную неспособность оказывать влияние в пролетарской массе и поэтому чрезвычайно стремились (получить) и очень дорого расценивали всякую помощь, которую им оказывали эсдеки»[2].

Меньшевики старались прибрать к своим рукам Советы. В этом направлении особенно усердствовал прибывший из Москвы представитель ЦК РСДРП Б. С. Кибрик. Однако контрреволюционная работа меньшевиков среди рабочих имела малый успех. Одной из причин этого являлась умелая тактика большевиков, оставшихся на подпольной работе в городах Поволжья, в том числе и в Самаре.

Коммунисты под видом беспартийных активно участвовали в Советах, профсоюзных и других общественных организациях, используя их как трибуну для разоблачения политики эсеров и меньшевиков. Руководители самарского большевистского подполья рабочий-жестянщик Петр Павлович Антропов, сапожник Константин Филиппович Левитин, литератор Петр Петрович Звейнек, портной Семен

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12945, л. 2.
[2] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 7, ед. хр. 3, л. 5.

Иванович Груздев, учительница Мария Оскаровна Авейде развернули большую работу в городе. В первых числах июля они собрали на Коровьем острове общегородскую подпольную партийную конференцию, которая наметила план борьбы против Комуча. Основной удар делался на разоблачение эсеров и меньшевиков, разложение тыла учредиловской армии и ведение агитации среди чехословацких солдат.

Особую позицию по отношению к Комучу занимали кадеты. На предложение эсеров о сотрудничестве они вначале ответили, что не верят в успех восстания, и стали выжидать. Но это продолжалось недолго. Увидя, что чехи серьезно обосновались в Самаре, кадеты стали сотрудничать с эсерами. Буржуазия Самары, как и ее партия — кадеты, поддерживала учредиловцев. Для финансирования эсеровского правительства капиталисты города подписали обязательства на 30 млн. руб. Но поддержка буржуазией (и кадетами) Комуча ни в коем случае не означала, что она полностью согласна с политикой «самарского правительства». Наоборот, она была недовольна эсерами, их «демократией», заигрыванием с рабочими и т. д. Это недовольство росло изо дня в день. Но буржуазия и кадеты вынуждены были мириться пока с Комучем (до создания «сильной власти»).

Оренбургские и уральские казаки сразу же признали власть Комуча. Представители последнего имелись в Оренбурге и Уральске. Атаман Дутов входил в состав Комитета членов Учредительного собрания и был радостно принят в Самаре. Однако власть «самарского правительства» на этой территории являлась скорее номинальной. Учредиловцы подозревали казаков в том, что те признали их ради получения денег и оружия.

Казаки обещали оказать Самаре военную помощь. Однажды Уральское войсковое правительство направило в Самару целую бригаду. Казаков встречали с большой помпой. Три дня их кормили и поили, а потом попросили занять сызранский участок фронта. Казаки браво выехали из города и отправились на место назначения. Там они высадились из эшелонов, осмотрелись и пошли... походным порядком обратно к себе на Урал.

Характерными являлись отношения между самарскими эсерами и контрреволюцией юга страны, в частности Деникиным. Собственно говоря, официальных сноше-

ний никаких не было. Только вначале, перед мятежом, эсеры предприняли попытку установить связь с казаками Дона и Добровольческой армией. Но она не удалась. Деникинцы с большим пренебрежением относились к «самарскому правительству». Учредиловцы же опасались, что контрреволюционеры Юга могли их не только окончательно скомпрометировать, но и просто разогнать или «проглотить». Деникин располагал крепким классовым войском, у самарских эсеров его не было, хотя они с первых же дней приступили к созданию «Народной армии».

Вначале эта армия, признанная быть общеклассовой, строилась на добровольных началах. Костяк ее составили выходцы из буржуазных городских слоев, деревенские кулаки и богатые крестьяне. Наибольшее число добровольцев дали южные богатые уезды — Николаевский, Новоузенский, Вольский.

Но добровольческий период в формировании «Народной армии» длился всего три недели. Надежды эсеров на то, что в их вооруженные силы вступят все те, кто в свое время выражал недовольство Советской властью, не оправдались. Эсер Ф. Д. Сорокин, являвшийся политическим руководителем в одной из дивизий, впоследствии отмечал: «Мы рассчитывали, что крестьяне окажут нам более существенную помощь, чем оказали»[1].

Когда свергали Советскую власть, середняк не поддержал ее, а в ряде случаев даже помогал ее врагам. Но когда учредиловцы сказали крестьянам, что надо вступать в армию, брать оружие и воевать с Советами, то это пришлось им не по душе. Середняки ответили, что воевать не будут, с них хватит и империалистической бойни. Добровольчество провалилось. Оно дало «Народной армии», за исключением района Ижевска, немногим более 10 тыс. человек.

30 июня 1918 г. Комуч объявил принудительную мобилизацию в армию мужчин 1897—1898 гг. рождения. Эсеры старались призывать младшие возрасты. Молодежь легче поддавалась обработке. На фронтовиков они не надеялись. Однако и принудительный набор не исправил положения. «После неудачи добровольческого периода,— писал управляющий военным ведомством Комуча,— перешли к мобилизации молодого возраста, не зараженного больше-

[1] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 12, ед. хр. 5, л. 8.

визмом. Но набор проходил хорошо только в инородческих районах. Крестьяне в массе не поддержали Комитет членов Учредительного собрания»[1].

Эсерам с трудом удалось набрать в «Народную армию» около 30 тыс. человек. Если даже взять все воинские формирования Комуча, в том числе в районе Ижевска и Воткинска, то и тогда в них наберется только 60—65 тыс. человек. Между тем территория, на которой проходили мобилизации, являлась большой. Она охватывала полностью Самарскую и Уфимскую губернии и часть Саратовской, Симбирской, Казанской и Вятской. На ней проживало около 12 млн. человек. Интересно такое сопоставление. В 1919 г. в трех губерниях Среднего Поволжья — Самарской, Саратовской и Пензенской, население которых не достигало и 10 млн. человек, с апреля по август, то есть за четыре месяца (время, равное существованию Комуча), в Красную Армию было призвано более 330 тыс. человек, в том числе в одной Самарской губернии — около 140 тыс. человек[2].

Но вернемся снова к армии Комуча. Сперва эсеры действительно пытались создать демократическую (в мелкобуржуазном смысле) армию. Плата всем военнослужащим устанавливалась 15 руб. в месяц независимо от должности. При обращении употреблялось слово «гражданин». Переделали форму одежды, погоны ликвидировали. Символом и значком армии являлась георгиевская ленточка на картузе. Эсеры отменили отдание чести. Все эти новшества, или «социалистические» эксперименты, как их называла буржуазия, не нравились старшему и высшему офицерству. В первое время это более или менее сходило. В Самаре высших офицеров было мало, средние и низшие офицеры, многие из которых происходили из интеллигенции и мелкой буржуазии, мирились с нововведениями. Но когда в августе 1918 г. захватили Казань, где размещалась военная академия, а вместе с ней около 140 офицеров Генерального штаба, когда офицеры увидели, что в Сибири армия строится по старому образцу, положение стало меняться. Высшие офицеры вначале исподволь, а затем уже открыто начали отменять новые порядки в армии и восстанавливать старые. В конце августа 1918 г. казанские

[1] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 7, ед. хр. 3, л. 4.
[2] ЦГАСА, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 113, л. 48.

офицеры ввели в своих частях старое обращение «господин».

Комучевский «военный министр» Галкин рассказал о таком случае. В сентябре в Уфе, накануне приезда туда представителей Комуча на Уфимское совещание, офицеры сняли форму «Народной армии» и надели форму сибирской армии и в таком виде встречали свое «самарское правительство». «Когда я собрал, помню, общее собрание офицеров в Уфимском гарнизонном собрании,— писал Галкин,— то у меня было такое впечатление, что я оттуда живым не выйду,— такое было настроение против Комуча»[1].

Ненависть офицерского корпуса к Комучу усиливалась все больше и больше. Ее подогревали белогвардейцы, приезжавшие из Сибири. Широко стало известно такое событие. Однажды в Самару прибыла группа офицеров-анненковцев (в черной одежде с эмблемой — скрещенные кости и череп). Они очень удивились, когда увидели на здании Комуча красный флаг. Не получив нужного ответа на свой вопрос, зачем у самарцев «болтается красная тряпка», они решили сами исправить «ошибку» и сорвали флаг, предварительно арестовав коменданта здания. Для «усмирения» сибиряков эсеры послали подразделение солдат. Завязалась перестрелка, во время которой было убито несколько анненковцев.

В Самаре тоже было немало офицеров, которые с большой охотой свергли бы власть учредиловцев. Высшие и старшие офицеры терпели Комуч как неизбежное зло. Теперь они, как и вся буржуазия, считали, что время эсеров подходило к концу, и делали все возможное, чтобы ускорить его.

Между тем силы учредиловцев, и без того небольшие, таяли с каждым днем. Основная причина этого заключалась в том, что от эсеров отходили даже те слои, которые их вначале поддерживали. Что касается среднего крестьянства, то оно все больше проникалось враждебностью к «самарскому правительству», особенно из-за принудительных мобилизаций.

Агитаторы, посланные по деревням для вербовки солдат в «Народную армию», сообщали в Самару, что крестьяне повсюду категорически отказываются идти на воен-

---

[1] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 7, ед. хр. 3, л 12—13.

ную службу, нередко избивая при этом самих агитаторов. Некто Колодкин доносил из Николаевского уезда: «Я и другой агитатор были избиты и задержаны для направления в Совдеп Николаевска. Выручены прибывшим отрядом чехов»[1]. Учредиловец Кадаков из Бузулукского уезда в конце июля 1918 г. писал в Комуч, что делегация крестьян села Лешево Виловатовской волости на угрозу белогвардейцев применить репрессии с ожесточением ответила им: «Убейте нас всех на месте, а буржуев защищать не пойдем»[2].

Когда заигрывание с рабочими и крестьянами не дало желаемых результатов, эсеры перешли к угрозам, а от них к прямому насилию над трудящимися. В июле они направили в деревню карательные отряды, состоявшие главным образом из добровольцев и офицеров. Белогвардейцы охотились за скрывавшимися коммунистами, бывшими советскими работниками, красногвардейцами и за всеми, кто агитировал против Комуча.

Каратели особенно жестоко расправлялись с деревенскими бедняками, которые участвовали в конфискации помещичьего и кулацкого имущества, с рабочими, прибывшими в деревню на жительство и выступавшими в защиту Советской власти. Так, в селе Марычевке Бузулукского уезда белогвардейцы в августе расстреляли братьев Николая и Петра Галкиных за то, что они руководили конфискацией имущества у помещика Марычева и одно время жили в его имении. В селе Сухоречке того же уезда каратели расстреляли крестьянина Василия Летвинова за то, что он во время пребывания в селе самарского деятеля эсера Цодикова критиковал Комуч[3]. 24 августа добровольцы русско-чешского кавалерийского карательного отряда убили бедняков-татар деревни Караново (Белебейского уезда) Салиха Ахметова и Ахнартдина Акмелитдинова. Их обвинили в том, что они помогали проводить реквизицию хлеба и скота у кулаков и богатых крестьян[4].

Учредиловцы беспощадно расправлялись с восставшими крестьянами и рабочими. В июле они при подавлении восстания в Кинель-Черкасской, Подбельской и Сарбайской волостях Бугурусланского уезда Самарской губернии

[1] ЦГАОР, ф. 687, оп. 1, ед. хр. 21, л. 11.
[2] ЦГАОР, ф. 691, оп. 1, ед. хр. 5, л. 29.
[3] ЦГАОР, ф. 687, оп. 1, ед. хр. 28, л. 34.
[4] ЦГАОР, ф. 742, оп. 1, ед. хр. 7, л. 8.

расстреляли более 500 человек[1]. Осенью 1918 г., когда против Комуча с оружием в руках поднялись иващенковские рабочие, в их расстреле вместе с белочехами принимал участие эсеровский отряд, которым руководил Фортунатов. От «чистой демократии» и «народовластия» эсеров у трудящихся остались одни горькие воспоминания.

4. Ижевское восстание

Восстание в Ижевске являлось одной из разновидностей «демократической контрреволюции». Его готовили и им руководили эсеры и белогвардейцы при активной поддержке меньшевиков.

Направленные в мае 1918 г. в район Приуралья члены ЦК правых эсеров Тетеркин и Иванов привезли с собой решение 8-го совета партии о подготовке восстания против Советской власти и вместе с лидером ижевских эсеров Бузановым стали лихорадочно сколачивать боевые дружины. Руководителями дружин назначили 30 активных эсеров. Оружие доставали у буржуазии, а также на заводе.

Одновременно с эсерами к выступлению готовились офицеры. На основании некоторых документов можно предположить, что савинковский «Союз защиты родины и свободы» приложил руку и к Ижевску. После разгрома мятежей в верхневолжских городах в Ижевск бежала значительная часть офицеров, состоявших в союзе. Многие из них устроились на заводе, пополнив ряды местных контрреволюционеров. К началу восстания в городе скопилось до 200 офицеров[2]. Они использовали существовавший в городе «Союз фронтовиков», объединявший всех участников империалистической войны. В нем числилось около 4 тыс. человек. Это была большая сила. Председателем союза являлся реакционно настроенный фельдфебель старой армии Солдатов. Руководили же этой организацией офицеры.

Меньшевики формально в подготовке восстания не участвовали, но своей антисоветской агитацией среди рабочих помогали эсерам и белогвардейцам. Так они поступали в большинстве мест.

---

[1] ЦГАОР, ф. 687, оп. 1, ед. хр. 28, л. 57.

[2] См. *В. Сергеев.* Ижевск в огне гражданской войны 1917—18 годы. Ижевск, 1927, стр. 53.

К началу августа враги Советской власти располагали в Ижевске силами примерно в 5 тыс. человек, состоявшими из фронтовиков и эсеровских дружин[1]. У большевиков насчитывалось всего около 200 бойцов, так как перед этим они отправили два больших отряда (около 900 человек) под Казань воевать с чехословаками и белогвардейцами. С ними ушло большинство коммунистов. В городе осталось около 100 членов партии. На самом заводе находилось всего несколько большевиков. Последнее было серьезной ошибкой, ибо эсеры, меньшевики и белогвардейцы получили возможность вести открытую антисоветскую агитацию.

Непосредственным поводом восстания явилось ухудшение продовольственного положения в городе и некоторые неправильные действия отдельных руководителей советских и партийных органов.

Но не это было главное. Корни восстания уходили глубже. Основная причина его социальная: большая часть ижевских рабочих, как известно, была заражена мелкобуржуазной психологией. Некоторые из них верили эсерам и меньшевикам и не только не поддержали Советскую власть, но и выступили против нее с оружием в руках. Большинство рабочих остались нейтральными. Только самые передовые, сознательные пролетарии оказались достойными своего революционного класса и встали на защиту завоеваний социализма.

Восстание началось 8 августа 1918 г. Мятежники захватили председателя Ижевского Совета большевика Ивана Дмитриевича Пастухова и после зверских истязаний живым зарыли в землю. От рук белогвардейцев погибло много других активных партийных и советских работников, а также несколько руководителей максималистов, поддерживавших Советскую власть. В Ижевске повторилось примерно то же самое, что и в Самаре. 23 августа мятежники объявили населению, что Ижевск «находится под властью Комитета Всероссийского Учредительного собрания, временно помещающегося в гор. Самаре, посему все гражданские и военные власти в Ижевске признают названный Комитет единственной и закон-

---

[1] См. *В. А. Максимов.* Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918 г.). Ижевск, 1933, стр. 49.

ной верховной властью в России и считают себя в полном и беспрекословном к нему подчинении»[1].

28 августа Ижевский эсеро-меньшевистский Совет[2] сложил с себя власть, передав ее Временному прикамскому комитету членов Учредительного собрания в составе В. И. Бузанова, Н. И. Евсеева и А. Д. Корякина. Этот комитет стал своего рода филиалом самарского Комуча.

С первых дней мятежники приступили к созданию «Ижевской народной армии» на «демократических» началах. Вначале во Временный штаб армии входили три эсера, три фронтовика и трое рабочих[3]. Скоро от добровольчества перешли к принудительному набору, призвав мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Мобилизованные рабочие получали заработную плату от завода. Это облегчало эсерам и белогвардейцам формирование армии.

Аналогичная картина насаждения «демократии» наблюдалась и в соседнем Воткинском заводе, который захватили белогвардейцы.

Как в Ижевске, так и в Воткинске большую часть формирований составляли рабочие, но в армии находились крестьяне и служащие. Особенно много крестьян было в Воткинской армии. В одном из белогвардейских докладов по обследованию положения на Ижевском и Воткинском заводах в октябре 1918 г. об армии говорилось: «а) состав: преимущественно из рабочих, частью крестьяне; б) численность: Ижевская около 20 000 бойцов, Воткинская около 15 000. Из этого числа постоянно на фронте около 8000—10 000 бойцов; в) организация: отдельные роты разной численности (50—200 чел.). Сводятся в отряды. Комплектуются по узкотерриториальной системе»[4]. По воспоминаниям полковника Галкина, ижевские и воткинские формирования состояли из 120 рот численностью около 30 тыс. человек[5].

Конечно, мы должны критически оценивать подобные документы. Белогвардейцам выгодно представить дело

---

[1] «Ижевский защитник», 23 августа 1918 г.

[2] Мятежники сразу же после захвата власти восстановили избранный еще в мае 1918 г. Совет, в котором большинство мест принадлежало эсерам и меньшевикам. Большевики тогда этот Совет распустили.

[3] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр 72, л. 5.

[4] Там же, л. 9.

[5] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 7, ед. хр. 3, л. 5.

так, будто бы против Советской власти воевали все рабочие Ижевска и Воткинска. Мы знаем, что это не так. Тысяча лучших ижевских рабочих дралась за Советы под Казанью, сотни людей ушли из города, многие оставшиеся также были против мятежников и отказывались идти в армию. К сожалению, эта часть пролетариата составляла меньшинство. Рабочие же, державшие первое время нейтралитет, были разными способами втянуты в борьбу на стороне врагов диктатуры пролетариата. В этом классовая трагедия Ижевска и Воткинска.

Мятежникам удалось вооружить армию: часть рабочих была оставлена на заводе и выпускала оружие[1].

Некоторые рабочие сравнительно быстро освободились от мелкобуржуазных иллюзий. Этому помогала сама действительность. Белогвардейские офицеры все больше и больше захватывали власть, аннулируя «демократические свободы». Они стали применять жестокие репрессии к своим противникам. Тюрем не хватало. К 27 августа только в ведении коменданта Ижевска числилось 767 заключенных, которые размещались в семи местах, в том числе и в Совете[2]. Арестованных помещали в специальные баржи. Одна из них, прозванная «Баржей смерти», стояла на Каме около Сарапула. Начались расстрелы. Белогвардейцы добились применения смертной казни и к тем, кто не хотел служить в их армии. Усилились репрессии против рабочих. Армия стала все больше и больше разлагаться. Командующий «Ижевской народной армией» полковник Д. И. Федечкин 4 октября 1918 г. писал в приказе: «Решив положить конец позорному развалу Народной армии и прекратить не менее позорное и трусливое поведение шатающихся элементов нашего тылового населения, приказываю...» Далее говорилось о расстреле дезертиров и агитаторов[3].

В конце октября Федечкина заменил капитан Г. Н. Юрьев. Он также издал ряд грозных приказов, но ничего не помогало — армия разлагалась.

---

[1] За два месяца мятежниками в Ижевске было произведено 65 тыс. винтовок, из которых 2600 передано Самаре. Кроме того, завод ежедневно изготовлял 50 тыс. патронов и 500 штук шрапнелей и гранат (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 72, л. 7).

[2] ЦГАОР, ф. 700, оп. 1, ед. хр. 3, л. 8.

[3] Там же, л. 71.

Баржа с советскими пленниками, отбитая Красной Армией у белогвардейцев под Сарапулом (18 октября 1918 г.)

7 ноября 1918 г., в первую годовщину Октябрьской революции, красные полки под командованием В. М. Азина (из 2-й армии) освободили Ижевск, а через пять дней советские войска вступили в Воткинск. Разбитые части народноармейцев отступали на восток. 9 декабря 1918 г. белогвардейцы доносили в Омск: «В ижевских частях развал... Население на стороне красных»[1]. В январе 1919 г. остатки ижевской и воткинской армий были переформированы и вошли в состав колчаковских войск. Так закончилась еще одна попытка эсеров создать власть «чистой демократии», а вместе с ней и «демократическую» армию.

Переход значительного числа ижевских и воткинских рабочих на сторону «демократической контрреволюции» не являлся социальной аномалией. История знает немало примеров, когда отдельные отряды или слои революцион-

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 72, л. 10.

ных классов выступали против своего класса в рядах его врагов. Во время французской буржуазной революции конца XVIII в. крестьяне-вандейцы сражались за короля, против республики. В 1848 и 1871 гг. во Франции часть рабочих находилась в войсках Кавеньяка и Галифе, душивших революции. «Никогда не бывало и никогда не может быть такой классовой борьбы,— писал В. И. Ленин в 1919 г.,— когда бы *часть* передового класса не оставалась на стороне реакции. И то же относится к гражданской войне. Часть отсталых рабочих неизбежно помогает — на более или менее короткое время — буржуазии»[1].

5. Эсеро-белогвардейское правительство Сибири

В Сибири контрреволюция еще в январе 1918 г. создала Временное сибирское правительство во главе с правым эсером П. Я. Дербером, находившимся в Харбине.

В феврале в Томске для объединения антисоветских сил и подготовки восстания образовался Западно-сибирский комиссариат Временного сибирского правительства в составе членов Учредительного собрания правых эсеров М. Я. Линдберга, Б. Д. Маркова, П. Я. Михайлова и председателя Томской уездной земской управы В. О. Сидорова, которые установили тесную связь с офицерскими организациями. В Новониколаевске был создан центральный военный штаб во главе с капитаном Гришиным-Алмазовым. После мятежа власть перешла к Западно-сибирскому комиссариату, который 1 июня обратился с декларацией к населению.

В ней говорилось, что задачей новой власти является «восстановление нарушенного большевиками правильного товарообмена» (то есть свободы частной торговли), создание военной силы «для утверждения народовластия», введение старых органов управления, которые существовали при Керенском. Комиссариат обязывался оказать «всемерное содействие скорейшему возобновлению работы Всероссийского учредительного собрания, которое одно может спасти страну путем объединения всех сил револю-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 189.

ционной демократии...»[1]. Неоднократное повторение в декларации слов «народовластие», «революционная демократия», все содержание ее, а также сам состав комиссариата свидетельствовали о том, что этикетка новой власти была эсеровской. Но еще Маркс говорил, что политические этикетки в отличие от торговых надувают не только покупателей, но и тех, которые их приклеивали. Так случилось и в Сибири.

30 июня 1918 г. власть от Западно-сибирского комиссариата перешла к Временному сибирскому правительству в составе П. В. Вологодского (председателя), примыкавшего ранее к эсерам, а теперь качнувшегося к кадетам, И. А. Михайлова (сына известного народовольца), далеко отошедшего от народа, Г. Б. Патушинского, М. Б. Шатилова, В. М. Крутовского (правых эсеров).

Любопытно отметить, что из пяти министров «чистых» эсеров было уже только три. И дух изданных ими в первые же дни постановлений был уже не тот, что месяц назад. Правда, некоторые словесные формулы в эсеровском духе еще оставались, но то была дань времени. Чувствовалось, что за некоторыми из этой пятерки стояли другие силы, другие люди, требовавшие решительных и быстрых действий.

Сибирское правительство сразу же проявило свою классовую сущность. Ее не могла скрыть никакая «демократическая» вывеска, которой пользовались в первое время. 28 июня 1918 г. вышло постановление о возвращении капиталистам национализированного у них имущества. 4 июля были аннулированы все декреты Советской власти, а через день распущены советские организации. 14 сентября в Сибири восстановили смертную казнь по суду.

Выступая в августе на открытии Сибирской областной думы, Вологодский говорил: «С аннулированием советских законов восстановлена сила законов, действовавших при Всероссийском Временном правительстве. Тем самым восстановлены права владельцев предприятий, домов и земель, национализированных или попросту захваченных при большевиках. Из всех этих последствий наибольший интерес вызвала передача имений в заведование их вла-

---

[1] «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Сборник документальных материалов. Томск, 1957, стр. 316.

дельцам»[1]. «Омское правительство» действовало более решительно, чем «самарское».

Между Комучем и эсеровско-белогвардейским правительством Сибири были существенные отличия и в других вопросах. Если первый был почти сплошь эсеровским и проводил на практике программу своей партии, то у второго эсеровской являлась вывеска, а за ней скрывалась махровая белогвардейщина, направлявшая политику сибирских министров. В Поволжье основной антисоветской силой были эсеры, шедшие вкупе с белогвардейцами, в Сибири — белогвардейские офицеры и казачьи атаманы. Сами же эсеры не располагали там сколько-нибудь значительными вооруженными формированиями.

Некоторые офицеры пытались с первых же дней восстания установить военно-белогвардейскую диктатуру. Один из лидеров сибирских эсеров, Фомин, готовивший вместе с чехословаками восстание против Советской власти, а затем ездивший по Восточной Сибири и насаждавший на местах органы самоуправления, в конце июня сообщал о случае в Нижнеудинске. Там Советскую власть свергла 28 мая военная офицерская организация. Сперва власть перешла к Комитету общественных организаций во главе с эсерами. Одновременно возник военный комитет из офицеров под председательством бывшего члена Государственной думы кадета Манькова, задачей которого являлась охрана города. Но скоро белогвардейский комитет полностью оттеснил эсеров и захватил власть в городе. Фомину пришлось обратиться за помощью к командиру Средне-Сибирского корпуса А. Пепеляеву, чтобы восстановить власть эсеров в Нижнеудинске[2]. В других местах было еще хуже. Ишимский комитет эсеров в начале июля жаловался, что казачий отряд произвел настоящую резню в городе. В числе убитых имелись и активисты-эсеры.

Злая ирония эсеровской судьбы. Совсем недавно эсеры, приступая к созданию армии, писали в своих газетах, листовках, до хрипоты кричали на митингах и собраниях о демократичности офицеров, о создании «истинно народной», внеклассовой армии. Но прошел только месяц, а руководители этой «народной армии» стали уже точить ножи на социалистов-революционеров.

---

[1] ЦГАОР, ф. 151, оп. 1, ед. хр. 4, л. 8—9.
[2] ЦГАОР, ф. 151, оп. 1, ед. хр. 7, л. 91.

Сибирских эсеров спасало в первое время еще то, что их поддерживали чехословаки. Без их помощи социалисты-революционеры оказались бы совсем бессильными и были бы сброшены белогвардейцами еще скорее.

Слабость сибирских эсеров проявилась и в том, что ни им, ни меньшевикам не удалось обмануть широкие слои рабочих, которые понимали, что скрывается за эсеровскими лозунгами. Горнорабочие Западной Сибири, собравшись в начале июля 1918 г. в Томске на свой второй съезд, заявили о действиях Сибирского правительства:

«Прикрываясь лозунгами гражданских свобод, оно держит в тюрьмах под уголовным режимом сотни рабочих за инакомыслие»[1]. Эти лозунги, говорилось далее, являются ширмой для окончательного подавления пролетариата, физического истребления лучших его представителей. Резолюция призывала профессиональные союзы Сибири к борьбе против контрреволюционного Сибирского правительства.

Правда, имелись и такие профсоюзы, которые под влиянием эсеров и меньшевиков принимали первое время резолюции в поддержку новой власти, но их становилось все меньше и меньше.

Пролетариат Сибири вначале использовал против своих врагов экономическую форму борьбы. Уже летом 1918 г. в некоторых местах состоялись забастовки. 11 июля с Анжерских копей сообщали, что «с утра все шахтеры на работы не вышли». То же самое произошло в Судженских копях. Белочешский отряд, прибывший для ликвидации забастовки, стрелял в рабочих, ранив пять человек, из которых один скоро умер. После этого Сибирское правительство послало в Судженку отряд русских белогвардейцев. Министр внутренних дел эсер Крутовский 12 июля телеграфировал комиссару Судженских копей: «При тщетности мирных путей примите экстренные меры и решительного характера, опираясь на посланный в ваше распоряжение военный отряд, не останавливаясь перед изъятием опасных элементов из среды забастовщиков»[2]. Выступление шахтеров было подавлено.

Осенью 1918 г. размах борьбы увеличился. В октябре произошла знаменитая забастовка железнодорожников,

[1] «Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917—1919 гг.». Новосибирск, 1928, стр. 97.

[2] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 66, л. 6.

охватившая почти всю Транссибирскую магистраль. Она сильно встревожила белогвардейцев. В Омске на подавление забастовщиков были брошены казаки. Начальник штаба Сибирской армии генерал Белов 18 октября в приказе требовал: «Принять самые решительные меры к ликвидации забастовки включительно до расстрела на месте агитаторов и лиц, активно мешающих возобновлению работ»[1]. А на другой день войсковой старшина Красильников доносил, что им во дворе Главных мастерских Омской железной дороги расстреляно пять человек.

Октябрьская забастовка сибирских железнодорожников была подавлена эсеро-белогвардейским правительством при помощи военной силы. Но она всколыхнула многих рабочих, открыла глаза тем слоям, которые еще продолжали колебаться и верить эсерам и меньшевикам и явилась хорошей школой для будущих сражений. В то же время она показала, что одной экономической борьбы мало.

К осени 1918 г. относятся первые выступления сибирских крестьян. Они в целом являлись еще неорганизованными, стихийными. Руководитель сибирских коммунистов А. А. Масленников в октябре 1918 г. писал в ЦК РКП(б): «К сожалению, восстания начинаются без нашего руководства»[2]. Но в некоторых местах они готовились и руководились большевиками. 4 сентября 1918 г. белогвардейцы телеграфировали из Семипалатинска в Омск: «В связи с набором новобранцев большевистская агитация в крупных селах некоторой части Семипалатинского уезда и Змеиногородского уезда поставила себе задачей противодействовать сбору новобранцев, для чего в некоторых селах организовали, преимущественно из петроградских коммунистов, военно-революционные штабы»[3]. Далее говорилось, что сборным пунктом для восставших служит село Шемаиха. В ответ на эту телеграмму генерал Белов приказал «во что бы то ни стало в корне подавить восстание».

Самым крупным выступлением крестьян на Алтае было славгородское восстание в августе—сентябре 1918 г.

---

[1] ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 3, л. 39—40. С середины октября до начала ноября 1919 г. Белов ввиду поездки командующего армией генерала Иванова-Ринова во Владивосток одновременно исполнял обязанности командарма.

[2] См. *М. И. Стишов.* Указ, соч., стр. 90—91.

[3] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 113, л. 16.

Основной причиной его, как и большинства других, явилась насильная мобилизация в армию. Образованный восставшими военно-революционный штаб обратился к населению с призывом о совместной борьбе крестьян и рабочих, чтобы «свергнуть ненавистное нам офицерство, чиновничество и прочих прихвостников временного Сибирского правительства, которое имело своей задачей восстановить старое, романовское время»[1].

Белогвардейцы бросили против повстанцев карательный отряд атамана Анненкова. Почти безоружные крестьяне не могли долго сопротивляться, и 10 сентября враг захватил обратно Славгород, а за ним и другие селения, примкнувшие к выступлению. Анненковцы потопили восстание в крови.

В октябре было подавлено восстание крестьян в Мариинском уезде Томской губернии, а в ноябре — в Минусинском уезде Енисейской губернии. Енисейский губернский комиссар доносил в то время начальству: «Всюду замечается полевение и оппозиционное настроение даже тех слоев населения, которые с восторгом свергали Советскую власть и помогали укреплять власть Сибирского временного правительства»[2].

Выступления части сибирского крестьянства, и прежде всего наиболее бедных и угнетенных слоев его, против эсеро-белогвардейской власти предвещали скорое пробуждение основных масс народа.

II. ВОЕННАЯ БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЯ ДИКТАТУРА

1. Крах мелкобуржуазной демократии

Гражданская война в России блестяще подтвердила марксистско-ленинское положение о том, что в эпоху империализма, в периоды острейшей классовой борьбы не может быть никакого государства или правительства «чистой демократии». Законы классовой борьбы неумолимо подводили к такому решению: либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии, середины не было.

---

[1] «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)». Документы и материалы. Новосибирск, 1959, стр. 158

[2] «Партизанское движение в Сибири», т. 1. Приенисейский край. М.—Л., 1925, стр. 123.

Хотели эсеры и меньшевики или нет, но они неизбежно расчищали путь к власти буржуазии и помещикам. Все их заверения о «свободе», «равенстве», всеобщем избирательном праве, Учредительном собрании, пусть даже самые искренние (многие эсеры и меньшевики действительно верили в них), объективно превращались в обман рабочих и крестьян, ибо под прикрытием этих лозунгов собиралась и готовила свои силы для смертного боя с пролетариатом махровая контрреволюция. Вот почему мелкобуржуазные демократы независимо от их побуждений на деле превращались в прямых пособников буржуазии. Колчаковщине, то есть военной буржуазно-помещичьей диктатуре, «помогли родиться на свет,— писал В. И. Ленин,— и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»)»[1].

Кризис мелкобуржуазной демократии начался с конца лета 1918 г. В середине осени наступила катастрофа. Повсюду буржуазия, помещики и их идеологи — кадеты наступали, а эсеры и меньшевики сдавали позиции.

Особенно наглядно этот процесс прослеживается в Сибири, где трудящиеся все больше и больше отходили от эсеров и меньшевиков, лишая их своей поддержки. В этом заключалась основная причина краха мелкобуржуазных контрреволюционеров. Буржуазия и помещики, окрепшие в Сибири, использовали в своих целях создавшуюся обстановку, чтобы изгнать эсеров и меньшевиков из правительства и других органов власти.

В ночь на 21 сентября 1918 г. к домам, в которых проживали министры-эсеры Крутовский, Шатилов, Новоселов и председатель Сибирской областной думы Якушев, по очереди подъезжал автомобиль и военные приглашали каждого из них к прямому проводу якобы для переговоров с Уфой. Скоро все четверо очутились в помещении... карательного отряда, куда привезли их по приказу начальника гарнизона Омска полковника Волкова, который одновременно являлся и уполномоченным командующего Сибирской армией по охране государственной безопасности[2]. Министров-эсеров обвинили в заговоре и предложили им

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 156.

[2] Подлинным руководителем заговора был министр финансов Михайлов, прозванный эсерами за отступничество Ванькой Каином. Он имел крепкие связи с офицерами и кадетами.

подписать заранее составленные прошения об отставке, грозя в противном случае расстрелять. Все они, кроме Новоселова, поддались угрозе. Последний отказался подписать документ и за это поплатился жизнью.

На другой день так называемый Административный совет, созданный по инициативе Михайлова из назначенных людей и получивший большие права, утвердил «отставку» министров-эсеров и вынес решение о роспуске Сибирской областной думы. Так белогвардейцы расправились со своими вчерашними союзниками.

Эсеры протестовали против «беззаконий» белогвардейцев. 27 сентября Енисейский губернский комитет социалистов-революционеров обратился с воззванием «Ко всему населению», в котором расценивал описанные выше акты как реакционные и требовал продолжения работы Думы[1]. Но из этого ничего не получилось. Социалисты пожинали то, что посеяли.

Самарские эсеры до такой жизни не дошли. Но положение их начиная с сентября стало катастрофически ухудшаться. В Поволжье в отличие от Сибири одной из главных причин развала власти мелкобуржуазных контрреволюционеров явилось успешное наступление Красной Армии.

Перелом на Восточном фронте произошел в начале сентября 1918 г., когда советские войска освободили Казань. Пал Симбирск, красные полки устремились к Самаре. А эсерам нечем было защищать Волгу. Сибирские белогвардейцы не торопились с военной помощью Комучу. Между тем белый фронт трещал по всем швам. Все больше и больше нажимала Антанта. Самарские эсеры вслед за сибирскими пошли на открытое соглашение с буржуазией, нарушив решения IV съезда и 8-го совета партии.

Соглашение мелкой буржуазии с буржуазией и помещиками состоялось на так называемом Уфимском государственном совещании, проходившем в Уфе с 8 по 23 сентября 1918 г.[2]. Об обстановке, сложившейся в то время, говорил такой факт. Накануне открытия Уфимского совещания в городе собрался Всероссийский торгово-промышленный съезд. Председатель его Кропоткин при

[1] ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 15, л. 12.

[2] См. подробно об этом *В. В. Гармиза.* Указ. соч. «История СССР», 1965, № 6.

одобрении делегатов заявил, что социалисты больше «не могут быть у власти, они должны быть устранены от нее. Теперь другие руки должны взять власть»[1].

Несмотря на то что на Уфимском совещании присутствовали представители всех временных антисоветских правительств, образовавшихся на востоке и юго-востоке страны, а также всех русских мелкобуржуазных и буржуазных партий, националистических контрреволюционных партий и групп, главную роль играли кадеты и эсеры. Между ними и шла борьба.

Буржуазная часть совещания стояла за единоличную власть, самарские эсеры возражали против этого. Эсер Авксентьев, являвшийся представителем «Союза возрождения», мирил их и закатывал длинные речи об объединении всех «живых сил нации», то есть о коалиции эсеров и меньшевиков с буржуазией. После долгих торгов, сильного нажима чехословаков было образовано Всероссийское Временное правительство из пяти лиц (Директория): эсера Николая Авксентьева (председатель), эсера Владимира Зензинова, кадета Владимира Виноградова, генерала Василия Болдырева и кадетствующего Петра Вологодского. Эсеры оказались в меньшинстве. Про них говорили, что они «проуфили».

После избрания Директории эсеровский Комуч как орган власти прекратил свое существование. Был учрежден «Съезд членов Учредительного собрания», который переехал в Екатеринбург и стал готовить на 1 января 1919 г. созыв Учредительного собрания.

В октябре Директория прибыла в Омск, но ее квартирьеры не могли найти помещение, и она долго находилась в вагонах на одной из железнодорожных веток омского узла. Казачьи атаманы смеялись: «Вот оно, воробьиное правительство на «ветке», дунешь — и улетит». Директория 4 ноября создала Совет министров во главе с Вологодским (военным и морским министром был назначен вице-адмирал Колчак), издала указ о прекращении деятельности временных правительств на востоке[2]. На

[1] «К прекращению войны внутри демократии (Уфимские переговоры и наша позиция)». М., 1919, стр. 14—15.

[2] В числе распущенных правительств, кроме сибирского, находились уральское областное правительство (в Екатеринбурге) во главе с председателем Екатеринбургского биржевого комитета П. Ивановым и видным кадетским деятелем Л. Кролем, правительства Башкирии, Алаш-Орды и др

этом, собственно говоря, ее деятельность и закончилась. Не имея в своем распоряжении никакой реальной силы, она в Сибири стала игрушкой в руках казачьих атаманов и белогвардейских офицеров. «Они сами собственными руками расчищали для реакции путь...»[1] — писал о членах Директории эсер Святицкий. По этому пути шел Александр Колчак.

Колчак смертельно ненавидел всех «социалистов», в том числе и эсеров. В начале июля 1918 г., будучи еще на Дальнем Востоке, он дал интервью корреспонденту японской газеты «Асахи», текст которого затем перепечатала английская газета «Таймс». Вот как ответил тогда Колчак на вопросы корреспондента:

— Является ли положение в Сибири настолько серьезным, что требует интервенции Японии?

— Да. Народ в Сибири в отчаянии, он не имеет средств противостоять большевикам при отсутствии помощи союзников. Однако последние заняты боями на Западе. Только две страны, Япония и Америка, в состоянии помочь русским...

— Имеется ли какая-нибудь связь между вами и только что образованным во Владивостоке правительством?[2]

— Абсолютно никакой. Кто же признает правительство, состоящее из социалистов, не имеющих ни административной силы, ни политической разумности? Так называемый премьер-министр не русский, а еврей. Принятый национальный флаг представляет не что иное, как еврейский национальный флаг. Томское правительство[3] такого же характера, и премьер-министр во Владивостоке имеет с ним особые связи. Эта маленькая группка социалистов не представляет ничего русского.

— Есть ли надежда, что порядок в России будет скоро восстановлен?

— Это зависит от дальнейшего хода событий и действий союзников[4].

---

[1] *Н. Святицкий.* К истории Всероссийского учредительного собрания, ч. 3. М., 1921, стр. 91.

[2] Речь шла о «Временном правительстве автономной Сибири», созданном в конце июня 1918 г. эсером Дербером во Владивостоке и существовавшем до осени.

[3] Имелось в виду Временное сибирское правительство во главе с Вологодским.

[4] «Times», 16 июля 1918 г.

Интересен такой факт. Сразу же после приезда Колчака в Омск[1] казачий полковник Волков вел с ним секретные переговоры. Было решено, что должность военного министра адмирал занимает временно. Волков, выступая от имени казачьих офицеров и предлагая свои услуги Колчаку, договаривался с ним о том, чтобы Колчак, став диктатором, назначил атамана Сибирского казачьего войска Иванова-Ринова военным министром. По свидетельству войскового старшины Портикова, Колчак тогда обещал это сделать[2].

Больше всех о Колчаке хлопотали кадеты. Глава сибирских кадетов В. Н. Пепеляев (брат генерала А. Пепеляева) осенью 1918 г. объехал все крупные города Сибири, сколачивая везде силы, выступавшие за установление твердой единоличной власти. На другой день после назначения Колчака военным министром Пепеляев передал ему решение «Национального центра» и сибирских кадетов о полной поддержке его на пост диктатора. После этого подготовка заговора против Директории усилилась.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. казаки войскового старшины Красильникова окружили дом товарища министра внутренних дел эсера Роговского, у которого в то время находились Авксентьев и Зензинов. Все трое были арестованы и уведены в штаб казачьего отряда.

Утром 18 ноября собрался Совет министров. Он принял на себя всю полноту власти и передал ее Колчаку, присвоив ему звание «верховного правителя». После этого Колчак приказом назначил себя верховным главнокомандующим всеми белогвардейскими силами России.

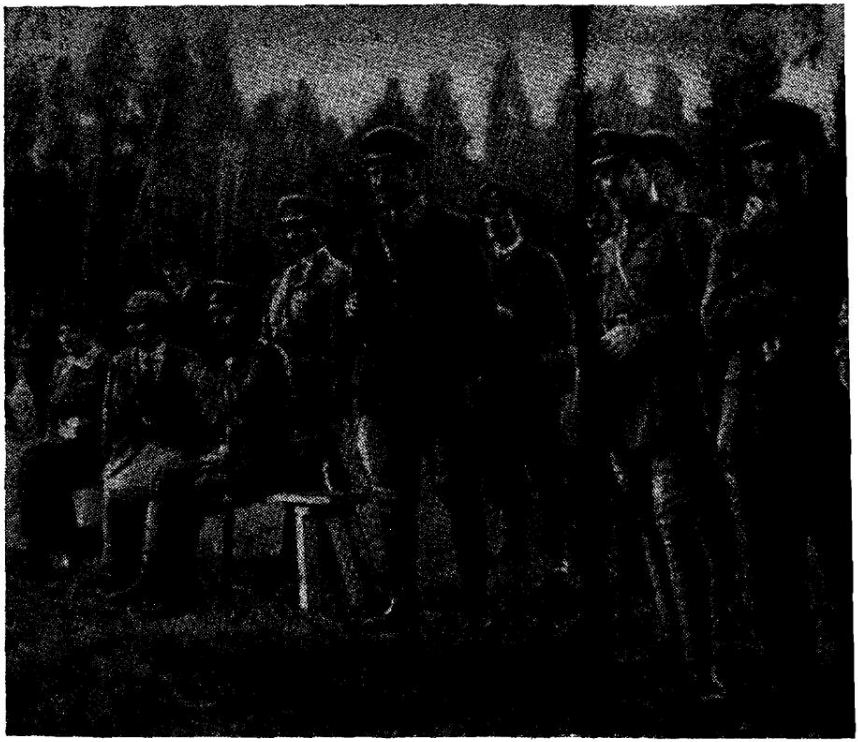
Авксентьев и Зензинов под усиленным русско-английским конвоем были доставлены во Владивосток, а оттуда уехали за границу. Болдырев и Виноградов отошли от власти. Вологодский остался верой и правдой служить диктатору, сохранив пост председателя Совета министров.

В обращении к населению Колчак писал: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной ар-

---

[1] Колчак приехал в Омск в середине октября 1918 г. в поезде английского генерала Нокса.

[2] ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 23, л. 3. Впоследствии Колчак под нажимом представителей Антанты вынужден был отказаться от своего обещания.



Колчак (сидит) и английский генерал Нокс (стоит сзади Колчака) с группой иностранных офицеров в районе Омска (1919 г.)

мии, победу над большевиками и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру»[1]. Какие «свободы» дал Колчак народу, мы увидим дальше.

Как был встречен переворот? На другой день после прихода Колчака к власти Иванов-Ринов доносил из Владивостока «верховному правителю» в Омск: «Перемена в правительстве союзниками принята следующим образом:

[1] «Правительственный вестник», 20 ноября 1918 г.

французами и англичанами вполне доброжелательно, американцами недоброжелательно, японцами недоброжелательно»[1]. В ответ на это Иванову-Ринову из Омска телеграфировали: «Союзники власть признают, но требуют наказания виновных в перевороте. Все приняли на себя Волков, Красильников и Катанаев»[2]. Американский консул Гаррис, французский дипломат Реньо, английский полковник Уорд[3] поздравили диктатора и заявили о своей полной поддержке. Таким образом, если американцы на Дальнем Востоке в первое время, видимо, не разобравшись достаточно в обстановке, были холодны к Колчаку, то их коллеги в Омске заняли другую позицию. Что касается японцев, то они признали Колчака несколько позже.

Сложнее было с чехами. Подавляющее большинство солдат и часть офицеров отрицательно отнеслись к установлению буржуазно-помещичьей диктатуры. Отделение чехословацкого Национального совета в России на своем заседании, проходившем в Челябинске под председательством доктора Патендля, заявило, что чешская армия «не сочувствует насильственному перевороту в Омске, считая кризис власти незаконченным»[4]. В некоторых местах чешские солдаты готовы были активно поддержать свергнутую Директорию. Но вмешались представители Антанты. Французский генерал Жанен, назначенный командующим войсками интервентов в Сибири, где уговорами, где угрозой привел чехословаков в повиновение.

Среди чехов были и такие, которые активно помогали Колчаку прийти к власти, например Гайда, произведенный к тому времени в генералы и получивший большой пост в армии. Выдвижению Гайды помогли американцы. Еще 24 сентября управляющий делами Сибирского правительства Г. К. Гинс, который вместе с Вологодским вел во Владивостоке переговоры с представителями Антанты, сообщал военному министру: «Помощь союзников обеспечена в случае назначения генерала Гайды командующим. Американцы заявили, что помогают чехам, которых

---

[1] ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 2, л. 219.

[2] ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 23, л. 9.

[3] Уорд, имея в Омске батальон английских войск, активно поддержал Колчака во время переворота. Он «приказал своим людям зарядить ружья» (*P. Fleming.* The Fate of Admiral Kolchak. London, 1963, p. 108).

[4] ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 3, л. 306.

три миллиона в Америке, а не русским. Японцы ведут политику захвата. Франция и Англия благожелательны, но лишены здесь реальной силы. Назначение Гайды свяжет Америку и обеспечит наши интересы»[1].

Гайду сделали командующим Уральским фронтом. Штаб его расположился в Екатеринбурге. Когда произошел переворот в Омске, Гайда немедленно выслал из Екатеринбурга «Съезд членов Учредительного собрания», который пытался было начать борьбу с Колчаком.

Произошло это так. Узнав об аресте Директории, бюро «Съезда» и ЦК социалистов-революционеров (в Екатеринбурге в то время находились почти все члены ЦК правых эсеров) поздно ночью 20 ноября собрались в гостинице «Пале-Рояль», в номере Чернова, и постановили наутро созвать «Съезд», объявить Колчака мятежником и призвать население не подчиняться диктатору. «Съезд» собрался, приняв обращение к народу о борьбе с узурпатором власти, но на этом его деятельность и закончилась. В гостиницу, где находились члены Учредительного собрания и ЦК эсеров, ворвались офицеры и солдаты одного из белогвардейских полков. Они убили одного эсера, остальных арестовали и начисто ограбили.

Как всегда в таких случаях, социалисты-революционеры бросились к своим «спасителям» — чехам. Те приказали белогвардейцам освободить арестованных. Но не успели эсеры прийти в себя, как был получен приказ от Гайды: всему составу «Съезда», кроме Чернова, за ведение «мятежнической агитации» немедленно покинуть Екатеринбург. Эсеры подняли страшный вой из-за своего лидера, которого фактически сажали под арест. Чехи поразмыслили и махнули рукой на Чернова. Его, как и всех других депутатов «Съезда», на извозчике под конвоем доставили на станцию и в телячьих вагонах ночью отправили в Челябинск, а оттуда в Уфу. Гайда послал приветственную телеграмму Колчаку.

В Уфе эсеры предприняли попытку сформировать части для защиты Учредительного собрания, но потерпели полный провал. Никто уже не хотел идти под знамена социалистов-революционеров, свергнувших власть рабочих и крестьян. Это означало, что мелкобуржуазной демократии пришел конец.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 124, л. 33.

В первых числах декабря генерал Войцеховский, командовавший чешскими войсками уфимского участка фронта, приказал эсерам немедленно покинуть Уфу. Прибывшие в город части сибирских войск начали облавы и аресты. Белогвардейцам удалось схватить некоторых членов ЦК эсеров и «Съезда членов Учредительного собрания». Одних бросили в тюрьму, других расстреляли. Остальные ушли в подполье. Многие, в том числе и Чернов, перебрались затем обратно в Советскую Россию, из которой они бежали летом 1918 г., подняв восстание против диктатуры пролетариата. Они боролись за Учредительное собрание, «чистую демократию», «народовластие», а появился Колчак — «представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской...»[1].

Аналогичные восточным районам страны процессы происходили на севере. В Архангельске после свержения интервентами и белогвардейцами Советской власти в августе 1918 г. было образовано «Временное правительство Северной области» во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским, но в начале 1919 г. власть перешла в руки генерала Е. К. Миллера.

На юге и юго-востоке России развитие классовой борьбы проходило иначе. Там периода мелкобуржуазной контрреволюции в «чистом» виде не было. Добровольческая буржуазно-помещичья армия Деникина и Донское белоказачье войско Краснова сразу же подмяли под себя слабую по сравнению с ними мелкую буржуазию, а вместе с ней эсеров и меньшевиков. Только на Кубани эсеры, окопавшись в Раде, долго сопротивлялись Деникину. Белогвардейцы Юга одно время пытались даже в известной мере использовать знамена «демократической контрреволюции», чтобы привлечь к себе массы народа. Когда осенью 1918 г. в Екатеринодаре образовался свой «Комитет членов Учредительного собрания», Деникин прислушивался к нему. Но это продолжалось недолго. Белогвардейские офицеры считали зазорным для себя якшаться с эсерами и меньшевиками. Переворот Колчака положил конец всякому заигрыванию с «социалистами». Власть ставленника русской буржуазии, помещиков и империалистов Антанты, главы внутренней контрреволюции России признали

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 397.

Деникин, Юденич, Миллер, Дутов. Эсеров и меньшевиков повсюду гнали прочь. Был ликвидирован и Екатеринодарский комитет, а многие члены его арестованы. Деникинцы стали еще больше гордиться своей классовой «чистотой». Это свидетельствовало об их тупости и невежестве Деникина как политика, который плохо разбирался в классовой борьбе.

Недаром В. И. Ленин, читая его книгу «Очерки русской смуты», в одном месте на полях написал: «В классовой борьбе тычется как слепой щенок».

Так кончился период мелкобуржуазной (демократической) контрреволюции и настал период военной буржуазно-помещичьей диктатуры в лагере врагов Советской власти.

2. Кадеты — главная партия контрреволюции

В конце 1918 г. партия «народной свободы» уже не имела единого руководящего органа. Члены ЦК оказались в разных местах России, связь между которыми было очень трудно поддерживать. Наибольшая по количеству и влиянию была южная группа кадетов во главе с Долгоруковым, Астровым и Федоровым, обосновавшаяся у Деникина. Вторыми по численности были московские кадеты. В конце ноября в столице находилось еще 17 членов ЦК во главе со Щепкиным и Шиповым. Затем шли сибирские кадеты, которыми верховодил Пепеляев. Часть цекистов, в том числе Милюков, после поражения Германии выехала за границу и обосновалась в Лондоне и Париже.

На деятельность каждой из этих групп серьезный отпечаток накладывали местные условия, расстановка классовых и партийных сил в том или ином районе страны. В результате этого политическая линия московских кадетов значительно отличалась от сибирских, а последних — от южных. Сибирские кадеты были правее московских, а южные — правее сибирских. Кадеты на юге, чувствуя за своей спиной сильную Добровольческую армию, шли дальше всех по пути реставрации старых порядков. Растущие тактические разногласия можно было бы преодолеть созывом съезда или представительной конференции, но собраться не было возможности. Местные же конференции, проводимые отдельно южными и

восточными кадетами, не могли выработать единой тактики.

Несмотря на отсутствие общего правомочного руководящего органа у партии «народной свободы», на наличие расхождений в способах и методах решения некоторых вопросов, кадеты, оставаясь едиными в своих программных требованиях, представляли значительную организующую силу. Численность их везде была ничтожной, но влияние на белогвардейцев они оказывали большое. Надо также отметить, что отдельные группы кадетов, например московские и южные, поддерживали постоянную связь посредством курьеров.

Остановимся на характеристике некоторых кадетских групп и их руководителей. Член ЦК партии «народной свободы» и уполномоченный «Национального центра» В. Н. Пепеляев развернул в Сибири бурную деятельность. По отзывам своих же собратьев-кадетов, Пепеляев был угрюмый, но энергичный человек, стоял на крайне правом крыле партии, гибкостью никогда не отличался. Он принадлежал к тому типу людей, о которых говорят: «Плохо скроен, да крепко сшит». Один случай на всю жизнь определил его отношение к народу. После Февральской революции Пепеляева назначили комиссаром Кронштадтской крепости. Но пробыл он в этой должности недолго. Матросы арестовали его и около двух недель продержали в каземате. После этого Пепеляев стал еще мрачнее и правее. «Ненависть, слепая ненависть к большевикам,— писал о нем кадет Кроль,— застилала у него все. С этой ненавистью в нем могло только соперничать его презрение к массам, которыми он считал возможным легко распоряжаться при помощи насилия, диктатурой»[1].

Пепеляеву усердно помогал в Сибири лидер омских кадетов бывший присяжный поверенный В. А. Жардецкий. При большевиках он сидел в тюрьме, потом находился в больнице для нервнобольных, но, видимо, лечение впрок не пошло. Выступая по любому поводу, он впадал в истерику; омские обыватели принимали это за проявление «сильного характера».

Вот эти люди и встали во главе Восточного отдела ЦК кадетской партии, созданного в Сибири. Вместе с ними подвизался самарский кадет А. Клафтон. Про последнего го-

---

[1] *Л. А. Кроль.* Указ. соч., стр. 80.

ворили, что у него всегда наливались кровью глаза, когда он слышал о большевиках, лишивших его всего достояния. Клафтон позже стал председателем Восточного отдела. Колчак назначил его директором печати, что дало возможность кадетам направлять идеологическую работу белогвардейцев.

Перед колчаковским переворотом в Омске состоялось совещание партии «народной свободы». На нем кадеты в один голос потребовали немедленного установления единоличной диктатуры. После этого В. Пепеляев направился на сборище заговорщиков, готовивших свержение Директории, и объявил там решение партии. На второй день после установления власти Колчака кадеты говорили: «С 18 ноября мы стали партией государственного переворота. Стоило нам накануне высказать наше мнение, и назавтра то, что должно было совершиться, совершилось»[1].

Кадеты во всем поддерживали Колчака и Деникина. Состоявшееся в Екатеринодаре в июле 1919 г. совещание кадетов Юга России в резолюции по тактическим вопросам указывало: «В отношении к общенациональной платформе считать руководящими начала, провозглашенные в декларациях Верховного правителя адмирала Колчака и генерала Деникина»[2]. Но кадеты не только поддерживали этих людей, но и в значительной мере направляли их внутреннюю и внешнюю политику. Партия «народной свободы» помогала Колчаку и Деникину осуществить волю отечественной буржуазии, помещиков и империалистов Антанты.

Колчак в первые же дни после переворота признал все иностранные долги, составлявшие более 16 млрд. руб. Диктатор особо заботился о том, чтобы восстановить силу российских промышленников, купцов, финансистов. К 1 августа 1919 г. белогвардейское правительство субсидировало капиталистов на сумму более 750 млн. руб. Большие деньги получили частные банки, роль которых в колчаковской Сибири увеличивалась с каждым днем. Член правления Русско-азиатского банка фон Гойер стал министром финансов у Колчака, а председатель этого банка известный промышленник и финансист Путилов (также очутившийся в Сибири), тесно связанный с иностранным

---

[1] *Л. А. Кроль.* Указ. соч., стр. 162—163.
[2] «Великая Россия», 4(17) июля 1919 г.

капиталом, давал указания не только фон Гойеру, но и другим министрам.

Кадеты всячески помогали Колчаку и Деникину восстановить частное землевладение и укрепить класс кулачества, являвшийся главной социальной опорой буржуазно-помещичьей контрреволюции.

В марте 1919 г. московские кадеты писали Пепеляеву, чтобы он всячески торопил Колчака выступить с декларацией о земле и об отношении к Учредительному собранию, прямо подсказывая, как надо изложить основные пункты этих документов[1]. В сделанном в апреле 1919 г. Колчаком заявлении о земле была изложена точка зрения кадетов. Так же было и у Деникина, где кадеты, с одной стороны, требовали восстановления прав земельных собственников, а с другой — «предоставить земледельцам возможность приобретать за плату землю на правах обеспеченной собственности и создавать на ней крепкие мелкие и средние хозяйства»[2].

Как на практике осуществлялись колчаковцами и деникинцами законы, предложенные кадетами, рассказывают очевидцы. Один из них позже писал: «Начерченная «кадетской» партией программа политических и социальных реформ неуклонно проводилась в жизнь в тылу Добровольческой армии. Как и нужно было полагать, в первую очередь этих реформ последовала отмена ограничений земельных сделок, введенных законом Временного правительства 12 июля 1917 года, и газеты запестрели объявлениями о продаже крупных участков земли. Отменяется введенная Временным правительством монополия на хлеб. Началось отбирание земель у крестьян в пользу помещиков в целях восстановления прав частной собственности. Процесс отбирания протекал в таких диких формах произвола гражданских и военных чинов, что уже в июне 1919 года ген. Деникин вынуждается издать приказ о недопущении восстановления насильственным путем помимо законодательной власти нарушенных прав земельных собственников. Этот приказ, кстати сказать оставшийся мертвой буквой, еще более обострил земельные отношения в деревне косвенным признанием прав собственности землевладельцев в законодательном порядке. Издается

[1] ЦГАОР, ф. 5913, оп. 1, ед. хр. 306, л. 21.
[2] ЦГАОР, ф. 5913, оп. 1, ед. хр. 260, л. 1.

закон, по которому за помещиками признается право на 1/3 урожая 1919 года»[1].

Кадеты усердно помогали Колчаку и Деникину организовать тыл и создать крепкую армию для военного разгрома Советской власти. «Основная задача наша,— говорил в мае 1919 г. на 3-й конференции кадетов Сибири и Урала Клафтон,— прежде всего уничтожение большевизма и поэтому все остальное должно быть подчинено этой главной военной цели»[2].

Колчак высоко оценил деятельность сибирских и уральских кадетов. На заявление их о полной поддержке его курса он в мае 1919 г. ответил: «Верю, что партия народной свободы, руководимая такими стремлениями, и впредь будет неустанно содействовать мне в работе моей...»[3]

Партия «народной свободы», оправдывая и поддерживая внутреннюю политику Колчака и Деникина, требовала применения решительных мер против всех, кто был недоволен белогвардейским режимом. В новогоднем номере (за 1919 г.) своей газеты «Сибирская речь» кадеты Сибири в программном документе «Наш манифест» писали: «Мы видим единственное спасение в сосредоточении своего внимания государственно-разумеющих сил на укреплении сильной единоличной власти государства, которая системой быстрых, твердых и, когда надобность укажет, неумолимо суровых мер введет в границы взволнованное море безначалия и, утвердив на русской земле порядок, откроет самую возможность государственного строительства в России»[4]. Пять месяцев спустя кадеты в решениях своей конференции требовали применения этих мер. «В настоящее время конференция настаивает,— говорилось в одной из резолюций,— на временных исключительных мероприятиях государственной власти...»[5] Это означало, что кадеты одобряли террор и произвол, царившие в «колчакии».

Несмотря на различия тактических приемов, общим для всех кадетов являлось то, что они стремились всеми

---

[1] *Георгий Покровский.* Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918—1919 гг.). Берлин, 1923, стр. 171.
[2] «Правительственный вестник», 22 мая 1919 г.
[3] «Правительственный вестник», 21 мая 1919 г.
[4] «Сибирская речь», 1 января 1919 г.
[5] «Правительственный вестник», 28 мая 1919 г.

средствами сплотить как можно больше людей для поддержки Колчака и Деникина. Поскольку сама партия «народной свободы» не пользовалась успехом у народа, кадеты пытались создать различные блоки на «беспартийной» основе. «Надо твердо усвоить аксиому,— поучал кадет князь Долгоруков,— в настоящее время программные вопросы ведут к разобщению, а объединение может и должно быть достигнуто лишь на общих тактических лозунгах ближайшего времени. Не программы нужны, а временная платформа»[1].

На юго-востоке и востоке кадеты создали такие объединения. В Сибири образовался так называемый «Омский блок», в который вошли кадеты, некоторые правые эсеры, меньшевики, «народные социалисты», представители Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, Центрального военно-промышленного комитета, кооперации, казачьих войск и т. д. Делегация этого блока в декабре 1918 г. была на приеме у омского диктатора и просила его «принять от них внушенные любовью к России глубоко искренние выражения бесповоротной решимости всемерно поддерживать власть российского правительства, возглавляемого единолично Верховным правителем адмиралом Александром Васильевичем Колчаком»[2].

Однако кадетам удалось объединить вокруг себя только крупную буржуазию, часть помещиков и некоторые слои средней буржуазии. Мелкая буржуазия, а следовательно партии эсеров и меньшевиков, на коалицию с буржуазией (после того как она рухнула в конце 1918 г. в результате переворота Колчака) не пошла. В колчаковское и другие правительства, в блоки и разные иные объединения входили чаще всего отдельные эсеры и меньшевики или небольшие группы их, не представлявшие официальной политики этих партий.

Какой же политический строй хотели установить кадеты в то время? Если эсеры и меньшевики мечтали о том, чтобы вернуться к системе управления, которая существовала после Февральской революции, то кадеты шли намного дальше. В резолюции июльского совещания кадетов в Екатеринодаре (1919 г.) указывалось: «Памятовать, что сейчас не должно быть возврата к системе управления

[1] *Пав. Д. Долгоруков.* Указ. соч., стр. 11.

[2] *Г. К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак. 1918—1920 гг., т. II. Пекин, 1921, стр. 35.

Временного правительства князя Львова и Керенского... Новая система управления должна быть не возглавлением революции, а преодолением ее, не простым освобождением от большевизма в целях открытия свободной игры демократических сил, то есть той же революционной стихии, а установлением твердого порядка, который не может не быть обузданием революционной стихии»[1]. Таким образом, кадеты предполагали установить такой порядок, который отбрасывал завоевания Февральской революции. Правда, они не дошли до реставрации царского режима, ибо видели, что навязать народу царя никакими средствами невозможно, да и без царя буржуазия могла хорошо устроиться. Поэтому в кадетской резолюции о новом порядке были и такие слова: «В то же время новая система управления не должна быть и возглавлением реставрации: она должна быть также и обузданием реакционной стихии». Конечно, борьба с «реакционной стихией» у кадетов стояла на самом последнем месте, главное — это «обуздание революционной стихии». Кадеты вынуждены были говорить и писать о борьбе с реставрацией потому, что на юге в период военных успехов Добровольческой армии особенно активизировались монархисты. Их идеолог В. В. Шульгин и основанная им газета «Великая Россия» звали к восстановлению монархии. В одной из статей этой газеты летом 1919 г. говорилось, что если бы сейчас нашлась группа смельчаков и открыто подняла царские знамена, то большая часть буржуазии, помещиков, высшей интеллигенции встала бы под них и составила бы внушительную армию.

Кадеты блокировались с монархистами. Они вместе заседали в Особом совещании при Деникине, в «Национальном центре» и других организациях. Однако кадеты боялись, что монархисты многих отпугнут, а поэтому старались умерить их чересчур большие аппетиты. Монархисты проявляли на юго-востоке большую активность. В ноябре 1918 г. они собрали съезд в Ростове, который поставил целью «создание единого монархического фронта»[2].

---

[1] «Великая Россия», 4(17) июля 1919 г.

[2] Съезд проходил с 12 по 14 ноября. На нем присутствовали бывшие члены Государственной думы, представители высшего духовенства, донских казаков, высшей интеллигенции, офицеры Добровольческой армии («Часовой», 15—18 ноября 1918 г. Ростов-на-Дону).

Итак, буржуазия, помещики и выражавшая их интересы партия кадетов, отбросив в сторону эсеро-меньшевистскую ширму, за которой они раньше скрывались, выступили со своими знаменами. Под них они пытались собрать всех недовольных Советской властью, и прежде всего богатое крестьянство и казачество востока и юго-востока страны, создать из них крепкую антисоветскую армию и сбросить власть рабочих и крестьян.

3. Армия контрреволюции

В гражданской войне, какой бы она ни была, победа в конечном счете решается на поле боя вооруженной схваткой борющихся классов. Вот почему все классы России придавали первостепенное значение организации своих вооруженных сил. Мелкобуржуазные контрреволюционеры не смогли сформировать своей армии. В этом состояла одна из главных причин гибели их правительств.

Буржуазии и помещикам удалось создать крепкое классовое войско, при помощи которого они не только долго держались, но и не раз ставили Советскую власть в тяжелое положение. Самыми многочисленными и боеспособными являлись армии Колчака и Деникина. Основной базой формирования для первого была Сибирь, для второго — Донская область и Северный Кавказ, то есть места, где имелось много местной и приезжей буржуазии, богатого казачества, кулаков и богатых крестьян. Именно эти территории дали контрреволюции наиболее стойкие в военном и классовом отношении части. Характерным было то, что ни Колчак, ни Деникин почти не брали в армию рабочих, хорошо зная, что заставить их воевать за буржуазию нельзя. Созданию классового войска и его военной выучке способствовало то, что в белогвардейских армиях находилась основная часть высших и старших офицеров царской армии, происходивших из дворян и буржуазии, настроенных монархически. «Громадное большинство командного состава и офицерства,— писал впоследствии Деникин,— были монархистами»[1]. Главари белогвардейских армий и сами разделяли это убеждение. На вопрос графа Келлера: «Скажите мне наконец, ваше превосходительство, кто вы

[1] *А. И. Деникин.* Очерки русской смуты, т. 3. Берлин, 1924, стр. 130.

Руководители белогвардейской вооруженной контрреволюции на юге России (снимок конца 1917 г.):
1. Корнилов, 2. Деникин, 3. Ванновский, 4. Эрдели, 5. Эльснер, 6. Лукомский, 7. Кисляков, 8. Романовский, 9. Марков, 10. Орлов, 11. Аладьин, 12. Брагит. 13. Пронин, 14. Никитин, 15. Иванов, 16. Никаноров, 17. Новосильцев, 18. Роженко, 19. Родионов, 20. Соотс, 21. Клецендо

что вы такое?» — Деникин ответил: «Я конституционный нархист»[1].

Сколотив крепкие костяки из офицеров и добровольцев, логвардейцы с конца лета 1918 г. повсюду перешли к инудительной мобилизации молодежи.

К 20 сентября 1918 г. Сибирское правительство призва- 166 тыс. человек, в том числе в богатой Западной Сиби- — 112 тыс., а на огромной территории Урала — всего тыс.[2] Белогвардейцы сообщали, что мобилизация про-

[1] «Архив русской революции», т. 18. Берлин, 1926, стр. 149.
[2] ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, ед. хр. 113-а, л. 49.

шла в основном успешно. В армию вступили главным образом богатые крестьяне и те горожане, у которых имелись счеты с Советской властью. Беднота и все противники белогвардейцев от мобилизации уклонились. Сделать это было нетрудно, ибо учет военнообязанного населения только налаживался. Эти 166 тыс. призванных и 40 тыс. офицеров и добровольцев, имевшихся уже в армии, составили самую боеспособную часть белогвардейской армии Сибири.

В начале 1919 г. Колчак реорганизовал все находившиеся на востоке белогвардейские войска и призвал в армию новые контингенты людей. К весне 1919 г. он довел армию до 400 тыс. человек, выставив на фронт 130—140 тыс. штыков и сабель. Эта мобилизация дала слабый в социальном и политическом отношении состав солдат. Но колчаковская армия оставалась еще сильной, имея крепкий костяк добровольцев. В ее составе в 1919 г. было около 30 тыс. офицеров[1].

Ярко выраженный классовый характер имели белогвардейские войска юго-востока России. В начале 1919 г., после ухода «в отставку» Краснова, они были объединены под командованием Деникина. Основу составляли Добровольческая армия, имевшая около 40 тыс. штыков и сабель, и 15 тыс. казаков Донской армии. Деникин произвел новую мобилизацию, и к весне 1919 г. его войско насчитывало около 100 тыс. человек[2]. Это были главным образом офицеры, богатые казаки, добровольцы из буржуазных слоев и мобилизованные «крепкие мужики». Белогвардейцы всячески старались скрыть лицо своей армии. Деникин, например, писал впоследствии, что его армии носили якобы всенародный, неклассовый характер, «интеллектуальное преобладание казачьего и служилого офицерского элемента не наложило на них внешне классового отпечатка»[3]. И внешне и внутренне деникинское войско до лета 1919 г. было буржуазно-помещичьим. В нем находилось около

---

[1] Речь идет об офицерах старой армии. Кроме того, колчаковцы сами и при помощи английских инструкторов еще подготовили около 5 тыс. офицеров.

[2] См. «История гражданской войны в СССР», т. 4. М., 1959, стр. 70.

[3] *А. И. Деникин.* Очерки русской смуты, т. 4. Берлин, 1925, стр. 84.

двух третей всех генералов, полковников и подполковников старой армии[1].

Это не означало, что в колчаковском и деникинском войске не было никаких противоречий. Они существовали между различными частями армии, состоявшими из разных социальных слоев. Известны серьезные разногласия Деникина с кубанскими казаками, Кубанской радой и казачьим войсковым правительством. Они сильно подтачивали силы белогвардейцев. Но это сказалось несколько позже.

Характерной особенностью колчаковской и деникинской армий являлось наличие в них специально созданных из самого надежного классового элемента подразделений и частей для решения особо важных задач: у Деникина — из офицеров, у Колчака — из офицеров и кулаков. В деникинском войске в 1919 г., не говоря уже о 1918 г., повсюду существовали офицерские роты. Были даже офицерские батальоны.

Таким образом, весной 1919 г. белогвардейцы и интервенты к началу самого большого наступления против Красной Армии располагали двумя сильными военными кулаками, один из которых находился на востоке, другой — на юге. Боеспособность их определялась прежде всего социальным составом войск и хорошей военной выучкой. Большую роль играло и то, что империалисты Антанты вооружили и одели колчаковских и деникинских солдат.

Белогвардейские армии генерала Юденича, наступавшего из Эстонии на Петроград, и генерала Миллера, действовавшего вместе с интервентами на севере, вместе взятые, никогда не достигали и 100 тыс. человек.

Всего российская контрреволюция располагала весной 1919 г. вооруженными силами примерно в 600 тыс. человек. Если сюда добавить войска интервентов, находившиеся в России, то силы противников Советской власти составляли около 1 млн. человек.

---

[1] В 1921 г. была проведена регистрация белогвардейских офицеров, бежавших на Запад после разгрома их Красной Армией. Среди зарегистрировавшихся 10 тыс. было около 600 генералов и более 4 тыс. подполковников и полковников. Почти все они были в деникинской армии.

Глава четвертая

УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ И ТРУДЯЩИХСЯ КРЕСТЬЯН — ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ПРОЛЕТАРИАТА

I. ПОВОРОТ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ В СТОРОНУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Развитие гражданской войны в России со всей очевидностью свидетельствовало о том, что победа будет на стороне того класса, который привлечет к себе мелкую буржуазию, и прежде всего среднее крестьянство.

Вот почему рабочий класс, Коммунистическая партия, В. И. Ленин уже летом 1918 г. стали принимать меры, которые позволили бы вслед за нейтрализацией основных масс середняка ускорить переход их на сторону Советской власти.

Отвечая левым эсерам, клеветнически утверждавшим, что большевики объявили войну всему крестьянству, В. И. Ленин говорил на V съезде Советов, что рабочий класс идет на соглашение со средним крестьянством, не говоря уже о деревенской бедноте. В августе 1918 г. он так определил отношение пролетариата к различным классам и слоям сельского населения: «Теснейший союз и полное слияние с деревенской беднотой; уступки и соглашение с средним крестьянином; беспощадное подавление кулаков, этих кровопийц, вампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде; — вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса»[1].

Советская власть во второй половине 1918 г. осуществила ряд практических мер, направленных на завоевание

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 42.

среднего крестьянства. В начале августа были повышены в три раза цены на хлеб. Это явилось серьезной уступкой деревне. Местные партийные и советские организации с начала осени 1918 г. стали внимательнее относиться к середняку. «Мы старались,— говорил осенью 1918 г. один из делегатов Тамбовского губернского съезда комбедов,— привлечь к работе среднего крестьянина, который, будучи отстранен от участия в революционной работе комбедов, сближается с кулаками, а это — опасность для республики»[1].

Правильная политика Советской власти по отношению к среднему крестьянству сыграла огромную роль в повороте его на сторону рабочего класса. В результате нового осереднячивания деревни, происшедшего в конце лета и осенью 1918 г., середняк стал центральной фигурой на селе.

Рассмотрим состояние различных слоев крестьянства в конце 1918 г. в тех селениях и в волостях, положение в которых мы систематически исследуем с 1917 г.

В ноябре 1918 г. из Качкинской волости Елабужского уезда Вятской губернии сообщали, что в ней из 5751 человека 1438 были бедные крестьяне, 4277 — средние, 20 — кулаки. Кроме того, в волости имелось еще 16 человек интеллигенции[2]. Таким образом, к концу 1918 г. в 11 селениях волости четверть крестьян составляли бедняки, две трети — середняки и около 8% — кулаки и богатые крестьяне. Напомним, что летом 1918 г. последняя группа крестьян достигала 15%, а бедняков было больше половины всех жителей. Изменения произошли огромные. Такая же примерно картина наблюдалась в конце 1918 г. в большинстве богатых сельскохозяйственных губерний, не подвергавшихся захвату белогвардейцами и интервентами.

В районах же, освобожденных от вражеских войск осенью 1918 г., в которых деятельность комбедов развернулась позже, результаты второго осереднячивания деревни сказались только в первые месяцы 1919 г. К весне 1919 г.

---

[1] «Комитеты бедноты», т. 1, стр. 20.

[2] ЦГА Тат. АССР, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 85, л. 25. Анализ других документов позволяет сделать вывод, что приведенные первые две цифры в целом соответствовали действительности. Что касается числа кулаков, то здесь надо сделать поправку, ибо в документе указаны только самые крупные кулаки (4 хозяйства), имущество которых оценивалось суммой свыше 10 тыс. руб., и ничего не говорилось о группе богатых крестьян, составлявшей примерно 70—80 хозяйств (420—480 человек).

в Елизаветинской волости Бугульминского уезда Самарской губернии бедняцкие хозяйства составляли около одной четверти всех дворов, середняцкие — две трети, кулацкие и богатые — около 10%. Летом же 1918 г. первых было около 35%, вторых — менее 52%, кулаков — более 13%. Материалы выборочной сельскохозяйственной переписи, произведенной летом 1919 г., говорят, что в Самарской губернии беднота составляла около 25%, то есть подтверждают наши выводы[1]. В Курской губернии бедных крестьян было 26%.

Несколько другое соотношение между классами и социальными слоями в деревне сложилось к 1919 г. в губерниях Центрально-Промышленного и Северного районов. В Тверской губернии летом 1919 г. бедняцкие хозяйства составляли более 37%, середняцкие — 56, богатые и кулацкие — около 7%[2]. Напомним, что к осени 1918 г. в губернии было более 64% бедняков. Значит, число последних сократилось наполовину, а середняков сильно увеличилось. Несмотря на это, бедных хозяйств было еще много. Во Владимирской губернии деревенская беднота летом 1919 г. составляла около 35%.

Таким образом, если в богатых сельскохозяйственных районах середняк в 1919 г. составлял около двух третей деревни, беднота — около одной четверти, кулаки — 8—9%, то в бедных продовольствием губерниях средних крестьян было чуть больше половины населения, бедняков — около одной трети и кулаков — 6—7%.

Все это говорило о том, что осереднячивание деревни как в 1918 г., так и в 1919 г. в стране проходило неравномерно. Отсюда и соотношение классовых сил в районах продолжало быть разным. В 1919—1920 гг. губернии Центрально-Промышленного района по-прежнему являлись главной базой Советской власти.

Огромные социально-экономические и политические сдвиги, происшедшие в деревне к концу 1918 г., обусловили начало поворота среднего крестьянства в сторону пролетариата. Но они не были единственными. На изменение позиции середняка большое влияние оказали победы Красной Армии осенью 1918 г. над белогвардейцами и интервентами и укрепление Советской власти в целом.

[1] См. «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.», стр. 174—177.

[2] См. там же, стр. 154—157.

Повороту середняка к рабочим в значительной степени способствовала антинародная политика белогвардейцев на временно захваченных ими землях. Крестьяне и мелкая городская буржуазия, сравнив на практике советские и буржуазные порядки, поняли, что Советская власть им ближе. Большое влияние на мелкую буржуазию оказали международные события осени 1918 г. и связанное с ними расторжение кабального Брестского договора с Германией.

Поворот в среднем крестьянстве обозначился вполне ясно во второй половине осени 1918 г. Представитель Народного комиссариата внутренних дел, обследовавший в то время Казанскую губернию, где летом проходило особенно много восстаний и было засилье эсеров, писал: «На смену крайнего недоброжелательства пришла массовая уверенность трудового населения и крестьянина-середняка, что большевики установят должный порядок»[1].

Сближение основных масс крестьянства с рабочими отразилось на составе местных Советов. Переизбирая осенью 1918 г. органы власти, крестьяне посылали в них больше всего коммунистов и им сочувствующих, лишая поддержки мелкобуржуазные партии. К концу 1918 г. в составе уездных Советов большевиков и им сочувствующих было более 70%, а левых эсеров — 4%, правые эсеры исчислялись единицами, представителей других мелкобуржуазных партий было также мало.

Осенью 1918 г. в сторону Советской власти стало поворачиваться не только среднее крестьянство, но и основные массы городской мелкой буржуазии (кустари, ремесленники), а также средняя интеллигенция. Процессы, проходившие в классе мелкой буржуазии, отразились и на поведении партий эсеров и меньшевиков.

В. И. Ленин в статье «Ценные признания Питирима Сорокина», написанной в ноябре 1918 г., дал блестящий анализ изменениям, которые происходили в то время в мелкой буржуазии и ее представителях — мелкобуржуазных демократах. Рассматривая причины политического характера, он писал, что поворот мелкой буржуазии был связан с поражением германского милитаризма, разоблачением англо-французского империализма и крахом буржуазно-демократических иллюзий. «Оскорбление», нанесенное в свое время мелкой буржуазии и ее идеологам —

[1] «Власть Советов» № 25, 7 ноября 1918 г., стр. 31.

эсерам и меньшевикам заключением Брестского договора, после его расторжения было сглажено, германская революция стала фактом. Американский и англо-французский империализм, бывший в глазах мелкобуржуазных демократов другом угнетенных, полностью разоблачил себя, навязав Германской республике и народам бывшей Австро-Венгрии кабальные договоры. «Идеализированная демократическая республика Вильсона,— писал В. И. Ленин о США, — *оказалась* на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»[1].

После Самары и Сибири рушилась вера в учредилку, в «чистую демократию» и «свободное народное государство»[2].

В связи с новыми огромными процессами в обществе Ленин указывал на необходимость изменения тактики не только по отношению к классу мелкой буржуазии, но и к мелкобуржуазным партиям эсеров и меньшевиков. Он писал, что период, когда велась острая борьба против эсеров и меньшевиков, пытавшихся всеми средствами восстановить буржуазную республику, был исторически необходим. Без этого большевики не спасли бы Советскую власть. Но теперь обстановка изменилась и надо было использовать поворот мелкобуржуазной демократии в сторону Советской власти[3].

«Революционный пролетарий,— учил В. И. Ленин,— должен знать, кого надо подавлять, с кем надо — когда и как — уметь заключать соглашение. Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями, продающим Россию иностранным «союзным» империалистам. Было бы комедией пытаться «убеждать» и вообще «психологически влиять» на них. Но так же,— если не более,— нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению к мел-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 192—193.

[2] Изменение позиций мелкой буржуазии и мелкобуржуазной демократии не означало, конечно, что весь этот класс и все его идеологи переходили на сторону Советской власти. Оно знаменовало прежде всего раскол среди меньшевиков и эсеров. Часть мелкобуржуазной демократии, указывал Ленин, перейдет на сторону пролетариата, часть останется нейтральной, некоторые сознательно присоединятся к монархистам и кадетам, продающим Россию американскому и англо-французскому капиталу.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 194.

кобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам»[1]. Ленин подчеркивал: «По отношению к мелкобуржуазной демократии наш лозунг был соглашение, но нас заставили применить террор»[2]. Теперь настало время, говорил он, выработать такую тактику по отношению к мелкобуржуазным партиям, которая раньше предусматривалась марксистами теоретически и которая теперь должна быть осуществлена. Эти ленинские положения имеют огромное значение и в наше время.

Поворот мелкой буржуазии и части мелкобуржуазной демократии к рабочему классу не только не исключал, но и предполагал в дальнейшем при определенных условиях новые колебания в их среде. Большевики знали, что даже при частном успехе белогвардейских армий среди этих людей усилится паника, умножатся случаи измены. Пролетариат должен беспощадно подавлять все антисоветские действия мелкой буржуазии, эсеров, меньшевиков, анархистов, отсекая и изолируя их руководителей от масс. Но одновременно с этим рабочий класс обязан, учил Ленин, использовать поворот до конца, искать соглашения с теми элементами, которые хотят работать с Советской властью.

Ленин никогда не отождествлял рядовых членов мелкобуржуазных партий с их руководителями. Различие в подходе к ним состояло в том, что первых большевики старались прежде всего убедить в неправильности линии, оторвать от лидеров, а вторых — разоблачить, а при сопротивлении разгромить.

II. НОВАЯ ПОЗИЦИЯ ЭСЕРОВ И МЕНЬШЕВИКОВ

1. «Третий путь»

Поворот мелкобуржуазных масс в сторону пролетариата заставил партии эсеров и меньшевиков выработать новую тактику по отношению к Советской власти.

В декабре 1918 г. правые эсеры провозгласили ее на совещаниях в Уфе и Москве[3]. Суть ее состояла в том, что

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 194.

[2] Там же, стр. 222.

[3] В Уфе 5 декабря 1918 г. состоялось совещание части членов ЦК правых эсеров, представителей Исполкома съезда членов Учредительного собрания и членов Уфимского совета управляю-

социалисты-революционеры объявляли борьбу одновременно на два фронта: против большевиков и против Колчака и Деникина, или, как они говорили, против реакции слева и реакции справа. Это и был пресловутый «третий путь». Правые эсеры, потерпев сокрушительное поражение, временно отказывались от вооруженной борьбы с Советской властью.

В январе 1919 г. Московское бюро ЦК партии правых эсеров в обращении к партийным организациям писало, что демократия разгромлена как внутри Советской республики, так и на территории, захваченной белогвардейцами, что «жестокая действительность разбила самые прекрасные сны». Отсюда эсеры делали вывод: «Если демократия слаба, то не к немедленному бою для осуществления ее задач должны мы звать трудовые массы, не к дальнейшей бесплодной, распыляющей силы вооруженной борьбе, а к органическому накоплению этих сил, к упорному, но верному пути организации всей демократии. Есть время камни метать, есть время камни собирать»[1].

Состоявшаяся в начале февраля 1919 г. Московская конференция представителей эсеровских организаций на территории Советской России утвердила новую тактику партии, включавшую в себя и отношение к буржуазным партиям. В резолюции по текущему моменту говорилось: «Как в борьбе за единство России, так и в воссоединении всероссийской власти конференция отвергает самым решительным образом всякое блокирование и коалирование с буржуазными партиями, вполне выявившими уже свою реакционную сущность, мечтающими об единоличной диктатуре и восстановлении неограниченного хозяйского произвола»[2]. (В мае 1918 г. эсеры так же горячо клялись в отказе от коалиции с буржуазией.) Одновременно конфе-

---

щих ведомствами (остатки Комуча), постановившее прекратить вооруженную борьбу с большевиками (ЦПА ИМЛ, ф. 557, оп. 1, ед. хр. 1, л. 17). 8—10 декабря проходило совещание членов Московского бюро ЦК правых эсеров с представителями некоторых местных организаций, принявшее резолюцию о борьбе на два фронта (ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 6, л. 9).

[1] «Современный момент в оценке партии социалистов-революционеров (февраль — март 1919 г.)». Нью-Йорк, 1919, стр. 11.

[2] «Дело народа», 20 марта 1919 г. Конференция проходила с 6 по 9 февраля 1919 г. в Москве. На ней присутствовали 72 человека: члены ЦК, представители эсеровских комитетов центральных губерний и Уфимской делегации.

ренция решительно выступала против каких-либо соглашений с коммунистами.

Что касается политической линии партии правых эсеров, то она оставалась старой. Основными лозунгами эсеров по-прежнему были борьба за Учредительное собрание, «народовластие», всеобщее избирательное право и т. д.

На что же надеялись эсеры, отстаивая «третий путь»? Они полагали, что мелкая буржуазия, еще больше увеличившаяся за время существования Советской власти, и прежде всего крестьянство, отойдет от большевиков и поддержит их, что на базе этого им удастся укрепить свою партию, а затем захватить власть, как это было в Поволжье и Сибири летом 1918 г. Колчаковскую и деникинскую армии они намеревались «демократизировать» (как сделали с царской армией в 1917 г.) и подчинить их себе. Отказ от вооруженной борьбы с Советской властью был временным, вынужденным шагом. В решении 9-го совета партии (июнь 1919 г.) подчеркивалось: «Обусловливаемый в настоящее время всей политической ситуацией отказ партии от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой не должен истолковываться как принятие хотя и временное и условное большевистской диктатуры, а лишь как тактическое решение, продиктованное реальным положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных и народных сил»[1].

9-й совет партии социалистов-революционеров высказался против иностранной интервенции и блокады Советской республики. Он в резолюции осудил тех членов партии, которые за границей обивали пороги буржуазных министерств и выступали «с проповедью или с ходатайствами об интервенции». Совет поручил ЦК принять меры к тому, чтобы побудить социалистические партии всех стран заставить империалистические правительства «прекратить хищнические набеги на Россию».

Такова была официальная линия правых эсеров, возвещенная в решениях и декларациях руководящих органов партии. На практике она выглядела иначе. Дело в том, что далеко не все эсеры, в том числе и члены ЦК, были согласны с ней. Некоторые местные комитеты целиком

[1] «Девятый Совет партии и его резолюции (июнь 1919. Москва)». Paris, 1920, стр. 12. 9-й совет партии правых эсеров проходил в большой конспирации на одной из подмосковных дач в июне 1919 г.

стояли на иных позициях (не говоря уже о группах и отдельных лицах). В большинстве организаций уживались самые разные течения.

Радикально настроенные эсеры требовали заключить соглашение с Советской властью для совместной борьбы с Колчаком и Деникиным. Наиболее ярким представителем этого течения была так называемая Уфимская делегация, получившая впоследствии название группы «Народ». Оставшиеся в Уфе члены ЦК партии социалистов-революционеров В. К. Вольский, К. С. Буревой, Н. И. Ракитников, активисты Н. В. Святицкий и Н. А. Шмелев после освобождения города частями Красной Армии изъявили согласие начать переговоры с Уфимским ревкомом о заключении перемирия с Советской властью. Это было в январе 1919 г. Председатель Совнаркома В. И. Ленин и председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, узнав об этом, немедленно телеграфировали ревкому вступить в переговоры с эсерами, сразу и прямо сказать им, что об изменении Советской Конституции не может быть и речи, «ибо Советская власть как власть эксплуатируемых классов для подавления эксплуататоров окончательно доказала свою необходимость для победы над буржуазией и теперь советское движение охватывает все страны мира»[1].

Переговоры закончились принятием соглашения[2], которое было опубликовано в воззвании к солдатам колчаковской и чешской армий, подписанном членами Уфимской делегации. В нем говорилось: «Делегация членов партии с.-р. и президиума съезда членов Всероссийского Учредительного собрания призывает всех солдат народной армии прекратить гражданскую войну с Советской властью, являющейся в настоящий исторический момент единственной революционной властью эксплуатируемых классов для подавления эксплуататоров, и обратить свое оружие против диктатуры Колчака»[3]. Уфимский ревком дал гарантию в том, что войсковые части, отдельные группы и лица, перешедшие на сторону Красной Армии, а также члены пар-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 239.

[2] Переговоры продолжались с 10 по 22 января 1919 г. В них с советской стороны участвовали Л. Гинзбург, Д. Михайлов, И. Смирнов, И. Чугурин, А. Юрьев, В. Эльцын (ЦПА ИМЛ, ф. 557, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1—24).

[3] ЦПА ИМЛ. ф. 557, оп. 1, ед. хр. 1, л. 17. Воззвание было отпечатано в 20 тыс. экземпляров и распространено на территории колчаковских войск.

тии социалистов-революционеров, разделяющие позицию Уфимской делегации, не будут подвергаться преследованиям со стороны Советской власти.

Соглашение с эсерами сыграло свою роль. О нем узнали не только белогвардейские солдаты и эсеры на Урале и в Сибири, но и во многих других местах. Оно способствовало дальнейшему расколу среди членов партии правых социалистов-революционеров. Соглашение явилось своего рода компромиссом Советской власти с частью эсеров. Оно было выгодно рабоче-крестьянскому государству. Вместе с тем этот шаг свидетельствовал о том, что Советская власть готова была оказать содействие тем представителям мелкой буржуазии, которые осознали ошибочность избранного ими пути и решили служить рабочим и крестьянам. Центральный Комитет РКП(б) продолжал в Москве переговоры с эсерами на основе Уфимского соглашения[1].

По отношению к Уфимской делегации и всем тем эсерам, которые поддержали ее, Советская власть и Коммунистическая партия выполняли свое обещание. В конце февраля 1919 г. ВЦИК вынес постановление о легализации части партии[2]. ЦК РКП(б) разрешил Уфимской делегации и примкнувшим к ней эсерам издавать свою газету «Народ» (по имени газеты эта часть эсеров и получила название группы «Народ»).

За сотрудничество с Советской властью выступил также Харьковский комитет социалистов-революционеров, который послал своих представителей во Всеукраинский

[1] 10 февраля 1919 г. состоялось совещание членов ЦК РКП(б) с Уфимской делегацией. На нем выяснилось, что ЦК партии социалистов-революционеров не признал Уфимского соглашения, подписанного частью его членов. Февральская партийная конференция эсеров в Москве также осудила уфимские переговоры. Ввиду того что Буревой, Вольский, Ракитников и другие эсеры, присутствовавшие на совещании с большевиками, не представляли всей эсеровской партии, с ними пришлось вести только частные переговоры (См. «Правда», 11 февраля 1919 г.).

[2] В постановлении говорилось: «Ввиду обращения правых социалистов-революционеров к войскам добровольческой армии с призывом прекратить вооруженную борьбу с Советской властью и направить свое оружие против Колчака, а также ввиду отказа их от всякого соглашательства с буржуазными партиями и решительного протеста против вмешательства империалистов в русские дела отменить постановление ВЦИК от 14 июня (1918 года) об отношении к партии правых с.-р. и предоставить им право участия в Советской работе» («Правда», 28 февраля 1919 г.).

ревком, а также некоторые другие группы и отдельные члены этой партии.

Вместе с тем значительная часть эсеров продолжала проводить политику соглашения с российскими и международными капиталистами. Эсер Руднев в Крыму вступил в коалицию с буржуазией, эсеры Рябцев и Незлобин на Украине приветствовали Добровольческую армию Деникина. Они выступали от имени эсеровских организаций. Часть эсеров сотрудничала с колчаковцами. За границей Авксентьев, Аргунов и Зензинов натравливали империалистов на рабоче-крестьянское государство. «Дела и мысли эсеровские растекались по древу дезорганизации и безначалия. Партийное «начальство ушло» и предалось политике тех мест, на которых его застали текущие дни»[1] — так писал член ЦК эсеров Буревой в своей книге «Распад».

Как же ЦК социалистов-революционеров реагировал на такое положение в партии? Несмотря на свою бесхребетность, особенно в решении партийных вопросов, он довольно настойчиво добивался, чтобы группа «Народ» отказалась от своей позиции. Не добившись этого, ЦК осенью 1919 г. исключил из партии Вольского, Святицкого, Буревого и других эсеров[2]. Он распустил Уфимскую и Харьковскую организации.

По-другому эсеровский ЦК относился к тем группам, которые блокировались с врагами Советской власти. Правда, он распустил Киевскую организацию, представители которой заседали в городской управе при Деникине, и исключил некоторых членов из партии. Но такие случаи были единичными. Многие активные социалисты-революционеры, сотрудничавшие с белогвардейцами, отделались легким испугом. ЦК, например, не захотел исключить из партии работавших вместе с колчаковцами эсеров Огановского, Третьяка (заместитель министра труда у Колчака), Лаврова, а поручил лишь «разобраться» в деятельности этих людей Сибирскому краевому комитету социалистов-революционеров[3].

В ответ на письменное воззвание Авксентьева, Аргунова, Керенского, Роговского и других эсеров, находив-

[1] *К. Буревой.* Распад. 1918—1922. М., 1923, стр. 62.

[2] После этого группа «Народ» стала называть себя «Партией с.-р. меньшинства» (ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4).

[3] ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 1, л. 6.

шихся в Париже, усилить интервенцию против Советской республики. ЦК правых социалистов-революционеров ограничился только тем, что постановил считать этот документ аннулированным, а парижскую группу несуществующей[1]. ЦК только делал вид, что собирался исключить из партии Авксентьева и К°.

Что же представлял собой ЦК правых эсеров в 1919 г.? Он находился в Москве, в подполье. Главную роль в нем играл Чернов. Из сохранившихся протоколов заседаний ЦК[2] видно, что на них присутствовало не более десятка человек: остальные были в Сибири, на юге, за границей. В распоряжении эсеровских руководителей имелась немалая сумма русских денег и иностранной валюты. Они остались еще от Комуча. Часть денег дали кооператоры, местные организации, отдельные лица. ЦК с большим трудом поддерживал связь с некоторыми организациями и группами, которые все больше и больше редели. Часто он только фиксировал то, что делалось на местах.

В октябре 1919 г. ВЧК раскрыла в Москве эсеровскую типографию и склад с бумагой и литературой. После этого эсеры перешли к кустарному изготовлению листовок и воззваний. Одновременно они организовали типографию в Эстонии и стали оттуда доставлять в Советскую республику антисоветскую литературу. В декабре 1919 г. органы диктатуры пролетариата арестовали в Москве большую группу эсеровских активистов, занимающихся контрреволюционной деятельностью.

Положение в местных партийных организациях эсеров в 1919 г. четко отражено в докладе Екатеринославского комитета социалистов-революционеров, направленного в ЦК партии. В нем говорилось, что в Екатеринославской организации, как и повсюду, среди эсеров имелись три течения: правое, центр и левое. С приходом в июне 1919 г. деникинцев «представители правого крыла, имевшие много сторонников в думской фракции, приветствовали «доб-

---

[1] 25 октября 1919 г. ЦК п. с.-р. подтвердил, что правомочными представителями партии за границей являются Гавронский, Рубанович, Русанов, Сухомлин. Члену ЦК Зензинову было предложено быстрее вернуться в Россию (ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3).

[2] Автору удалось обнаружить в архивах протоколы заседаний ЦК партии с.-р. только за вторую половину 1919 и первые месяцы 1920 г.

лестную» Добровольческую армию, вотировали в думе за ассигнования генералу Шкуро 15 млн. и прочее в том же духе»[1].

Центр реагировал по-другому. Он держался «третьего пути» и выступал против деникинцев, помещичья сущность которых во всем выпирала наружу. Одновременно центристы стояли за непримиримую борьбу с большевиками.

«Левое крыло,— сообщалось далее в докладе,— признавало необходимость стать на одну или другую сторону баррикады, признавало большевизм меньшим злом по сравнению с реакцией, требовало активной поддержки Красной Армии, призыва населения в ее ряды и мобилизации членов партии»[2]. До осени 1919 г. в Екатеринославе преобладали сторонники «третьего пути», но затем они стали разочаровываться в своей позиции.

Вера в третью силу покидала даже самых больших оптимистов. «Те стихийные движения крестьянства,— заканчивали доклад екатеринославские эсеры,— выливавшиеся то в григорьевщину, то в махновщину, то в петлюровщину, показали, что если третья сила должна прийти оттуда, то с ней придет рост анархии, худшей экономической разрухи и бандитизма. Партия продолжала пребывать в политическом бездействии, утрачивая все более и более влияние на трудовые массы, вызывая глухое недовольство в рядах наиболее активных товарищей»[3].

Большое разложение наблюдалось среди сибирских эсеров. Часть из них после колчаковского переворота вообще отошла от всякой политической деятельности. Другие (их было большинство), окопавшись в кооперативах и земствах, заняли положение «оппозиционной» партии. Со страниц своей главной газеты «Дело народа» и местных изданий они частенько тявкали на колчаковцев, повествуя, как те пороли население, жгли деревни, подавляли забастовки и восстания. Так, в одной из газет говорилось: «На станции Джелантуй начальником бронированного поезда был вызван старший помощник начальника станции Линский и увезен... ему дали 100 плетей, заставляя при этом петь «Боже, царя храни».— Если бы ты не стал петь, то

---

[1] ЦГАОР, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 1. л. 1.
[2] Там же, л. 2.
[3] Там же.

двести бы всыпали,— заявили ему. А его за что пороли? За то, что был делегатом Всероссийского железнодорожного съезда»[1].

Сибирские эсеры очень гордились тем, что были в оппозиции к белогвардейцам, и везде подчеркивали это. Между прочим, это проявилось даже в орфографии, которую они применяли в газетах. Колчаковцы, аннулируя все советское, отменили и новую орфографию. Они восстановили пресловутый ять (ъ), а также твердый знак (ъ) и десятеричное и (i). По поводу этого эсеры рассуждали так: Колчак — реакционер, он восстанавливает все старое, мы не пойдем за ним, но мы не можем следовать и за большевиками. Поэтому они и здесь избрали «третий путь»: восстановили твердый знак и десятеричное и, но решительно отказались от применения «реакционного» ятя. И так во всем. Но если белогвардейцев эсеры только критиковали, то на Советскую республику и большевиков лили ушаты помоев. Небольшая часть эсеров ушла в подполье, чтобы оттуда вести борьбу с Колчаком.

Характерным явлением для эсеровских организаций как на территориях, захваченных белогвардейцами, так и в Советской республике было то, что рядовые члены партии все больше уходили из-под влияния своих лидеров и сближались с Советской властью. 30 марта 1919 г. в Москве в полулегальных условиях проходила конференция правых эсеров Московского железнодорожного узла. На ней присутствовало около 50 человек. Докладчик (видный эсер) резко критиковал Советскую власть, ратовал за Учредительное собрание и призвал делегатов поддерживать забастовки. Рядовые эсеры отрицательно отнеслись к антисоветским призывам. Один из выступавших, сравнивая действия большевиков с «делами» их прямых противников — белогвардейцев, заявил: «Нам лучше идти с Лениным»[2]. Конференция приняла резолюцию не призывать к забастовкам. Так было во многих местах.

Осенью 1918 г. наметились сдвиги влево в партии меньшевиков. В октябре ЦК РСДРП опубликовал тезисы, в которых признавал, что «совершенный в октябре 1917 года большевистский переворот являлся исторически необхо-

---

[1] «К прекращению войны внутри демократии (Уфимские переговоры и наша позиция)», стр. 20.

[2] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 8, ед. хр. 3, л. 2.

димым»[1]. А ведь совсем недавно меньшевики лезли из кожи вон, чтобы доказать незаконность Октябрьской революции и ее неминуемую гибель. Теперь же они вынуждены были писать, что русская революция оказала огромное воздействие на развитие революционного движения во всех странах, являясь «гигантским бродилом, приводящим в движение весь мир».

На состоявшемся в последних числах декабря 1918 г. партийном совещании в Москве меньшевики пошли еще дальше. В резолюции этого совещания говорилось: «Успехи мировой социалистической революции самым тесным образом зависят от укрепления и развития возникшей из других социальных отношений революции российской, поскольку последняя обеспечивает тыл революционной Европы и дает возможность использования ею громадных естественных ресурсов европейского востока для дела экономического преобразования»[2].

Правда, меньшевики считали Октябрьскую революцию силой, необходимой прежде всего для «прикрытия тыла революционной Европы», а начавшуюся революцию в Германии рассматривали как «авангард мировой социалистической революции». Они не могли понять, что именно Великая Октябрьская социалистическая революция в России стала маяком всего революционного движения в мире.

Особенно показательным в изменении позиции меньшевиков явился их отказ от лозунга борьбы за Учредительное собрание. Этот вопрос «святая святых» для всех мелкобуржуазных социалистов в России. Эсеры до конца оставались верными этому лозунгу, меньшевики отошли от него. Это, конечно, не значило, что последние в принципе отказались от буржуазного парламента. Они остались верными ему и только в условиях того времени нерестали бороться за совершенно скомпрометировавший себя лозунг Учредительного собрания. «Снимая этот лозунг сегодня ввиду того, что исторически сложившееся соотношение общественных сил лишало его для данного момента всякого революционного содержания,— говорилось в итогах декабрьского партийного совещания,— партия поступает по

---

[1] Тезисы были приняты на заседании ЦК РСДРП, состоявшемся 17—21 октября 1918 г.

[2] «Всегда вперед», 5 января 1919 г. На совещании присутствовали 34 делегата с решающим голосом.

французской пословице: «Нужно отступить, чтобы лучше прыгнуть»»[1].

Меньшевики заявили, что берут «за исходный пункт своей борьбы советский строй как факт действительности, а не как принцип». Это означало, что они оставались противниками советской формы правления, не говоря уже о диктатуре пролетариата, о которой и слышать не хотели, но вынуждены были считаться с существованием рабоче-крестьянской власти.

Меньшевики полагали, что им удастся «изнутри» изменить политику Советской власти. РСДРП считала себя оппозиционной партией, но во всех официальных документах, как и раньше, отвергала «планы насильственного низвержения Советской власти», «всякие блоки с партиями имущих классов, а также с теми партиями и группами, хотя бы и демократическими, которые не порвали решительно всякую связь с силами контрреволюции и империализма»[2].

Весной 1919 г. в связи с наступлением Колчака и Деникина некоторые лидеры меньшевиков заявили, что они будут защищать Советскую власть, окажут помощь Красной Армии. Они обратились с призывом к рабочим всего мира усилить борьбу за прекращение интервенции против Советской республики.

Но все это не являлось отказом от меньшевистской политической линии. Меньшевики, как и эсеры, только изменили тактику.

В июле 1919 г. меньшевики опубликовали свою платформу, озаглавленную «Что делать?». «Что делать,— спрашивал ЦК РСДРП,— чтобы спасти российскую революцию от одолевших ее внешних врагов — Колчака, Деникина, Юденича, союзных империалистов — и от подстерегающих ее внутренних опасностей: голода, бестоварья, отсутствия топлива, ужасного дорожания всех продуктов, отчаяния и апатии рабочих масс, озлобления городской бедноты и крестьянства?»[3]

Оказывается, надо прежде всего «в корне изменить экономическую политику»: оставить в руках пролетарского

---

[1] «Партийное совещание РСДРП. 27 декабря 1918 г.— 1 января 1919 г. (Резолюции)». М., 1919, стр. 5.

[2] Там же, стр. 14.

[3] «Сборник резолюций и тезисов Центрального Комитета РСДРП и партийных совещаний». Владивосток, 1921, стр. 41.

государства только часть важнейших средств производства, а все остальные «постепенно передаются по общему правилу в частные руки путем либо сдачи в аренду кооперативам либо новым предпринимателям или возвращения старым владельцам»[1]. То же самое рекомендовалось и в торговле. Меньшевики предлагали рабочим отказаться от национализации промышленности, то есть от своего главного экономического завоевания. Они требовали изменения аграрной и продовольственной политики Советской власти. О профсоюзах меньшевики говорили, что эти организации должны быть совершенно независимы от государства.

Но это не все. Платформа ЦК РСДРП предусматривала коренные перемены в государственном строе. В ней в несколько измененной форме повторялись старые требования свободы печати, собраний, союзов, свободных выборов в Советы при тайном голосовании. Особенно ожесточенно меньшевики выступали против роли большевистской партии в советском обществе, против мер принуждения, к которым вынуждено было прибегать пролетарское государство в борьбе со своими классовыми врагами. Меньшевики настаивали на ликвидации чрезвычайных комиссий, полной реорганизации революционных трибуналов, отмене смертной казни. Короче говоря, ЦК РСДРП никак не мог смириться с диктатурой пролетариата.

Так, меньшевики под видом рецепта борьбы с Колчаком, Деникиным и разрухой в стране предлагали такие меры, которые бы на деле привели к ликвидации власти пролетариата и к победе буржуазии и помещиков.

Что касается различных резолюций и заявлений РСДРП и ее лидеров об оказании помощи Красной Армии, об осуждении тех людей, которые звали к свержению Советской власти, то они часто оставались только словами. В своей практической работе меньшевики далеко не всегда делали то, что писали и говорили. Колебания их продолжались.

Весной 1919 г. они усилили борьбу с Советской властью. Используя тяжелое продовольственное положение в городах, меньшевики вместе с эсерами в марте 1919 г. подняли часть рабочих на забастовки, которые прошли в Петрограде, Туле, Брянске, Астрахани, на Александровской желез-

---

[1] «Сборник резолюций и тезисов Центрального Комитета РСДРП и партийных совещаний», стр. 51.

ной дороге и в других местах. Участились случаи саботажа и диверсий. Меньшевистские и эсеровские газеты вели антисоветскую агитацию. Колчак наступал.

В этих условиях большевики прибегли к репрессиям. Были закрыты газета меньшевиков «Всегда вперед», прозванная рабочими в насмешку «задом наперед», и эсеровская газета «Дело народа», арестованы некоторые лидеры этих партий.

В конце марта 1919 г. руководители меньшевиков А. Вышинский, С. Громов, С. Либерман, Н. Суханов, Н. Череванин и другие направили в Совнарком В. И. Ленину письмо, в котором жаловались на гонения[1]. Они ссылались на постановление ВЦИК о легализации их партии[2]. Меньшевики никак не хотели понять, что им дали возможность издавать газеты, проводить собрания, выступать на митингах, работать в советских учреждениях (все подписавшиеся под письмом занимали видные посты в советских экономических органах) не для того, чтобы они вредили рабочим и крестьянам и этим помогали Колчаку и Деникину. Советская власть действовала по принципу: в тюрьму тех, кто помогает белогвардейцам, соглашение и использование тех меньшевиков, эсеров, беспартийных интеллигентов, которые хотели содействовать Красной Армии работой в тылу.

Некоторые усматривали в этом непоследовательность отношения большевиков к мелкобуржуазным демократам: вчера, мол, давали им обещания не трогать, а сегодня Дзержинский арестовывает эсеров и меньшевиков. Какое противоречие! «Да, противоречие,— говорил В. И. Ленин в марте 1919 г.— Но противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево»[3]. Всякий раз, продолжал Ленин, как только мелкобуржуазные демократы поворачиваются к нам, мы протягиваем им руку и говорим: «Милости просим». «Вы — не серьезный враг. Наш враг — буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры».

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 9102, л. 1.

[2] Имелось в виду постановление ВЦИК от 30 ноября 1918 г. (СУ, 1918, ст. 926).

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 137.

Среди рядовых меньшевиков, как и эсеров, продолжался дальнейший отход от руководителей. Лидерам все тяжелее становилось управлять совсем поредевшими рядами членов партии. Что касается влияния меньшевиков на рабочих, то оно резко упало даже в тех местах, где раньше меньшевики чувствовали себя свободно. Так, в Туле весной 1919 г. некоторые рабочие, поддавшись меньшевистской агитации, бросили производить оружие. Но это продолжалось буквально несколько дней. Большевики сумели доказать им ошибочность такой позиции.

Руководители меньшевиков остались в одиночестве.

Несмотря на то что часть мелкой буржуазии в 1919 г. вновь заколебалась, поворот, который в ней произошел, давал себя знать. Он имел глубокие последствия. И если лидеры меньшевиков и эсеров часто хитрили, а то и прямо двурушничали (особенно меньшевики), то среди рядовых членов партии было много таких, которые хотели честно служить рабочим и крестьянам. Одни из них порывали с партией и сотрудничали с Советской властью как беспартийные, другие вступали в РКП(б). Все это вело к дальнейшему разложению в партиях меньшевиков и эсеров, к уменьшению и без того малочисленного их состава, а самое главное — к отрыву от них все новых и новых слоев мелкой буржуазии. Непостоянная, вечно колеблющаяся политика этих партий, хныканье, злобное тявканье на Советскую власть, неспособность к большим самостоятельным делам — все это приводило к тому, что меньшевики и эсеры теряли последний политический авторитет в обществе. И только в некоторых местах, главным образом в тех, которые только освобождались от белогвардейцев, они временно сохраняли известное влияние. Но было ясно: эти партии шли к неизбежному и полному краху.

2. Левые отряды мелкобуржуазной демократии

Партия социал-демократов интернационалистов с самого начала была очень малочисленной. Слово «партия» к ней можно было применить только условно. В самые лучшие времена она насчитывала всего несколько тысяч членов. С осени 1918 г. численность меньшевиков-интернационалистов стала резко падать. В апреле 1919 г. на III съезде они насчитывали в своих рядах 1078 человек (без

сочувствующих), а на IV съезде в декабре 1919 г.— всего 420 человек[1].

Показательно, что на съездах каждый раз присутствовали представители от новых организаций, что говорило о большой неустойчивости членов партии: одни покидали партию, другие вступали в нее, но каждый раз уходило все больше и больше людей. Партия на четыре пятых состояла из мелкой буржуазии. Так, летом 1919 г. из 30 членов Самарской организации только 5 человек были рабочие, причем высокооплачиваемые. Остальные — бухгалтеры, счетоводы, учителя, машинисты. В Тверской организации из 18 членов рабочих насчитывалось всего 3 человека[2]. Таким же было руководящее ядро меньшевиков-интернационалистов.

Распад этой партии, а также требования оставшихся рядовых ее членов активной поддержки Советской власти и тесного сотрудничества с коммунистами заставили ЦК пойти на дальнейшее изменение своей политики в сторону сближения с РКП(б). Но это не означало, что все меньшевики-интернационалисты уже работали в контакте с коммунистами и хотели с ними слиться. В ряде мест они выступали против большевиков. Летом 1919 г. уездный комитет РКП(б) города Велижа сообщал, что местные меньшевики-интернационалисты саботировали мероприятия Советской власти, клеветали на коммунистов. Они, оказавшись у руководства профессиональным союзом служащих, не принимали в него большевиков, противодействовали мобилизации членов партии на фронт[3]. Однако многие меньшевики-интернационалисты, в том числе и большинство членов ЦК, стояли за то, чтобы принять программные документы РКП(б) и слиться с ней.

IV съезд социал-демократов интернационалистов в декабре 1919 г. принял постановление о слиянии с Коммунистической партией. В нем говорилось: «Мы революционные марксисты, следовательно, мы за манифест международной коммунистической партии, за диктатуру пролетариата, за советскую систему государственности и за гражданскую, классовую войну в мировом масштабе, а если это так — а это несомненно так,— то что же нас принципиально от-

[1] ЦГАОР, ф. 8357, оп. 1, ед. хр. 9, л. 2—27; ед. хр. 10, л. 4—5. Печатным органом партии была газета «Пролетарий».
[2] ЦГАОР, ф. 8357, оп. 1, ед. хр. 28, л. 53, 56.
[3] ЦГАОР, ф. 8357, оп. 1, ед. хр. 20, л. 14.

деляет от коммунистов? Ничего. Практические разногласия имеются во всякой здоровой массовой рабочей партии, будут они и впредь, но разве оставшиеся и постоянно вновь возникающие по вопросам практической политики разногласия могут служить достаточным основанием для раздельного существования? Конечно, нет. Вот почему съезд высказался за немедленное слияние с РКП»[1].

Центральный Комитет большевиков положительно отнесся к просьбе меньшевиков-интернационалистов. Он дал указание местным организациям принять их в свой состав. Большинству меньшевиков-интернационалистов засчитывался стаж пребывания в своей партии.

С осени 1918 г. стал постепенно сближаться с большевиками Бунд[2]. В период наибольших успехов Деникина в 1919 г. он мобилизовал своих членов в Красную Армию. Коммунисты, критикуя лидеров этого союза за непоследовательность, в то же время стремились шире привлекать рядовых членов Бунда к советской работе.

Так все левые мелкобуржуазные партии, признавшие и поддерживавшие Советскую власть, желавшие сближения с коммунистами, а затем и слияния с ними, получили возможность в рядах РКП(б) проявить свою преданность революции. Многие из вступивших в большевистскую партию честно трудились на благо рабоче-крестьянского государства. Но были и такие, которые сознательно маскировались, двурушничали, исподтишка вредили Советской власти. Эти люди исключались при чистке партии или сами уходили при новых крутых поворотах в развитии классовой борьбы в Советской России.

Что стало с теми левыми эсерами, которые поддерживали свой ЦК партии, одобрили московский мятеж? Часть остатков партии возглавляли Спиридонова и Камков. Левые эсеры, чем дальше, тем больше обостряли борьбу с Советской властью, не гнушаясь никакими средствами. Они лгали, подбивали рабочих на забастовки, крестьян на выступления против продовольственной политики.

Когда в начале февраля 1919 г. Советское правительство обратилось к государствам Антанты с предложением мирных переговоров, левые эсеры завопили об измене со-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12128, л. 7. Съезд проходил с 17 по 19 декабря 1919 г.

[2] Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, входивший в состав РСДРП.

циализму. «4-го февраля,— писали они в листовке,— большевики от лица трудящихся совершили акт предательства социалистической революции. Они обратились к пяти великим державам с нотой, в которой предлагают заключить мир...» Левые эсеры, окончательно оторвавшись от народа, не понимали, что рабочие и крестьяне хотели прекращения войны, чтобы приступить к мирному строительству. Советское правительство шло на уступки ради интересов революции. В. И. Ленин говорил тогда, что мы готовы кое-что отдать мировым разбойникам, но пусть они оставят нас в покое. Социализм от этого выиграет.

Особенно ярую антисоветскую пропаганду вела Мария Спиридонова. В своих «речах-воплях» она называла большевиков «насильниками», «грабителями», «разбойниками с большой дороги» и открыто призывала к их свержению. Выступая в феврале 1919 г. на заводе «Дукс» в Москве, она твердила, что рабочие связаны по рукам и ногам, лишены всякой инициативы. «Не есть ли это самодержавие,— истерически восклицала она,— не переживаем ли мы те времена, когда рабочие работали 15—18 часов в сутки за гроши и должны были исполнять все то, что им приказывали, ибо за ними зорко следили глаза жандармов, как теперь за ними следят глаза большевистских комиссаров»[1].

В марте 1919 г. левые эсеры, используя голод, подняли часть несознательных рабочих Путиловского завода на забастовку. Заколебались и рабочие фабрики «Скороход». Но передовые питерские пролетарии дали отпор авантюристам и потребовали строгого наказания антисоветских агитаторов. Петроградский Совет принял решительные меры и пресек подрывную работу левых эсеров.

В Москве ВЧК в феврале арестовала свыше 50 руководителей и видных левых эсеров. Среди них была Спиридонова. В том же месяце над ней состоялся суд, вынесший такое постановление: «Трибунал нашел, что деятельность М. Спиридоновой, как представительницы политической группы левых эсеров, при недостаточно окрепшем положении красного фронта и тыла Советской России в связи с чрезвычайно сложным положением страны в борьбе с мировым капиталистическим империализмом является вредной.

Однако, принимая во внимание болезненно-истерическое состояние обвиняемой, не преследуя в наказании

[1] «Правда», 13 февраля 1919 г.

целей отмщения врагам революции и не желая причинять М. Спиридоновой излишние страдания, одновременно с тем охраняя рабоче-крестьянскую революцию и стоя на страже ее завоеваний, трибунал постановил изолировать М. Спиридонову от политической и общественной деятельности на один год посредством заключения ее в санаторий с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда»[1].

Спиридонова злоупотребила решением советского суда. Помещенная временно в Кремле и пользуясь слабой охраной, она склонила на свою сторону одного из охранявших ее красноармейцев и в апреле 1919 г. совершила побег. Но ни ей, ни другим лидерам разбитой контрреволюционной партии, не желавшим сложить оружия, не удалось в дальнейшем уйти от карающей руки диктатуры пролетариата.

В 1919 г. подавляющее большинство местных организаций левых эсеров на территории Российской Федерации распалось, остались кое-где небольшие группки и отдельные лица. Попытка возродить эсеровские организации в освобожденных от белогвардейцев губерниях в конечном счете также провалилась, хотя в первое время они кое-где возникли. Но дело в том, что левые эсеры, лишившись поддержки трудящихся масс, вынуждены были теперь апеллировать к буржуазной публике. Некоторые левые эсеры даже возмущались этим.

15 сентября 1919 г. один из эсеровских активистов писал из Уфы: «Вчера было общее собрание организации. Обсуждались вопросы, связанные с деятельностью комитета. Присутствовало много публики, по-моему чуждой совершенно истинного революционного такта. Все эти господа из чиновников и офицеров никогда не смогут быть революционерами. Какая необходимость заставляет нас волочиться с ними? Выгнать их к чертовой матери из наших рядов! От этого мы только выиграем, но не потеряем. В связи с этим чувствую себя очень неудовлетворительно»[2].

В 1919 г. партия левых эсеров фактически прекратила свое существование. Остались только отдельные небольшие группы. Некоторые левые эсеры прибегли к террору. В письме руководительницы Петроградской организации

---

[1] «Правда», 25 февраля 1919 г.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 20, л. 37.

Тамары Азарьянц к левым эсерам города говорилось о большевиках: «Надо им силу показать, надо страх смертельный на них нагнать»[1]. Показывать левым эсерам нечего было, но бомбы бросать они еще могли.

Несколько слов о максималистах и анархистах. Общий процесс разложения мелкобуржуазной демократии не миновал и этих групп. Они также продолжали раскалываться и распыляться. В апреле 1919 г. на 5-й конференции максималистов от них отошла группа во главе с Архангельским, А. Бердниковым, Ф. Светловым. Она заявила, что *продолжает быть сторонницей Советской власти*. Оставшиеся же в «Союзе социалистов-революционеров максималистов» под влиянием левых эсеров объявили войну большевикам. Они встали на путь террора, «экспроприаций», а точнее, грабежа советских учреждений. В 1919 г. максималисты похитили из кассы Тульского патронного завода 3 млн. руб. В декабре того же года Московская чрезвычайная комиссия арестовала большую группу максималистов за «экспроприации».

О разброде среди анархистов свидетельствовал состоявшийся в конце декабря 1918 г. первый Всероссийский съезд анархистов-коммунистов. На нем были представители из 15 губерний от 550 зарегистрировавшихся анархистов-коммунистов, входивших во Всероссийскую федерацию[2]. Делегаты высказывали самые различные точки зрения и предлагали свои резолюции. Одни призывали к борьбе с Советской властью, другие — к миру с ней, третьи занимали нейтральную позицию. Петроградские анархисты предложили, например, такую резолюцию: «Относясь отрицательно к существующей власти, как и ко всякой власти, мы признаем прямую борьбу (восстание) с ней в данный момент нецелесообразной и считаем возможным разложение власти изнутри путем вхождения в созданные властью организации масс (Советы, комитеты и т. п...)»[3].

---

[1] *М. Я. Лацис (Судрабс).* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, стр. 59.

[2] Секретарь Всероссийской федерации анархистов-коммунистов А. А. Карелин в докладе сделал предположение, что число всех анархистов, находившихся в связи с федерацией, будет примерно 3 тыс. человек (см. «Протоколы первого Всероссийского съезда анархистов-коммунистов 25—28 декабря 1918 г.» [М.], 1919, стр. 7).

[3] Там же, стр. 24.

Однако многие анархисты стояли за известное сотрудничество с большевиками, за участие в Советах, но не как в органах власти.

Закрывая съезд, Карелин сказал, что это был первый в мире действительно последовательный анархический съезд, который не принял никаких резолюций, ни разу не прибегал к голосованию в решении практических вопросов.

В дальнейшем часть анархистов все больше сближалась с Советской властью, некоторые вступали в РКП(б). Политбюро ЦК РКП(б), обсудив 31 октября 1919 г. ходатайство представителя Всероссийской федерации анархистов А. Карелина о разрешении издавать еженедельный журнал, вынесло решение: «Предложить Государственному издательству разрешить журнал, а Президиуму ВЦИК дать средства».

Но многие из оставшихся анархистов усилили борьбу против большевиков. Самые заядлые из них перешли на нелегальное положение, образовав группу «анархистов подполья», которая в сентябре 1919 г. совершила взрыв в Леонтьевском переулке во время заседания Московского комитета Коммунистической партии. В диверсии непосредственно участвовало пять человек. Двое из них пробрались на балкон и оттуда бросили в зал заседания полуторапудовую бомбу. Остальные трое охраняли путь для отступления. Во время взрыва было убито и ранено более 50 человек. Погиб секретарь МК В. М. Загорский. Тогда советским органам не удалось задержать убийц. Но в первых числах ноября один из них был застрелен в Гнездниковском переулке при оказании сопротивления сотрудникам МЧК, других арестовали позже.

Московские чекисты обнаружили главное гнездо «анархистов подполья»: оно находилось на одной из подмосковных дач у станции Красково. Чекисты окружили дачу и предложили анархистам сдаться, но те начали отстреливаться, а затем, подпустив чекистов на близкое расстояние, адской машиной взорвали помещение. От «анархистов подполья» и от дачи ничего не осталось.

Во время следствия о взрыве в Леонтьевском переулке выяснилось, что «анархисты подполья» входили в организацию под названием «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан» и в борьбе с Советской властью блокировались с левыми эсерами. Осенью 1919 г. они издали несколько номеров газеты «Анархия».

Таково было положение в мелкобуржуазных партиях на новом этапе гражданской войны.

III. БОРЬБА ЗА УПРОЧЕНИЕ СОЮЗА СО СРЕДНИМ КРЕСТЬЯНСТВОМ

Поворот многомиллионных масс середняка в сторону Советской власти дал Коммунистической партии основание изменить свой стратегический лозунг по отношению к крестьянству. Это было сделано в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б). В резолюции съезда «Об отношении к среднему крестьянству» говорилось:

«Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания всеми советскими работниками деревни той, вполне установленной научным социализмом, истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплуататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда. Такой класс мелких производителей не может потерять от социализма, а, напротив, выиграет в очень сильной степени от свержения ига капитала, эксплуатирующего его тысячью способами во всякой, даже самой демократической, республике.

Вполне правильная политика Советской власти в деревне обеспечивает, таким образом, союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством»[1].

Коммунистическая партия переходила от нейтрализации середняка к заключению прочного союза с ним. Беднота деревни по-прежнему оставалась основной опорой Советской власти, а главным врагом — кулак.

VIII съезд партии потребовал самого внимательного отношения к нуждам среднего крестьянина: не ущемлять его интересов ни при раскладке налога, ни при реквизиции хлеба, ни при распределении городских товаров. Всех работников, которые принуждали крестьян к вступлению в коллективные хозяйства, предлагалось немедленно снимать с постов. Особое внимание обращалось на то, чтобы против середняка ни в коем случае не применялись меры, направленные против кулака. Социалистическое государство, указывал съезд, должно развернуть широкую помощь

[1] «Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы». М., 1959, стр. 430.

крестьянству сельскохозяйственными орудиями и повышением культуры земледелия.

Выполняя решения высшего органа Коммунистической партии, Советская власть приступила к претворению в жизнь практических мер оказания помощи средним крестьянам, к установлению и упрочению с ними союза. Был издан декрет об амнистии крестьян, которых кулаки вовлекли в антисоветские выступления. Середняки получили большие льготы при взыскании единовременного чрезвычайного революционного налога. Многих крестьян освободили от уплаты натурального налога[1]. Наряду с этим пролетарское государство в 1919 г. вновь повысило цены на хлеб, усилило помощь семьям красноармейцев.

Коммунистическая партия и Советское правительство большое внимание уделяли правильному отношению к среднему крестьянину со стороны местных властей. Надо заметить, что не только некоторые партийные и советские работники губерний и уездов, но даже отдельные члены ЦК РКП(б) не понимали ленинского курса на союз с середняком. Это особенно относилось к бывшим «левым коммунистам». Так, Преображенский, вернувшись в начале лета 1919 г. из поездки в одну из губерний, куда он был направлен как уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК, говорил на совещании партийных работников: «Мы должны помнить, что диктатура пролетариата есть диктатура пролетариата, крестьянин в этом деле помощником быть не может. Он может прийти к такому заключению, что мы есть меньшее зло, чем другая диктатура, но диктатура остается, и в этом отношении у нас кулак должен быть на запасе»[2]. Бухарин вторил ему, что мужику надо все время показывать кулак и держать курс на мировую революцию, в которой одно спасенье Советской власти. Эти люди не верили в возможность союза рабочих и крестьян.

Что касается местных организаций, то там до таких «теоретических» обобщений не доходили, там работали практики, но в отношении к средним крестьянам некоторые работники злоупотребляли своей властью, не только показывая крестьянам кулак, но и действуя им. Коммунистическая партия решительно боролась с извращением политики по отношению к трудовому крестьянству и строго наказывала нарушителей советской законности.

[1] СУ, 1919, № 12, ст. 121; № 14, ст. 133.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед хр. 9989, л. 16.

Группа работников исполнительного комитета Казанского губернского Совета (1919 г.).
В центре (сидит) председатель исполкома И. Ходоровский

Большое значение в завоевании крестьян на сторону оветской власти сыграла развернутая коммунистами мас-ово-политическая и культурно-просветительная работа в еревне.

Летом 1919 г. при ЦК РКП(б), а затем при губерн-ких и уездных комитетах большевиков были созданы ециальные отделы по работе в деревне. Среднее крестьянство все больше и больше привлекалось к работе Сове-ов. Если в конце 1918 г. в составе уездных съездов Со-етов беспартийные делегаты составляли менее 25%, то в ервой половине 1919 г.— уже 34%, во второй половине — 5, а в 1920 г.— более 56%[1].

Советская власть исправляла ошибки, допущенные при здании артелей, коммун, совхозов. Большинство сред-

[1] «V лет власти Советов». М., 1922, стр. 88—89. (Приложение. артийный состав уездных съездов Советов.)

него крестьянства в то время высказывалось против этих форм хозяйства. А поскольку некоторые ретивые местные работники насаждали их принудительно, то немало было случаев, когда крестьяне на этой почве выступали против Советской власти. Кулаки и контрреволюционеры всех мастей грели руки на промахах и широко их использовали в своей агитации.

В. И. Ленин в ноябре 1919 г. говорил: «Движение к устройству земледельческих коммун и артелей за эти два года было громадно. Но, смотря на вещи трезво, мы должны сказать, что масса товарищей, которые бросились на устройство коммун, шли в земледелие, в сельское хозяйство с недостаточными знаниями хозяйственных условий крестьянской жизни. Поэтому здесь надо было устранить громадную массу ошибок, последствий торопливых шагов, неправильного подхода к делу»[1].

Союз рабочих и трудящихся крестьян упрочился раньше всего и больше всего в губерниях Центрально-Промышленного и Северного районов. Конечно, так было не во всех местах. В некоторых деревнях кулакам и белогвардейцам на почве неправильного взимания хлеба по продразверстке или мобилизации в армию удалось поднимать крестьян против Советской власти. Но таких выступлений было сравнительно немного.

В Поволжье этот союз укрепился несколько позже. Весной 1919 г. в период наступления Колчака часть среднего крестьянства этих районов снова заколебалась. В Симбирской, Самарской и других губерниях произошли восстания против Советской власти. Однако положение в Поволжье по сравнению с летом 1918 г. в корне изменилось. В мятежах участвовала небольшая часть крестьян. Колчак не нашел поддержки в среднем крестьянстве. Мало того, по мере продвижения белогвардейцев с Урала к Волге трудовое крестьянство все активнее выступало на стороне Советской власти. Оно боялось, что колчаковцы отберут землю и восстановят старые порядки. Таким образом, поход Колчака ускорил укрепление союза рабочих и крестьян в восточных губерниях страны, а также оказал влияние на крестьян и других районов.

На юге республики переход среднего крестьянства на сторону Советской власти закончился во второй половине

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 313.

919 г. Здесь тоже в первое время часть крестьян, руководимая кулаками, выступала против Советов. Но по мере родвижения деникинской армии к Москве среднее крестьянство все больше осознавало, какая угроза нависла над им. Вместе с армией в свои старые имения возвращались омещики. Они не ждали ни одного дня и предъявляли вои права, подкрепляя их военной силой. После этого е только середняки, но и многие богатые крестьяне, которые еще вчера ругали Советскую власть в связи с продазверсткой и мобилизациями в Красную Армию, теперь однимались на ее защиту.

К осени 1919 г. союз рабочего класса и трудового крегьянства укрепился в главных районах Российской Федеации, охватывавших около 30 губерний. Эта территория была основной базой, из которой Советская власть черала свои силы в борьбе с белогвардейцами и интервентаи в 1919 г.

В годы гражданской войны и иностранной военной инервенции отношения между пролетариатом и трудящимся рестьянством приняли форму военно-политического сою-

за. О сущности его В. И. Ленин говорил, что крестьяне получали от рабочего государства землю и защиту от помещиков и кулака, а рабочие — от крестьян хлеб в долг до восстановления крупной промышленности.

Однако были и такие районы, где пролетариату в то время не удалось установить союза с большинством крестьянства. Речь идет прежде всего о юго-востоке страны, населенном главным образом казачеством.

В начале 1919 г. Красная Армия освободила большую часть Донской, Уральской областей и Оренбургской губернии. Главной задачей Советской власти в этих местностях являлось проведение в деревне тех мероприятий, которые в центральных губерниях страны были осуществлены летом и осенью 1918 г.: классовый раскол деревни, организация бедноты, обуздание кулачества. К ним еще добавилось взимание хлеба по продразверстке.

Однако решение этих задач с самого начала приняло неправильное направление. Под влиянием некоторых членов ЦК РКП(б), бывших во второй половине 1918 и в начале 1919 г. на юге и видевших там ожесточенную борьбу казачества с Советской властью, страшные зверства, чинимые казаками над рабочими и бедными крестьянами, Оргбюро ЦК РКП(б) 24 января 1919 г. приняло циркулярное письмо, определявшее политику Советской власти по отношению к казачеству.

В нем говорилось: «Последние события на различных фронтах в казачьих районах — наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск — заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах»[1]. Далее излагались меры, которые следовало проводить по отношению к казачеству, чтобы предотвратить контрреволюционные выступления. Среди них были репрессии к кулакам, богатым казакам и тем, кто с оружием в руках активно боролся против Советской власти. «К среднему казачеству,— говорилось в письме,— применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти». Предлагалось оказывать всяческую помощь переселяющейся на Дон из других мест бедноте, уравнять казаков с «иногородними» в распреде-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 7, л. 1.

лении земли и во всех других отношениях, конфисковать и свезти на ссыпные пункты все излишки хлеба. В станицах «до установления полного порядка» оставались вооруженные отряды, казаки разоружались, оружие выдавалось только надежным элементам из «иногородних». «Всем комиссарам,— подчеркивалось в циркулярном письме,— назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания»[1].

Появление этого документа не случайно. Пролетариат хотел решительно пресечь контрреволюционные поползновения одного из главных врагов Советской власти — казачьей буржуазии. Но в письме, к сожалению, ничего не говорилось о борьбе за раскол в казачестве. У местных работников сложилось впечатление, что речь идет о применении репрессий к большинству казачьего населения, ибо оно прямо или косвенно участвовало в борьбе с Советской властью. Резкий тон письма усиливал такое впечатление.

Местные советские и партийные работники явно увлеклись «расказачиванием». Станицы переименовывались в деревни и села. Слово «казак» изгонялось из обихода. Носить казачью одежду запрещалось и т. д. Не трудно было понять, что эти меры никакого отношения к классовой борьбе не имели и могли нанести огромный вред.

Чтобы прекратить подобное «расказачивание», потребовалось вмешательство В. И. Ленина.

16 марта 1919 г. ЦК РКП(б), после доклада члена Реввоенсовета Южного фронта о положении на Дону, а также в уральском и оренбургском казачестве, учитывая раскол среди казаков и тот факт, что значительная часть их «может содействовать нам», принял решение приостановить применение мер, обозначенных в январском циркулярном письме, и способствовать расслоению казачества[2]. Смысл этого постановления состоял в том, что Коммунистическая партия центр тяжести своей работы переносила на дальнейшее расширение классового раскола в казачестве,

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 7, л. 1. Следует отметить, что письмо ЦК РКП(б) о казаках было захвачено колчаковцами и деникинцами и широко использовалось ими в агитации.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 11, л. 1.

на отрыв новых слоев его от Деникина и завоевание их на сторону Советской власти.

Однако местные власти не смогли вовремя перестроиться и исправить допущенные ими ошибки[1]. Богатые казаки и белогвардейцы воспользовались серьезными промахами Советской власти. Они развили бешеную агитацию среди казаков, говоря, что их хотят полностью истребить. Весной 1919 г. донские казаки восстали. Они создали в тылу Красной Армии, боровшейся с Деникиным, 30-тысячное войско. Деникинцы при помощи аэропланов установили связь с повстанцами. Командование Красной Армии вынуждено было бросить против мятежников крупные воинские силы. Но подавить мятеж не удалось. Белогвардейцы соединились с восставшими. Это укрепило силы Деникина и позволило ему в мае перейти в общее наступление.

А ведь этого могло не быть. В докладе особой комиссии казачьего отдела ВЦИК Совнаркому летом 1919 г. говорилось, что «на массовый террор без разбора (доказательного материала достаточно дано Президиуму ВЦИК) население казачьих областей ответило массовым восстанием и многие из тех средних элементов казачества, которые могли бы примкнуть к общей пролетарской семье и повести вместе с ней борьбу с деникинцами и их прихвостнями, отшатнулись от Советской власти и очутились в лагере Деникина»[2].

Вслед за Доном подняли мятежи уральские и оренбургские казаки. Белогвардейцы получили возможность значительно усилить свои армии за счет главным образом среднего казачества. Ошибки в казачьем вопросе снова дорого обошлись Советской власти.

Несмотря на то что пролетариату в первой половине 1919 г. не удалось не только перетянуть на свою сторону среднее казачество, но даже нейтрализовать его, огромные успехи, достигнутые в установлении и упрочении союза рабочего класса с многомиллионными массами среднего крестьянства в других районах страны, в значительной степени предопределили победу пролетарского государства в гражданской войне.

---

[1] Руководитель Донбюро РКП(б) С. И. Сырцов и некоторые другие работники продолжали отстаивать старую тактику по отношению к казакам.

[2] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 83, ед хр. 8, л. 68.

Победа рабочих в величайшей классовой битве за трудовое крестьянство стала возможна потому, что сам пролетариат (прежде всего наиболее передовая его часть) как господствующий класс сильно преобразился. Он закалился в борьбе, лучше стал управлять государством, создал вооруженные силы, укрепил свою диктатуру. Все это было достигнуто в обстановке, когда трудности и лишения оставались огромными.

Распыление пролетариата продолжалось на протяжении всей гражданской войны: часть рабочих уходила в деревню, многие призывались в армию, направлялись на партийную, советскую и хозяйственную работу. По данным академика С. Г. Струмилина, в 1919 г. численность рабочих в крупной промышленности составляла 1 335 тыс. человек[1].

По-прежнему очень тяжело было с питанием. Многие рабочие голодали. Из-за истощения участились несчастные случаи во время работы.

В середине февраля 1919 г. из Мальцевских металлургических и железоделательных заводов телеграфировали в Москву: «Крайне недостаточное снабжение продовольствием Мальцевского района совершенно прекратилось. Незначительные запасы огородных продуктов своего сбора прошлого года вследствие отсутствия привозных продуктов съедены. Продуктов в районе ненормированных нет совершенно. Призрак голодной смерти висит над рабочими. Рабочие истощены до крайности. Во время работы падают в обморок у станка, у ванны во время разливки с горячим чугуном в руках. Были случаи смерти в заводе за работой»[2].

В первой половине 1919 г. рабочие группы важнейших машиностроительных заводов («ГОМЗ»ы) в среднем получали в день 188 *г* хлеба, 16 *г* рыбы, 3 *г* масла, 8 *г* сахару, 12 *г* соли, 12 *г* капусты, 2 *г* мыла[3].

[1] См. *С. Г. Струмилин.* Указ. соч. В кн.: «Советская социалистическая экономика 1917—1957 гг.», стр. 122.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8706, л. 1. Копию этой телеграммы рабочие направили председателю Совнаркома В. И. Ленин дал указание заместителю наркома продовольствия Н. П. Брюханову помочь мальцевским пролетариям.

[3] См. *Л. М. Спирин.* Разгром армии Колчака. М., 1957, стр. 106.

Государство могло дать рабочим только половину продовольствия. Остальные продукты они вынуждены были покупать у спекулянтов на «черном» рынке по баснословно высоким ценам. На знаменитой «Сухаревке» (главный рынок в Москве) летом 1919 г. фунт черного хлеба стоил 45—50 руб., сахара — 230—250 руб., масла 400—450 руб. У рабочих не было таких денег. Поэтому рабочие, которые не получали добавочного питания, занимались различного рода «приработками»: делали зажигалки и другие простые, но необходимые для населения предметы и меняли их на хлеб. Тяжело было с предметами широкого потребления.

Все хуже становилось с сырьем для промышленности, металлами, топливом. К середине 1919 г. кончились запасы хлопка и многие текстильные предприятия прекратили работу. Количество рабочих-текстильщиков за полгода только в Москве сократилось с 48 до 15 тыс.[1]

Из рук вон плохо работали железные дороги. Разруха на транспорте усугублялась действиями белогвардейцев, которые угоняли или выводили из строя большое число паровозов, вагонов, взрывали железнодорожные мосты. В 1919 г. больше половины всех паровозов и одна пятая вагонов числились «больными».

Блокада, установленная империалистами Антанты, не давала возможности Советской республике получать что-либо извне. Приходилось надеяться только на свои собственные ресурсы и силы.

В условиях осажденной военной крепости, какой стала Советская республика со второй половины 1918 г., и острой нехватки продовольственных, промышленных и топливных ресурсов рабочий класс вынужден был временно отказаться от экономической политики, которую он проводил до лета 1918 г. Пролетарское государство перешло к политике, получившей название «военный коммунизм».

Рабочий класс вынужден был уже на этом этапе экономического строительства национализировать средние предприятия и взять под свой контроль мелкие. К 1 октября 1919 г. в собственности государства находилось 2,5 тыс. предприятий, что составляло более половины всех действовавших заводов и фабрик. На них было занято более 750

[1] См. «Правда», 9 сентября 1919 г.

тыс. рабочих. На 1 апреля 1920 г. число национализированных предприятий превысило 4 100, а количество рабочих на них — 980 тыс. человек[1].

Советское государство ввело строгую централизацию в управлении промышленностью и транспортом. Из наиболее важных заводов составляли группы ударных предприятий. Они объявлялись милитаризованными, рабочие с них в армию не призывались.

Лучше всего снабжались рабочие военных заводов и ударных предприятий. Они получали полный красноармейский паек или часть его. Число таких предприятий, а следовательно и рабочих, все время увеличивалось. В начале 1919 г. таких рабочих с семьями было 4 млн., а через год — 7,8 млн.[2]

Характерной для того времени была постепенная натурализация заработной платы. Рабочие и служащие зарплату получали не деньгами, которые все время падали в цене, а продуктами питания и товарами широкого потребления. К концу гражданской войны продовольственные пайки выдавались фактически бесплатно. Жилье, коммунальные услуги также стали бесплатными. Была введена всеобщая трудовая повинность.

Все это вместе с продовольственной разверсткой и составляло политику военного коммунизма. Она являлась вынужденной, временной, навязанной войной и разрухой. Для того времени это было правильно, ибо давало возможность лучше использовать имевшиеся скудные ресурсы государства для обороны Советской республики и разгрома ее многочисленных врагов.

В. И. Ленин позже указывал, что политика военного коммунизма являлась попыткой ««штурмовым» способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения»[3].

В таких условиях рабочему классу приходилось жить и защищать свое первое в мире отечество. Между тем напряжение борьбы все возрастало, задачи, стоявшие перед пролетариатом, усложнялись, нагрузка, ложившаяся на рабочих, увеличивалась. Пролетариат был малочисленным,

---

[1] См. «Народное хозяйство», 1920, № 13—14, стр. 57.

[2] См. *И. А. Гладков.* Очерки советской экономики 1917—1920 гг. М., 1956, стр. 356.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 204.

а ему надо было не только работать на фабриках и заводах, но и посылать сотни тысяч своих представителей на постоянно расширяющиеся участки военного, политического и хозяйственного фронтов. Рабочие в 1919 г. составляли 30% членов губернских исполкомов Советов. В губернских совнархозах их было более 57%, в заводоуправлениях — 64%[1]. Наибольшее число рабочих в Советах и органах управления находилось в конце 1918 — начале 1919 г. после изгнания оттуда представителей мелкобуржуазных партий. Это было время, когда тяжесть, лежавшая на плечах пролетариата, являлась самой большой, а база его диктатуры — самой узкой.

В. И. Ленин в марте 1919 г. говорил, что слой рабочих, которые управляли до сих пор Советской республикой и составляли ее основную силу, был очень тонок. «Если когда-нибудь будущий историк,— продолжал он,— соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе всю неимоверную тяжесть управления страной,— никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил»[2].

По документам того времени видно, что слой этот составлял всего несколько сот тысяч передовых пролетариев.

Но рабочие, находившиеся в первых рядах, были несгибаемы. Они составляли те железные колонны, которые могучей поступью прошли по стране из края в край. Среди них не было ни следа паники в самые тяжелые моменты борьбы, ни хныканья от повседневных невзгод, ни бахвальства в дни побед.

Сознательные пролетарии показывали другим классам и группам общества пример великого героизма в тылу и на фронте. «Рабочие Мальцевского завода,— говорилось в конце телеграммы, которая выше уже приводилась,— мужественно терпели и довели себя до полного истощения, до сего времени оставаясь у станков и работая»[3]. Рабочие после тяжелого рабочего дня отправлялись работать еще несколько часов бесплатно. Разве это не свидетельство

---

[1] См. «История гражданской войны в СССР», т. 4. М., 1959, стр. 376.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8706, л. 1.

новой, более высокой самоорганизации и самодисциплины? Знаменитые коммунистические субботники, которые возникли в Москве в самый разгар борьбы с Колчаком, затем распространились на всю страну.

С великой гордостью за российский пролетариат В. И. Ленин писал в 1919 г.: «...Рабочие, перенесшие неслыханные мучения голода, холода, разрухи, разорения, не только сохраняют всю бодрость духа, всю преданность Советской власти, всю энергию самопожертвования и героизма, но и берут на себя, несмотря на всю свою неподготовленность и неопытность, бремя управления государственным кораблем! И это в момент, когда буря достигла бешеной силы...»[1]

Своей преданностью революции, защитой интересов угнетенных и обездоленных рабочий класс вначале завоевал сочувствие, а затем поддержку многомиллионных непролетарских трудящихся масс.

В этом было главное. *«Исторически побеждает тот класс,*— говорил В. И. Ленин,— *который может вести за собой массу населения»*[2].

V. УКРЕПЛЕНИЕ РЯДОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Осень 1918 г. явилась переломным моментом в строительстве большевистской партии. Вокруг рабочего костяка партии стали объединяться трудящиеся крестьяне — беднота и середняки. Поворот мелкой буржуазии к пролетариату привел к тому, что наиболее активные и сознательные крестьяне потянулись к Коммунистической партии.

Придавая огромное значение расширению и укреплению партийных организаций на селе, ЦК РКП(б) 21 сентября 1918 г. опубликовал циркулярное письмо о партийной работе в деревне. В нем говорилось о необходимости создания на местах специального аппарата, который бы занимался организацией сельских партийных ячеек и их руководством. В письме справедливо отмечалось, что губернские и уездные комитеты большевиков сделали очень мало

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 234—235.
[2] Там же, стр. 351.

в области партийного строительства в деревне. Центральный Комитет заканчивал письмо словами уверенности в том, что «члены партии победят все трудности на пути нового строительства, и Советская Россия покроется сетью организаций, охватывающих и темные, глухие углы, втягивая и их в процесс созидания нового общества на коммунистических началах»[1].

Осенью 1918 г. губернские и особенно уездные комитеты коммунистов развернули большую организационную деятельность по созданию партийных ячеек на селе.

На основании имеющихся в ЦПА ИМЛ архивных материалов можно сделать вывод, что в конце 1918 и первые месяцы 1919 г. в волостях и селах возникло от половины до двух третей всех деревенских партийных организаций, существовавших в годы гражданской войны[2]. Это было одним из ярких свидетельств крутого поворота в крестьянстве.

Если в первой половине 1918 г. в 30 губерниях европейской части Советской республики было в деревне около 400 партийных организаций, то в марте 1919 г. только в 164 уездах 15 губерний стало 3778 волостных и сельских ячеек, объединявших около 65 тыс. членов РКП(б) и 25 тыс. сочувствующих и кандидатов[3].

Численный рост Коммунистической партии базировался прежде всего на успехах партийного строительства в деревне. Так, в Костромской губернии к началу марта 1919 г. из 160 партийных организаций, насчитывавших 5296 членов партии и сочувствующих, 140 организаций приходилось на деревню. В них состояло 3008 человек, или более 56% всех коммунистов[4]. Во многих губерниях в конце 1918 — начале 1919 г. деревенские коммунисты в численном отношении преобладали над городскими.

---

[1] «Правда», 21 сентября 1918 г.

[2] Так, в Тверской губернии из 349 деревенских партийных организаций, имевшихся в годы гражданской войны, 230 возникло во второй половине 1918 г., главным образом в сентябре — декабре 1918 г., 57 — в 1919 г. и 49 — в 1920 г.; в Пензенской — из 252 соответственно 162, 54 и 13. В губерниях, которые были освобождены осенью 1918 г., многие деревенские ячейки образовались в январе — марте 1919 г. Например, в Казанской губернии из 260 сельских парторганизаций в сентябре — декабре 1918 г. оформилось 42, в январе — марте 1919 г.—92.

[3] См. «Известия ЦК РКП(б)», 2 декабря 1919 г.

[4] См. «Правда», 12 апреля 1919 г. Из 3008 человек было 1723 члена партии и 1285 сочувствующих.

Кто же вступал в партию в деревне? Прежде всего беднота, жившие на селе рабочие, а также часть середняков. Самыми стойкими членами партии были люди, давно боровшиеся за Советскую власть. Вот что писал в заявлении в волостную ячейку большевиков села Большой Глушицы Самарской губернии крестьянин-фронтовик С. К. Бокаев в начале декабря 1918 г.:

«Прошу товар[ищей] коммунистов Б. Глушицкой ячейки принять меня, Бокаева, в члены партии, как желающего вступить в семью трудового пролетариата. Притом добавляю к сему заявлению, что я, Бокаев, есть сын трудового крестьянина. Затем добавляю, что я, Бокаев, со дня большевистского переворота стою на платформе Советской власти, в чем и могу указать, в каких учреждениях мне пришлось работать для блага трудящихся. Мне пришлось работать в самый тяжелый момент, когда Самара была занята чехами. Я стоял на посту комиссара по продовольствию города Рузаевки. И несколько выборов был председателем волостного исполкома. И до сих пор работаю для блага пролетариата.

Затем добавляю и ознакомлю вас, товарищи, в каких боях мне пришлось содействовать. В первом бою мне пришлось содействовать в центре Москвы 27 октября 17 года, [когда мы] заняли гостиницу «Метрополь». Мне пришлось как фронтовику-артиллеристу драться с этими бандитами. Мне пришлось биться совместно с товарищами из пушек по «Метрополю». Также, когда была занята Пенза чехами, я также действовал с товарищами города Рузаевки, ездил с пушками для подавления этих банд. Вот, дорогие товарищи, работа моя. В чем и подписуюсь»[1].

Таких было много. Вместе с тем в партию пришло большое число крестьян, которые ничем себя не проявили. Летом 1918 г. они занимали нейтральную позицию: против Советской власти не выступали, но и не поддерживали ее. Теперь же, когда Советская власть укрепилась, часть их вступила в партию, чтобы получить определенные привилегии. В волостные и сельские ячейки попало немало совершенно чуждых людей. Это замаскировавшиеся кулаки, вчерашние торговцы, «раскаявшиеся» попы и т. д. Коммунистической партии предстояло провести большую работу, с тем чтобы укрепить свои организации и оставить в них только тех, кто заслуживал этого.

[1] ПАКО, ф. 58, оп. 1, ед. хр. 27, л. 1.

Самым крупным событием партийной жизни 1919 г. явился VIII съезд РКП(б), состоявшийся в марте. На нем присутствовали 301 делегат с решающим голосом и 102 с совещательным. Они представляли 313 766 членов партии[1].

Съезд принял новую программу партии, рассчитанную на весь переходный период от капитализма к социализму. Большое значение для укрепления партии имели решения съезда по организационным вопросам[2].

Согласно решению съезда, ЦК на первом же заседании (25 марта) выделил из своего состава Политическое и Организационное бюро[3].

Выполняя решения VIII съезда, партия усилила борьбу за завершение перестройки всей своей деятельности на военный лад, которая началась со второй половины 1918 г. Речь шла прежде всего об изменениях во внутренней жизни партии применительно к нуждам войны. VIII съезд указал, какие организационные формы партийной жизни и работы являлись в то время наиболее целесообразными.

«Партия находится в таком положении,— говорилось в решении съезда,— когда строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью. Все решения высшей инстанции абсолютно обязательны для низших. Каждое постановление должно быть прежде всего выполнено, и лишь после того допустима апелляция к соответствующему партийному органу. В

[1] В повестке дня съезда стояли следующие вопросы: 1. Отчет Центрального Комитета. 2. Программа РКП(б). 3. Создание Коммунистического Интернационала. 4. *Военное положение и военная политика.* 5. Работа в деревне. 6. Организационные вопросы. 7. Выборы Центрального Комитета.

[2] В ЦК РКП(б) было избрано 19 человек: А. Г. Белобородов, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Евдокимов, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, В. И. Ленин, М. К. Муранов, К. Б. Радек, Х. Г. Раковский, Л. П. Серебряков, И. Т. Смилга, И. В. Сталин, Е. Д. Стасова, П. И. Стучка, М. П. Томский, Л. Д. Троцкий; в кандидаты — 8 человек: А. С. Бубнов, М. Ф. Владимирский, К. Х. Данишевский, В. С. Мицкявичюс-Капсукас, Ф. А. Сергеев (Артем), И. Н. Смирнов, В. В. Шмидт, Ем. Ярославский.

[3] В состав Политбюро вошли Каменев, Крестинский, Ленин, Сталин, Троцкий, кандидатами — Бухарин, Зиновьев, Калинин, в Оргбюро — Белобородов, Крестинский, Серебряков, Сталин, Стасова, кандидатом — Муранов. Ответственным секретарем ЦК была избрана Стасова.

этом смысле в партии в данную эпоху необходима прямо военная дисциплина»[1].

В дальнейшем все больше и больше происходило военизирование партии и ее аппарата. Это являлось главной характерной чертой внутрипартийной жизни в годы гражданской войны. Военизация партии включала в себя много элементов. Важнейшими из них являлись: нахождение партийных организаций и коммунистов на военном положении, большое развитие централизма, система своеобразных боевых приказов, которые отдавались в партии сверху вниз.

Одним из главных элементов военизирования партии и ее организационной перестройки явилось создание из коммунистов отрядов особого назначения. Подобные отряды под разными названиями формировались при губернских и уездных комитетах партии еще в 1918 г. для борьбы с выступлениями внутренней контрреволюции. В апреле 1919 г. ЦК РКП(б) в связи с походом Колчака и активизацией внутри страны антисоветских сил постановил для привлечения всех сил партии к защите завоеваний революции организовать по всей стране отряды особого назначения. Скоро в них влились почти все коммунисты, способные носить оружие. В отрядах они проходили военное обучение. К концу 1919 г. в них состояло более 30 тыс. человек[2]. На их базе были созданы части особого назначения (ЧОН).

В годы гражданской войны распространенной формой руководства являлись боевые приказы партийным организациям. Так проводились многочисленные мобилизации коммунистов на фронт и на хозяйственную работу. Эти приказы не обсуждались ни партийными организациями, ни коммунистами. Они подлежали безусловному исполнению. Так же обстояло с перемещением и назначением коммунистов. Этим ведал Центральный Комитет партии. Коммунисты не спрашивали, почему их посылают на такой-то участок работы. Их интересовало только одно: куда прибыть и в какой срок. Это была та железная дисциплина, тот строй в партии, без которых, говорил Ленин, мы не продержались бы не только два с половиной года гражданской войны, но и два месяца.

---

[1] «Восьмой съезд РКП(б)», стр. 426.
[2] См. *С. Ф. Найда.* Указ. соч., стр. 42.

Правда, в системе партийной жизни и партийного руководства того времени были свои внутренние противоречия. Дело в том, что бурный рост партии и необходимость решения коммунистами всех важных военных и хозяйственных вопросов требовали большей самодеятельности партийных масс. Но она в известной степени ограничивалась *централизмом и приказной системой.*

И все же в условиях того времени внутрипартийная демократия оставалась сравнительно широкой. Партия продолжала жить снизу доверху как самодеятельный организм. Это выразилось в том, что регулярно проходили съезды и конференции РКП(б), заседания Центрального Комитета. За последние 8 месяцев 1919 г. состоялось 164 заседания Центрального Комитета, в том числе 6 пленумов, 29 заседаний Политического бюро, 110 — Организационного и 19 объединенных — Полит- и Оргбюро[1]. Это означало, что каждые три дня ЦК РКП(б) собирался два раза.

Все важнейшие вопросы, связанные с жизнью страны, решались коллегиально. Если кто-либо из членов ЦК находился в отъезде и не мог присутствовать на заседании, то в большинстве случаев его мнение запрашивали по телеграфу. «...Только коллегиальные решения ЦК, принятые в Оргбюро или в Политбюро, или пленуме ЦК,— говорил В. И. Ленин,— исключительно только такие вопросы проводились в жизнь секретарем ЦК партии»[2].

Центральный Комитет РКП(б) был главным штабом Советской республики, где обсуждались и принимались решения по всем важным вопросам. Он указывал рабочим и крестьянам, какие очередные задачи предстояло решить, чтобы победить многочисленных врагов. «Наметить эти задачи и руководить этими кампаниями,— говорилось в отчете Центрального Комитета за 1919 г.,— ставить перед партией *особо важные вопросы и руководить ею при их разрешении,* не давать закостеневать тому, что уже отжило свое время, и с особой настойчивостью сосредоточивать внимание на центральной задаче момента — такова роль ЦК за истекший период»[3]. Партия умела поднять и организовать трудящиеся массы на решение выдвинутых ею задач. В этом крылась одна из главных причин победы над контрреволюцией.

[1] См. «Известия ЦК РКП(б)», 2 декабря 1919 г.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 238.
[3] «Известия ЦК РКП(б)», 2 декабря 1919 г.

Система работы и руководства, выработанная ЦК РКП(б), усваивалась местными партийными организациями. В большинстве губерний и уездов, если позволяла обстановка, регулярно проводились партийные конференции, заседания губернских и уездных комитетов партии. Полнокровную жизнь вели первичные городские и сельские ячейки РКП(б). Круг вопросов, которые они обсуждали и решали, был очень широким. В протоколах волостных партийных организаций даже отдаленных от центра губерний можно насчитать около сотни разных проблем, стоявших на повестке дня, начиная с выработки правил поведения коммунистов и кончая вопросами о III Интернационале и победе мировой революции. Коммунисты на местах проявляли большую инициативу и смелость в своих действиях.

Это хорошо можно проследить на примере Велико-Михайловской волостной коммунистической ячейки Ново-Оскольского уезда Курской губернии[1].

25 сентября 1918 г. состоялось первое собрание ячейки. В ней было тогда 12 человек. Через три дня на повестке стояли такие вопросы: задачи партии, утверждение вновь поступающих членов в партию, реорганизация президиума комитета бедноты, утверждение воззвания ячейки к населению[2]. 5 октября вновь собрание коммунистов. Выбрали делегата на уездный съезд комитетов бедноты, создали комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, потребовали от уезда оружия для членов партии.

Ячейка создала комиссию по взиманию чрезвычайного налога, организовала земледельческую коммуну, избрала политического комиссара волости, открыла «коммунистическую столовую». В конце октября ячейка реорганизовала волостной Совет. Вместо беспартийных председателя, его помощников и секретаря избрали коммунистов. Ячейка контролировала работу буквально всех учреждений. Даже удостоверения жителям выдавались за подписями начальника милиции и председателя ячейки.

На уездном съезде Советов в декабре 1918 г. Велико-Михайловская ячейка коммунистов обвинялась в завыше-

---

[1] В начале 1919 г. в волости было 11 селений и около 27 тыс. жителей. Население являлось смешанным. Наряду с русскими имелось много украинцев. В волости было значительное число беженцев с Украины, Терека и из других мест.

[2] ЦГАОР, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 1-а, л. 2.

нии власти. Обвинение имело под собой основание. Члены ячейки, вместо того чтобы действовать через Совет, комитет бедноты, сами создавали различные комиссии, комитеты, которые непосредственно проводили в жизнь декреты центральной власти. Это было нарушением Конституции РСФСР. В некоторых случаях оно вызывалось сложной обстановкой того времени, в частности ожесточенной классовой борьбой, но часто и неопытностью молодых коммунистов. «На нас указывают, что делаем ошибки,— говорил весной 1919 г. председатель волостной парторганизации Л. Кротов.— Допустим это, но ведь мы же не старые, опытные партийные работники, а молодые, и я думаю, что мы не так много ошибаемся»[1]. Недостатков, конечно, было немало. Но коммунисты учились на них.

В январе 1919 г. велико-михайловские коммунисты стали активно готовиться к перевыборам волостного Совета. Они наметили 12 кандидатов в Совет и развернули агитацию за их избрание. Ячейка по-прежнему осуществляла руководство Советом и другими организациями, но делала это по-другому. Так, в начале апреля 1919 г. коммунисты предложили Совету затребовать от местного кооператива списки на раздачу мануфактуры и вместе с представителями Совета вычеркнули из них всех кулаков и спекулянтов.

Самые разные вопросы приходилось решать коммунистам. Был такой случай. В селе Велико-Михайловском в начале 1919 г. появился безродный мальчонка-беженец. Стояла зима, а он был полураздет. Об этом узнали члены партии. 3 февраля на очередном заседании ячейки секретарь записал в графе «слушали»: «8. Неочередное заявление: выдать безродному мальчику валенки и полушубок», а в графе «постановили»: «8. Выдать таковые и чтобы продком отпустил означенные предметы»[2].

Заседания ячейки продолжались долго, часто они заканчивались в 2—3 часа ночи. Дел было много, обсуждались они подробно. Каждый высказывал свое мнение. Иногда горячо спорили. Расходились по домам небольшими группами (могли быть всякие сюрпризы). Коммунисты часто захватывали с собой оружие и на собрание.

В начале 1919 г. Велико-Михайловская ячейка выросла. В конце января в ней состояло 43 члена партии и 10 сочувствующих, а в начале апреля — 80 коммунистов. В фев-

[1] ЦГАОР, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 29, л. 39.
[2] ЦГАОР, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 15, л. 9.

рале был избран волостной комитет РКП(б) из трех человек. По селам и деревням оформились первичные ячейки.

Кто же состоял в деревенской партийной организации? Из 55 человек, о которых имеются сведения, было 5 рабочих, 6 крестьян, 20 кустарей (бондари, портные, сапожники, шорники) и 24 служащих и учащихся[1]. Около одной пятой коммунистов составляли лица, эвакуированные из других мест. Большинство членов партии находилось на советской службе. Работали в Совете, военкомате, продорганах. Далее по численности шли члены сельскохозяйственной коммуны. Крестьян-единоличников, непосредственно занимавшихся хлебопашеством, было всего несколько человек[2].

Внутрипартийная жизнь велико-михайловских коммунистов была очень напряженной. Активным членам партии стоило немало трудов укрепить ячейку. Для этого применялись различные меры. За непосещение собраний накладывали штраф: за первое — 10 руб., за второе — 25, за третье — 50 руб. За четвертое непосещение исключали из партии. Такая мера наказания применялась ко всем коммунистам независимо от их положения. Был создан партийный суд. Недостойных и провинившихся исключали из ячейки. Некоторые по трусости или из других побуждений сами выходили из организации. К таким людям коммунисты подходили особенно строго. Когда Анисим Недовес заявил на собрании, чтобы его «выписали из партии», ячейка постановила: «Исключить его из Велико-Михайловской организации и дать ему удостоверение, указывая в нем цели его выписки и просить в нем, чтобы его, Недовеса, не принимали нигде не только в партию, но также и в учреждения»[3].

При ячейке имелась «коммунистическая библиотека». Наиболее грамотные коммунисты читали другим членам партии газеты, брошюры, книги. Часто можно было видеть, как в зимние вечера собирались группами деревенские большевики и при коптилке (керосин доставали с большим

[1] ЦГАОР, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 20, л. 1—126. Подсчитано автором.

[2] По партийному стажу члены РКП(б) распределялись так: 3 человека вступили в партию до октября 1917 г. (это были эвакуированные), 50 человек — в 1918 г. (главным образом осенью), 2 человека — в 1919 г. 7 человек раньше состояли в других партиях: 5 в эсеровской, 2 числились в анархистах.

[3] ЦГАОР, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 1-а, л. 14.

трудом) читали «Правду», «Бедноту», декреты Советской власти, статьи и выступления Ленина. О прочитанном рассказывали беспартийным крестьянам. Коммунисты организовали в волости союз социалистической молодежи.

С весны 1919 г. для деревенских большевиков наступило особенно тяжелое время. В волости активизировались белогвардейцы и кулаки. Партия объявила мобилизацию коммунистов на Восточный фронт. Велико-михайловские большевики дали Красной Армии 40 человек.

Неустойчивые элементы побежали из ячеек. В апреле председатель волостного комитета РКП(б) говорил на собрании: «Но мы не должны падать духом. Если между нами есть люди с трусливыми мелкими душонками, пусть они уйдут от нас»[1]. В партийной организации остались только самые преданные революции люди.

Деятельность Велико-михайловской волостной ячейки, а затем комитета была во многом типичной для сельскохозяйственных губерний.

Тяжелая ноша лежала на плечах коммунистов, работавших в уездных и губернских комитетах партии. О них Демьян Бедный, бывший в 1919 г. с группой партийных работников в Тверской губернии, писал: есть «среди местных работников честнейшие, преданные делу, разумные работники-коммунисты, доходящие до подвижничества... Это не люди, а тени. Одни глаза. Заглянешь в них — и отвернешься, потому что чувствуешь, как у тебя самого вдруг слезы начинают подкатывать»[2].

Местные партийные организации, следуя решению VIII съезда РКП(б), с весны до осени 1919 г. провели перерегистрацию коммунистов. Она совпала с мобилизацией на фронт. Случайные в партии люди сами побежали из РКП(б). Чтобы прикрыть свою трусость, многие из них заявляли, что выходят «по принципиальным соображениям». Ячейки и комитеты большевиков выносили решения считать таких «коммунистов» не выбывшими, а исключенными навсегда без права обратного приема в организацию.

Больше всего людей уходило из партии в деревне. Там неустойчивых было особенно много. Имели место случаи, когда целые ячейки отказывались от мобилизации по самым разным причинам. Так, в Орловской губернии одна

---

[1] ЦГАОР, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 21, л. 39.
[2] «Правда», 6 июня 1919 г.

из волостных ячеек заявила в уездный комитет РКП(б), что мобилизовать ее членов нельзя, так как они еще не успели изучить программу партии. Эту ячейку немедленно распустили. К середине осени 1919 г. число волостных и сельских партийных организаций и членов в них сильно сократилось. Это особенно было заметно в губерниях Центрально-Черноземного района. Из 13 тыс. членов партии, имевшихся в Орловской губернии в марте 1919 г., к осени осталось всего 2900 человек. Несколько тысяч коммунистов было мобилизовано в армию.

В городах и промышленных районах отсев из РКП(б) также был, но во много раз меньше, чем в деревне. В Воронежской городской партийной организации из 1490 человек осталось 620[1], в Костромской из 856—376, в Петроградской из 7389—5039 человек[2], но в них уменьшение произошло за счет главным образом призыва членов партии в Красную Армию.

Перерегистрация коммунистов, а также многочисленные мобилизации их в армию и гибель на полях сражений[3] привели к тому, что к осени 1919 г. численность РКП(б) сильно сократилась. Из 207 тыс. членов партии и 70—80 тыс. кандидатов и сочувствующих, числившихся в ней весной 1919 г. в 33 губерниях, осталось около 102 тыс. членов и около 30 тыс. кандидатов и сочувствующих.

Это привело к большим изменениям в социальном составе партии. Если в конце 1918 и начале 1919 г. большинство коммунистов было из крестьян и служащих, то к осени 1919 г. снова, как и летом 1918 г., основная масса их состояла из рабочих. Из 30 тыс. коммунистов 38 губерний, о которых имелись сведения, 52% составляли рабочие, 15% — крестьяне, 14% — интеллигенция, 18% — служащие, 1% — прочие[4]. В Симбирской губернской организации, например, рабочих было 62%, крестьян — 11%.

Перерегистрация членов РКП(б) в 1919 г. фактически явилась первой чисткой партии. Она имела огромное значение. «Перерегистрация,— сообщали из Воронежа,— принесла желательные результаты: примазавшиеся из корыстных побуждений лица остались за бортом, партийная

[1] См. «Правда», 16 мая 1919 г.

[2] См. «Правда», 21 сентября 1919 г.

[3] В 1919 г. в Красную Армию по призывам ЦК РКП(б) было мобилизовано около 35 тыс. коммунистов.

[4] См. «Известия ЦК РКП(б)», 24 марта 1920 г.

организация очищена от чуждых идеям коммунизма элементов, достигнута большая однородность и тесное единение оставшихся в партии товарищей»[1].

Очищаясь от ненужных людей, партия в то же время впитывала в себя все лучшее, что было в Советской России. Сознательные представители рабочих и крестьян шли в нее в самое трудное для республики время, свидетельствуя этим свою преданность революции. Так было и в 1919 г.— во время самых тяжелых испытаний для пролетарского государства.

30 сентября 1919 г. ЦК РКП(б), поддерживая почин питерских и московских большевиков, обратился ко всем организациям коммунистов с призывом усилить прием в партию, провести для этого «партийную неделю» во всей стране. Приему подлежали только рабочие и работницы, красноармейцы и матросы, крестьяне и крестьянки. Для всех остальных доступ в партию временно был закрыт. Центральный Комитет требовал от коммунистов разъяснять поступающим товарищам, что принадлежность к партии не дает никаких выгод, но возлагает на коммунистов громадные обязанности. «Пусть идут в нашу партию,— указывалось в обращении,— только те люди, которые сознательно берут на себя эти многотрудные обязанности и которые готовы все отдать за дело РКП»[2].

«Партийная неделя» в большинстве мест проходила в ноябре 1919 г. В РКП(б) по губернским партийным организациям вступило около 200 тыс.[3] и в частях действующей Красной Армии — около 70 тыс. новых членов[4], а всего — около 270 тыс. коммунистов. Это означало, что партия в целом выросла более чем в два раза, ибо в октябре 1919 г. в ней было около 200 тыс. человек. Больше половины всех принятых составляли рабочие. На первом месте по числу вступивших в РКП(б) стояли промышленные центры Москва, Петроград, Ярославль, Екатеринбург. (В Москве в партию приняли 14 581 человека.)[5]

В. И. Ленин говорил о вступивших в партию, что если эти люди захотели стать коммунистами в то время, когда

---

[1] «Правда», 16 мая 1919 г.

[2] «Известия ЦК РКП(б)», 30 сентября 1919 г.

[3] См. «Девятый съезд РКП(б)». Март — апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960, стр. 574—575.

[4] См. *Ю. П. Петров.* Указ. соч., стр. 340.

[5] См. приложение, табл. № 4.

Деникин был недалеко от Москвы и когда каждый обладатель партийного билета при победе белогвардейцев являлся первым кандидатом на виселицу, то, значит, велика была их любовь к революции. Успех «партийной недели» свидетельствовал о том, что партия имела тесные связи с трудящимися массами, что авторитет ее среди рабочих и трудовых крестьян рос все больше и больше.

Итоги партийного строительства за 1919 г. подвела VIII Всероссийская конференция РКП(б), состоявшаяся в начале декабря. Она приняла новый Устав партии — первый после победы Октябрьской революции. Проект его был опубликован в газетах и широко обсуждался коммунистами. В основной организационный документ партии впервые был введен раздел об институте кандидатов в члены партии[1].

В Уставе на основе принципа демократического централизма определялась структура партийных организаций сверху донизу в соответствии с существовавшим в то время административно-территориальным делением. В нем впервые четко формулировалось, что основой партийной организации является партийная ячейка.

Коммунистическая партия, перестроив свои ряды на военный лад, провела гигантскую работу по организации рабочих и трудящихся крестьян на борьбу со своими классовыми врагами и добилась огромных успехов.

«И только благодаря тому,— говорил В. И. Ленин,— что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены,— только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, не-

---

[1] На практике кандидаты партии уже существовали во многих партийных организациях. VIII конференция РКП(б) узаконила и четко определила их место в партии. Всякий желающий вступить в партию теперь проходил кандидатский срок: для рабочих и крестьян — не менее двух месяцев, для всех остальных — не менее шести месяцев. Для вступления в кандидаты требовались две рекомендации коммунистов, пребывавших в партии не менее шести месяцев. С введением раздела о кандидатах в члены партии прекратил существование институт сочувствующих, который был учрежден во второй половине 1918 г.

смотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»[1].

VI. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Классовый состав Красной Армии

Победивший пролетариат, устанавливая свою диктатуру, неизбежно должен был создать и свою классовую армию как самое мощное орудие своего господства. В такой армии не было места для эксплуататорских классов. Она могла состоять из представителей только ранее угнетенных классов всех национальностей, населявших Россию. Создателем и руководителем такой армии мог стать только самый передовой класс общества — пролетариат и его авангард — партия рабочего класса.

Что касается организационных принципов строительства Красной Армии, то их подсказала практика вооруженной борьбы.

Пролетариат приступил к организации своих вооруженных сил с набора добровольцев. Так продолжалось до лета 1918 г. За это время была создана армия в 300 тыс. человек. Однако в начавшейся иностранной военной интервенции и разгоревшейся гражданской войне такие малочисленные силы не могли успешно бороться с врагами, число которых росло изо дня в день. Регулярным войскам интервентов и армиям, создаваемым белогвардейцами на окраинах России, могла противостоять только регулярная массовая Красная Армия.

Летом 1918 г. Советская власть перешла от добровольческого принципа к мобилизации в вооруженные силы рабочих и трудящихся крестьян. Первый призыв в Красную Армию был объявлен 12 июня. Он предусматривал мобилизацию рабочих и трудящихся крестьян (бедняков и середняков) 1893—1897 гг. рождения в восточных уездах страны, которым грозил захват чехословаками.

Советская власть, призывая в то время в армию трудовое крестьянство, отдавала себе отчет в том, что на защиту

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 240.

Рогожско-Симоновский полк, сформированный из московских рабочих, перед отправкой на фронт (1918 г.)

авоеваний революции встанут главным образом пролетаии и полупролетарии деревни, а за привлечение середняа в вооруженные силы предстоит упорная и длительная орьба. События показали, что среднее крестьянство летом 918 г. в массе своей не пошло в Красную Армию ни в Сиири, ни на Урале, ни в Среднем Поволжье, то есть в месах, предусмотренных декретом от 12 июня.

Учитывая такое положение, местные власти на востоке граны призывали в армию главным образом рабочих и еднейших крестьян.

Совнарком 17 июня 1918 г. объявил мобилизацию рабоих (1896 и 1897 гг. рождения) Москвы и ее пригородов, 29 июня — рабочих Петрограда и его пригородов. Фактически это был первый призыв в Красную Армию на осноe воинской повинности, ибо он прошел раньше предусмат-

ривавшегося декретом от 12 июня. Не случайно он начался с самых революционных, закаленных в классовых боях отрядов пролетариата. Эти две мобилизации дали советским вооруженным силам несколько десятков тысяч преданных защитников революции, составивших костяк многих лучших полков Красной Армии. 29 июня В. И. Ленин подписал декрет о призыве рабочих промышленных предприятий и служащих правительственных учреждений, родившихся в 1893—1897 гг.

В последующие годы в наиболее тяжелые моменты жизни республики Советская власть вновь и вновь обращалась к мобилизации в Красную Армию прежде всего классово надежных элементов. В апреле 1919 г. в связи с наступлением Колчака в вооруженные силы призвали рабочих и трудящихся крестьян (1886—1890 гг. рождения) Москвы, Петрограда и девяти губерний Центрально-Промышленного района. Эта мобилизация прошла также успешно.

Уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК Д. И. Курский сообщал в конце апреля из Твери, что на призывные пункты пришло в полтора раза больше рабочих, чем ожидали. «Отношение призываемых т. рабочих к мобилизации сознательное, сосредоточенно серьезное»[1],— указывал он.

Летом 1919 г. во время наступления деникинских войск в советские вооруженные силы мобилизовали рабочих и служащих промышленности, транспорта и торговли в возрасте от 18 до 40 лет. Вступившие в армию по этому призыву приравнивались к добровольцам.

Для укрепления классового костяка Красной Армии Коммунистическая партия и Советское правительство в советские вооруженные силы мобилизовали рабочих и беднейших крестьян: членов профсоюзов, представителей комитетов деревенской бедноты. Местные партийные и советские организации по своей инициативе создавали из пролетариев города и сельских бедняков добровольческие полки и батальоны, которые затем входили в соединения Красной Армии. Когда весной 1919 г. белоказаки Дутова вплотную подошли к Оренбургу, более 7 тыс. рабочих города взялись за оружие и создали несколько полков, которые стали главной силой в защите города.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, ед. хр. 40, л. 31.

Коммунистический полк, сформированный из членов РКП(б) Самарской губернии (1919 г.)

В апреле—мае 1919 г. коммунисты Самары сформировали 1-й Самарский коммунистический добровольческий полк численностью в 1 тыс. человек. Половину в нем составляли коммунисты и 20% — сочувствующие им[1].

Многочисленные документы периода гражданской войны говорят, что самыми боеспособными частями и соединениями на фронте являлись те, в которых было много рабочих и деревенской бедноты. Из 6-й дивизии в конце 1919 г. сообщали, что в октябрьских боях с войсками Юденича в районе Петрограда особенно большую стойкость проявил 50-й стрелковый полк. «Стойкость полка,— писали из политотдела дивизии,— объясняется благоприятным социальным составом: в полку много питерских рабочих и деревенской бедноты северных губерний, коммунистов около 90, сочувствующих больше 200»[2].

[1] ПАКО, ф. 1/V, оп. 8, ед. хр. 6, л. 4—5.
[2] ЦГАСА, ф. 190, оп. 2, ед. хр. 19, л. 207.

Однако из одних рабочих и деревенской бедноты нельзя было создать массовую Красную Армию, ибо они составляли в 1919 г. менее 40% всего населения Советской республики. Поворот среднего крестьянства к Советской власти дал возможность создать такую армию. В. И. Ленин осенью 1918 г. поставил задачу сформировать 3-миллионную Красную Армию.

В связи с массовым призывом в советские вооруженные силы крестьян классовый состав армии стал резко меняться. До осени 1918 г. Красная Армия главным образом состояла из рабочих и крестьян-бедняков. К концу 1918 г. крестьяне составляли уже большинство в армии. Удельный вес их, особенно середняков, увеличивался все больше и больше. В 1919 г. Красная Армия на две трети состояла из крестьян, а в 1920 г.— более чем на три четверти. Согласно переписи 1920 г., в советских вооруженных силах было 77,4% крестьян, 14,9 рабочих, 7,0 служащих и учащихся, 0,7% прочих[1].

Красная Армия была многонациональной. В ее рядах бок о бок сражались трудящиеся всех народов, населявших Россию, но большую часть ее составили русские рабочие и крестьяне из центральных губерний. В 1921 г. в советских вооруженных силах находилось около 50 национальностей; русские составляли 81,96%, украинцы — 8,85, татары — 2,53, поляки — 1,15, евреи — 0,94, немцы — 0,83, латыши — 0,52, башкиры — 0,39%[2].

Основным методом привлечения крестьян в Красную Армию являлось убеждение. Но по отношению к ним пролетариат применял также и меры принуждения. Они не были и не могли быть главными в строительстве Красной Армии, но они имели место и являлись закономерным проявлением классовой борьбы.

О нежелании части средних крестьян служить в Красной Армии говорит количество дезертиров в годы гражданской войны.

По данным Высшей военной инспекции, за первый год проведения мобилизации, т. е. с июня 1918 по июнь 1919 г., по семи военным округам уклонилось от призыва 22% военнообязанных, главным образом крестьяне. А если

---

[1] См. «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923». М., 1924, стр. 94.

[2] ЦГАСА, ф. 9, оп. 21, ед. хр. 3, л. 31.

сюда добавить число людей, бежавших из армии, то общий процент дезертиров составит 25%[1]. Особенно много уклонившихся от службы в Красной Армии было в богатых сельскохозяйственных губерниях[2].

Анализ документов, составлявшихся местными властями на дезертиров, показывает, что основную массу их составляли зажиточные крестьяне и середняки. Так, из 15 дезертиров села Подъем-Михайловского Самарской губернии 13 имели в хозяйстве от двух до семи лошадей, по две-три коровы и много посева. У остальных — по одной лошади и по одной-две коровы[3].

Советская власть боролась с дезертирством, используя меры как наказания, так и убеждения. Огромную роль в борьбе с дезертирами сыграли сами крестьяне. Начиная с середины 1919 г. на сельских сходах все больше выносилось решений о том, чтобы в деревнях не давать приюта людям, не желающим служить в Красной Армии, а сообщать о них в уезды. Это дало ощутимые результаты: во второй половине 1919 г. дезертирство пошло на убыль. С начала июня до конца декабря 1919 г. добровольно явилось более 775 тыс. дезертиров[4].

Создание классовой армии требовало, чтобы командный состав ее был до конца предан революции, решителен, непримирим к врагам Советской власти. Коммунистическая партия направляла на курсы командного состава, в высшие военные школы и академии прежде всего рабочих и крестьян, которые в годы гражданской войны составляли от двух третей до трех четвертей всех курсантов. На 1 октября 1920 г. среди курсантов было 37,5% рабочих, 24,7% крестьян и 37,8% остальных[5].

Партия большевиков заботилась о том, чтобы постоянно росли пролетарские командные кадры, чтобы среди них было больше коммунистов, владеющих оружием, которое

---

[1] ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 184, л. 29—31.

[2] Интересно отметить, что в разных уездах одной и той же губернии процент дезертиров был далеко не одинаковым. Так, в богатом хлебом Мамадышском уезде Казанской губернии за два с половиной года не явилось на призывные пункты 25% военнообязанных, в Буинском уезде (менее богатом) — 10, в самом бедном Свияжском уезде — только 6%.

[3] ГАКО, ф. 1242, оп. 2, ед. хр. 19, л. 40, 41, 70, 89—95.

[4] См. *С. М. Кляцкин.* Указ. соч., стр. 396.

[5] См. *Н. И. Шатагин.* Указ. соч., стр. 225.

имело наибольшее значение в бою. «В особенности должны коммунисты усердно обучаться пулеметному, артиллерийскому, броневому делу и т. п.,— писал В. И. Ленин летом 1919 г.,— ибо здесь наша отсталость более чувствительна, здесь превосходство противника с большим числом офицеров значительнее, здесь возможно причинение крупного вреда ненадежным военспецом, здесь роль коммуниста в высшей степени велика»[1]. На 1-х Московских пулеметных курсах в конце 1920 г. члены и кандидаты РКП(б) составляли 87%, а на 1-х Московских артиллерийских курсах — 48%[2].

В 1918—1920 гг. Красная Армия получила около 60 тыс. красных командиров, подготовленных в военно-учебных заведениях. Основную массу их составляли рабочие и крестьяне, служившие ранее в старой армии. Это были первые пролетарские командные кадры Советского государства, сыгравшие огромную роль в гражданской войне.

Но Красную Армию нельзя было строить без военных знаний, носителями которых являлись офицеры старой армии. Привлечение их в советские вооруженные силы вылилось в острую классовую борьбу[3]. Только около 8 тыс. бывших офицеров вступило в Красную Армию добровольно. Остальные были мобилизованы на основе советских законов. К 15 августа 1920 г. в Красную Армию было призвано более 48 тыс. бывших офицеров, 10 тыс. военных чиновников и 41 тыс. медицинских и ветеринарных работников. О политике РКП(б) и Советской власти по отношению к старым военным специалистам говорилось в одном из циркулярных писем ЦК: «Надо по всей России создать положение, при котором всем военным специалистам было бы ясно: те из них, которые честно служат рабоче-крестьянской России,— тем честь и место, но кто идет к нам с камнем за пазухой, кто пытается использовать свое пребывание в армии для организации контрреволюционных ячеек,— тем беспощадный красный террор»[4].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 58.

[2] ЦГАСА, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 138, л. 28, 36.

[3] Подробное освещение этого вопроса см.: *Л. М. Спирин.* В. И. Ленин и создание советских командных кадров. «Военно-исторический журнал», 1965, № 4.

[4] «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов, т. 2. М., 1961, стр. 795.

РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

I. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАХ БУРЖУАЗИИ В ЗАХВАЧЕННЫХ ЕЮ РАЙОНАХ

Несмотря на большую помощь, которую правительства Колчака и Деникина оказывали буржуазии, последняя не могла, да и не хотела не только возродить хозяйство, но даже удержать его на прежнем уровне.

Выплавка чугуна на Урале в 1919 г. составляла 6% по сравнению с 1913 г. и была в четыре с половиной раза меньше, чем в 1918 г. В Сибири добыча каменного угля в 1919 г. в Черемховском районе составляла всего две трети 1918 г. Эсеровская газета «Новая Сибирь» в 1919 г. писала: «Не приходится доказывать, что наша экономическая жизнь находится в состоянии совершеннейшей разрухи»[1].

Такое же положение наблюдалось у деникинцев. Из 65 доменных печей, имевшихся на юге страны, действовали только две. В 1919 г. прекратили работу крупнейшие Дружковский, Краматорский, Луганский металлургические и металлообрабатывающие заводы. Свертывалась легкая и пищевая промышленность. Число рабочих везде сильно сократилось.

Многие капиталисты старались как можно быстрее продать фабрики, заводы, суда и сырье иностранцам, а деньги вложить в парижские и лондонские банки. На Дальнем Востоке владельцы судов к весне 1919 г. продали за границу 45 самых лучших пароходов и 21 баржу. Россию грабили не только иностранные империалисты, но и своя собственная буржуазия, не гнушаясь никакими средствами.

Буржуазия в первое время обещала населению, особенно крестьянам, что с восстановлением частной собственности, свободной торговли хлебом жизнь улучшится. Получилось же наоборот. Это особенно ярко проявилось в Сибири.

---

[1] «Новая Сибирь», 4 января 1919 г.

Дело в том, что Сибирь и Дальний Восток являлись составной частью единого экономического организма России. Их хозяйство полностью зависело от остальных районов страны, и прежде всего от центральных губерний. Большая часть хлеба, масла, мяса, сельскохозяйственного сырья вывозилась из Сибири в европейскую часть России, за границу шло значительно меньше. С захватом Сибири белогвардейцами экономическая связь с западными районами страны была нарушена. Сибиряки потеряли возможность вывозить хлеб и сырье и взамен них получать промышленные товары из Центральной России. Попытка колчаковского правительства увеличить торговлю с капиталистическими странами ни к чему не привела. Империалисты Антанты предпочитали торговле воровство и грабеж.

Уже в начале 1919 г. сельское хозяйство Сибири почувствовало большие затруднения. Хлеб стал затовариваться. К январю 1919 г. в Сибири имелось товарного хлеба до 150 млн. пудов, в том числе в Западной Сибири — около 117 млн. пудов, масла — до 3 млн. пудов[1], много мяса, кожи, шерсти. По подсчетам колчаковского министерства продовольствия, к середине 1919 г. в Сибири оставалось еще более 110 млн. пудов излишков хлеба[2]. Урожай 1919 г. в Сибири был выше среднего и еще больше увеличил количество продажного хлеба.

Застой в сельском хозяйстве вызвал недовольство Колчаком даже богатых слоев крестьянства. Оно усиливалось тем, что цены на промышленные товары росли быстрее, чем на продовольственные. В июле 1919 г. пуд сортового железа стоил около 90 руб., мыла — 460 руб., аршин шерстяного сукна — 230 руб.[3] Чтобы купить пуд железа, крестьянин должен был продать 12 фунтов сливочного масла.

Своеобразное экономическое положение сложилось на юго-востоке России. Здесь также во многих местах накопилось большое количество продовольствия и сырья. Кубань только от урожая 1919 г. имела товарного хлеба около

---

[1] См. «Сибирская кооперация», январь 1919 г., № 1, стр. 46.
[2] См. «Сборник Сибирского статистического управления». Вып. 4. Новосибирск, 1921, стр. 3.
[3] См. «Вестник финансов, промышленности и торговли», август 1919 г., № 25, стр. 12.

60 млн. пудов, а со старыми запасами — 80—100 млн. пудов. Кроме того, она могла вывезти 13 млн. пудов подсолнечника, 75 тыс. пудов шерсти, много табака и т. д.[1] Попытки Кубанской областной рады и кубанского правительства получить за продовольствие промышленные товары окончились неудачей. Взамен товаров кубанские хлеборобы получали все более обесценивавшиеся керенки (осенью 1919 г. рубль равнялся одной довоенной копейке). Хозяйственная обстановка в тылу деникинцев еще больше ухудшилась тем, что правительства Дона, Кубани и Терека старались отгородиться друг от друга таможенными барьерами. Отрыв юго-восточных губерний, как и Сибири, от остальных частей страны пагубно сказался на жизни населения.

Вслед за экономическим крахом пришло политическое поражение буржуазии. Крестьянство усилило сопротивление белогвардейцам. Колчак и Деникин все больше теряли поддержку крестьян богатых сельскохозяйственных районов.

Наиболее дальновидные белогвардейцы видели, что без привлечения на свою сторону крестьян нельзя надеяться на победу. Они предлагали открыто заявить крестьянам, что земля остается за ними, и этим самым получить их поддержку. Один из руководителей пропагандистского аппарата Добровольческой армии, полковник Б. Энгельгардт, в своих воспоминаниях пишет, что он в 1919 г. подал специальную записку в Особое совещание по этому вопросу. «На место идеалистического лозунга «великая неделимая»,— рассуждал тогда бывший помещик,— надо откровенно поставить сугубо практический «частная собственность» и дать себе отчет в том, какие общественные круги могут явиться сторонниками этого лозунга. Массам нужно указать нечто ощутимое. Ведь вот величественный лозунг «Отмена права собственности на орудия производства» переделан в массах в вульгарный клич «грабь награбленное», и этот клич имеет несомненный успех. Ограбить хотят нас, помещиков, и мы не имеем сил для сопротивления этому грабежу. Но те, которые хотят нас ограбить,— это самые ярые сторонники частной собственности: крестьяне, овладев нашей землей, захотят и дальше владеть ею на правах собственности. Поскольку мы цеп-

[1] См. *Георгий Покровский.* Указ. соч., стр. 198, 200.

ляемся за наши имения — крестьяне наши враги, поскольку мы сами откажемся от наших имений и поможем им в законных и привычных им формах утвердиться в новом владении, они станут нашими друзьями и вместе с нами будут бороться за частную собственность со всеми идеологическими надстройками, за которые мы стоим. Все это должно быть не только провозглашено в нашей программе, но и должно получить немедленное осуществление по мере нашего продвижения к Москве. Этим мы привлечем на свою сторону крестьянство, а только при таких условиях мы можем рассчитывать на победу»[1].

Рассуждения эти очень любопытны, но для подавляющего большинства русских помещиков они были совершенно неприемлемы. Классовая природа и классовая ограниченность не давали возможности осознать им целесообразность таких мер.

Сложнее было с казачеством. Привилегии его в старое время, военная организация давали возможность буржуазии и помещикам длительное время сохранять свое влияние среди этого слоя сельского населения. Большинство казаков вплоть до военного разгрома белогвардейцев или продолжало подчиняться Колчаку и Деникину, или сохраняло нейтралитет и только в редких случаях выступало против белогвардейского режима. Однако изменение политики Советской власти по отношению к казачеству оказало огромное влияние на разложение деникинской и колчаковской армий и их тыла.

Новый курс Коммунистической партии и Советской власти был изложен в обращении ВЦИК и Совнаркома к трудовому казачеству в августе 1919 г. Наиболее полное выражение он нашел в «Тезисах о работе на Дону», опубликованных ЦК РКП(б) 30 сентября 1919 г. В этом документе Коммунистическая партия изложила свою политику по отношению ко всему казачеству.

В «Тезисах...» говорилось, что казачьи верхи и тесно примыкающее к ним станичное кулачество первыми подняли знамя восстания против Октябрьской революции. Под этим знаменем сплотились буржуазно-помещичьи элементы во всей стране. Богатое казачество проявляло и проявляет исключительное классовое упорство в борьбе.

---

[1] *Б. Энгельгардт.* Потонувший мир. «Военно-исторический журнал», 1964, № 9, стр. 75.

С ним до последнего времени шло связанное казачьей сословностью и предрассудками общности интересов большинство трудового казачества. Трудящиеся казаки, даже порывая временами с Красновым и Деникиным, как это было в конце 1918 — начале 1919 г., продолжали колебаться в выборе окончательной политической линии. Страдая от суровой борьбы рабочих и крестьян с контрреволюцией, широкие слои среднего казачества часто видели причины ее не в классовом гнете, а в политике Советской власти и Коммунистической партии. Поэтому, выступая против Деникина, они боролись и против Советской власти, надеясь устроить свою жизнь при помощи «демократического» Всеказачьего круга и «всеказачьих» Советов.

Типичным представителем такого направления являлся бывший казачий полковник Ф. К. Миронов, отстаивавший «особый» казачий путь. В августе 1919 г. он, формируя Донской казачий корпус в Саранске, поднял мятеж против Советской власти. Миронов выкинул лозунг борьбы против коммунистов, в «защиту демократии»[1]. По политическому смыслу действия Миронова были равнозначны попытке учредиловцев на Волге вырвать власть из рук Советов и передать ее Учредительному собранию или попытке Петлюры установить на Украине власть «Народной рады».

Осветив положение казачества, ЦК РКП(б) обращался к нему со следующим предложением:

«1) Мы разъясняем казачеству словом и доказываем делом, что наша политика не есть политика мести за прошлое. Мы ничего не забываем, но за прошлое не мстим. Дальнейшие взаимоотношения определяются в зависимости от поведения различных групп самого казачества.

2) Критерием в наших отношениях к различным слоям и группам донского казачества в ближайший период будет не столько непосредственная классовая оценка разных

---

[1] Мятеж Миронова был ликвидирован конным корпусом С. М. Буденного без пролития крови. Военный трибунал приговорил Миронова и его ближайших соучастников к расстрелу. Все они на суде признали свою вину и раскаялись. Политбюро ЦК РКП(б) 23 октября 1919 г. рассмотрело дело Миронова и вынесло решение освободить от всякого наказания всех осужденных. Это было одно из проявлений изменения политики Коммунистической партии и Советской власти к казачеству.

слоев (кулаков, середняков, бедняков), сколько отношение различных групп самого казачества к нашей Красной Армии. Мы возьмем под свое решительное покровительство и вооруженную защиту те элементы казачества, которые делом пойдут нам навстречу. Мы дадим возможность оглядеться и разобраться тем слоям и группам казачества, которые настроены выжидательно, не спуская в то же время с них глаз.

Мы будем беспощадно истреблять все те элементы, которые будут прямо или косвенно оказывать поддержку врагу или чинить затруднения Красной Армии»[1].

Далее в «Тезисах...» говорилось, что Советская власть будет строго следить за тем, чтобы никакого произвола и насилия по отношению к казакам не было, что будут наказаны все, кто вздумает притеснять казаков. В документе заявлялось, что местные органы власти окажут всяческую поддержку бедноте и части середняков, в первую очередь тем, кто пострадал от белогвардейцев.

ЦК РКП(б) указывал, что наряду с беспощадной борьбой за выкорчевывание белогвардейских гнезд в казачестве «необходима систематическая пропаганда идей и задач Коммунистической партии в низах казачества, вовлечение их в сферу идей и работы партии, проведение на деле товарищеской политики по отношению к ним, подготовка в союзе с ними выборов в донские советские учреждения на основах Советской Конституции»[2].

На основе обращения ВЦИК и Совнаркома, «Тезисов...» ЦК РКП(б) была развернута огромная работа среди казачества. Она дала богатые плоды.

Русские белогвардейцы восстановили против себя другие национальности и народы. Лозунг «единой и неделимой России» означал подавление любой попытки народов получить самостоятельное национальное существование. Здесь великодержавные контрреволюционеры доходили до кретинизма. Когда К. Г. Маннергейм в начале 1919 г. предложил двинуть на Петроград 100-тысячную армию, требуя за это признания самостоятельности Финляндии и самоопределения Карелии и Олонецкой губернии, Колчак категорически отказал ему. Мелкие народы внутри страны белогвардейцы вообще не ставили в счет.

---

[1] «Известия ЦК РКП(б)», 30 сентября 1919 г.
[2] Там же.

Деникинцы пошли дальше. Когда часть депутатов Кубанской краевой рады заключила союз с горскими националистами Северного Кавказа с целью создания самостоятельного федеративного государства, Деникин приказал их арестовать и судить как изменников России. В ноябре 1919 г. один из арестованных, священник А. И. Калабухов, по приговору военно-полевого суда был повешен в Екатеринодаре.

На Украине деникинцы своей великодержавной политикой восстановили против себя все крестьянство, а также значительную часть буржуазии. Добровольческая армия начала военные действия против войск украинского мелкобуржуазного националиста Петлюры, активно боровшегося до этого с большевиками. Великодержавный шовинист Деникин не захотел разговаривать с Петлюрой, ратовавшим за «самостийную» Украину.

Из вышеизложенного видно, насколько недальновидной являлась тактика белогвардейцев по отношению к своим возможным союзникам и как дальнозорки были большевики в этих вопросах. Коммунисты исходили из ленинского указания, что надо использовать любого, самого шаткого, самого временного союзника и попутчика для борьбы с главным врагом. Таким случайным попутчиком в борьбе с Деникиным осенью 1919 г. оказался Петлюра. Большевики предложили ему заключить соглашение о ведении совместных боевых действий против Добровольческой армии[1].

Коммунисты не боялись сесть за один стол для переговоров с таким отпетым головорезом, как анархист Махно. Командование Красной Армии в 1919 г. заключило с ним соглашение. Коммунисты пошли на это потому, что махновцы активно выступали против Деникина.

Особенно показательным для белогвардейцев являлось то, что даже среди буржуазии и помещиков не существовало единства, как не было его и между руководителями контрреволюции. Всех их объединяло одно — борьба с большевиками. Но конечные цели у разных групп, а часто и средства борьбы были разные. Это еще больше ослабляло позиции врагов Советской власти.

---

[1] Соглашение не состоялось ввиду быстрого разгрома армии Деникина на Украине.

II. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ТЫЛУ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ВОЙСК

1. Подполье

Гибели колчаковцев и деникинцев способствовали революционные силы, находившиеся у них в тылу: подпольщики и партизаны.

Подпольную и партизанскую борьбу в стане белогвардейцев вели большевики, а также социалисты-революционеры, которые придерживались директив своего ЦК о борьбе на два фронта. Главная роль в этой борьбе принадлежала коммунистам, хотя социалисты-революционеры в некоторых местах временно оказывались во главе антиколчаковских и антиденикинских выступлений и даже захватывали власть.

Большевики с самого начала имели на своей стороне основные массы рабочего класса занятых белогвардейцами территорий. Правые же эсеры так подорвали свой авторитет в период «демократической контрреволюции», что рассчитывать на сколько-нибудь значительную поддержку пролетариата даже в борьбе с Колчаком и Деникиным не могли. Только в тех местах, где не было большевистских подпольных организаций или они являлись очень слабыми, социалистам-революционерам удавалось известное время руководить борьбой рабочих с белогвардейцами. Основной опорой эсеров в городах продолжали оставаться мелкая буржуазия и средние слои интеллигенции.

Значительно сложнее было в деревне, где развернулось партизанское движение. Основную социальную базу его составляло крестьянство. Здесь влияние эсеров хотя и упало, но продолжало оставаться еще значительным. Поэтому между подпольными коммунистическими организациями и эсерами развернулась борьба за руководство партизанским движением, которое в основе своей отражало стихийный протест народных масс против белогвардейцев и интервентов.

Из двух указанных видов борьбы раньше возникло большевистское подполье (вскоре после свержения Советской власти и образования эсеро-меньшевистских и белогвардейских правительств).

Первые коммунистические подпольные организации известны в Среднем Поволжье, Сибири и на Урале. Наиболь-

шее число их было в Сибири. Это объяснялось тем, что многие коммунисты не успели летом 1918 г. отступить на запад и остались за Уралом. В партию вступили новые люди. К концу 1918 г. в Сибири насчитывалось около 2500 коммунистов, из них до 150 руководящих работников[1]. В Томске в августе 1918 г. состоялась 1-я Сибирская областная нелегальная партийная конференция. Один из участников ее, И. С. Дмитриев, впоследствии писал об этом: «Мы, десять человек, представители коммунистов Сибири, бурно спорили о судьбах революции. Перед нами грозно вырисовывались перспективы борьбы — трудной и опасной. Но опасность нас не пугала. Мы твердо верили в победу революции и спорили только о том, как лучше построить работу, как успешнее организовать массы на борьбу»[2].

Свою главную задачу конференция видела в организации во всесибирском масштабе вооруженного восстания, основной силой которого должен стать рабочий класс. Участники конференции были твердо уверены в том, что городская и деревенская мелкая буржуазия отойдут от контрреволюции и встанут на сторону пролетариата. Коммунисты категорически отвергли какие-либо компромиссы с предателями рабочего класса — меньшевиками и эсерами. Для того времени такое решение являлось совершенно верным. Конференция избрала Сибирский областной комитет РКП(б)[3].

Через три месяца, в ноябре 1918 г., в Томске состоялась 2-я подпольная конференция. Она проходила в новой обстановке, сложившейся в Сибири после захвата власти Колчаком. Коммунисты отметили полный крах мелкобуржуазных иллюзий эсеров и меньшевиков и окончательную дискредитацию этих партий среди рабочих и беднейших крестьян. В решении конференции вновь подчеркивалось, что большевики категорически отвергают какие бы то ни было соглашения с этими партиями, «допуская лишь использование, в момент восстания, их боевых сил». Участники конференции согласились применять в борьбе

[1] См. «Партизанское движение в Западной Сибири», стр. 135.

[2] *И. Дмитриев.* Большевики в тылу Колчака. В кн.: «За власть Советов». Воспоминания участников партизанского движения в тылу у Колчака. Новосибирск, 1947, стр. 42.

[3] В него вошли членами С. Дитман, И. Дмитриев, К. Молотов (председатель), М. Рабинович, Ф. Суховерхов (Сычев) и кандидатом К. Ильмер.

с контрреволюцией индивидуальный террор и экспроприацию у буржуазии денег. Большевики наряду с подготовкой всесибирского восстания участвовали и в местных вооруженных выступлениях. Задача состояла в том, чтобы возглавить стихийные восстания рабочих и крестьян, придать им организованный характер.

В отношении участия коммунистов в легальных организациях в резолюции конференции говорилось: «Общесибирская конференция РКП решительно отвергает какую бы то ни было работу в органах управления и в органах власти, какое бы то ни было участие в выборных комитетах, во всевозможных так называемых демократических учреждениях (учредительное собрание, земское самоуправление и т. д.), призывает к полнейшему бойкоту их и разоблачает весь гнусный обман этих легальных прикрытий буржуазной диктатуры»[1]. Конференция избрала подпольный Центральный Комитет РКП(б) Сибири[2].

Анализ решений конференций, а также документов, направленных сибирскими коммунистами в конце 1918 г. в ЦК РКП(б), позволяет сделать вывод о том, что наряду с совершенно правильными политическими решениями, принятыми подпольщиками, в их тактике имелись серьезные ошибки. Они сказались в период восстаний, бывших в Сибири в конце 1918 — начале 1919 г.

Самым крупным являлось омское восстание в декабре 1918 г. Его готовили и им руководили члены ЦК РКП(б) Сибири и Омского подпольного комитета большевиков. Главную силу восставших составляли рабочие. К ним примкнули группы солдат. Выступление произошло при очень неблагоприятных условиях и, несмотря на героизм, проявленный пролетариатом в вооруженной схватке с белогвардейцами, окончилось поражением. Колчаковцы беспощадно расправились с рабочими[3].

Все городские восстания рабочих и солдат потерпели поражение. Несмотря на это, они сыграли большую роль,

---

[1] «Партизанское движение в Западной Сибири», стр. 64—65.

[2] Создание ЦК РКП(б) Сибири вместо областного партийного органа было ошибкой сибирских коммунистов. В ЦК вошли П. А. Вавилов, А. А. Масленников, А. Я. Нейбут, М. М. Рабинович и др.

[3] См. об омском восстании: *А. И. Зубов.* Восстание 22 декабря. В кн.: «В огне революции и гражданской войны». Воспоминания участников. Омск, 1959. Кроме Омска восстания произошли в Канске, Бодайбо, Енисейске и других местах.

ибо расшатывали тыл врага, одновременно свидетельствуя о том, что в Сибири есть силы, способные возглавить борьбу за восстановление Советской власти. Этой силой являлся рабочий класс, руководимый подпольными большевистскими организациями. Пролетариат Сибири, несмотря на свою малочисленность, был вождем в борьбе с буржуазно-помещичьей диктатурой Колчака. В период восстаний он проявил большую выдержку и мужество, чем еще больше снискал уважение у всех, кто был недоволен белогвардейцами и интервентами.

Причин неудачи восстаний было много. Укажем наиболее важные. В конце 1918 — начале 1919 г. среднее крестьянство Сибири в массе своей оставалось «нейтральным». Только часть его стала постепенно переходить на сторону пролетариата. Союза рабочих и трудящихся крестьян Сибири тогда еще не было. В силу этого крестьяне не поддержали городской пролетариат. Восстания рабочих в городах оказались изолированными, так же как осенью 1918 г. изолированными были первые крупные стихийные выступления сибирских крестьян.

Большевики Сибири переоценили силы рабочего класса, возможность перехода в ту пору на сторону восставших широких масс солдат колчаковской армии и одновременно недооценили силы белогвардейцев. В конце 1918 г. армия Колчака в целом была крепкой. Только отдельные части ее могли поддержать рабочих. Ошибкой подпольщиков было и то, что восстания проходили не одновременно, между ними не было связи.

Неудача восстаний объяснялась также тактическими ошибками коммунистических подпольных организаций. Наиболее серьезной из них являлся отказ большевиков Сибири участвовать в легальных организациях, в том числе и рабочих. Это привело к тому, что подпольщики не могли оказывать влияния на многие отряды трудящихся и направлять все увеличивавшееся недовольство колчаковщиной и борьбу с ней в определенное русло. Мало того, большевики лишали себя связи с многими слоями рабочих и опирались на сравнительно небольшую часть их.

Правда, некоторые партийные комитеты РКП(б), например Иркутский, участвовали в работе местных профсоюзов. К таким действиям их толкал ход классовой борьбы. Подобная тактика была совершенно верной. Ленинизм

учит, что коммунисты должны участвовать даже в самых реакционных профсоюзах. В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» писал о том, что необходимо «пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу»[1].

Разгоравшаяся борьба в тылу колчаковских войск, продвижение в конце 1918 г. Красной Армии на восток, а также необходимость повышения уровня работы большевиков Сибири поставили перед ЦК РКП(б) вопрос об усилении помощи подпольным большевистским организациям за Уралом и улучшении методов руководства ими.

Центральный Комитет начал оказывать помощь сибирским коммунистам в организации подполья сразу после свержения на востоке страны Советской власти. Особенно много этим занимался секретарь ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов. Однако дальность расстояния и военные действия не давали возможности Центральному Комитету установить постоянную и оперативную связь с сибирскими подпольщиками, оказавшимися в сложных условиях. По инициативе Я. М. Свердлова Центральный Комитет 17 декабря 1918 г. принял постановление о создании Сибирского бюро ЦК РКП(б)[2]. В его состав вошли главный политический комиссар 3-й армии Восточного фронта старый большевик Филипп Иосифович Голощекин, члены ЦК РКП(б) Сибири Александр Александрович Масленников и Арнольд Яковлевич Нейбут, член Реввоенсовета 5-й армии Иван Никитич Смирнов (председатель)[3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 38.

[2] См. *А. Я. Казаков.* О времени создания и месте деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б). «Вопросы истории КПСС», 1960, № 1. А. Я. Казаков первым из историков установил точную дату образования Сиббюро и место его пребывания.

[3] В постановлении ЦК РКП(б) значился еще пятый член Сиббюро — Ф. Суховерхов (Сычев). Центральный Комитет, вводя его в состав Сибирского бюро, не знал, что он был расстрелян белогвардейцами в октябре 1918 г. Из указанной четверки в Сиббюро фактически работали Голощекин и Смирнов. Местом деятельности Сибирского бюро стала Уфа, где помещался Реввоенсовет 5-й армии. В начале 1919 г. в Вятке образовалось отделение Сиббюро, получившее впоследствии название «Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б)», которое осуществляло руководство главным образом подпольными большевистскими организациями Урала.

Сибирское бюро ЦК РКП(б) решало задачи большой важности. Оно, как полномочный орган Центрального Комитета партии, давало директивы подпольным организациям коммунистов Сибири и Урала по всем вопросам жизни и работы партии. Сиббюро помогало наметить правильную линию поведения в зависимости от конкретных условий, выбрать наиболее действенные формы борьбы, указывало пути решения наиболее важных организационных вопросов, готовило и посылало людей в Сибирь и на Урал, оказывало большую помощь большевикам деньгами, оружием, литературой[1].

Сибирское бюро ЦК РКП(б) помогало подпольным коммунистическим организациям бороться с теми, кто придерживался ошибочной тактики по отношению к контрреволюционным мелкобуржуазным партиям. Например, Борис Шумяцкий, который в свое время сыграл большую роль в победе Советской власти в Сибири, в конце 1918 г. пришел к выводу о необходимости коалиции с эсерами и меньшевиками.

3 декабря 1918 г. он написал письмо В. И. Ленину, в котором изложил позицию свою и тех большевиков, которые его поддерживали. В январе 1919 г. письмо доставили в Уфу, а оттуда Сиббюро переслало его в Москву. Знаменательно то, что этот документ доставил из Сибири эсер и его 10 февраля 1919 г. опубликовала меньшевистская газета.

Содержание и стиль письма не оставляли никакого сомнения в том, что Шумяцкий, перепуганный колчаковцами, совсем потерял голову. Его болезненное воображение рисовало страшную картину в Сибири. «Положение здесь убийственное,— писал он.— 99% наших лучших товарищей убито... И ужас положения в том, что силы военной монархической реакции день ото дня крепнут, а силы рабочих и крестьян все более и более слабеют. Масса уже впала в апатию и озверилась во всем»[2].

Это не соответствовало действительности. Конечно, условия в Сибири для деятельности подпольных больше-

[1] В течение 1919 г. Сиббюро подготовило и направило за линию фронта на Урал и в Сибирь более 200 человек, среди которых находились руководящие работники, агенты, курьеры, члены боевых групп; переслало несколько миллионов рублей денег (Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 5, оп. 2, ед. хр. 514, 585. 590, 593, 636).

[2] «Газета печатников», 10 февраля 1919 г.

вистских организаций являлись крайне тяжелыми. Несмотря на это, именно начиная с декабря 1918 г. по Сибири прокатилась серия рабочих восстаний.

Далее автор письма заявлял, что сейчас не время для суда над тем, кто прав и кто виноват (в последнем случае имелись в виду меньшевики и эсеры), и делал вывод, что единственным спасением из создавшегося положения является немедленное сплочение всех социалистических партий «на платформе политического компромисса — народовластия, ибо при продолжении между этими элементами дальнейшей вражды грянет окончательная гибель рабочего класса»[1]. Таким образом, Шумяцкий не только звал к соглашению с партиями эсеров, меньшевиков, группами анархистов, но и указывал, что оно должно произойти на основе установления «народовластия», то есть на эсеро-меньшевистских принципах. Более того, он предложил установить даже не социалистический, а «единый республиканский демократический фронт».

ЦК РКП(б), В. И. Ленин, учитывая важность затронутых вопросов, немедленно реагировали на письмо Б. Шумяцкого. Центральный Комитет дал указание Голощекину и Смирнову объяснить коммунистам Сибири всю пагубность предложений, содержавшихся в письме.

Сибирское бюро ЦК РКП(б) в январе 1919 г. в послании к сибирским подпольным большевистским организациям указало, что позиция Шумяцкого вредная, капитулянтская. Оно потребовало дать отпор «развращающему влиянию направления Шумяцкого»[2]. Отвергая соглашение с партиями эсеров и меньшевиков, находившимися на занятых белогвардейцами землях, Сиббюро вместе с тем считало возможным использовать отдельных представителей этих партий для военно-технических целей при ведении боевой работы и подготовке восстаний.

Однако Центральный Комитет РКП(б) этим не ограничился. По его указанию газета «Правда» 13 февраля 1919 г. опубликовала статью Емельяна Ярославского — ответ на письмо Б. Шумяцкого. В статье подчеркивалось, что именно сейчас необходимо осудить тех, кто повинен в трагедии, случившейся в Сибири. «Сейчас время раскрыть глаза самым отсталым на то, что произошло и кто

---

[1] «Газета печатников», 10 февраля 1919 г.
[2] ПАНО, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 584, л. 2.

в этом виноват. Без этого невозможно и освобождение от буржуазно-военной диктатуры Колчака»[1]. Статья квалифицировала поступок Шумяцкого как измену социалистической революции.

Сибирское бюро проводило линию ЦК РКП(б), которая состояла в том, что с мелкобуржуазными партиями, боровшимися против Советской власти и коммунистов, не могло быть никаких компромиссов. Но с теми группами этих партий, которые порывали с политикой своих ЦК, включались в борьбу с белогвардейцами и поддерживали Советскую власть, большевики шли на соглашения.

Так было на территории Советской республики и на землях, захваченных Колчаком и Деникиным. На запрос Екатеринодарского подпольного комитета РКП(б) в ЦК о высылке инструкций об отношении к эсерам, которые «встали на точку зрения пролетариата и Советской власти», секретарь Центрального Комитета Е. Д. Стасова в начале мая 1919 г. отвечала: «Что касается инструкций по отношению к эсеровским группам, то поскольку они активно становятся в наши ряды и выступают против всех наших врагов, то они получают право на легальное существование[2]; однако за отдельными лицами из их среды приходится иметь тщательный надзор»[3].

В апреле 1919 г. Центральный Комитет РКП(б), обсудив переданную В. И. Лениным просьбу революционных коммунистов дать возможность их боевой группе (50 — 75 человек) перебраться в Сибирь для борьбы против Колчака, вынес решение: «В принципе посылку людей считать приемлемой, а техническое выполнение поручается Организационному бюро»[4].

На юго-востоке страны подпольные группы и организации коммунистов возникли несколько позже, чем на востоке,— осенью 1918 г. (первые из них появились летом). Численность их также была значительно меньше. Несмотря на это, они сыграли огромную роль в развитии борьбы в тылу белогвардейских войск. В сентябре 1918 г. для руководства большевистским подпольем на Дону было создано на советской территории Донское бюро РКП(б),

---

[1] «Правда», 13 февраля 1919 г.

[2] Речь шла об отношении к этим группам эсеров после восстановления в Екатеринодаре Советской власти.

[3] «Из истории гражданской войны в СССР», т. 2, стр. 605.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 16, л. 3.

в которое вошли П. Г. Блохин, И. А. Дорошев, С. Л. Лукашин, И. В. Решетков, С. И. Сырцов, А. А. Френкель. В начале 1919 г. подпольная деятельность большевиков расширилась. В марте 1919 г. образовался Екатеринодарский комитет РКП(б). При нем был создан военно-революционный штаб для руководства боевой работой, в подчинении которого находились дружины, организованные коммунистами-подпольщиками на Кубани. Дружинники совершали диверсии в тылу белогвардейских войск и являлись основным ядром при восстаниях.

Весной 1919 г. широко развернулась работа Ростово-Нахичеванского областного подпольного комитета большевиков, а также партийных организаций Таганрога, Новочеркасска и других городов.

Большевистское подполье в тылу белогвардейских войск существовало до полного разгрома Колчака и Деникина. Однако результаты деятельности его в разное время были неодинаковы. В Сибири, например, наибольший размах работы нелегальных коммунистических организаций падает на период с конца 1918 до середины весны 1919 г., на юго-востоке — на начало и весну 1919 г.

В апреле — мае 1919 г. среди подпольщиков произошли большие провалы. Были арестованы почти все члены Сибирского областного комитета РКП(б), большинство членов Омского и Челябинского комитетов, екатеринбургских большевиков-подпольщиков во главе с Антоном Валеком. Коммунисты Сибири лишились своего руководящего органа. Это крайне отрицательно сказалось на всей деятельности подпольных большевистских организаций. До полного разгрома колчаковщины в Сибири фактически так и не было создано нового областного комитета. В этих условиях особенно важной становилась деятельность Сибирского бюро ЦК РКП(б). Несмотря на огромные потери, оставшиеся на воле коммунисты продолжали активно бороться с колчаковщиной.

В конце весны 1919 г. деникинская контрразведка нанесла удары по большевистским организациям Ростова, Таганрога, Новочеркасска, арестовав около 60 активных подпольщиков[1], в том числе председателя Таганрогского окружного комитета Е. Наливайко, членов и активистов

[1] См. «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.». Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1957, стр. 438.

Ростово-Нахичеванского комитета А. Аболина, А. Муравича (Бродского), Я. Рыбкина, Г. Спирина. Однако коммунисты Юго-Востока оправились и продолжили работу. Уже в начале лета таганрогские подпольщики создали типографию и стали выпускать листовки. Организовали новую типографию и коммунисты Ростова. В короткое время они отпечатали 25 тыс. воззваний, листовок, издавали подпольную газету «Пролетарий». Подпольщики подключили телефон к линии деникинского полевого штаба, возглавляемого генералом Романовским, подслушивали разговоры, записывали их и с курьерами передавали в штаб советского Южного фронта важные военные сведения. Большую помощь партийным организациям оказывало Донское бюро РКП(б). С июля по октябрь 1919 г. оно направило через фронт более 50 партийных работников.

В середине июля 1919 г. в Ростове состоялось областное совещание представителей подпольных большевистских организаций. Его участники обсудили насущные вопросы жизни и деятельности подполья и вынесли постановление об усилении работы по разложению деникинской армии, укреплению боевых дружин и подготовке вооруженных выступлений в тылу белогвардейской армии.

Осенью для подпольщиков юго-востока страны наступила самая ответственная полоса работы. Деникинцы захватили Курск, Орел и двигались к Туле. Это был переломный период. В этих условиях коммунистам особенно тяжело было решать поставленные перед ними задачи. Но они внесли свой вклад в разложение деникинского тыла и в разгром белогвардейской армии. Огромную роль в борьбе с Деникиным сыграли подпольные организации большевиков Украины.

Проследим теперь деятельность эсеровского подполья в 1919 г. Прежде всего надо отметить, что оно не было единым. Так, наряду с Сибирским краевым комитетом социалистов-революционеров, следовавшим директивам своего ЦК о борьбе на два фронта, весной 1919 г. образовался Союз сибирских эсеров. В выпущенной им в августе 1919 г. прокламации «Ко всем социалистам-революционерам», нелегально распространявшейся в Восточной Сибири, говорилось, что он стоит за свержение Колчака и «утверждение системы народовластия». Одновременно в прокламации заявлялось, что союз будет стремиться к прекращению борьбы с Советской Россией.

До лета 1919 г. подпольная деятельность эсеров в Сибири была незначительной. Только после того как колчаковская армия стала терпеть поражения на фронте, эсеры заметно оживились, а когда Красная Армия перешла Урал и стала продвигаться по Сибири, социалисты-революционеры развили большую активность.

Наиболее значительные эсеровские организации во второй половине 1919 г. имелись в Иркутской и Енисейской губерниях. Здесь социалисты-революционеры имели известную поддержку населения. В этих губерниях сосредоточились многие руководящие деятели их партии.

До осени 1919 г. сибирские эсеры занимались главным образом распространением листовок среди населения и солдат колчаковской армии. Летом они перепечатали воззвание своего ЦК (от 13 мая 1919 г.) «К солдатам сибирских армий Колчака». В нем говорилось: «Колчак лжет вам, если говорит, что созовет Учредительное собрание. Учредительное собрание для Колчака смерть и он боится больше его, чем большевиков»[1]. И далее: «Мало хорошего принесла России власть большевиков. Но еще горшие беды несет трудовому люду России власть помещиков, буржуазии и царского офицерства под скипетром самодержца Колчака». Солдаты призывались восстать против белогвардейцев, взять власть в свои руки и создать «народное правительство». Эсеры и меньшевики готовились перехватить власть у «верховного правителя».

2. Партизанское движение

Известно, что наибольший размах партизанское движение получило в Сибири. Наряду с экономическими и политическими причинами, о которых уже говорилось, сильное влияние на развитие партизанского движения в Сибири оказал географический фактор. Огромные пространства, бесконечные леса, отсутствие развитой железнодорожной сети, плохая связь между различными частями территории — все это очень благоприятствовало повстанцам. В тяжелые времена партизаны, чтобы сохранить свои силы, уходили за тысячу километров от наступавшего врага или укрывались в непроходимой тайге. Это часто спасало их от разгрома.

[1] ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2.

Другие условия существовали на юго-востоке страны. Казачество, составляя почти 50% сельского населения этих районов, не могло быть базой для широкого партизанского движения. Правда, там имелись и крестьяне, но они находились в казачьем окружении, и это сказывалось на их поведении. Главным революционным элементом в деревне по-прежнему оставались «иногородние». Они вместе с крестьянской и казачьей беднотой и стали основным источником партизанского движения. Не благоприятствовали развитию партизанского движения географические условия в Донской, Кубанской и Тверской областях. Только в предгорьях Кавказа были укрытия для партизанских отрядов (горы, леса, огромные заросли камышей).

В силу перечисленных выше причин, а также некоторых других факторов между партизанским движением Сибири и Юго-Востока существовали большие различия, и прежде всего по размаху борьбы. В Сибири партизаны составляли более 100 тыс. человек[1]. В тылу Деникина их насчитывалось значительно меньше. Сибирские партизаны боролись против колчаковцев больше года, а повстанцы Юго-Востока активно выступали против деникинцев всего несколько месяцев. Сибиряки освобождали города, огромные сельские районы, парализовывали железнодорожное движение и оттягивали на себя многие тысячи колчаковских солдат. На Юго-Востоке действия партизан были куда скромнее.

В Сибири подавляющее большинство партизан состояло из восставших крестьян. В тылу белогвардейцев Юго-Востока партизаны формировались главным образом из дезертиров, бежавших от призыва в деникинскую армию или из самой армии. Вначале все они называли себя «зелеными», то есть людьми, спасавшимися в лесах от мобилизации. (Так называли себя и дезертиры из Красной Армии.) Со временем часть «зеленых», находившихся в тылу деникинских войск, под влиянием различных обстоятельств, в том числе и агитации большевиков, перешла к активной вооруженной борьбе с белогвардейцами. Эти люди стали именоваться «красно-зелеными». Их с полным основанием можно называть партизанами.

---

[1] По некоторым подсчетам, в сибирских партизанских отрядах к концу 1919 г. находилось около 140 тыс. человек (см. «Партизанское движение в Западной Сибири», стр. 22).

Мы более подробно остановимся на Сибири, где партизанское движение было представлено, так сказать, в наиболее классическом виде.

Сибирское бюро ЦК РКП(б), изучив положение в Сибири, сложившееся к началу 1919 г., и решения сибирских коммунистов о методах и формах борьбы с белогвардейцами, пришло к выводу о необходимости рекомендовать подпольным организациям большевиков изменить тактику борьбы. В письме в Сибирь в январе 1919 г. оно по согласованию с ЦК РКП(б) советовало коммунистам перенести центр тяжести своей работы на организацию массового партизанского движения крестьян, а восстания рабочих в городах готовить только в ближайшем от фронта тылу, координируя их с боевыми действиями Красной Армии[1].

Коммунисты Сибири учли указания вышестоящих партийных органов. 3-я подпольная конференция большевиков Сибири, состоявшаяся в марте 1919 г., отказалась от старой тактики и перешла к новой — организации всенародной войны в тылу врага, сочетанию партизанской борьбы с восстаниями рабочих и солдат. Этому способствовало нарастание недовольства среди крестьян.

Летом 1919 г. ЦК РКП(б) вынес два важных решения о партизанах Сибири. 18 июля Оргбюро Центрального Комитета обязало Сибирское бюро оказывать партизанским отрядам через партийные организации материальную помощь. В решении Политбюро и Оргбюро 19 июля говорилось о том, чтобы партизанские отряды немедленно установили между собой постоянную связь, координировали боевые действия и перешли к централизованному командованию.

В нашей исторической литературе оба постановления чаще всего приводятся без комментариев. Некоторые историки пытаются связать их появление с именем Бориса Шумяцкого, который в своей статье в 1933 г. утверждал, что ЦК вынес их якобы по его докладу[2]. Дело обстояло не совсем так, хотя Шумяцкий, работая летом и осенью 1919 г. в политорганах 3-й армии Восточного фронта, часто посылал письма В. И. Ленину с информацией о положении в Сибири, в том числе и о партизанском движении. Владп-

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 584, л. 2.

[2] См. *Борис Шумяцкий.* В большевистском подполье при Колчаке. «Сибирские огни», 1933. № 7—8, стр. 161.

мир Ильич внимательно читал его сообщения, о чем говорят ленинские пометки на документах, хранящихся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но не эти письма явились решающим фактором в принятии постановлений Центрального Комитета РКП(б), хотя они сыграли известную роль.

Дело обстояло так. 20 апреля 1919 г. в Томске состоялся съезд руководителей партизанских отрядов и представителей подпольных большевистских организаций, действовавших в Средней Сибири, и прежде всего в Томской губернии. Обсуждался вопрос об объединении действий всех отрядов. На съезде был избран штаб, который принял решение просить помощи у Советской России. С этой целью в мае 1919 г. представитель съезда и член штаба коммунист Петр Федорович Лапшин был делегирован в Москву. 10 июня он перешел линию фронта, прибыл в Вятку, где встретился с работниками Вятского отделения Сибирского бюро ЦК РКП(б). 2 июля П. Ф. Лапшин составил доклад о деятельности партизанских отрядов, в котором подробно описал время возникновения каждого отряда, его численность, вооружение, дал характеристику руководителям и указал, чего не хватает у партизан. Этот документ немедленно направили в Москву В. И. Ленину[1]. Владимир Ильич, прочитав доклад, тотчас направил его на рассмотрение ЦК. На основании этого документа и было принято постановление от 18 июля[2]. На другой день Политбюро и Оргбюро на совместном заседании при участии В. И. Ленина вновь вернулись к этому вопросу и приняли более широкое решение о сибирских партизанах.

Необходимо особо отметить большую осведомленность В. И. Ленина о событиях в Сибири. Он по многим каналам получал информацию о положении в колчаковском тылу: о настроении рабочих и крестьян, состоянии колчаковской армии и войск интервентов, деятельности подпольных большевистских организаций. Добавим к ранее указанным еще некоторые из этих источников.

---

[1] Один экземпляр этого документа был опубликован С. А. Пионтковским в его кн.: «Гражданская война в России (1918—1921 гг.)». Хрестоматия. М., 1925, стр. 322—325.

[2] Об этом свидетельствует надпись на докладе П. Ф. Лапшина: «Орг. бюро, п. 12, протокол 18/VII» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10464, л. 3). Действительно, постановление Оргбюро о партизанах Сибири стояло в решении 18 июля под пунктом 12.

В. И. Ленину регулярно писали член Сиббюро И. Н. Смирнов, руководители подпольных большевистских организаций, политработники Восточного фронта, старые партийцы Урала и Сибири, находившиеся на территории Советской России. Имеются, например, пометки Ленина на письме секретаря Сибирского областного комитета П. Ф. Парнякова о партийной работе и партизанском движении, посланном им в апреле 1919 г. в ЦК РКП(б). Ленин принимал ходоков из Сибири и беседовал с ними. В январе 1919 г. на приеме у В. И. Ленина был венгерский военнопленный инженер Сатке, перешедший линию фронта. Он обещал поднять в колчаковском тылу восстание военнопленных и двинуться с ними на помощь наступавшим в то время на Урал частям Красной Армии[1]. Председатель Совнаркома регулярно читал разведывательские сводки Красной Армии, в которых подробно говорилось о колчаковской армии, о положении на Урале и в Сибири. Многие документы о Сибири В. И. Ленин направлял членам ЦК для ознакомления.

Осведомленность Центрального Комитета, В. И. Ленина о событиях на востоке страны давала возможность правильно оценивать обстановку в тылу врага и принимать необходимые меры по руководству подпольными большевистскими организациями и развитию партизанского движения. Директивы ЦК РКП(б) о партизанском движении пересылались через Сиббюро в местные партийные организации Сибири и Урала, в партизанские отряды и армии, численность которых росла из месяца в месяц.

Наибольшее число первых партизанских отрядов в Сибири возникло в пределах Томской губернии. И это не было случайным явлением. Здесь имелся сильный отряд рабочего класса в лице шахтеров, которые или сами создавали повстанческие отряды, или вливались в существовавшие крестьянские отряды, составляя в них главное, наиболее сознательное ядро[2]. Один из активных участников партизанского движения в Сибири писал, что в Томской

---

[1] Сатке не выполнил своего обещания. Он оказался авантюристом.

[2] См. *М. Е. Плотникова.* Партизанское движение в Томской губернии в 1918—1919 годах. В кн.: «Пятая научная конференция Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева, посвященная 350-летию города Томска». Секция социально-экономических и исторических наук. Томск, 1957.

губернии рабочие составляли до 20%, а крестьяне 80% восставших[1].

В Томской губернии больше, чем где-либо в Сибири, находилось неустроенных («приписных») крестьян, представлявших наиболее революционный элемент в сельском населении. В то же время здесь значительно меньше было кулаков. Имелись налицо и другие важные факторы — существование сильных подпольных коммунистических организаций, ставших руководящими центрами партизанского движения. Особенно активно действовал Кольчугинский комитет РКП(б), насчитывавший весной 1919 г. до 500 членов[2]. За Томской шла соседняя Енисейская губерния.

На Алтае партизанское движение развернулось позже — с лета 1919 г. Здесь было мало рабочих, а поворот основных масс среднего крестьянства в сторону пролетариата в Сибири произошел только летом 1919 г. На Алтае существовал большой слой батраков и недавних переселенцев. Они-то и составили основное ядро первых отрядов.

Подавляющее большинство сибирских партизан происходило из батраков, бедных и средних крестьян. Рабочие составляли небольшую часть отрядов, и они были не везде.

Кто же стоял во главе партизанских отрядов? Из 11 руководителей наиболее известных отрядов[3] 7 человек происходили из крестьян (в том числе 2 из богатых) и 4 — из служащих и интеллигенции, 5 человек были коммунисты, 4 — беспартийные, 2 — анархисты. Большинство из них получило военную подготовку в старой армии: один был штабс-капитаном, двое — фельдфебелями и т. д.

Интересно проследить социальный состав и партийность среднего руководящего звена в партизанских армиях, образовавшихся из отрядов во второй половине 1919 г. Из 13 человек командного и комиссарского состава в 1-м Алейском полку партизанской армии Алтая 10 человек были батраки и бедные крестьяне, 2 — середняки и 1 — богатый крестьянин. 2 человека принадлежали к партии

---

[1] См. «Сборник работ военно-исторической секции Томского государственного университета и мединститута». Томск, 1931, стр. 62.

[2] См. *М. И. Стишов.* Указ. соч., стр. 63.

[3] Н. А. Бурлов, П. К. Голиков, И. В. Громов, Д. Е. Зверев, Н. А. Каландарашвили, А. Д. Кравченко, П. К. Лубков, Е. М. Мамонтов, Г. Ф. Рогов, И. Я. Третьяк, П. Е. Щетинкин.

большевиков, 1 сочувствовал большевикам, 1 был из анархистов, остальные 9 — беспартийные. Из 13 человек 11 являлись унтер-офицерами старой армии и 1 — рядовым[1]. Так было во многих партизанских полках в чисто сельскохозяйственных районах. Однако были и такие, в которых командные, а особенно комиссарские, должности занимали рабочие.

Главной чертой партизанского движения в Сибири являлось то, что оно во многих местах почти с самого начала приняло советский характер — повстанцы боролись за восстановление Советской власти. Тяга к Советской власти среди населения была настолько велика, что кое-где даже эсеры вынуждены были в известной степени поддерживать этот лозунг, правда оговаривая, что они за «Советы без коммунистов».

Были партизанские отряды, руководимые эсерами, которые боролись за Учредительное собрание, но по мере развития повстанческого движения их становилось все меньше и меньше. Некоторые отряды в первое время не могли определить своего политического лица. Подпольные коммунистические организации развили активную деятельность по изоляции представителей мелкобуржуазных партий и переходу всех партизанских отрядов на советские позиции.

Партизаны парализовали тыл колчаковской армии. Они взрывали железные дороги, мосты, громили белогвардейские гарнизоны, оттягивали на себя большое число солдат вражеских войск. Этим самым они оказали огромную помощь Красной Армии. «Самоотверженная борьба почти безоружных партизан,— говорилось в приказе по 5-й армии, освобождавшей Сибирь,—навеки врежется в память поколения, и имена их будут с гордостью произноситься нашими детьми»[2].

Однако нельзя представлять дело так, будто сибирские крестьяне, борясь против Колчака, за Советскую власть, готовы были целиком принять и диктатуру пролетариата с ее хлебной монополией и продразверсткой. Советскую власть, после того как она была восстановлена в Сибири, полностью поддерживала только часть деревни. В 1920 г.

---

[1] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 6, оп. 2, п. 6, ед. хр. 2, л. 13. Этот документ частично использован М. И. Стишовым в его книге.

[2] «Партизанское движение в Западной Сибири», стр. 677.

в Сибири начались антисоветские восстания кулаков и зажиточных крестьян.

Но в решающей схватке пролетариата с буржуазией и помещиками, которая определяла судьбу завоеваний социалистической революции, подавляющая масса сибирских крестьян поддержала рабочий класс, Советскую власть. Этим была решена участь Колчака.

III. ВОЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ БУРЖУАЗИИ И ПОМЕЩИКОВ. НОВЫЕ ПОПЫТКИ ЭСЕРОВ И МЕНЬШЕВИКОВ ЗАХВАТИТЬ ВЛАСТЬ

Окончательная судьба буржуазии и помещиков России решилась в двух грандиозных сражениях, которые произошли в 1919 г. Одно из них было на востоке и продолжалось с марта по июль. Оно завершилось разгромом колчаковской армии. Второе проходило на юге с лета 1919 г. по начало 1920 г., окончившись полным поражением деникинской армии. К весне 1920 г. Красная Армия освободила Сибирь, юг и юго-восток страны. На юге только Крым остался в руках врага, где под командованием Врангеля окопались остатки деникинской армии. Но участь их была предрешена.

Борьба с генералом Юденичем в районе Петрограда и генералом Миллером на севере не определяла исхода гражданской войны.

Почему белогвардейские войска Колчака и Деникина, имея большое число опытных офицеров, хорошо вооруженные и экипированные империалистами Антанты, дошедшие до Волги и Орла, были разбиты Красной Армией?

Главные причины военного поражения антисоветских армий, созданных буржуазией и помещиками, лежали не в области военного искусства. Стратегические и оперативные планы, составляемые белогвардейскими генералами и полковниками, вполне отвечали состоянию военного дела в то время, хотя в них и были отдельные ошибки. Некоторые операции, проведенные ими против Красной Армии, с точки зрения военного искусства были образцовыми. Правда, у белогвардейцев здесь имелся серьезный изъян. В силу своей классовой ограниченности не все руководители и командиры белых армий могли по-настоящему по-

стичь особенности гражданской войны как прежде всего войны классов.

Нельзя считать также, что военное поражение российских белогвардейцев произошло из-за отсутствия согласованности в действиях войск. Колчаковцы и деникинцы после гражданской войны много писали об этом, стараясь оправдать себя. Опубликованные в последние годы документы французского генерального штаба (штаба генерала Фоша), относящиеся к интервенции и гражданской войне в России[1], не оставляют сомнений в том, что существовали планы, в которых были выражены идеи совместных комбинированных боевых действий контрреволюционных армий России и войск иностранных интервентов[2].

Что касается оперативных планов, то они разрабатывались самостоятельно в штабах Колчака, Деникина, Юденича. В силу этого между белогвардейскими армиями далеко не всегда существовала оперативная согласованность. Мало того, имелись противоречивые взгляды на решение некоторых важных военных вопросов как между интервентами и белогвардейцами, так и среди самих руководителей внутренней контрреволюции.

Основные причины военного разгрома армий российской контрреволюции определялись классовыми факторами. Важнейшую роль сыграло изменение на последней стадии борьбы состава белогвардейских армий. Колчак и Деникин были сильны, когда их войска состояли из сравнительно однородной классовой массы. Но когда они перешли к широким мобилизациям населения, и прежде всего крестьян, положение в корне изменилось. Добровольцы и другие классово надежные элементы растворились среди крестьян и городских обывателей, большинство белогвардейских частей сразу стало неустойчивым.

Колчак в конце 1918 — начале 1919 г. имел армию в 300 тыс. человек, и она одерживала победы. Летом в его войсках находилось около 500 тыс. солдат, а армия везде отступала. Колчаковский генерал Р. Гайда хвастался, что, мобилизовав пермских и вятских мужиков, он сделал свою

[1] См. «Из истории гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 8—88; т. 2, стр. 3—65.

[2] В этой связи хочется отметить, что ошибается историк Г. Х. Эйхе, когда пишет, что никаких общих замыслов в ведении боевых действий у русских белогвардейцев и интервентов не было (см. *Г. Х. Эйхе*. Уфимская авантюра Колчака (март—апрель 1919 г.). М., 1960; *его же*. Опрокинутый тыл).

Сибирскую армию самой большой. Но вот в конце июня 1919 г. советская 3-я армия перешла в наступление, и через месяц гайдовские войска были разгромлены. Пермские и вятские крестьяне разбежались по домам, прихватив с собой винтовки, часть их перешла в Красную Армию. К середине августа 3-я армия вышла к реке Тоболу, пройдя расстояние в тысячу километров (от Камы) за полтора месяца.

Такая же картина наблюдалась во всех войсках Колчака. В Оренбургскую казачью армию в 1919 г. призвали крестьян, и она стала совсем другой. Летом 1919 г. бывший начальник штаба армии генерал Акулинин писал в штаб Колчака: «Вот уже год как мне докладывают народную молву: «Мы не знаем за что воюем. А для чего нас мобилизуют? Вот убей нас, а воевать мы не пойдем, потому что эта война бесцельная. А почему не замирятся с большевиками?»»[1] Так говорили крестьяне, но так начинали думать и оренбургские казаки.

В конце концов в колчаковской армии, когда она уже отступала, остались главным образом офицеры, добровольцы и часть казаков.

Все, что наблюдалось у Колчака, повторилось и у Деникина. Летом и осенью 1919 г. он провел большие мобилизации крестьян в захваченных им южных губерниях. Армия его разбухла до трехсот с лишним тысяч. А добровольцев в армии становилось все меньше и меньше. Редели в боях наиболее надежные корниловская, алексеевская, марковская, дроздовская дивизии. Когда деникинская армия в конце осени 1919 г. начала отступление, насильно мобилизованные крестьяне побежали по домам, и только эти дивизии да некоторые казачьи части оказывали сопротивление Красной Армии (они затем были переброшены в Крым и стали главной силой Врангеля).

Разгром армий российской контрреволюции говорил о многом. С точки зрения классовой борьбы он означал окончательную гибель в России буржуазии и помещиков как претендентов на власть, с военной — он знаменовал тот факт, что пролетариат России создал такие вооруженные силы, которые способны были сокрушить врагов социализма.

---

[1] ЦГАОР, ф. 536, оп. 1, ед. хр. 8, л. 5.

* * *

В период военного разгрома Колчака и Деникина в тылу белогвардейских войск сильно активизировалась деятельность эсеров и меньшевиков. Они стремились захватить власть до подхода частей Красной Армии.

Особенно торопились эсеры и меньшевики в Сибири. В начале октября 1919 г. в Иркутске состоялся нелегальный земско-социалистический съезд. Созданное им «Земское политическое бюро» разработало основы политической деятельности мелкобуржуазных партий и примыкавших к ним групп, главной задачей которых являлось создание «буферного» государства[1].

В середине ноября в Иркутске вновь тайно собрались оппозиционные Колчаку элементы и провели «Всесибирское совещание земств и городов». На нем из эсеров, меньшевиков, беспартийных кооператоров и земцев был создан Политический центр, которому поручили готовить восстание против Колчака.

Политцентр особые надежды возлагал на помощь чехословацких войск, с представителями которых эсеры и меньшевики не порывали связи с 1918 г. Руководители интервентов охотно пошли на сговор с Политцентром, ибо видели, что спасти Колчака невозможно. Они также хорошо понимали, что, продолжая оказывать поддержку Колчаку, они ухудшают и без того тяжелое положение своих войск. Восставшее против белогвардейцев и интервентов население было в состоянии парализовать движение по железной дороге, и тогда белочехи не смогли бы добраться до Владивостока. Политцентр обещал заключить перемирие с Красной Армией и помочь иностранным войскам выбраться из Сибири. Оказывая поддержку Политцентру, интервенты хотели усилить позиции эсеров и меньшевиков в их борьбе за создание «буферного» государства.

Политцентр, не рассчитывая на широкую поддержку народных масс, главную ставку делал на колчаковских солдат, составлявших гарнизоны сибирских городов. Среди них большую работу развернули созданные эсерами «Военно-социалистический союз защиты народовластия» и «Центральное бюро военных организаций». Главный бой эсеры и меньшевики решили дать Колчаку в Иркутске. Подготовкой восстания в городе непосредственно руководил эсер штабс-капитан Калашников.

[1] См. *Е. Е. Колосов.* Сибирь при Колчаке. Пг., 1923, стр. 27—28.

Большевики Иркутска знали о готовящемся восстании. Эсеры предлагали им принять участие в свержении колчаковской власти под лозунгами «народовластия». Коммунисты держались такой тактики: эсеровским выступлениям не препятствовать, а самим быть готовыми при благоприятной обстановке восстановить Советскую власть.

Восстание началось 24 декабря 1919 г. выступлением распропагандированных эсерами колчаковских солдат в Глазковском предместье Иркутска. 27 декабря оно перекинулось на город. С первых же дней в борьбе активное участие приняли рабочие, руководимые большевиками. В дальнейшем коммунисты все больше и больше увеличивали свое влияние в восстании. Однако выступать открыто со своими лозунгами в то время они не могли. Перевес сил был на стороне Политцентра и войск интервентов.

Между тем колчаковское правительство, находившееся в это время в Иркутске, начало переговоры с представителями иностранных миссий и Политцентра о сдаче власти, чего особенно добивались эсеры. Они хотели выглядеть не захватчиками, а законными преемниками власти в Сибири[1]. Интересен такой факт. Когда колчаковцы заявили руководителям интервентов, что, мол, эсеры и меньшевики являются единомышленниками большевиков, командующий войсками интервентов в Сибири генерал Жанен ответил им, что «эсеры — деятели государственного направления, ничего общего с большевиками не имеют и что поэтому противодействовать им союзники не намерены»[2].

5 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к Политцентру. Чтобы поправить свое положение, а одновременно и укрепить власть эсеров и меньшевиков (перед началом переговоров с Советским правительством и командованием Красной Армии), интервенты пошли на предательство. Жанен выдал Политцентру Колчака и его премьер-министра Пепеляева.

Несмотря на то что интервенты оказывали всяческую помощь Политцентру, положение его с каждым днем ухудшалось. Поддерживавшие его полки бывшей колчаковской армии разлагались, а число вооруженных отрядов и дружин рабочих и крестьян, руководимых большевиками, все

[1] См. об иркутском восстании и сдаче колчаковцами власти Политцентру: *Л. М. Папин.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957.

[2] *Г. К. Гинс.* Указ. соч., т. 2, стр. 492.

время росло; к середине января они уже представляли большую силу. К этому времени части Красной Армии приблизились к Иркутску. Штаб Жанена покинул город и выехал на восток. Трудящиеся Восточной Сибири все настойчивее требовали установления Советской власти. В этих условиях эсерам ничего не оставалось, как сложить с себя полномочия.

20 января 1920 г. по постановлению Сибирского и Иркутского комитетов РКП(б) и Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин был образован военно-революционный комитет во главе со старым большевиком А. А. Ширямовым. 22 января ревком принял на себя всю полноту власти. Политический центр прекратил свое существование. В Иркутске и губернии была восстановлена Советская власть.

Так потерпела крах попытка эсеров и меньшевиков после разгрома колчаковщины[1] утвердиться у власти в Восточной Сибири, создав там антисоветское буржуазно-демократическое государство.

Что касается «буферного» государства вообще, то с ним дело обстояло так. Эсеры и меньшевики хотели использовать идею «буфера» в своих политических целях. Им это не удалось. Однако это совсем не означало, что эту идею не могли использовать большевики, но уже в своих целях.

19 января 1920 г. в Томске состоялись переговоры между представителями Политцентра, Сибревкома и командования 5-й армии, на которых эсеры и меньшевики заявили, что они заключат перемирие с Красной Армией и образуют «буферное» государство. Они потребовали, чтобы границей между Советской республикой и «буфером» были реки Ока и Ангара, а Иркутск стал центром. Короче говоря, эсеры хотели включить в новое государственное образование все Прибайкалье. Председатель Сибирского ревкома И. Н. Смирнов, ведший переговоры с советской стороны, согласился с этим и немедленно информировал о переговорах В. И. Ленина[2].

ЦК РКП(б) в принципе одобрил идею создания «буферного» государства с участием в правительстве эсеров

---

[1] По приговору Иркутского военно-революционного комитета Колчак и Пепеляев 7 февраля 1920 г. были расстреляны.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12671, л. 2.

меньшевиков. Коммунисты снова шли на большой компромисс с мелкобуржуазными партиями. Это заставляла елать обстановка. Дальнейшее продвижение Красной Ар-ии могло привести к военному столкновению с японски-и войсками. Советская Россия была тогда не в состоянии оевать с Японией. Создание «буферного» государства во лаве с эсерами и меньшевиками должно было предотвра-ить это столкновение.

Но, одобряя идею «буфера», ЦК РКП(б) не рассматри-ал вопроса о том, где конкретно пройдет граница. 24 ян-аря в Красноярске состоялась вторая встреча с предста-ителями Политцентра. В это время обстановка в районе Иркутска в корне изменилась, однако Смирнов вновь со-ласился с той границей, которую предлагали эсеры и еньшевики. Между тем последние, не ограничившись пе-еговорами в Сибири, включили в это дело свои ЦК, нахо-ившиеся в Москве (Советская власть разрешила эсерам меньшевикам Сибири пользоваться телеграфом для раз-оворов с членами ЦК по вопросу о «буфере»). ЦК эсеров ЦК меньшевиков полностью одобрили действия членов

своих партий в Сибири и сделали запрос о границах «буфера» Советскому правительству.

ЦК РКП(б), обсудив уже конкретные предложения Политцентра, отказал включить в «буферное» государство Прибайкалье и немедленно поставил об этом в известность Смирнова. Дальше переговоры между большевиками и Политцентром продолжались уже в Иркутске. Получив отказ утвердить западную границу «буфера», эсеры и меньшевики заявили, что они не только сами не приступят к образованию «буферного» государства, но и не будут в нем участвовать.

Тогда коммунисты сами взялись за это дело и создали к востоку от Байкала Дальневосточную народно-демократическую республику (ДВР). Позже эсеры и меньшевики приняли участие в правительстве этой республики, но уже на вторых ролях. Руководящей силой в ДВР стала Коммунистическая партия.

На юго-востоке России эсеры и меньшевики в период разгрома Деникина также пытались захватить власть в свои руки. В ноябре 1919 г. они образовали в Гаграх Комитет освобождения Черноморья (КОЧ) во главе с правым эсером В. Самариным-Филипповским и, опираясь на повстанческие отряды крестьян (так называемое крестьянское ополчение, состоявшее главным образом из зажиточных слоев населения), начали борьбу против деникинских войск. Повстанцы освободили Сочи, а затем Туапсе. Эсеры и меньшевики намеревались создать «Черноморскую республику». Но планы их рухнули.

Большевистские подпольные организации Северного Кавказа умело использовали повстанческие отряды КОЧа, послав в них военных специалистов, главным образом из бывших эсеров и меньшевиков, вступивших в РКП(б) или сочувствовавших ей, которые заняли руководящие посты в крестьянском ополчении. В марте 1920 г. повстанцы КОЧа и отряды партизан Черноморья (Советской «зеленой» армии Черноморья) объединились в Красную армию Черноморья (12 тыс. штыков), влившуюся затем в советские вооруженные силы. КОЧ был отстранен от руководства армией и, не имея никакой опоры, скоро ликвидирован. Эсеры и меньшевики, пытавшиеся осуществить «третий путь», и здесь оказались у разбитого корыта.

КЛАССЫ И ПАРТИИ К КОНЦУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

I. ИЗМЕНЕНИЕ КЛАССОВОГО СОСТАВА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В результате трехлетних острых классовых боев состав советского общества сильно изменился. Население по сравнению с 1917 г. уменьшилось примерно на 6 млн. и в 1920 г. составляло 134,2 млн. человек (в границах до сентября 1939 г.).

Это изменение произошло за счет эмиграции, потерь мужского населения в боях, большой смертности от сыпного тифа и других болезней, широко распространившихся в России, голода, холода.

Изменилось соотношение между городскими и сельскими жителями. Число первых сократилось примерно на 5 млн. и к концу лета 1920 г. равнялось 20,9 млн. человек, что составляло 16% всего населения вместо 18% в 1913 г. и около 19% в 1917 г.[1] Население Москвы с 1917 г. уменьшилось в два раза и в августе 1920 г. равнялось (с пригородами) 1 млн. человек[2]. В Петрограде число жителей за это время сократилось более чем в три раза и к концу лета 1920 г. составляло (с пригородами) 722 тыс., а в самом городе — только 574 тыс. человек[3]. В Самаре в 1917 г. было 228 тыс. жителей, а в 1920 г. стало 175 тыс., в Смоленске — соответственно 73 тыс. и 57 тыс.[4]

При общем сокращении населения в стране в некоторых районах число жителей не только не уменьшилось, но даже

---

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 9; по 1917 г. см. городскую перепись 1917 г., по 1920 г. — перепись населения 1920 г.

[2] На 17 сентября 1917 г. в Москве (с пригородами) проживало 1 854 426 человек, на 21 апреля 1918 г. — 1 698 022, на 28 августа 1920 г. — 1 027 336 человек (см. «Статистический ежегодник 1918—1920 гг.» Вып. 2, стр. 332).

[3] В Петрограде на 2 июня 1918 г. с пригородами было 1 468 845 человек, в самом городе — 1 179 256 человек (см. там же, стр. 342).

[4] См. «Бюллетень Центрального статистического управления» № 77, 25 августа 1923 г., стр. 22, 26.

возросло. Так было в Сибири, на Дальнем Востоке, юге и юго-востоке страны, где осела значительная часть беженцев из центральных губерний, главным образом представителей ранее господствовавших классов. Поскольку многие из них поселились в городах, это привело к некоторому росту городского населения в тех местах. Так, в Иркутске в 1917 г. числилось 97 тыс. жителей, а в 1920 г.— 104 тыс., в Благовещенске — соответственно 58 тыс. и 64 тыс. человек.

В центрально-промышленных губерниях, наоборот, численность населения значительно сократилась из-за бегства буржуазно-помещичьих элементов и перемещения в богатые сельскохозяйственные губернии части рабочих, бедных крестьян и мелкой городской буржуазии.

В результате острой классовой борьбы центральные губернии значительно больше очистились от буржуазии и помещиков, чем окраины. На востоке, юго-востоке и юге страны осталось еще значительное число представителей старых эксплуататорских классов. Интересен такой факт. К осени 1920 г. в Крыму, представлявшем последний очаг русской белогвардейской контрреволюции, скопилось около полумиллиона буржуазии, помещиков, офицеров, казаков, высшей и средней интеллигенции, активно боровшихся против Советской власти. При бегстве в ноябре 1920 г. из Крыма генералу Врангелю удалось вывезти на судах за границу только 150 тыс. человек, в том числе 100 тыс. войск и 50 тыс. гражданских лиц. Более 300 тыс. осталось в Крыму. Это были классовые враги рабочих и крестьян. Советская власть не тронула их, они расселились по югу республики.

Подавляющее большинство крупной буржуазии, крупных и средних помещиков, высших офицеров, значительная часть высшей интеллигенции бежали за границу. В советской и иностранной литературе приводилась разная численность российской эмиграции. Считается, что в среднем число ее достигало около 1,5 млн. человек. Мы располагаем статистическими сведениями о численности и расселении русских эмигрантов, составленными беженской секцией Международного бюро труда в конце 20-х годов на основании официальных анкет. Данные эти, видимо, не совсем полные. Они охватывают не все категории эмигрантов и не во всех странах. Но основная масса эмигрантов

в них учтена. 919 тыс. эмигрантов, о которых имеются сведения, распределялись по государствам следующим образом[1]:

Франция	400 000	Венгрия	5 294
Германия	150 000	Англия	3 000
Польша	90 000	Турция	3 000
Китай	76 000	Австрия	2 465
Латвия	40 000	Швейцария	2 268
Югославия	35 350	Греция	2 075
Чехословакия	30 000	Италия	1 145
Болгария	26 494	Швеция	1 000
Финляндия	18 000	Испания	500
Литва	10 000	Дания	300
Бельгия	10 000		

Почти две трети русских эмигрантов проживало в трех странах: Франции, Германии и Польше, в том числе во Франции — около 40%. И это не случайно. Господствовавшие классы старой России были теснее всего связаны с этой страной.

Мы привели сведения по 21 стране, но число государств, где расселились русские эмигранты, было значительно больше. Они осели в Северной и Южной Америке, в Африке, Азии, Австралии. Беженцы с Дальнего Востока имелись даже на Филиппинских островах. Горькая участь ждала людей без родины, без будущего. Часть из них продолжала вести активную борьбу против Советской республики, лелея надежду на возвращение в Россию. Другие все дальше и дальше отходили от политики. Среди эмигрантов были и такие, которые, видя успехи рабоче-крестьянского государства, заново переоценили свою прошлую деятельность. Это давалось в великих муках, ибо на старости лет было особенно трудно осознать, что дело, за которое боролись, оказалось антинародным, гибельным для России. Некоторые позже, гонимые страшной тоской по родине, просили разрешения вернуться в Россию, чтобы дожить в ней остаток своих дней. Их просьбы во многих случаях удовлетворялись.

Мы не располагаем данными о социальной структуре советского общества к концу 1920 г., но имеются статистические сведения о составе населения 33 губерний Евро-

[1] ЦГАОР, ф. 5826, оп. 1, ед. хр. 122, л. 9.

пейской России к концу 1919 г. Они составлены заведующим Статистическим управлением РСФСР П. И. Поповым по заданию В. И. Ленина. На них имеются ленинские пометки. Сведения эти примерные, но они дают представление о классовой структуре общества к последнему периоду гражданской войны. Для нас они важны тем, что в них содержится материал по тем губерниям, которые составляли основную базу Советской власти в годы гражданской войны.

В 33 губерниях Европейской России проживало 75 млн. человек, из них в сельской местности — 62 млн., в городах — 13 млн. 58 700 тыс. составляло земледельческое и 16 300 тыс. человек — неземледельческое население. Оно распределялось следующим образом[1]:

Пролетарское население города и деревни		12 690 тыс. человек (17%)
В том числе:		
	6 250 тыс.	промышленные рабочие
	2 000 „	сельские пролетарии*
	4 440 „	обслуживающий персонал и низшие служащие в городах и сельских учреждениях
Деревенская беднота		15 800 тыс. человек (21%) (беспосевные, малопосевные, безлошадные группы крестьян)
Средние слои населения		38 180 тыс. человек (51%)
В том числе:		
	34 200 тыс.	средние крестьяне (сред - непосевные, однолошадные группы)
	2 700 „	городская мелкая буржуазия (ремесленники, мелкие торговцы и т. д.)
	1 880 „	средние служащие в городе и деревне

* Имеются в виду сельскохозяйственные рабочие. Эта цифра завышена.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12274, л. 2. Приведенная таблица составлена иначе, чем у П. И. Попова, но полностью на его материале.

Буржуазия и примыкавшие к ней слои	8 330 тыс. человек (11%)	
В том числе:		
	5 550 тыс.	кулаки, богатые крестьяне (*многопосевные, двухи более лошадные группы*)
	2 300 „	городская, сельская буржуазия, торговцы и т. п.
	480 „	высший исполнительный персонал служащих в городах и сельских учреждениях

Приведенные статистические данные позволяют более точно судить о расстановке классовых сил к последнему периоду гражданской войны. Наиболее прочную опору Советской власти составляли пролетарские и полупролетарские слои населения, которых было более 28 млн. человек, или 38% населения. В связи с упрочнением союза рабочего класса с трудящимся крестьянством бóльшая часть 34 млн. середняков стояла за Советскую власть. Следовательно, пролетариат к концу 1919 г. поддерживала бóльшая часть населения страны. Это и определило разгром основных очагов контрреволюции. Таблица свидетельствует также об огромных социальных сдвигах в деревне. Из земледельческого населения около 60% принадлежало к средним крестьянам и 27% — к бедным. Кулаки и богатые крестьяне составляли около 10%.

Наиболее разительные перемены в классовом составе населения произошли в крупнейших городах Центральной России, в том числе в Петрограде и Москве. На 1 июня 1918 г. в Петрограде было 284 тыс. всех категорий рабочих, что составляло 33% всего самодеятельного населения, а к 31 августа 1920 г. их стало 148 тыс. (34%), хозяев с наемными рабочими имелось 17 252 (2%), а осталось 187 (0,04%), хозяев-одиночек — соответственно 55 тыс. (6,4%) и 15 тыс. (3%). Сильно сократилась численность прислуги: было 113 тыс. (13%), а стало всего 37 тыс. (8%). Число служащих изменилось со 193 тыс. (22%) до 171 тыс. (39%)[1].

---

[1] См. «Бюллетень Центрального статистического управления» № 80, 15 ноября 1923 г., стр. 2, 4; «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата», стр. 352—353.

Почти такое же положение было в Москве. По переписи 1920 г., самодеятельное население столицы по социальному положению распределялось так[1]:

Рабочие	205 427	человек
Хозяева с наемными рабочими	713	»
Рантье	1 769	»
Хозяева без наемных рабочих	30 776	»
Помогающие члены семьи	3 172	»
Прислуга	46 828	»
Служащие	223 375	»
Лица свободных профессий	6 125	»
Прочие	35 202	»

Приведенные цифры говорят о том, что к концу гражданской войны численность буржуазии сократилась по сравнению с летом 1918 г. во много раз, мелкой городской буржуазии (кустарей, ремесленников) — в четыре раза, рабочих — меньше чем в два раза, численность служащих изменилась сравнительно мало. На службу к пролетарскому государству пошли многие бывшие помещики, капиталисты, представители высшей интеллигенции.

Имеется документ о личном составе Народного комиссариата продовольствия на 15 декабря 1919 г. Он был представлен В. И. Ленину, на нем есть ленинские пометки. Документ этот ценен тем, что отражает социальный состав работников типичного крупного советского учреждения того времени. Из 1500 человек, о которых имеются сведения, около 300 происходили из буржуазии, помещиков, высшей интеллигенции, духовенства. Более 250 человек были из рабочих, около 900 — из трудовой интеллигенции. Таким образом, одную пятую всех служащих наркомата составляли люди, принадлежавшие ранее к господствующим классам. Среди них имелись 22 помещика и землевладельца, 23 купца, 2 фабриканта, 45 домовладельцев, 57 крупных чиновников, 38 генералов и офицеров и т. д.[2] А сколько «бывших» работало в других государственных учреждениях. Мать генерала Врангеля баронесса М. Д. Врангель всю гражданскую войну служила в одном из музеев Петрограда[3].

---

[1] См. «Бюллетень Центрального статистического управления» № 77, 25 августа 1923 г., стр. 30.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12 666, л. 2.

[3] См. «Архив русской революции», т. IV. Берлин, 1922, стр. 198.

Рабоче-крестьянское государство, беспощадно расправляясь с выступавшими против него помещиками и капиталистами, не мстило тем из них, которые лояльно относились к Советской власти. Оно ставило задачу трудового перевоспитания представителей бывших эксплуататорских классов.

К концу гражданской войны еще больше сократилась численность промышленных рабочих. Фабрично-заводской пролетариат в 1920 г. составлял всего 1 223 тыс. человек[1]. Если на 31 августа 1918 г. в 31 губернии Европейской России числилось 1 254 тыс. промышленных рабочих, то на 1 июня 1920 г. их оставалось 867 тыс. В Петрограде число рабочих на крупных предприятиях сократилось по сравнению с 1917 г. более чем в четыре раза и в сентябре 1920 г. составляло всего 91,2 тыс. человек[2]. Сильно уменьшилась концентрация рабочих в промышленности. К концу 1920 г. имелось 90 предприятий-гигантов[3] вместо 136 летом 1918 г.

Распыление рабочего класса привело к тому, что в 1920 г. во многих промышленных центрах, и прежде всего в Петрограде и Москве, стал сильно ощущаться недостаток рабочих. Советская власть вынуждена была некоторое число высококвалифицированных рабочих вернуть из армии на производство и транспорт. Но это не могло спасти положения, ибо требовалось много других рабочих, в том числе малоквалифицированных. Выход был найден в том, что десятки тысяч людей брали из деревни по трудовой мобилизации и направляли в города главным образом чернорабочими, грузчиками, строителями. Это повлияло на состав пролетариата в городах. Если до этого среди рабочих, оставшихся на производстве, имелось много кадровых пролетариев, то к концу гражданской войны их стало меньше. Сезонные рабочие являлись самой неустойчивой частью пролетариата.

Однако уменьшение числа промышленного пролетариата хотя и сильно затрудняло решение многих важных вопросов, стоявших перед государством и Коммунистической

---

[1] См. *С. Г. Струмилин.* Указ. соч. «Советская социалистическая экономика. 1917—1957», стр. 122.

[2] См. «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии», стр. 42.

[3] См. «Статистический ежегодник 1918—1920 гг.». Вып. 2, стр. 355.

партией, но не означало ослабления влияния рабочих на другие классы и слои населения. Пролетариат приобрел огромные массы союзников и научился ими правильно руководить. В этом состояла его основная сила.

II. ГИБЕЛЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПАРТИЙ

К концу гражданской войны мелкобуржуазные партии настолько дискредитировали себя, а численность их стала так мала, что они неизбежно должны были скоро распасться. Но процесс этот несколько затянулся. В конце гражданской войны возникли большие трудности в жизни страны. Военный коммунизм изживал себя. На почве продразверстки обострились отношения с крестьянами. Начались неурожаи, а затем голод не только в городах, но и в деревне. Число недовольных Советской властью стало расти.

Коммунистическая партия в конце 1920 г. в связи с окончанием гражданской войны пошла на большие уступки мелкобуржуазным партиям. Многие из них стали существовать открыто, издавать газеты, журналы, книги, открыли клубы. Все это привело к временному оживлению эсеров, меньшевиков, анархистов, которые усилили борьбу с Советской властью.

Как и прежде, наиболее активно выступали эсеры. Они надеялись на то, что им удастся воспользоваться возросшим недовольством крестьян богатых губерний и поднять их на мятежи. Одновременно эсеры рассчитывали также использовать продовольственные трудности в городах и подбить на выступление часть рабочих.

Еще в декабре 1919 г. ЦК правых социалистов-революционеров поручил Чернову устно проинструктировать членов партии — делегатов VII съезда Советов, прибывших в Москву на заседание, какую тактику они должны проводить. Эсеровский ЦК обязал все партийные организации и всех членов партии «принять самое энергичное участие в перевыборах Советов»[1]. Социалисты-революционеры делали ставку на то, что им удастся протащить своих людей в органы власти и подчинить себе Советы.

[1] ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9.

Однако скоро эсеры увидели, что их ставка бита. Беспартийные крестьяне, составлявшие в 1920 г. большинство в местных Советах, в массе своей шли не за эсерами, а за большевиками. Это заставило социалистов-революционеров изменить свое поведение. В мае 1920 г. эсеровский ЦК в циркулярном письме указывал, что важнейшей задачей членов партии является создание беспартийных «Союзов трудового крестьянства». «...Беспартийные союзы,— говорилось в циркуляре,— должны объединить все активные силы, организации чисто партийные должны явиться передаточным механизмом и должны быть впоследствии точкой опоры для возглавления партией всего массового крестьянского движения»[1].

В сентябре 1920 г. эсеры на конференции подвели итоги антисоветской работы в крестьянстве[2]. В резолюции говорилось, что «конференция П.С.-Р. предвидит неизбежность в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевистской властью. Учитывая вместе с тем распыленность масс, конференция П. С.-Р. полагает, что очередной задачей партии является работа по организации народных активных сил, необходимых для достижения указанных целей»[3].

В конце 1920 г. начались мятежи крестьян в Тамбовской губернии. Они были подготовлены созданным эсерами «Тамбовским союзом трудового крестьянства». Во главе мятежа встал эсер Антонов, который еще в 1919 г. создал шайку и вступил на путь террористической борьбы с большевиками[4]. В начале 1921 г. произошли вооруженные кулацкие выступления в Западной Сибири. Эсеры

---

[1] «Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии С.-Р.». М., 1922, стр. 42.

[2] Число членов эсеровской партии и партийных организаций к этому времени настолько сократилось, что молчать об этом было нельзя. В обращении ЦК П. С.-Р. от 1 октября 1920 г. к организациям партии указывалось «на малочисленность самой конференции и слабость партийных организаций на местах» («Революционная Россия» № 1, декабрь 1920 г.).

[3] «Революционная Россия» № 1, декабрь 1920 г. Эту газету стал издавать за границей Чернов.

[4] А. С. Антонов в период первой русской революции являлся типичным эсером-экспроприатором. Царский суд сослал его на каторгу. После Февральской революции он вернулся в Тамбов и занял должность начальника милиции в Кирсановском уезде. В 1918 г. Антонов перешел на нелегальное положение, а в следую-

там тоже приложили руку. Характерной чертой этих мятежей являлся разнузданный террор. Мятежники зверски мучили, а затем убивали коммунистов, пленных красноармейцев.

В марте 1921 г. произошел мятеж в Кронштадте. Эсеры полностью солидаризировались с его участниками. Чернов писал, что сейчас, когда уничтожена реакция, то есть белогвардейские армии, когда «третья сила» демократии осталась один на один с большевиками, эсеры должны всем фронтом выступить против большевизма и ликвидировать его. В послании в Кронштадт он приветствовал мятежников, предлагал им помощь людьми и материалами. «Сообщите, сколько и чего нужно? — спрашивал он.— Готов прибыть лично и предоставить на службу народной революции свои силы и свой авторитет»[1].

В августе 1921 г. состоялся 10-й совет партии социалистов-революционеров, вынесший решение о свержении Советской власти. В резолюции говорилось, что «вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии»[2].

Таким образом, эсеры вновь вернулись к тем формам борьбы против Советской власти, которые они провозгласили весной 1918 г. Одновременно они снова вступили в союз с российской буржуазией, на этот раз уже за границей.

В январе 1921 г. в Париже произошло совещание эсеров Авксентьева, Зензинова, Керенского, Рудакова, Чернова с кадетами Винавером, Коноваловым, Милюковым, Родичевым. Тогда соглашения не удалось достигнуть, Чернов, а также члены ЦК, находившиеся в Москве, оказались несговорчивыми, хотя Авксентьев и Керенский упорно настаивали на заключении коалиции. В декабре 1922 г. в Берлине встретились эсеровские лидеры. Чернов и другие члены ЦК сдали свои позиции Авксентьеву и Керенскому. Чернов фактически дал согласие на заключение блока

щем году возглавил шайку террористов. Только в течение лета 1919 года шайка убила в Кирсановском уезде около 100 коммунистов.

[1] «Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии С.-Р.», стр. 49.

[2] «Революционная Россия» № 11, август 1921 г.

с контрреволюционной российской буржуазией за границей, хотя и обставил это, как подобает «правоверному» эсеру, рядом оговорок.

Итак, круг замкнулся. Дальнейшая контрреволюционная деятельность эсеров за границей и в Советской России (организация мятежей, участие в террористических актах и т. д.) вынудила Советскую власть прибегнуть к суровым мерам, чтобы обезопасить еще слабое, находившееся во вражеском окружении первое в мире социалистическое государство.

Летом 1922 г. в Москве состоялся судебный процесс над членами ЦК и некоторыми активистами партии правых социалистов-революционеров. Они обвинялись в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблениях и изменнических сношениях с иностранными государствами. Перед судом Верховного трибунала ВЦИК предстали 34 человека, в том числе 11 членов ЦК и 3 члена Московского бюро ЦК. Процесс продолжался 50 дней. Эсеров приехали защищать видные социал-демократы Запада. Трибунал 3 человек оправдал, 12 приговорил к расстрелу, остальных присудил к строгому заключению с применением принудительных работ на срок от 2 до 10 лет. Президиум ВЦИК помиловал 10 человек, освободив их от всякого наказания, и отложил расстрел 12 главарей. В его постановлении говорилось:

«Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот, применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа»[1].

Судебный процесс 1922 г. показал широким массам рабочих и крестьян России подлинное лицо эсеров. После

[1] «Приговор Верховного Революционного Трибунала. Постановление президиума ВЦИК и воззвание Коминтерна». М., 1922, стр. 34. Никто из 12 эсеров не был расстрелян по приговору трибунала.

этого они потеряли всякую надежду на успешную борьбу с Советской властью в России. В 1923 г. правые социалисты-революционеры вынесли решение о самороспуске своей партии в Советской республике. Их лидеры, оставшиеся еще на воле, перекочевали на запад. Там они предприняли попытку собрать остатки окончательно разбитой партии[1]. Но всему бывает конец. От партии эсеров давно уже ничего не осталось, если не считать 90-летнего старика Керенского, который вот уже 50 лет живет в эмиграции.

В иной форме, но в том же направлении проходила эволюция меньшевиков. В начале 1920 г. они выступили за объединение всех марксистских социалистических партий (себя меньшевики всегда считали самыми правоверными марксистами), в том числе и большевиков. На состоявшемся в апреле 1920 г. в Москве партийном совещании при ЦК РСДРП[2] меньшевики приняли по докладу Мартова целую программу, озаглавленную «Мировая социальная революция и задачи социал-демократии», в которой изложили свое политическое кредо.

Анализ документов совещания говорит, что меньшевики так и не поняли опыта русской революции, ибо по основным, кардинальным вопросам революции стояли на старых позициях. Они никак не хотели признавать закономерности установления диктатуры пролетариата в России. «В таких странах,— говорили они о России,— ближайшею целью революции может быть лишь раздел власти между пролетариатом и другими трудящимися классами (особенно мелким самостоятельным и полусамостоятельным крестьянством)...»[3] Не диктатура пролетариата в России, а «последовательно проведенное сверху донизу народовластие», твердили меньшевики, «максимальное развитие самоуправления», «самая широкая свобода идейной борьбы и пропаганды». В экономических вопросах меньшевики продолжали стоять на позициях, которые они выдвинули летом 1919 г. в обращении «Что делать?». Понятно, что такая платформа не могла быть принята большевиками.

---

[1] В ноябре 1923 г. в Праге состоялся I съезд находившихся за пределами России эсеров. Они образовали заграничную организацию П. С.-Р.

[2] Совещание проходило с 4 по 10 апреля 1920 г.

[3] «Сборник резолюций и тезисов Центрального Комитета РСДРП и партийных совещаний», стр. 31.

Гражданская война кончилась, и меньшевики, так же как и эсеры, усилили борьбу с Советской властью. Еще в 1920 г. Мартов в статье «Линия социал-демократии», намечая поведение партии меньшевиков после разгрома Колчака и Деникина, писал: «С наступлением этого краха руки ее (партии меньшевиков.— *Л. С.)* будут развязаны и свою борьбу за выпрямление линии революции она сможет вести, не скованная той атмосферой отчаяния, которую создало обостренное блокадой всероссийское разорение, и не парализуемая естественной и законной боязнью лучшей части трудящихся масс поднять свой голос в защиту своих прав и своей власти в таких условиях, когда революционное правительство отбивается на всех фронтах от злейших врагов народа»[1].

Меньшевики поддерживали всякое движение недовольства против Советской власти, в том числе и Кронштадтский мятеж. Они подбивали несознательные слои рабочих к забастовкам. «Знаменательным для этой партии является тот факт,— говорилось в одном из докладов ВЧК за 1921 г.,— что во всех заговорах против Советской власти, раскрытых ВЧК, всегда обнаруживается та или иная группа меньшевиков, принимавшая участие в черной работе контрреволюционного подполья»[2].

В 1922 г. меньшевики рьяно выступали в защиту эсеров во время судебного процесса над их главарями. С каждым месяцем партия меньшевиков все больше и больше правела. В октябре 1922 г. состоялось Всероссийское совещание меньшевиков. Оно прошло под лозунгом борьбы против коммунистов, против Советской власти, за демократическую республику, за политические свободы для всех. С этого времени остатки партии меньшевиков уходят в глубокое подполье.

В 1924 г. в основном завершается эволюция меньшевиков. Они окончательно порвали с позицией, которую занимали с конца 1918 по 1920 г., квалифицируя ее как «левое заблуждение». Некоторые меньшевики говорили, что тактика партии в 1919—1920 гг., заключавшаяся в отказе от защиты идеи «последовательной демократии», лила воду на мельницу большевизма. Теперь меньшевики вновь

---

[1] «Оборона революции и социал-демократия». Вып. 1. Сборник статей. Под ред. Л. Мартова. М., 1920, стр. 7.

[2] «Известия ВЦИК», 24 июля 1921 г.

вернулись к своей исходной точке конца 1917 г., то есть к буржуазной демократии, к «здоровому капитализму» и т. д. Временная стабилизация капитализма в Западной Европе способствовала отречению меньшевиков от их «левых» (фактически примиренческих, полубуржуазных) лозунгов. На деле же меньшевики и этих лозунгов не придерживались. Таким образом, у меньшевиков, как и у эсеров, круг их контрреволюционной деятельности замкнулся.

В организационном отношении РСДРП все больше и больше расползалась по швам как совсем износившийся кафтан, и никакие портные от политики ничего не могли выкроить из него. В 1920 г. с разрешения ЦК РКП(б) за границу уехали Мартов и Рабинович, вслед за ними туда перебрался и Дан.

После окончания гражданской войны многие видные меньшевики вышли из партии, некоторые из них вступили в РКП(б). К концу 1922 г. из 24 членов ЦК меньшевистской партии, избранных в мае 1918 г., вышло 10 человек[1]. Партию покинули многие видные деятели[2]. В начале 1923 г. умер за границей от туберкулеза горла Мартов.

Не болезнь была самым тяжелым переживанием в последние годы Мартова, писал о нем меньшевик Д. Ю. Далин, «а упадок сил и распад того движения», к которому принадлежал Мартов[3].

Большое бегство из партии наблюдалось на местах. Партийных организаций, вернее, меньшевистских групп становилось все меньше. В 1931 г. в Москве состоялся судебный процесс над группой меньшевиков-активистов, показавший, что они превратились в агентуру мирового империализма в России. Мало осталось меньшевиков и за границей. В конце 30-х годов прекратил свое существование главный заграничный орган меньшевиков «Социалистический вестник». В последнем номере сообщалось, что газета закрывается ввиду отсутствия подписчиков.

Тяжелый кризис потряс и анархистов. Пытаясь приостановить дальнейшее разложение своих малочисленных

---

[1] Среди них Гвоздев, Горев, Ерманский, Майский, Мартынов, Плесков, Трифонов, Трояновский, Чиркин, Яхонтов.

[2] В их числе были Вайнштейн (Рахмиэль), Феликс Кон, Рафес, Рожков, Сверчков, Скобелев, Струмилин, Фрумкина (Эстер), Хейфец, Хинчук и др.

[3] «Мартов и его близкие», стр. 117.

групп, находившихся в Российской Федерации, анархисты в начале 1920 г. решили объединиться. Попытки к этому в некоторых местах были предприняты еще в 1919 г.

В апреле 1920 г. собрались представители «Московского союза анархистов», «Петроградской федерации анархических групп», «Всероссийской федерации анархистов-коммунистов», «Самарской группы анархистов» и прибывших в Советскую Россию анархистов Америки, чтобы создать «Всероссийский союз анархистов». Совещание признало необходимым объединить все анархические силы России, кроме представителей двух течений: «советских анархистов, или анархистов-большевиков» и «подпольных анархистов». Этим течениям объявлялась война. Первому за то, что представители его шли на уступки Советской власти и действовали в дозволенных ею рамках, второму за террор, «дезорганизующий в настоящий момент массы и бьющий не по системе, а по отдельным личностям». Было создано Организационное бюро «Всероссийского союза анархистов» с местом пребывания в Москве[1]. Намечалось издание газеты «Свобода в анархии». Несколько позже это объединение получило название «Всероссийской федерации анархистов». Оно создало в Москве, в Леонтьевском переулке, свой клуб, в котором читались антисоветские доклады и где под вывеской анархистов собирались самые темные элементы. Но объединиться анархистам так и не удалось.

В 1921 г. наряду с «Всероссийской федерацией анархистов» существовали многие другие самостоятельные федерации, секции и группы[2].

Советская власть относилась к анархистам строго дифференцированно, так же как к эсерам и меньшевикам. Те из них, которые занимались только пропагандой своих идей, не боролись против Советской власти и не подстре-

---

[1] В состав Организационного бюро вошло пять членов (Г. Аскаров, А. Гордон, А. Карелин, А. Солонович, Перкус) и один кандидат (Маркус) (ЦГАОР, ф. 426, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1).

[2] Наиболее влиятельными из них были «Всероссийская федерация анархистов-коммунистов», в которой видную роль играл А. Карелин (федерация выпускала газету «Вольный труд»); «Всероссийская секция анархистов-универсалистов» (образовалась летом 1920 г. в Москве); «Российская конфедерация анархистов-синдикалистов»; конфедерация анархистов Украины «Набат»; петроградская группа анархистов «Голос труда» (называлась по выпускаемой ею газете) и др.

кали к этому мелкобуржуазные массы, существовали легально, имели свою печать. Анархисты, ведшие антисоветскую пропаганду, но не применявшие в своей борьбе ни саботажа, ни оружия, существовали полулегально. Они тоже выпускали газеты, но не регулярно. Как только эти люди переходили к злобной клевете на рабоче-крестьянское правительство и Коммунистическую партию, Советская власть решительно одергивала их, арестовывала их лидеров и на некоторое время сажала в тюрьму. С «анархистами подполья», использовавшими террор в борьбе с Советской властью, расправлялись беспощадно.

Многие анархисты, так же как эсеры и меньшевики, не могли понять, почему рабоче-крестьянское правительство применяло к ним методы принуждения, если они активно выступали против Советской власти. В начале 1920 г. видные анархисты России обратились с письмами в ЦК РКП(б) и к В. И. Ленину, в которых, обвиняя большевиков в гонениях на анархизм, требовали «признания за анархическими организациями права на легальное существование, на полную их неприкосновенность, на свободу собраний, съездов, свободу слова, печати и т. д.»[1].

Отвечая анархистам, ЦК РКП(б) в марте 1920 г. писал: «1. Советская власть и наша партия, как партия правящего пролетариата, во всей своей борьбе за социализм проводила строжайшее разграничение между социалистами на деле и только на словах. Наша партия вела и ведет активную борьбу — вплоть до самых крайних мер — с предателями и изменниками социализма — социал-патриотами, социал-шовинистами и социал-империалистами.

2. Но точно так же как в среде бывших социалистических партий мы проводим глубокую борозду и не даем себя обмануть словом «социалист», точно так же мы, как партия революционного пролетариата, обязаны проводить строжайшее разграничение между анархистами-революционерами и анархистами-контрреволюционерами, ибо не только в среде бывшего II социалистического Интернационала, но и в среде анархизма грязная контрреволюционная идеология свила себе прочное гнездо»[2]. ЦК подтверждал, что ни один анархист, который не принимает участия в контрреволюционной борьбе, не может быть

[1] ЦГАОР, ф. 426, оп. 1, ед. хр. 6, л. 9.
[2] Там же, л. 8.

объектом репрессий. Но люди, взрывающие бомбами лучших московских рабочих (как это было в Леонтьевском переулке), не могут требовать снисхождения.

Анархисты продолжали существовать и после гражданской войны. В связи с ликвидацией врангелевщины Советская власть значительно ослабила контроль над анархистами, дав им возможность более широко вести свою работу. ЦК РКП(б) в мае 1921 г. писал по поводу анархистов: «До сих пор отношение Советской власти к разным анархистским группам, активно не выступающим против Советской власти, было очень терпимо. Организации существовали почти легально, легально существовали в некоторых местах клубы анархистов, издавались печатные периодические органы, открыты были книжные склады»[1]. Анархисты не замедлили использовать это во вред рабоче-крестьянскому государству. Они стали разъезжать по стране и вести антисоветскую агитацию. Одновременно некоторые из них готовили прямые антиправительственные выступления. Анархисты участвовали в Кронштадтском и других мятежах.

В связи с этим карательные органы диктатуры пролетариата арестовали в 1921 г. активных анархистов в Москве, Петрограде и других городах. Но и после этого Советская власть разрешила некоторым группам анархистов вести пропаганду своих идей.

Не имея притока новых сил, анархисты прекратили свое существование в Российской Федерации.

Из других Советских республик анархизм наибольшее распространение получил на Украине, где он тесно переплелся с махновщиной. Организация анархистов Украины «Набат» пыталась первое время играть руководящую роль в махновщине. Известный теоретик анархо-синдикализма Волин (В. М. Эйхенбаум) и видный анархист П. Аршинов являлись своего рода идейными руководителями у Махно. Аршинов за границей написал историю махновщины[2]. Правда, некоторые анархисты отмежевались от Махно, но оставшиеся у него пытались при помощи махновщины осуществить идею создания общества без государства. Это

---

[1] «Вестник агитации и пропаганды» № 11—12, 25 мая 1921 г., стр. 8.

[2] См. *П. Аршинов.* История махновского движения (1918 — 1921 гг.). Берлин, 1923.

выразилось в декларациях махновцев о «безвластных Советах», «вольном советском строе» и т. д. Анархизм очень подходил кулакам и зажиточным середнякам, составлявшим основную базу махновщины, как для борьбы против помещиков и белогвардейцев, так и против Советской власти с ее хлебной монополией и продразверсткой. «Безвластные Советы» превратились в органы необузданной личной власти Махно и его многочисленных «батек».

Правильная политика Коммунистической партии и Советской власти на Украине в крестьянском, национальном и продовольственном вопросах, проводившаяся с конца 1919 г., после освобождения ее от Деникина, способствовала отколу от Махно середняков деревни и окончательному переходу их на сторону Советской власти. После этого социальная база махновщины сузилась. Отряды Махно скоро полностью превратились в кулацкую банду и были ликвидированы частями Красной Армии. В 1921 г. Махно с кучкой своих приверженцев бежал в Румынию. Таким образом, попытка анархистов осуществить на практике свои «идеалы» посредством махновщины вылилась в контрреволюционное выступление кулачества и зажиточного крестьянства против Советской власти и в силу этого была с самого начала обречена на гибель.

А что стало с левыми эсерами? Остатки их до середины 1920 г. подавали очень слабые признаки жизни. Летом 1920 г. среди руководителей левых социалистов-революционеров взяли верх те элементы, которые выступали за прекращение, по крайней мере формально, борьбы с Советской властью. Эти люди во главе со Штейнбергом обратились в ЦК РКП(б) с просьбой разрешить им легальное существование. Вначале ЦК отказал им[1], но в октябре 1920 г. удовлетворил их просьбу. Коммунисты пошли навстречу левым эсерам и в других вопросах. Когда летом 1921 г. их представитель за границей А. А. Шрейдер обратился с просьбой к Ленину и Чичерину[2] разрешить ему

---

[1] Первый раз просьба левых эсеров рассматривалась на Пленуме ЦК РКП(б) 16 июля 1920 г. В принятом решении говорилось: «Отклонить до получения ЦК уверенности в том, что на местах в организациях левых с.-р. уже произошло такое же самое размежевание, как и в их ЦК» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 31, л. 1.).

[2] Г. В. Чичерин был в то время наркомом по иностранным делам.

приехать в Россию для отчета центральному органу партии, ему немедленно выдали в Берлине визу и советский паспорт[1]. В Москве он выступал с публичными докладами, виделся с заключенными в Бутырской тюрьме Камковым, Трутовским, Майоровым, Спиридоновой, которые, кстати сказать, писали оттуда статьи в левоэсеровский журнал «Знамя», устраивали там свои совещания, выносили решения (то же самое было у правых эсеров, меньшевиков, анархистов). Закончив свою миссию, Шрейдер вновь уехал за границу.

В конце 1920 г. левые эсеры созвали в Москве совещание представителей существовавших кое-где групп и организаций партии. Оно было очень малолюдным. После этого в декабре они обратились с декларацией к VIII съезду Советов, предлагая свои услуги в восстановлении народного хозяйства, сделав при этом много оговорок.

Но левых эсеров осталось так мало, что они вынуждены были уже в конце 1920 г. пойти на объединение с родственными им группами, а в 1922 г.— с Союзом с.-р. максималистов. Однако и это не помогло. Полный крах приближался с неумолимой силой. Все больше увеличивалось число эсеров, вступавших в Коммунистическую партию. В августе 1923 г. Центральное бюро объединенных организаций левых эсеров и максималистов в письме с характерным названием «К психологии переходящих» констатировало полный развал как среди эсеров, так и среди других мелкобуржуазных партий. Левые эсеры только никак не могли объяснить, почему мелкобуржуазные демократы вступали в партию большевиков. «Для многих,— говорилось в письме,— даже не социалистов, даже не революционеров, вопрос о продолжающемся переходе членов разных партий в РКП(б) так и остается вопросом нерешенным, неясным, необъяснимым... Слишком сложны мотивы, побуждающие человека отказаться от того, во что верил полтора-два десятка лет»[2]. Пока руководители левых эсеров разбирались в этом вопросе, от партии ничего не осталось. Произошло это в середине 20-х годов.

По-другому обстояло дело с теми мелкобуржуазными партиями и группами, которые шли на сближение с коммунистами. РКП(б) делала многое, чтобы облегчить им

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 2, ед. хр. 12, л. 8.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 15, л. 87.

изжить свои ошибки и встать на подлинно революционный путь.

Продолжалась эволюция в сторону большевиков партии «революционных коммунистов». На V съезде партии, состоявшемся в апреле — мае 1920 г., кулацкие элементы пытались повернуть съезд против своего ЦК, проводившего политику сотрудничества с Советской властью, и против большевиков. В ответ на это ЦК «революционных коммунистов» распустил съезд. В сентябре 1920 г. VI съезд этой партии, исходя из постановления II конгресса Коминтерна о том, что в каждой стране должна существовать одна единая коммунистическая партия, принял решение о слиянии с РКП(б), «невзирая на те теоретические разногласия, которые продолжают разделять революционеров-коммунистов и коммунистов-большевиков»[1],— говорилось в резолюции съезда.

ЦК РКП(б) счел возможным принять в ряды своей партии «революционных коммунистов», ставя задачу объединения всех трудящихся и перевоспитания их в духе большевизма.

Так же было с Бундом, который в период гражданской войны все больше и больше отходил от меньшевистской партии. Состоявшаяся в апреле 1920 г. 12-я конференция Бунда приняла решение о выходе из РСДРП и дальнейшем сближении с большевиками. В постановлении конференции говорилось:

«1. Что еще с XI конференции «Бунд» принципиально стал на платформу коммунизма,

2. что программа Коммунистической партии, которая в то же время является программой Советской власти, соответствует принципиальной позиции «Бунда»,

3. что «единый социалистический фронт» с принципиальными противниками Советской власти, которые противопоставляют пролетариат его власти, невозможен,

4. что наступил момент, когда «Бунд» может отказаться от своей официально оппозиционной позиции и взять на себя ответственность за политику Советской власти»[2].

В. И. Ленин, прочитав резолюцию конференции, подчеркнул эти четыре параграфа двумя чертами, показывая,

---

[1] «Воля труда» № 20, октябрь 1920 г.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 712. Прим. 706.

что придает им большое значение. На резолюции бундовцев он написал членам Политбюро ЦК РКП(б), чтобы они прочитали ее как интересный документ. Ленин указывал, что он стоит за отыскание компромисса с Бундом.

Вскоре бундовцы обратились в ЦК РКП(б) с просьбой принять их в Коммунистическую партию. Политбюро ЦК 6 мая 1920 г. поручило Каменеву, Преображенскому и Сталину принять представителей Бунда и выслушать их предложения. 18 июня Политбюро обсудило предложения бундовцев, которые обусловили свое вступление в Коммунистическую партию требованием сохранения существования Бунда внутри РКП(б) как самостоятельной организации. На это большевики не могли пойти[1]. Вместе с тем Центральный Комитет поручил Оргбюро «разработать организационные формы, наиболее приспособленные к бытовым условиям еврейского пролетариата, с обязательным употреблением родного языка в местах значительного сосредоточения еврейских масс».

Бунд обратился к Коминтерну с просьбой о посредничестве при слиянии с РКП(б). Специально созданная комиссия Исполкома Коминтерна, рассмотрев этот вопрос, предложила Бунду распустить себя как самостоятельную организацию, а своих членов включить в Российскую Коммунистическую партию. ЦК Бунда, а затем состоявшаяся в марте 1921 г. 13-я конференция бундовцев приняли предложение комиссии Коминтерна о слиянии с РКП(б)[2].

В апреле 1920 г. перестал существовать «Союз максималистов» (группа Бердникова и Светлова). Его члены также влились в РКП(б). Летом 1920 г. в Коммунистическую партию вступили украинские левые эсеры (боротьбисты).

Таким образом, Коммунистическая партия, ведя решительную борьбу с теми мелкобуржуазными партиями, которые вставали на антисоветский путь, в то же время давала возможность одуматься колеблющимся, занять им правильные позиции, сблизиться с большевиками, а затем и слиться с ними. РКП(б) впитывала в себя все револю-

[1] См. подробно об этом «Отчеты Центрального Комитета РКП с VIII до X съезда», стр. 35.

[2] Правое крыло Бунда (меньшинство), возглавляемое Абрамовичем, выступило против слияния с РКП(б), вышло (1920 г.) из союза, продолжало борьбу против Советской власти.

ционные партийные силы, в том числе и те, которые еще не до конца приняли стратегию и тактику большевизма. Партия коммунистов была достаточно крепкой и многочисленной, чтобы перевоспитать лучшие элементы мелкобуржуазных партий. Фальшивые демократы, влившиеся в РКП(б), долго в ней не задерживались. Они быстро показывали свое лицо и исключались при очередных перерегистрациях и чистках. Лучшие представители мелкобуржуазной демократии усваивали марксизм-ленинизм и в рядах РКП(б) активно боролись за социализм.

Классовая и партийная борьба в Советской России полностью подтвердила утопичность теории (и программ) мелкобуржуазных партий и несостоятельность их тактики. Она показала, что главной причиной гибели эсеров, меньшевиков, анархистов явилась их неспособность осознать историческую необходимость диктатуры пролетариата. Ход этой борьбы привел к тому, что в стране осталась только одна партия — Российская Коммунистическая партия (большевиков). В тех условиях такое явление было исторически закономерным. События показали, что только коммунисты были настоящими революционерами, боровшимися за интересы трудового народа. Поэтому рабочие и крестьяне, отвергнув все другие партии, оказавшиеся банкротами, вручили свою судьбу большевикам. Так в Советском государстве создалась однопартийная система руководства.

* * *

Партия «народной свободы» прекратила свое существование в России вместе с Колчаком и Деникиным, хотя отдельные группы ее были и при Врангеле. Но в Крыму кадеты не играли такой роли, как при Деникине, хотя и полностью поддерживали последнего руководителя русской белогвардейской контрреволюции.

Большая часть кадетов бежала за границу, в том числе почти все члены ЦК, образовав там несколько групп[1]. Самой многочисленной и влиятельной из них являлась парижская. Она возникла еще весной 1920 г. и называла себя

[1] Кадетские группы существовали в Париже, Берлине, Константинополе, Софии, Белграде и столицах других западноевропейских государств.

Парижским комитетом партии «народной свободы». В конце 1920 г. в столицу Франции из Англии прибыл Милюков, развивший бурную деятельность.

После разгрома Врангеля перед кадетами встал вопрос, что делать дальше. Инициативу проявила парижская группа. В декабре 1920 г. она составила документ под названием «Что делать после крымской катастрофы?». В нем намечалась новая тактика партии. Кадеты заявляли, что с поражением армии Врангеля борьба против большевиков не прекращается, а только принимает новые формы. «Привычки и методы старого правящего класса,— говорилось в документе,— должны быть заменены теперь методами новой, демократической России»[1]. Главной и ближайшей целью своей деятельности кадеты считали развертывание борьбы за непризнание буржуазными правительствами Советской России и прибалтийских государств.

Парижский комитет предложил создать широкий антибольшевистский фронт и призвал кадетов организовать «Национальный комитет», который объединил бы кадетов с народными социалистами и эсерами. Соглашения с монархическими группами кадеты избегали, считая, что они «себя изжили». Руководители капиталистических государств подталкивали кадетов и эсеров на сближение. «Надо считаться с мнением Европы,— говорил в начале 1921 г. Милюков.— Для нее нужна идея соглашения социалистических партий с буржуазными»[2].

Но далеко не все кадеты поддержали Парижский комитет. Берлинская и софийская группы заняли другую позицию. Не существовало единства и среди парижских кадетов. Некоторые из них считали, что партия окончательно погубит себя, если войдет в коалицию с эсерами. Разногласия между кадетами обострялись. Константинопольская группа в августе 1921 г. писала о расколе партии, а член ЦК Н. И. Астров на заседании Парижского комитета заявил, что партии кадетов фактически нет, она распалась на отдельные части.

Попытки Милюкова и других руководителей кадетов собрать и склеить остатки партии ни к чему не привели.

---

[1] ЦГАОР, ф. 7506, оп. 1, ед. хр. 13, л. 11.
[2] ЦГАОР, ф. 7506, оп. 1, ед. хр. 12, л. 4.

На состоявшемся в марте 1920 г. IX съезде РКП(б) делегаты представляли 611 978 членов партии[1]. Это означало, что за год партия большевиков выросла в два раза. За время после IX съезда до осени 1920 г. общая численность партии еще больше увеличилась и достигла примерно 700 тыс. человек.

С конца лета 1920 г. началась перерегистрация членов РКП(б). Она проводилась по решению Центрального Комитета, охватила 46 губерний и автономных областей, армию и в большинстве мест закончилась к ноябрю[2]. Прошедшие ее коммунисты впервые в истории партии получили единый партийный билет, выработанный ЦК РКП(б)[3].

Из партии во время перерегистрации выбыло около одной трети ее членов. Так, в 17 губерниях, о которых у нас имеются сведения, до перерегистрации числилось 222 тыс. членов партии и 18 тыс. кандидатов, а осталось 139 тыс. членов и 15 тыс. кандидатов[4]. Число выбывших

---

[1] IX съезд РКП(б) проходил с 29 марта по 5 апреля 1920 г. На нем присутствовало 553 делегата с решающим голосом и 162 — с совещательным. Они представляли почти все губернии и области страны. На съезде обсуждались следующие вопросы: 1. Отчет Центрального Комитета. 2. Очередные задачи хозяйственного строительства. 3. Профессиональное движение. 4. Организационные вопросы. 5. Задачи Коммунистического Интернационала. 6. Отношение к кооперации. 7. Переход к милиционной системе. 8. Выборы Центрального Комитета.

Членами ЦК РКП(б) были избраны 19 человек: Андреев, Артем (Сергеев), Бухарин, Дзержинский, Зиновьев, Калинин, Каменев, Крестинский, Ленин, Преображенский, Радек, Раковский, Рудзутак, Рыков, Серебряков, Смирнов И. Н., Сталин, Томский, Троцкий.

Кандидатами ЦК РКП(б) — 12 человек: Петровский, Ярославский, Муранов, Милютин, Стучка, Ногин, Гусев, Пятницкий, Бело-бородов, Залуцкий, Молотов, Смилга.

[2] На Украине, в Средней Азии, Закавказье, а также в некоторых губерниях Сибири, Северного Кавказа перерегистрация или совсем не проводилась, или не была закончена.

[3] До введения единого партийного билета каждая губернская организация РКП(б) имела свои билеты. Единый партийный билет образца 1920 г. имел вид небольшой книжки в 33 страницы. В ней содержались подробные анкетные и учетные данные коммуниста. Имелся специальный раздел, в котором отмечалась партийная работа коммуниста, посещение им партийных собраний, митингов, участие в субботниках, в агитационных и других кампаниях.

[4] Подсчитано автором. См. приложение, табл. № 4.

из партии по губерниям было самым различным. Наибольший отсев наблюдался в сельскохозяйственных районах. В Самарской губернии из 7,5 тыс. членов партии осталось 4,5 тыс., в Воронежской из 6 тыс.— 3,5 тыс. В то же время в Московской губернской организации до перерегистрации числилось 44 тыс. членов и 9,5 тыс. кандидатов, а после — 35 тыс. членов и 9 тыс. кандидатов. В Петроградской губернии из 26 тыс. членов партии отсеялось всего 1668 человек, около 1 тыс. членов партии было переведено в кандидаты. Интересно отметить причины исключения из Петроградской организации: неподчинение партийной дисциплине (17%), неисполнение партийных обязанностей (29%), пьянство и другие нравственные нарушения (10%), незнание программы, несогласие с ней (9%) и т. д. Более девяти десятых исключенных вступили в партию в 1919—1920 гг. Около 500 человек сами заявили о выходе из партии. Большинство из них ссылалось на то, что для них тяжела партийная дисциплина[1].

В большевистских организациях Красной Армии отсев был меньше. В августе 1920 г. в советских вооруженных силах числилось 278 тыс. коммунистов, а к концу года их стало 192 тыс.[2]

После перерегистрации в партии осталось примерно 500 тыс. человек. Из нее выбыло больше всего крестьян, ремесленников, кустарей. Среди рабочих отсев был значительно меньше. Таким образом, и в 1920 г. изменения в численном составе партии вызывались прежде всего поведением крестьянства. Во второй половине года крестьяне вновь проявили колебания, вызванные усталостью от гражданской войны, ее тяготами, увеличившейся разрухой.

В отношении крестьянства в годы гражданской войны к партии большевиков ясно прослеживается одна характерная черта. Несмотря на то что колебания мелкобуржуазных слоев все время продолжались (крестьяне то вступали в партию, то выходили из нее), с каждым годом их оставалось в РКП(б) все больше и больше. Случайные люди отсеивались, а наиболее сознательные закреплялись в партии. Число крестьян, решивших прочно связать свою судьбу с большевиками, росло. Это свидетельствовало

---

[1] См. «Сборник материалов Петербургского комитета РКП». Вып. 2, Пг., 1921, стр. 9, 13.

[2] См. «Военный вестник», 1928, № 2, стр. 54—55.

о том, что влияние Коммунистической партии на тружеников деревни в годы гражданской войны все время увеличивалось.

К концу гражданской войны значительные изменения произошли в социальном составе партии. Летом 1918 г. рабочие составляли в ней около 60%, через год — чуть больше половины, а осенью 1920 г.— уже меньше половины. Число крестьян, наоборот, увеличилось с нескольких процентов (пяти — восьми) летом 1918 г. до одной четверти всего состава в конце 1920 г. Осенью 1920 г. из 213 669 коммунистов, оставшихся после перерегистрации в 38 губерниях Российской Федерации, 92 611 (43%) были рабочие, 53 115 (25%) — крестьяне (вместе с кустарями и ремесленниками), 10 302 (5%) — интеллигенты, 57 641 (27%) — служащие и прочие[1]. 10% коммунистов вступили в партию до Октябрьской революции, 21% — в 1918 г., остальные — в 1919—1920 гг. Из 214 тыс. коммунистов 14 тыс. (7%) ранее состояли в других партиях, главным образом в эсеровской и меньшевистской.

Приведенные цифры отражали состояние РКП(б) в большинстве губерний Российской Федерации (без окраин). Если же взять всю страну, а значит, и всю партию, то процент рабочих в ней будет еще меньше, ибо в Сибири, на Украине и в некоторых других местах в партийных организациях находилось много крестьян. Так, в Алтайской губернии летом 1920 г. они составляли 75% членов партии, рабочие — 20, служащие — 5%[2].

Большой интерес представляет анализ состава руководящих кадров партии к концу гражданской войны[3]. Из 2254 человек ответственных партийных, советских, профсоюзных и военных работников, имевшихся в 42 губерниях в начале 1921 г., рабочих было 812 (36%), крестьян — 137 (6%), служащих — 882 (39%), интеллигентов — 269 (12%), не указавших социального происхождения — 155 (7%)[4]. Значит, среди коммунистов-руководителей

[1] См. «Личный состав РКП в 1920 г.». М., 1921, стр. 23.

[2] См. «Коммунар», 1923, № 3—4. Барнаул, стр. 44.

[3] Имеются в виду работники губернского масштаба.

[4] Из 536 партийных работников губернского масштаба рабочих имелось 194 человека (36%), крестьян — 37 (7%), служащих — 188 (35%), интеллигентов — 67 (13%), не указавших социального происхождения — 50 (9%) (см. «Известия ЦК РКП(б)», 7 марта 1921 г.).

рабочие и крестьяне составляли меньше половины (43%). 48% коммунистов имели дооктябрьский партийный стаж.

Как же распределялись силы партии к концу гражданской войны? Какие участки борьбы ЦК РКП(б) считал главными, как они обеспечивались коммунистами?

Из 500 тыс. членов партии, имевшихся в октябре — ноябре 1920 г., более 200 тыс. (40%) находилось в Красной Армии, из них больше половины — на фронте. Из 214 тыс. коммунистов 38 губернских партийных организаций Российской Федерации 74 тыс. (35%) работали в советских учреждениях, 44 тыс. (21%) состояли в тыловых частях Красной Армии, 30 тыс. (14%) — в промышленности, 20 тыс. (9%) — на партийной работе, около 13 тыс. (6%) — на транспорте, более 5 тыс. (2%) — в профсоюзах. Остальные были заняты в сельском хозяйстве, в кустарной промышленности[1].

Таким образом, наибольшее число членов партии находилось в Красной Армии, на фронте, то есть на том участке классовой борьбы, где решалась судьба Октябрьской революции. В советских вооруженных силах был не только самый многочисленный, но и самый подготовленный отряд коммунистов. После армии наибольшее число членов партии состояло в советских учреждениях, то есть в аппарате власти и управления. Третий по численности отряд большевиков находился в промышленности. Это были главным образом рабочие. Одни из них возглавляли производство, другие непосредственно производили крайне необходимые для Красной Армии оружие, боеприпасы. Такое распределение сил партии говорило об умелом руководстве коммунистами со стороны Центрального Комитета РКП(б).

Показательным являлось то, что, чем тяжелее становилось военное положение Советской республики, тем больше коммунистов направлялось на фронт. Существовали такие критические месяцы, например, летом и осенью 1919 г., когда в Красной Армии было около двух третей всех большевиков республики. И это спасало положение.

Изучение численности и состава РКП(б) в 1917 — 1920 гг. дает основание сделать вывод, что за годы гражданской войны произошел большой рост партии, укрепились ее ряды. Но процесс этот протекал не прямолинейно.

---

[1] См. «Личный состав РКП в 1920 г.», стр. 47.

Были подъемы и спады. Уменьшение числа коммунистов в партийных организациях в отдельные периоды, так же как и рост этих организаций, являлись отражением острой классовой борьбы того времени. На численность партии большое влияние оказывал такой фактор, как изменение территории, находившейся под властью Советов.

Несмотря на уменьшение удельного веса рабочих в партии, они продолжали играть в ней руководящую роль, составляя вместе с деревенскими коммунистами-бедняками основное ядро РКП(б). Так же как влияние пролетариата в обществе значительно больше, чем его доля в численности населения, так и влияние коммунистов-рабочих в партии больше, чем их процент в организации.

К концу гражданской войны силы РКП(б) намного возросли. Авторитет ее среди трудящихся масс еще больше поднялся. Партия на деле доказала, что ее главной заботой является защита рабочих от капиталистов, крестьян от помещиков. Партия большевиков вышла победительницей в гражданской войне, выдержав все испытания. В этом состоял главный итог деятельности РКП(б) в 1917—1920 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гражданская война в России являлась исторически неизбежной. Она была обусловлена всем ходом классовой борьбы как внутри России, так и на международной арене. Основными боровшимися силами являлись, с одной стороны, рабочий класс и беднейшее крестьянство России, поддержанные сочувствием и помощью международного пролетариата, с другой — российские капиталисты и помещики вместе с мировыми империалистами.

Многомиллионные мелкобуржуазные слои, главным образом среднее крестьянство, в классовой борьбе труда с капиталом самостоятельной роли не играли, но от их колебаний, поведения зависела судьба пролетарской революции в России. «...Именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся,— указывал В. И. Ленин,— решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина»[1]. Поэтому история гражданской войны в России есть прежде всего история борьбы пролетариата и буржуазии за средние слои общества, и главным образом за среднее крестьянство. Завоевание пролетариатом на свою сторону многомиллионных масс мелкой буржуазии, установление союза рабочих с трудящимися крестьянами в ходе ожесточенной борьбы с капиталистами и помещиками явились венцом гражданской войны. Вместе с тем это было величайшим вкладом в теорию и практику марксизма по вопросу о главных союзниках пролетариата в победе и защите социалистической революции.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40. стр. 17.

Успешная защита завоеваний социалистической революции стала возможной только потому, что пролетариатом, а через него и всеми остальными трудящимися руководил передовой авангард революционного класса — *Коммунистическая партия.* Сила ее состояла в том, что она, руководствуясь самой передовой теорией, создала в своих рядах железную дисциплину, впитала в себя все лучшее, что было в народе, постоянно сохраняла связь с широкими массами трудящихся, одновременно беспощадно разоблачала и отсекала все чуждое и случайное, что попадало в ее организации. В сложнейших условиях того времени партия находила правильный путь в руководстве классовой и партийной борьбой. Некоторые ошибки (их было сравнительно мало) быстро исправлялись.

Гражданская война и иностранная военная интервенция в России наглядно показали, что в период острейшей классовой борьбы пролетариата с буржуазией, когда решается судьба социалистической революции, попытка мелкобуржуазных партий встать на свой «третий путь» обречена на провал. Мелкобуржуазные партии неизбежно раскалывались: одна часть их переходила на сторону революции, другая — в лагерь контрреволюции, сами партии в конце концов сходили с политической арены. В России в силу особых исторических условий большинство представителей мелкобуржуазных партий выступило против Советской власти и большевиков. Этим они противопоставили себя рабочим и крестьянам, что и привело партии к гибели.

Но в России имелись и такие мелкобуржуазные партии и группы, отколовшиеся от эсеров и меньшевиков, которые встали на сторону Советской власти и все больше сближались с коммунистами («народники-коммунисты», меньшевики-интернационалисты и др.). На примере этих партий ярко видна политика РКП(б) по отношению к той части мелкобуржуазной демократии, которая, осознав неправильность своего пути, переходила в лагерь революции. Коммунисты сотрудничали с ней, помогали. В обстановке того времени эти партии не смогли сохранить самостоятельное существование и влились в РКП(б).

Опыт классовой и партийной борьбы в России в 1917—1920 гг. учит, что пролетариат для защиты завоеваний социалистической революции должен иметь свою армию и свои карательные органы. Только решительное подавле-

ние попыток буржуазии восстановить свое прежнее господство может закрепить победу рабочего класса. Вместе с тем пролетариат делает все возможное, чтобы уменьшить количество жертв в гражданской войне. Цель его состоит не в том, чтобы уничтожить наибольшее число своих классовых врагов, а чтобы нейтрализовать их, привлечь на свою сторону и перевоспитать.

Гражданская война в России, начатая русской и международной буржуазией, имела ряд особенностей, которые в другое время и в другой обстановке могут не повториться. Речь идет прежде всего о формах и методах борьбы, об остроте и продолжительности гражданской войны. Вместе с тем основные черты гражданской войны в России, так же как Октябрьской революции, продолжением которой являлась гражданская война, имеют общее значение для многих стран. Гражданская война в России являлась своего рода классическим образцом этой формы классовой борьбы в период защиты социалистической революции. Поэтому изучение опыта гражданской войны необходимо для всех революционеров. Он говорит о том, как пролетариат России и его партия определяли в зависимости от исторических условий стратегию и тактику по отношению к другим классам и партиям и как добились всемирно-исторической победы над российскими и международными капиталистами и помещиками.

июнь, 1966 г.

СПИСОК ЧЛЕНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ «НАРОДНОЙ СВОБОДЫ», ВЫБРАННЫХ НА VIII СЪЕЗДЕ В МАЕ 1917 г.[1]

1. Вернадский В. И. 2. Винавер М. М. 3. Гримм Д. Д. 4. Кокошкин Ф. Ф. 5. Милюков П. Н. 6. Черносвитов К. К. 7. Аджемов М. С. 8. Востротин С. В. 9. Гронский П. П. 10. Князь Долгоруков П. Д. 11. Мануйлов А. А. 12. Набоков В. Д. 13. Тесленко Н. В. 14. Черненков Н. Н. 15. Шингарев А. И. 16. Астров Н. И. 17. Кизеветтер А. А. 18. Корнилов А. А. 19. Родичев Ф. И. 20. Головин Ф. А. 21. Князь Шаховской Д. И. 22. Герасимов П. В. 23. Кишкин Н. М. 24. Маклаков В. А. 25. Комиссаров М. Г. 26. Новгородцев П. И. 27. Григорович-Барский Д. Н. 28. Щепкин Н. Н. 29. Васильев А. В. 30. Волков Н. К. 31. Степанов В. А. 32. Князь Оболенский В. А. 33. Хрущев А. Г. 34. Тыркова А. В. 35. Френкель З. Г. 36. Василенко Н. П. 37. Юренев П. Н. 38. Макушин А. И. 39. Протопопов Д. Д. 40. Демидов И. П. 41. Добровольский А. А. 42. Ещин Е. М. 43. Имшенецкий Я. К. 44. Глебов Н. Н. 45. Левицкий С. А. 46. Ольденбург С. Ф. 47. Барон Штейнгель Ф. Р. 48. Букейханов А. Н. 49. Сабашников М. В. 50. Изгоев А. С. 51. Некрасов Н. В. 52. Зернов Д. С. 53. Графиня Панина С. В. 54. Рутцен А. Н. 55. Харламов В. А. 56. Садырин П. А. 57. Виноградов В. А. 58. Овчинников Б. М. 59. Быховский Г. Б. 60. Парамонов А. К. 61. Кулагин М. Д. 62. Свечин А. А. 63. Иванов С. А. 64. Шахматов А. А. 65. Дживелегов А. К. 66. Туманов Г. М.

Источники: «Резолюция VIII делегатского съезда партии народной свободы (9—12 мая 1917 г. в Петрограде)». Пг., 1917, стр. 13—14.

---

[1] Фамилии даны в порядке большинства голосов. Это был последний состав ЦК кадетской партии, выбранный на съезде; на состоявшихся в 1917 г. двух последних съездах кадетов (IX и X) нового состава ЦК не избирали.

№ п. п.	Округа	Большевики		Кадеты		Эсеры		Меньшевики	
		Количество голосов	%	Количество голосов	%	Количество голосов	%	Количество голосов	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Алтайский	45 268	6,4	12 108	1,7	621 377	87,0	3 785	0,5
2	Архангельский	36 522	21,6	12 086	7,2	106 570	63,2	7 335	4,3
3	Астраханский	36 023	18,6	13 017	6,7	100 482	51,8	2 220	1,1
4	Бессарабский	Данных нет							
5	Витебский	287 101	51,2	8 132	1,5	150 279	26,8	12 471	2,2
6	Владимирский	345 306	56,5	38 058	6,2	196 886	32,2	13 139	2,2
7	Вологодский	84 358	18,0	25 357	5,4	348 239	74,1	—	—
8	Волынский	35 612	4,4	22 397	2,8	27 575	3,4	?	—
9	Воронежский	151 517	13,8	36 488	3,3	875 300	79,7	8 658	0,8
10	Вятский	236 952	22,1	48 106	4,5	612 525	56,9	19 167	1,8
11	Екатеринославский	213 163	17,9	27 551	2,3	231 717	19,4	26 909	2,3
12	Енисейский	96 138	27,0	12 263	3,4	233 345*	65,4	4 581	1,3
13	Иркутский	33 576	14,3	9 393	4,0	127 834	54,4	6 899	2,9
14	Казанский	50 000	5,8	32 000	3,7	270 000*	31,5	4 293	0,5
15	Калужский	200 842	60,2	22 712	6,8	97 782	29,3	6 463	1,9
16	Киевский	60 693	4,0	21 667	1,4	19 220	1,3	11 613	0,8
17	Костромской	226 905	40,8	41 448	7,5	249 838	45,0	19 488	3,5
18	Курский	120 094	11,3	47 221	4,5	869 497	82,0	6 043	0,6
19	Лифляндский	97 781	71,9	—	—	—	—	7 046	5,2
20	Минский	579 087	63,2	10 724	1,2	181 873	19,8	16 277	1,8
21	Могилевский	Данных нет							
22	Московский	368 264	55,8	44 478	6,7	172 229	26,2	27 928	4,2
23	г. Москва	370 266	50,1	265 136	35,9	62 726	8,5	21 627	2,9
24	Новгородский	203 658	41,9	31 484	6,5	220 665	45,4	9 336	1,9
25	Нижегородский	133 950	23,1	34 726	6,0	314 003	54,1	7 634	1,3
26	Олонецкий	—	—	20 278	13,5	127 120	84,6	*	—
27	Оренбургский	166 121	23,6	24 847	3,5	112 209	15,9	9 575	1,4
28	Орловский	241 785	29,7	18 345	2,3	510 628	62,8	16 301	2,0
29	Пензенский	54 731	8,6	25 407	4,0	517 226	81,3	4 726	0,7
30	Пермский	268 293	21,4	111 241	8,9	665 118	53,1	27 502	2,2
31	Петроградский ок. (губ.)	229 698	48,7	64 859	13,7	119 761	25,4	6 100	1,3
32	г. Петроград	424 027	45,3	246 500	26,3	156 926*	16,8	29 167	3,1
33	Подольский	Не найдено							
34	Полтавский	64 460	5,6	18 105	1,6	198 437*	17,3	**	—
35	Псковский	173 631	33,7	25 961	5,0	295 012	57,3	4 870	0,9
36	Рязанский	272 153	36,2	30 734	4,1	427 364	56,8	5 039	0,7
37	Самарский	195 132	16,1	44 507	3,7	690 341	57,1	5 181	0,5
38	Саратовский	261 308	24,0	27 226	2,5	612 094	56,3	15 152	1,4
39	Симбирский	70 335	13,0	16 718	3,1	390 200	72,2	3 783	0,7

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ПО ОКРУГАМ

Националистическая мелкая буржуазия		Националистическая буржуазия		Прочие		Итого голосов	Примечание
Количество голосов	%	Количество голосов	%	Количество голосов	%		
11	12	13	14	15	16	17	18
—	—	8 048	1,1	23 360	3,3	713 946	
—	—	—	—	6 192	3,7	168 705	* Из них казаков 14 117 (7,3%)
—	—	20 412	10,5	21 953*	11,3	194 107	
26 990	4,8	55 364	9,9	20 201	3,6	560 538	
—	—	—	—	17 769	2,9	611 158	
—	—	—	—	11 946	2,5	469 900	
570 988	71,0	?	—	147 636	18,4	804 208	
11 851	1,1	—	—	14 143	1,3	1 097 957	
37 621	3,5	55 585	5,2	64 872	6,0	1 074 828	* Из них украинских эсеров, меньшевиков и спилка 556 012 (46,6%)
579 176*	48,5	63 009	5,3	51 524	4,3	1 193 049	
—	—	—	—	10 452	2,9	356 779	* Из них левых эсеров 3674 (1,0%)
39 248	16,7	—	—	18 202	7,7	235 152	
379 647	44,2	71 154	8,3	51 502	6,0	858 596	* Из них левых эсеров 180 316 (21%)
998	0,3	—	—	4 844	1,5	333 641	
1 199 378	79,8	136 844	9,1	53 310	3,6	1 502 725	
—	—	—	—	17 901	3,2	555 580	
—	—	—	—	17 306	1,6	1 060 161	
31 253	22,9	—	—	—	—	136 080	
14 054	1,5	101 928	11,1	13 577	1,4	917 520	
—	—	—	—	46 872*	7,1	659 771	* Из них членов крестьянского союза 14 556
—	—	—	—	19 149	2,6	738 904	
—	—	—	—	21 279	4,3	486 422	
19 935	3,4	400	0,1	69 249*	12,0	579 897	* Из них членов группы христианского единения 48 428 (8,3%)
—	—	—	—	2 813	1,9	150 211	* Меньшевики в одном списке с эсерами
—	—	158 663	22,5	233 154*	33,1	704 569	* Из них казаков 218 196 (31%)
—	—	—	—	26 345	3,2	813 404	
—	—	29 821	4,7	4 336	0,7	636 247	
—	—	77 861	6,2	101 775	8,2	1 251 790	
14 907*	3,2	15 963**	3,4	20 547	4,3	471 835	* Финские социалисты ** Эстонский список
—	—	—	—	80 214	8,5	936 834	* Из них левых эсеров 152 230 (16,2%)
767 306	66,7	33 340	2,9	67 608	5,9	1 149 256	* В блоке с украинскими эсерами ** Украинская РСДРП
3 859	0,8	—	—	11 971	2,3	515 304	
—	—	—	—	16 505	2,2	751 795	
51 212	4,3	192 861	15,9	28 576	2,4	1 207 810	
59 824	5,5	50 025	4,6	62 017	5,7	1 087 646	
55	0,0	57 000	10,5	2 455	0,5	540 546	

Смоленский	361 052	54,9	29 274	4,4	250 134	38,0	7 901	1,2
Ставропольский	17 430	5,4	10 898	3,3	291 395	88,8	1 836	0,6
Таврический	40 000	6,7	44 000	7,4	310 000	52,1	15 176	2,5
Тамбовский	240 652	20,5	47 548	4,1	835 556	71,2	22 425	1,9
Тверской	396 951	53,1	37 408	5,0	281 291	37,5	16 461	2,2
Тобольский	—	—	13 793	2,8	391 861	79,3	12 061	2,4
Томский	51 456	8,1	18 618	2,9	541 153	85,2	5 769	0,9
Тульский	237 558	44,2	22 782	4,2	256 069	47,5	10 940	2,0
Уфимский	48 151	5,0	15 825	1,6	322 166	33,7	2 614	0,3
Харьковский	114 743	10,5	58 302	5,3	42 331	3,9	18 216	1,7
Херсонский	95 000	10,2	59 000	6,3	493 000	52,9	10 134	1,1
Черниговский	271 174	27,9	28 864	3,0	105 565	10,9	10 813	1,1
Эстляндский	119 863	40,0	—	—	3 200	1,1	—	—
Ярославский	131 124	29,8	59 400	13,5	216 744	49,3	17 997	4,1
Донской	205 497	14,6	43 345	3,1	478 901	34,1	17 504	1,2
Забайкальский	17 260	9,7	7 200	4,1	104 220	58,7	3 245	1,8
Закаспийский	Данных нет							
Камчатский	Данных нет							
Самаркандский	Данных нет							
Семиреченский	—	—	—	—	—	—	—	—
Сыр-Дарьинский	Выборы не состоялись							
Тургайский	Данных нет							
Уральский	—	—	—	—	5 076	1,4	—	—
Ферганский	—	—	—	—	—	—	—	—
Якутский	Данных нет							
Закавказский	86 935	4,6	24 551	1,3	105 265	5,6	569 362	30,2
Кубано-Черноморский	Выборы не состоялись				Состоялись в			
Терско-Дагестанский	Данных нет							
Степной	Подсчет голосования по округу не производился							
Ордынский	Данных нет							
Приамурский	43 534	24,5	17 799	10,1	61 967	34,8	16 772	9,4
КВЖД	10 613	30,2	6 322	18,0	5 079	14,4	13 138	37,4
Северный фронт	480 000	61,5	—	—	240 000	30,8	—	—
Западный	653 430	67,0	16 750	1,7	180 582	18,5	—	—
Юго-Западный	300 112	29,8	13 724	1,4	402 930	40,1	—	—
Румынский	167 000	14,8	21 438	1,9	679 471	60,2	—	—
Кавказский	60 000	14,3	—	—	360 000	85,7	—	—
Балтийский флот	66 074	57,7	—	—	44 369*	38,8	—	—
Черноморский	10 771	20,5	—	—	22 251	42,3	1 943	3,6
Итого без фронтов	8923743	22,3	2036209	5,1	16 013 371	40,1	1142672	2,9
Всего	10661130	24,0	2088121	4,7	17 942 974	40,4	1144615	2,6

1,2	658 224	
1,9	327 916	
2,2	597 341	
1,8	1 173 193	
2,2	749 055	
10,3	494 325	
2,9	635 484	
2,1	538 856	
4,0	956 406	
4,6	1 092 448	*) Из них членов блока украинских и русских эсеров 795 558
1,6	932 271	
4,2	973 630	*) Украинские эсеры
27,3	299 844	
3,3	439 934	
47,0	1 406 620	*) Из них казаков 636 966 (45,3%)
11,0	177 636	*) Из них казаков 15 078 (8,5%)
—		
—		
—		
8,1	349 071	*) Блок социалистов и Советов г. Верного
—		
—		
23,6	370 625	*) Из них членов Совета крестьянских и „иногородних" депутатов 26 059 (7,0%); казаков 61 476 (16,6%)
—	154 131	
—		
0,0	1 887 453	
алатинску		
19,3	177 738	
—	35 152	
7,7	780 000	
12,8	976 000	
28,7	1 007 423	
23,1	1 128 600	
—	420 000	
3,5	114 433	*) Из них левых эсеров 30 756 (26,9%)
9,1	52 629	
6,5	39 954 224	
7,5	44 433 309	

№ п. п.	Города	Большевики		Кадеты		Эсеры		Меньшевики	
		Количество голосов	%	Количество голосов	%	Количество голосов	%	Количество голосов	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Архангельск	5 776	29,7	5 619	28,9	5 238	26,9	2 765	14,2
2	Астрахань	9 556	27,5	8 981	25,8	4 310	12,4	1 486	4,3
3	Андижан	—	—	—	—	—	—	—	—
4	Баку	22 276	20,1	9 062	8,2	18 789	16,9	5 667	5,1
5	Барнаул	3 530	44,2	1 424	17,8	2 228	27,9	393	4,9
6	Батум	2 926	14,9	1 400	7,1	5 801	29,5	6 809	34,6
7	Благовещенск	2 329	18,1	3 509	27,3	3 231	25,1	3 016	23,4
8	Витебск	11 875	34,9	2 365	6,9	3 053	8,9	3 822	11,2
9	Владимир	4 042	30,8	4 457	34,0	2 610	19,9	1 230	9,4
10	Владикавказ	8 216	44,4	4 408	23,8	1 768	9,6	358	1,9
11	Владивосток	16 616	50,1	5 651	17,0	4 847	14,6	1 214	3,7
12	Вологда	3 718	23,3	5 973	37,5	4 651	29,2	—	—
13	Воронеж	2 536	11,9	12 380	58,1	2 611	12,2	1 531	7,2
14	Вятка	2 474	18,1	4 082	29,9	1 682	12,3	2 000	14,6
15	Екатеринбург	11 827	42,8	8 637	31,3	4 392	15,9	567	2,1
16	Екатеринослав	20 849	26,3	9 244	11,7	6 627	8,4	4 601	5,8
17	Житомир	2 117	10,3	3 077	14,9	1 011	4,9	1 426	6,9
18	Иваново-Вознесенск	17 166	64,3	4 174	15,6	3 389	12,8	679	2,5
19	Иркутск	7 815	30,6	5 537	21,7	8 664	33,9	1 610	6,3
20	Казань	21 118	26,0	20 044	24,8	17 042*	21,0	2 606	3,2
21	Калуга	3 454	24,7	6 857	49,2	772	5,5	2 321	16,7
22	Киев	29 650	16,7	18 165	10,3	7 415	4,2	6 530	3,7
23	Кишинев	5 449	18,8	3 024	10,4	5 617	19,4	1 441	5,0
24	Кострома	12 190	43,6	6 265	22,4	2 885	10,3	3 147	11,3
25	Курск	5 793	26,0	10 043	45,1	3 876	17,4	688	3,1
26	Красноярск	12 170	58,2	2 649	12,7	5 152	24,6	491	2,3
27	Минск	9 521	26,6	2 057	5,8	977	2,7	2 870	8,0
28	Москва	370 266	50,1	265 136	35,9	62 726	8,5	21 627	2,9
29	Нижний Новгород	8 154	22,8	11 333	31,6	5 135	14,4	1 793	5,0
30	Николаев	11 424	25,7	6 051	13,6	9 495	21,3	3 057	6,9
31	Новгород	1 954	20,3	3 609	37,6	1 922	20,0	611	6,4
32	Орел	6 764	27,6	7 020	28,6	4 031	16,5	3 159	12,9
33	Оренбург	16 118	34,0	8 385	17,7	3 705	7,8	2 310	4,9
34	Одесса	43 113	28,6	24 429	16,2	8 337	5,5	6 870	4,6
35	Омск	5 687	27,5	4 499	21,8	2 233	10,8	5 144	24,9
36	Петрозаводск	—	—	1 829	27,7	4 515*	68,3	—	—
37	Петроград	424 027	45,3	246 500	26,3	156 926*	16,7	29 167	3,1
38	Пенза	4 681	15,6	7 472	24,8	14 431	47,9	1 921	6,4
39	Пермь	8 226	27,0	7 909	25,9	6 907	22,7	1 433	4,7
40	Псков	9 173	38,7	7 029	29,6	3 893	16,4	722	3,0
41	Ревель	22 003	47,5	4 735*	10,2	1 135	2,5	2 689	5,8
42	Рязань	3 841	25,7	6 430	43,2	2 279	15,3	584	3,9
43	Ростов-на-Дону	25 529	37,5	13 637	20,0	7 565	11,1	4 615	6,8
44	Самара	26 633	42,0	8 772	13,8	16 773	26,5	2 366	3,7

Таблица № 2

ИЕ ПО ГУБЕРНСКИМ ГОРОДАМ

стическая ия	Националистическая буржуазия		Прочие		Итого голосов	Примечание
%	Количество голосов	%	Количество голосов	%		
12	13	14	15	16	17	18
—	—	—	61	0,3	19 459	
—	6 379	18,3	4 091*	11,7	34 803	*) Из них казаков 3900 (11,2%)
98,3	268	1,7	—	—	15 784	
0,8	54 109	48,8	116	0,1	110 922	
—	18	0,2	405	5,0	7 998	
0,0	2 731	13,9	—	—	19 675	
1,9	—	—	536	4,2	12 867	
0,2	11 414	33,4	1 542	4,5	34 139	
—	—	—	776	5,9	13 115	
0,2	611	3,3	3 114	16,8	18 503	
—	—	—	4 851	14,6	33 179	
—	—	—	1 592	10,0	15 934	
1,7	—	—	1 894	8,9	21 312	
11,9	100	0,7	1 715	12,5	13 688	
—	691	2,5	1 491	5,4	27 605	
21,4	15 074	19,1	5 753	7,3	79 091	
16,4	8 151	39,5	1 453	7,1	20 624	
—	—	—	1 288	4,8	26 696	
0,1	—	—	1 875	7,4	25 529	
16,6	2 304	2,8	4 525	5,6	81 065	*) Из них левых эсеров 15 356 (18,9%)
2,3	—	—	220	1,6	13 944	*) Белорусская громада
28,1	27 705	15,7	37 738*	21,3	176 933	*) Из них русских черносотенцев 36 268 (20,5%)
3,9	9 508	32,9	2 764	9,6	28 942	
—	—	—	3 457	12,4	27 944	
—	—	—	1 855	8,4	22 256	
—	—	—	470	2,2	20 932	
5,3	16 930	47,4	1 495	4,2	35 751	
—	—	—	19 149	2,6	738 904	
0,7	—	—	9 118*	25,5	35 792	*) Из них членов группы христианского единения 7055 (19,7%)
9,8	6 724	15,1	3 399	7,6	44 521	
—	—	—	1 516	15,7	9 612	
—	—	—	3 494	14,3	24 468	
—	6 876	14,5	10 008*	21,1	47 402	*) Из них казаков 7805 (16,5%)
6,3	47 718	31,6	10 976	7,2	150 940	
0,2	1 821	8,8	1 230	6,0	20 664	
—	—	—	262	4,0	6 606	*) Эсеры в блоке с меньшевиками
—	—	—	80 214	8,6	936 834	*) Из них левых эсеров 152 230 (16,2%)
—	852	2,8	744	2,5	30 101	
—	1 664	5,4	4 382*	14,3	30 521	*) Из них церковников 2970 (9,7%)
3,9	—	—	1 970	8,3	23 712	
31,6	*	*	1 136	2,4	46 340	*) Эстонские кадеты
—	—	—	1 769	11,9	14 903	
—	—	—	16 812*	24,6	68 158	*) Из них казаков 14 248 (20,9%)
0,3	3 627	5,7	5 019	8,0	63 385	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
45	Саратов	22 712	37,7	11 971	19,9	8 698	14,5	4 100	6,8
46	Севастополь	1 147	6,3	3 439	19,0	9 635	53,1	1 371	7,5
47	Семипалатинск	1 041	10,5	1 869	18,8	1 055	10,6	658	6,5
48	Симбирск	3 815	19,5	4 161	21,2	7 041	36,0	951	4,9
59	Симферополь	2 398	8,2	5 866	20,0	8 980	30,6	2 627	8,9
50	Смоленск	11 545	40,8	8 072	28,6	4 560	16,1	2 094	7,4
51	Скобелев	—	—	—	—	—	—	—	—
52	Ставрополь	7 579	47,6	3 750	23,6	2 157	13,5	1 186	7,4
53	Тамбов	7 651	28,2	7 275	26,8	4 492	16,6	4 724	17,4
54	Ташкент	Выборов не было							
55	Тверь	18 592	47,2	7 822	19,8	6 668	16,9	4 861	12,3
56	Таганрог	9 395	41,7	2 925	13,0	4 383	19,4	2 436	10,8
57	Тифлис	19 172	18,8	9 565	9,4	11 504	11,3	31 288	30,8
58	Тобольск	—	—	2 482	48,2	1 431	27,7	514	10,0
59	Томск	12 967	40,2	6 312	19,6	7 418	23,0	1 081	3,3
60	Тула	12 058	34,0	8 297	23,4	7 404	20,9	5 163	14,6
61	Уфа	5 854	19,2	3 660	12,0	8 105	26,5	750	2,5
62	Харьков	27 336	27,7	24 866	25,3	16 519*	16,7	7 285	7,4
63	Хабаровск	757	12,5	1 691	27,9	1 358	22,4	709	11,7
64	Харбин	4 442	27,3	4 457	27,4	1 625	10,0	5 721	35,3
65	Херсон	4 082	18,3	3 170	14,2	4 090	18,3	708	3,2
66	Чернигов без гарн.	492	6,0	1 724	21,0	246	3,0	492	6,0
67	Чита	2 728	21,0	1 697	13,1	5 774	44,4	449	3,5
68	Ярославль	13 974	47,3	6 968	23,6	3 303	11,1	2 853	9,6
	Итого	1432319	36,5	935 898	23,	567 092	14,5	229 357	5,8

ИТОГИ ВЫБОРОВ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ

№ п. п.	Города	Большевики		Кадеты		Эсеры		Меньшевики	
		Количество голосов	%	Количество голосов	%	Количество голосов	%	Количество голосов	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Архангельск	3 670	65,9	406	7,3	1 256	22,5	240	4,3
2	Астрахань	1 815	53,4	96	2,8	650	19,1	72	2,1
3	Барнаул	312	49,9	25	4,0	269	43,0	11	1,8
4	Батум	2 614	24,0	344	3,2	4 825	44,2	2 077	19,1
5	Витебск	8 866	68,9	671	5,2	1 780	13,9	143	1,1
6	Вологда	825	42,2	163	8,3	929	47,4	—	—
7	Воронеж	1 991	56,3	393	11,1	847	23,9	51	1,4
8	Вятка	1 491	68,7	87	4,0	441	20,3	50	2,3
9	Гельсингфорс	22 670	50,1	—	—	21 237*	46,8	—	—
10	Екатеринбург	5 771	78,5	388	5,3	793	10,8	37	0,5

1 213	2,0	1 280	2,1	10 200	17,0	60 174	
926	5,1	1 056	5,8	574	3,2	18 148	
1	0,0	4 910	49,5	401	4,1	9 935	
55	0,3	1 099	5,6	2 455	12,5	19 577	
1 808	6,2	6 604	22,4	1 071	3,7	29 354	
—	—	—	—	2 022	7,1	28 293	
561	97,9	12	2,1	—	—	573	
—	—	—	—	1 252	7,9	15 924	
85	0,3	—	—	2 907	10,7	27 134	
—	—	—	—	1 496	3,8	39 439	
—	—	—	—	3 399*	15,1	22 538	*) Из них казаков 2990 (13,3%)
433	0,4	29 514	29,0	300	0,3	101 776	
—	—	191	3,7	535	10,4	5 153	
—	—	—	—	4 505*	13,9	32 283	*) Из них народных социалистов 4419 (13,7%)
—	—	—	—	2 496*	7,1	35 418	*) Из них торговцев и промышленников 1724 (4,9%)
6 063*	19,8	1 758	5,7	4 388**	14,3	30 578	*) Из них мусульманских эсеров—6063 **) Из них церковников—2972
1 202	1,2	7 027	7,1	14 342	14,6	98 577	*) Украинские эсеры блокировались с русскими
104	1,7	—	—	1 445	23,8	6 064	
—	—	—	—	—	—	16 245	
1 918	8,6	5 610	25,1	2 739	12,3	22 317	
1 559	19,0	2 545	31,0	1 150	14,0	8 208	
37	0,3	—	—	2 301*	17,7	12 986	*) Из них казаков 629 (4,8%)
—	—	—	—	2 466*	8,4	29 564	*) Из них торговцев и промышленников 1704 (5,8%)
151 544	3,9	286 881	7,3	318 720	8,1	3921 811	

Таблица № 3

СОБРАНИЕ ПО ГАРНИЗОНАМ

Националистическая мелкая буржуазия		Националистическая буржуазия		Прочие		Всего голосов	Примечание
Количество голосов	%	Количество голосов	%	Количество голосов	%		
11	12	13	14	15	16	17	18
—	—	—	—	—	—	5 572	
—	—	157	4,6	611*	18,0	3 401	*) Из них казаков 602 (17,7%)
—	—	—	—	8	1,3	625	
1	0,0	1040	9,5	—	—	10 901	
40	0,3	864	6,7	498	3,9	12 862	
—	—	—	—	42	2,1	1 959	
195	5,5	—	—	65	1,8	3 542	
44	2,0	10	0,4	49	2,3	2 172	
—	—	—	—	1416	3,1	45 323	*) Из них левых эсеров 13 617 (30,0%)
—	—	293	4,0	66	0,9	7 348	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	Екатеринослав	1 756	19,5	301	3,3	1 415	15,7	286	3,2
12	Житомир	656	13,4	931	19,0	855	17,4	221	4,5
13	Иркутск	5 906	30,7	4 740	24,6	6 064	31,5	1 097	5,7
14	Калуга	1 619	72,5	298	13,4	203	9,1	86	3,9
15	Казань	10 706	40,7	1 685	6,4	9 482*	36,0	400	1,5
16	Кишинев	4 914	40,3	713	5,9	4 957	40,7	168	1,4
17	Кострома	4 098	79,6	202	3,9	648	12,6	168	3,2
18	Красноярск	4 164	77,5	165	3,1	817	15,2	182	3,4
19	Курск	4 143	58,2	533	7,5	2 169	30,4	86	1,2
20	Москва	50 996	79,5	6 328	9,9	4 017	6,2	604	0,9
21	Нижний Новгород.	4 977	66,9	493	6,6	1 557	20,9	142	1,9
22	Новгород	1 544	52,2	126	4,3	1 032	34,9	164	5,5
23	Одесса	17 536	44,9	3 566	9,1	4 166	10,7	958	2,5
24	Орел	5 085	61,0	523	6,3	2 274	27,2	262	3,1
25	Оренбург	2 168	27,8	254	3,3	445	5,7	144	1,8
26	Пенза	4 496	15,5	7 413	25,5	13 808	47,4	1 890	6,5
27	Пермь	4 417	53,7	328	4,0	2 381	29,0	58	0,7
28	Петроград	67 868	79,2	4 935	5,8	10 221*	12,0	978	1,1
29	Петрозаводск	—	—	66	6,7	730	73,9	—*	—
30	Псков	7 144	60,6	1 230	10,5	2 149	18,3	346	2,9
31	Ревель	19 052	60,5	—	—	10 829*	34,3	—	—
32	Рязань	2 919	73,5	215	5,4	708	17,9	54	1,4
33	Самара	2 289	54,7	139	3,3	824	19,7	57	1,4
34	Саратов	8 993	70,6	580	4,6	1 897	14,9	193	1,5
35	Семипалатинск	326	51,3	75	11,8	121	19,0	20	3,1
36	Симбирск	2 221	29,3	151	2,0	4 214*	55,7	74	1,0
37	Симферополь	1 394	17,2	320	4,0	3 166	39,2	362	4,5
38	Смоленск	7 098	67,7	1 120	10,7	1 647	15,7	269	2,6
39	Ставрополь	4 862	74,1	421	6,4	970	14,8	210	3,2
40	Тамбов	5 679	68,2	372	4,5	1 655	19,8	352	4,2
41	Тверь	2 819	68,4	249	6,0	903	21,9	103	2,5
42	Томск	8 316	69,0	385	3,2	2 983	24,8	73	0,6
43	Тобольск	—	—	11	0,8	764	57,2	535	40,1
44	Тифлис	13 138	45,2	1 767	6,1	7 734	26,6	4 173	14,4
45	Тула	2 136	71,6	245	8,2	536	18,0	37	1,2
46	Уфа	2 717	27,4	154	1,6	2 621	26,4	44	0,5
47	Харьков	8 623	53,4	829	5,1	5 795*	35,9	436	2,7
48	Чита	704	23,4	63	2,1	2 074	68,8	30	1,0
49	Ярославль	7 965	82,4	304	3,1	1 049	10,9	196	2,0
50	Северный фронт	480 000	61,5	—	—	240 000	30,8	—	—
51	Западный	653 430	67,0	16 750	1,7	180 582	18,5	—	—
52	Юго-Западный фронт	300 112	29,8	13 724	1,4	402 930	40,1	—	—
53	Румынский	167 000	14,8	21 438	1,9	679 471	60,2	—	—
54	Кавказский	60 000	14,3	—	—	360 000	85,7	—	—
55	Балтийск. флот	66 074	57,7	—	—	44 369*	38,8	—	—
56	Черномор.	10 771	20,5	—	—	22 251	42,3	1 943	3,6
	Всего	2092856	40,9	96 718	1,9	2082510	40,8	20 082	0,4
	В том числе по тыловым гарнизонам	330 185	57,3	44 460	7,7	126 845	22,0	16 062	2,8

653	7,3	9 006	*) Из них украинских эсеров, меньшевиков и спилка 3770 (41,9%)
73	1,5	4 906	
1 421	7,4	19 251	
9	0,4	2 232	*) Белорусская громада
261	1,0	26 307	*) Из них левых эсеров 9 177 (34,9%)
394	3,2	12 178	
34	0,7	5 150	
45	0,8	5 374	
191	2,7	7 122	
2 240	3,5	64 185	
106	1,4	7 444	
92	3,1	2 958	
1 063	2,7	39 025	
202	2,4	8 346	
4 039*	51,8	7 799	*) Из них казаков 3 926 (50,3%), не подсчитан 105-й полк — 1 669 голосов большевиков
735	2,5	29 086	
140	1,7	8 218	
1 645	1,9	85 647	*) Из них левых эсеров 9 980 (11,7%)
192	19,4	988	*) Меньшевики в одном списке с эсерами
674	5,7	11 781	
1 642	5,2	31 523	*) Из них левых эсеров 7 185 (22,7%)
71	1,8	3 967	
57	1,4	4 181	
319	2,5	12 740	
89	14,0	636	
154	2,0	7 570	*) Из них левых эсеров 4 150 (54,8%)
110	1,4	8 077	
106	1,0	10 484	
101	1,5	6 564	
214	2,6	8 329	
47	1,2	4 121	
288	2,4	12 045	
22	1,7	1 335	
52	0,2	29 064	
30	1,0	2 984	
133	1,3	9 918	
376	2,3	16 142	*) Блок с украинскими эсерами
137	4,5	3 015	
155	1,6	9 669	
60 000	7,7	780 000	
125 238	12,8	976 000	
290 657	28,7	1 007 423	
260 691	23,1	1 128 600	
—	—	420 000	
3 990	3,5	114 433	*) Из них левых эсеров 30 756 (26,9%)
4 769	9,1	52 629	
766 412	15,0	5 112 157	
19 651	3,4	576 848	

ЧИСЛЕННОСТЬ ГУБЕРНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РКП(б) В ПЕРИОД

(по данным 50 губерний

№ п. п.	Наименование губернских партийных организаций	1917 г.[1]	1918 г.		
			Январь—март[2]	Апрель—август	Сентябрь—декабрь[3]
1	2	3	4	5	6
					Северный
1	Архангельская	июль 100		к августу 700 в г. Архангельске[9]	
2	Вологодская	декабрь[11] свыше 1114		лето[11] около 1000	ноябрь[12] 2648
3	Новгородская	6 октября 884	январь[13] 1463	июнь[13] около 1000	к ноябрю 736
4	Олонецкая	май 300 в г. Петрозаводске	январь[17] около 500 в г. Петрозаводске		к ноябрю 1015
5	Петербургская . . .	к 7 октября 57 878, в т.ч. в Петрограде 49 478	март 35 000	июнь[20] 15 000	сентябрь[21] 15 527
6	Псковская	к 16 октября 1500	с февраля по ноябрь часть уездов захвачена немецкими войсками		декабрь[23] 3300
7	Северо-Двинская . .	образовалась в середине 1918 г. из Вологодской губернии			к ноябрю 515
8	Череповецкая	образовалась в первой половине 1918 г. из Новгородской губернии			к ноябрю 472
					Центрально-Промышленный
9	Владимирская	сентябрь[28] 9596, в т. ч. в г. Иваново-Вознесенске 6000			к ноябрю 2729
10	Иваново-Вознесенская	образовалась в 1918 г. из Владимирской и Костромской губерний		май[36] 3316, в т. ч. в г. Иванове 1 500	октябрь[31] 3457, в т. ч. в г. Иванове 1300
11	Калужская	июль около 700		менее[36] 1000	к ноябрю 2687
12	Костромская	к 1 октября 1300 в г. Костроме			к ноябрю 5649
13	Московская	к концу года[38] 17 306	март 21 000—22 000	лето[39] 14 697	к ноябрю 22 631

Таблица № 4

ктябрьской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.)

областей)

1919 г.				1920 г.			
март (к VIII съезду РКП(б))[4]	Лето — осень (до «партнедели»)[5]	Вступило во время «партнедели»[6]	Конец года (после «партнедели»)	Март (к IX съезду РКП(б))[7]	Лето — осень (до перерегистрации)	Осень (после перерегистрации)[8]	Конец года
7	8	9	10	11	12	13	14
район							
1000	118			1250 чл.	октябрь[10] 2822 чл. 1052 кн.	2596 чл.[10] 1040 кн.	к 1 декабря[10] 2737 чл. 736 кн.
2452 чл.[11] 2112 соч.	2154 чл. 697 соч.			3176 чл.[11] 1483 кн.		2352	февраль 1921 г. 2190 чл. 650 кн.
3290 чл.	1144 чл. 349 соч.	1684	ноябрь[14] 1454	4207	июль[15] 3273		декабрь[16] 3527
3048 чл.[18] 1468 соч.	1197 чл. 318 соч.	1063	2260[18]	2581	2435 чл.[18] 672 кн.	1829 чл.[18] 493 кн.	
20115[22]	к 1 августа[22] 7676	13 572	более[22] 20 000	около[22] 34 000, в т. ч. в г. Петрограде 20 793 чл.	к 1 сентября[22] 26 094 чл., в т. ч. в Петрограде 20106 чл.	21 692 чл., в т. ч. в г. Петрограде 15 203 чл.	к 1 декабря[22] 22 001, в т. ч. в г. Петрограде 17 204 чл.
2374 чл.[24] 1271 соч.	1482 чл. 458 соч.			3380 чл.[25] 253 кн.	лето 3347 чл.[26] 757 кн.	октябрь[26] 2859 чл. 472 кн.	
1360 чл.	1846 чл. 222 соч.			2647	2842[27]	1042	
1020				3594		1692	
район							
6000	2121 чл. 424 соч.	2513	4634	5800 чл.		3408	декабрь[29] 3494
32832 в т. ч. в г. Иваново 709	1920 чл. 92 соч.	2976		55503[33], в т. ч. в г. Иванове 1934	33283[34]	октябрь 2860, в т. ч. в г. Иванове 1202	декабрь[35] 3305, в т. ч. в г. Иванове 1642
1767 чл.	2148 чл. 110 соч.			4711		2792	
3166 чл.[37] 2130 соч.	1358 чл. 302 соч.	3133	4491	5185		1861	
22 000 чл.	15834 чл.[38] 4818 кн.	15 835	32 600 чл.[39] 4818 кн.	апрель[70] 34 570 чл. 5405 кн.	июль[38] 42 697 чл. 9 557 кн.	35 226 чл.	январь[71] 1921 г. 36 720 чл. 9280 кн.

1	2	3	4	5	6
14	Нижегородская . . .	к 30 сентября 3000	март 6128	июнь[42] 2771	к ноябрю 4353
15	Рязанская	декабрь 300 в г. Рязани		июль[44] 150 в г. Рязани	
16	Смоленская	к 7 декабря 425 в г. Смоленске		июнь[47] 1682	к ноябрю 4390
17	Тверская	7 декабря 1000 в г. Твери			к ноябрю 4988 чл.
18	Тульская	октябрь[51] 1500 в г. Туле	март 3000, в т. ч. в г. Туле 2000	июль[52] около 1700	к ноябрю 8446
19	Ярославская	октябрь[55] 750	март 1500	август[55] 1300	декабрь 2248
	Средне-Волжский район с Прикамьем				
20	Вятская	к октябрю[57] свыше 1700			октябрь[58] 2005 декабрь 4000
21	Казанская	июль 650 в г. Казани		к лету[61] более 1000	октябрь[62] 1420
22	Пензенская		март 219 чл. 47 соч.	июль[68] около 3000 чл.	к ноябрю 10 411
23	Самарская	октябрь[70] 4300, в т. ч. в г. Самаре 3300	март 6—7 тыс., в т. ч. в г. Самаре 4000	июнь—октябрь губерния занята врагом	декабрь[70] 2801 чл. 1000 соч.
24	Саратовская	ноябрь[73] около 5000 в г. Саратове		июль[74] около 3600	декабрь[73] 5643 чл., в т. ч. в Саратове 2250
25	Симбирская	октябрь[77] около 670 в Симбирске и Сызрани	март 3100	июль—сентябрь губерния занята врагом	декабрь[78] 3842
26	Царицынская	образовалась в 1919 г.			
27	Область немцев Поволжья	образовалась в 1919 г.			
28	Чувашская автономная область	образовалась в 1920 г.			
	Центрально-Черноземный район				
29	Воронежская	ноябрь 2800		июнь[82] 1118	декабрь[82] 3620
30	Курская	ноябрь 200 в г. Курске		май[84] 2000	декабрь[84] 12 000

7	8	9	10	11	12	13	14
6207	5238 чл. 2159 соч.	3356	8594	10 000	май[43] 8274	6983	
5994 чл.[45] 1809 соч.	июль[46] 1347 чл. 468 соч.			6 934		4365	
12 000	1905 чл. 661 соч.	8498	ноябрь[48] 7954	11 320		5170	декабрь[49] 4795 чл. 2712 кн.
000 чл.	3196 чл. 1046 соч.	2557		10 055	сентябрь[50] 9374	5449	
550 чл. 1658 соч.	3325 чл. 1674 соч.			11 631	май[53] 9148 чл. 576 кн.	5303 чл.[54] 785 кн.	декабрь[54] 6462 чл. и кн.
500 чл.	1948 чл. 383 соч.	15 480		14 855	май[58] 16 192		
6207	ноябрь[59] 4380 чл. 714 соч.	4482	9538	7000	6988 чл.[60] 2355 кн.	6110 чл.[60] 1180 кн.	
1848 чл. [63] 9615 соч.	октябрь 2938 чл. 3784 соч.	7520	ноябрь[64] 10 450	12 000[65]	август[66] 9268 чл. 3817 кн.	5038	январь[67] 1921 г. 11 000
10 895	2540 чл. 850 соч.	3037		6750		3179	декабрь[69] 4219
7957	сентябрь[70] 4628 чл.	10 410	ноябрь[71] 17 707		июль[72] 14 408	10 112[72]	
6000	октябрь[75] 3802 чл. 927 соч.		декабрь[74] 11 679 чл. 2530 соч.		лето[76] 7152 чл. 1279 кн.	октябрь[77] 13 186	
2450	октябрь 1309 чл. 158 кн.	7000	8300	10 000[79]	7499 чл.[80]	4431, в т. ч. в г. Симбирске 3388[80]	
3000	875 чл. 320 кн.			май[81] 4977		3485	
	270	850		1115		539	
						685	
4342	655 чл.	часть уездов и г. Воронеж заняты деникинцами		3800	6057[83] чл. и кн.	3456	
16 000	во второй половине года губерния захвачена врагом			6000	июль[85] 6799	4288	

1	2	3	4	5	6
31	Орловская	к 25 сентября 2600		август[86] 2600	к ноябрю 15 796
32	Брянская	образовалась в 1920 г.			
33	Тамбовская	к 1 октября 1109 (по пяти организациям)		август[87] 2700	к ноябрю 7566
	Юго-Восточный район				
34	Астраханская	август[88] 300			к ноябрю 975
35	Донская область . . .	к 3 октября 6851	во второй половине 1918 г. и боль в области находились белогвар		
36	Уральская область .				
37	Кубано-Черноморская	захвачена белогвардейцами			
38	Терская	июль 2000 в г. Грозном	захвачена белогвардейцами		
	Уральский район				
39	Оренбургская	к 1 октября 500 в г. Оренбурге			
40	Пермская	октябрь 24 000			к ноябрю 14 633
41	Екатеринбургская . .	образовалась во второй половине 1919 г.			
42	Челябинская	образовалась во второй половине 1919 г.			
43	Уфимская	к 5 октября 3600		апрель[55] 10 545	занята белогвардейцами
	Сибирь				
44	Алтайская	октябрь 250[100]			
45	Енисейская	к 16 июля 2500			
46	Иркутская	октябрь 100			

13 000	2900 чл.	г. Орел занят врагом	ноябрь[87] 3603	5500 3998	3719 чл.[86]	3338 чл.[86] 382 кн. 3610	
13 700	4719 чл. 2592 кн.	7162	11 881	13 000	июль[87] 14 150	7087	9100[87]
5452	1300 чл.			4235		2464	ноябрь[89] 5104
ую часть ейцы	1919 г.			7000	июль[90] 3793 чл. 2318 кн.		6581 чл. 5313 кн.
2309 чл.[91] 27 соч.				1200		1904	
				к 1 июня[92] 1140 чл. 1870 кн.	к 1 октября[93] 10 020 чл. 6210 кн.	9754 2042	1 февраля[93] 1921 г. 19 910 чл. и кн.
1046[94]						7074	
	август[95] 5890	10 079	декабрь[95] 16 272	19 000	август[95] 15 041	9456	
	октябрь 6187	17 700	декабрь[96] 24 470	32 000	июнь[96] 32 570	18 229	декабрь[96] 18 757 чл. 3281 кн.
1919 г.	ноябрь[97] 3957 чл. 658 соч.			10 074[98] чл. 7840 соч.	на 1 сентября[98] 9690 чл. 5680 кн.	6936	
февраль[99] 485 чл. 1208 соч.	июль[99] 1923		декабрь[99] 11 390	12 000	июль[99] 13 000	6197	январь[99] 1921 г. 6790
				2000 чл.[101] 3000 соч.	к августу[102] 4500 чл.	к ноябрю[102] 4393 чл. 9682 кн.	1 января 1921 г.[102] 6332 чл. 5693 кн.
			январь[103] 1920 г. 180	1368 чл.[104] 717 кн.	к августу[102] 1933 чл. к августу[102] 4600 чл.	к ноябрю[102] 4609 чл. 3149 кн. к ноябрю[102] 4946 чл. 3528 кн.	на 1 января 1921 г.[102] 3569 чл. 4054 кн. на 1 января 1921 г.[102] 4946 чл. 1538 кн.

1	2	3	4	5	6
47	Омская	октябрь 1100			В конце 1918 г. в подпольных большевистских организациях Сибири насчитывалось около 2500 человек[100]
48	Тобольская	декабрь [1 бб]			
49	Томская	к 8 сентябрю 2500			
50	Тюменская				

Условные обозначения: чл. — члены партии; кн. — кандидаты в члены партии; соч.— сочувствующие; г.— город; в т. ч.— в том числе.

Источники:

[1] Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 г. Состав. В. В. Аникеев. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 134—193; № 3, стр. 96—140.

[2] Сведения на март 1918 г., взятые из анкет делегатов VII съезда РКП (б). «Исторический архив», 1958, № 3—4.

[3] Сводная таблица статистических данных по 34 губернским организациям РКП (б) (данные к началу ноября 1918 г.). Подгот. к печати Л. И. Ключник и В. П. Николаева. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 1, стр. 126—128.

[4] «Восьмой съезд РКП(б)». Март 1919 года. Протоколы. М., 1959, стр. 457—483.

[5] «Девятый съезд РКП(б)». Март — апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960, стр. 578.

[6] Там же.

[7] Там же, стр. 472—476

[8] «Личный состав РКП в 1920 г.» М., 1921, стр. 1.

[9] Партархив Архангельского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 11, 15, 16, 27, 38, 49, 62 (сведения по четырем организациям).

[10] «Бюллетень Архангельского губернского комитета РКП(б)» № 1, декабрь 1920 г., стр. 30. Сведения даны без Мурманского, Холмогорского и Шенкурского уездов; в двух последних до перерегистрации было около 1000 членов и кандидатов партии. Во всей губернии до перерегистрации числилось 3460 членов и 1076 кандидатов (там же, стр. 42—43).

[11] *Н. В. Лебедев.* Вологодские большевики в борьбе за Советскую власть (1917—1920 гг.). Вологда, 1957, стр. 90, 204, 210.

[12] «Правда», 5 апреля 1919 г.

[13] Партархив Новгородского обкома КПСС, ф. 1, св. 1, ед. хр. 1-а, л. 6.

[14] Там же, св. 1, ед. хр. 1; св. 2, ед. хр. 15.

[15] Там же, св. 34, ед. хр. 462, л. 10.

[16] Там же, св. 13, ед. хр. 205, л. 14.

[17] «Очерки истории Карелии», т. 2. Петрозаводск, 1964, стр. 54.

[18] «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918—1920». Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964, стр. 340.

[19] «Вестник Карело-Олонецкого комитета РКП (б)», 1920, № 2, стр. 2.

[20] «Красная газета», 18 июня 1918 г.

[21] «Правда», 21 сентября 1919 г.

[22] «Сборник материалов Петербургского комитета РКП(б)». Вып. 2. Пг., 1921, стр. 1—13.

[23] Партархив Псковского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, св. 3, ед. хр. 35, л. 30.

[24] Там же, св. 5, ед. хр. 71, л. 234—235; св. 2, ед. хр. 35, л. 29.

[25] Там же, св. 6, ед. хр. 97, л. 24; ф. 6075, оп. 1, св. 2, ед. хр. 14, л. 2.

[26] «Известия Псковского губернского комитета РКП(б)», № 2, декабрь 1920 г., стр. 25.

[27] «Известия Северо-Двинского губернского комитета РКП(б)», № 1, октябрь 1920 г, стр. 54.

7	8	9	10	11	12	13	14
				апрель[105] 4797 чл. 12 663 кн.	к августу[102] 7820 чл.	к ноябрю[102] 10 940 чл. 10 174 кн.	к 1 января 1921 г.[102] 13 228 чл. 5859 кн.
				3450	к августу[102] 12 360 чл.	к ноябрю[102] 16 350 чл. 11 967 кн.	к 1 января 1921 г.[102] 14 254 чл. 6314 кн.
		около[106] 1700		3000	июль[101] 2922 чл. 6303 соч.	4867	январь 1921 г.[106] 4712 чл. 2404 кн.

[28] «Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917—1918 гг.)». Владимир, 1957, стр. 94—95.
[29] Партархив Владимирского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 10 (подсчитано).
[30] Партархив Ивановского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 4, л. 45—47.
[31] Там же, ед. хр. 15, л. 26.
[32] Там же, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 12, л. 38.
[33] Там же, л. 35.
[34] Там же, ед. хр. 3, л. 6—7.
[35] Там же, ед. хр. 12, л. 2.
[36] *В. Спиваж* и *П. Шуркин*. Очерки истории Калужской организации КПСС, ч. 1. Калуга, 1959, стр. 236.
[37] «Правда», 12 апреля 1919 г.
[38] «Московская организация РКП(б) в цифрах». Вып. 1. М., 1925, стр. 3.
[39] Там же, стр. 40.
[40] Архив Московского института истории партии, ф. 3, оп. 1, кор. 22, л. 9.
[41] «Московская губернская конференция РКП(б) (19—21 февраля 1921 г.)». М., 1921, стр. 3.
[42] *В. Фадеев, П. Шульпин, А. Парусов*. Очерки истории Горьковской организации КПСС ч. 1. Горький, 1961, стр. 474.
[43] Партархив Горьковского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 974, л. 7.
[44] «Рязанский губернский съезд РКП(б)». Рязань, 1918, стр. 6.
[45] Партархив Рязанского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1—2, ед. хр. 2, л. 25.
[46] Там же, ф. 1287, ед. хр. 7, л. 188.
[47] Партархив Смоленского обкома КПСС, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 97.
[48] Партархив Смоленского обкома КПСС, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 97, л. 1—8.
[49] Там же, ед. хр. 134, л. 9, 40, 48, 53, 69, 101, 105, 131, 134, 147, 150, 155, 160; ф. 23, оп. 1, ед. хр. 73, л. 116.
[50] Партархив Калининского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 276, л. 12—13; ед. хр. 275, л. 103.
[51] «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг.». Вып. 2. М., 1959, стр. 142.
[52] «Упрочение Советской власти в Тульской губернии». Сборник документов и материалов. Тула, 1961, стр. 166—167.
[53] «Вестник Тульского губернского комитета РКП(б)» № 2, март 1921 г., стр. 30.
[54] Там же.
[55] «Ученые записки». Вып. LI. История. Ярославский пединститут. Ярославль, 1964, стр. 141—145.
[56] Партархив Ярославского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, л. 137.
[57] «Очерки истории Кировской организации КПСС», ч. 1. Вятка, 1965, стр. 446.
[58] «Октябрь и гражданская война в Вятской губернии». Вятка, 1927, стр. 137.
[59] «Деревенский коммунист», 28 ноября 1919 г.
[60] «К 8-й губернской партийной конференции». Сборник отчетов, циркуляров. Вятка, 1920, стр. 12.

[61] «Очерки истории партийной организации Татарии». Казань, 1962, стр. 157.
[62] «Знамя революции», 2 ноября 1918 г.
[63] «Правда», 8 мая 1919 г.
[64] Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 868, оп. 1, ед. хр. 57, л. 16—17. [65] Там же, л. 169. [66] Там же, ед. хр. 304, л. 176.
[67] *Н. А. Субаев.* Партийное строительство в Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Кандидатская диссертация, Казань, 1963, стр. 226. [68] «Молот», 20 июля 1918 г.
[69] «Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918—1920 гг.)». Сборник документов и материалов. Пенза, 1960, стр. 263.
[70] «Очерки истории Куйбышевской организации КПСС». Куйбышев, 1960, стр. 215, 283, 308.
[71] Партархив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 47, л. 2.
[72] «Известия Самарского комитета» № 3, 1921.
[73] «1917 год в Саратовской губернии». Сборник документов (февраль 1917 — декабрь 1918 гг.). Саратов, 1957, стр. 569—570, 629.
[74] «Очерки истории Саратовской организации КПСС». (1918—1937), ч. 2. Саратов, 1965, стр. 93, 150, 151.
[75] «Правда», 12 ноября 1919 г.
[76] «Бюллетень Саратовского губернского комитета РКП(б)» № 19, 17 октября 1920 г.
[77] «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», ч. 1. Приволжское кн. изд-во, 1964, стр. 293, 295.
[78] «Правда», 4 апреля 1919 г.
[79] «Симбирская губерния в годы гражданской войны (март 1919 г. — декабрь 1920 г.)». Сборник документов, т. 2. Ульяновск, 1960, стр. 413.
[80] «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», стр. 463 (сведения после перерегистрации по пяти уездам).
[81] Партархив Волгоградского обкома КПСС, ф. губкома, оп. 1, ед. хр. 27, л. 6.
[82] «Правда», 17 января 1919 г.
[83] «Очередные задачи партийного строительства». Воронеж [1920], стр. 25.

КАЗАКИ И КАЗАЧЬИ ХОЗЯЙСТВА

№ п. п.	Название казаков	Численность	Число хозяйств	Количество десятин посева	Количество десятин посева на одно хозяйство / на душу населения
1	Амурские[1]	49 647	7 204	78 738	10,93 / 1,59
2	Астраханские[2]	40 000			
3	Донские[3]	1 456 865	239 854		
4	Забайкальские[1]	257 877	44 803	185 678	4,14 / 0,72
5	Кубанские[4]	1 339 430	235 703	2 000 000	10,6 / 1,89
6	Оренбургские[5]	573 855	109 697	927 000	8,45 / 1,61
7	Семиреченские[1]	58 574	10 352	59 336	5,72 / 1,01
8	Сибирские[1]	114 289	19 947	154 180	7,73 / 1,35
9	Терские[2]	255 000			
10	Уральские[1]	235 202	38 923	248 970	6,41 / 1,06
11	Уссурийские[2]	34 000			
12	Енисейские				
13	Иркутские[1]	12 717	2 314	8 026	3,47 / 0,63

[84] *И. Г. Кизрин.* Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны. Изд-во «Коммуна», 1933, стр. 86, 93.
[85] Партархив Курского обкома КПСС, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 74—77 (подсчитано).
[86] Партархив Орловского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 78, л. 1.
[86а] «Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)». Сборник документов и материалов. Орел, 1963, стр. 248.
[87] Партархив Тамбовского обкома КПСС, ф. 382, оп. 1, ед. хр. 26, л. 44—45. [88] «Астраханский листок», 15 августа 1917 г.
[89] «Коммунист», 11 декабря 1920 г.
[90] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 123, л. 49. [91] «Правда», 15 апреля 1919 г.
[92] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 282, л. 31. [93] Там же, ед. хр. 310, л. 108.
[94] Партархив Оренбургского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1—36; ф. 6002, оп. 1, ед. хр. 330, л. 3—4.
[95] Партархив Пермского обкома КПСС, ф. 557, оп. 7, ед. хр. 10, л. 1.
[96] Партархив Свердловского обкома КПСС, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 59, л. 6.
[97] «Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919—декабрь 1920)». Документы и материалы. Челябинск, 1960, стр. 57.
[98] «Известия Челябинского губкома РКП (б)», 12 октября 1920 г.
[99] «Башкирская организация ВКП (б) в ее съездах и конференциях (1917—1922)». Уфа, 1933, стр. 20, 25, 40, 56, 64.
[100] «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)». Документы и материалы. Новосибирск, 1959, стр. 135.
[101] «Известия Сиббюро РКП», 8 мая 1920.
[102] «Известия Сиббюро РКП», 19 февраля 1921 г. Сведения к ноябрю 1920 г. даны до перерегистрации.
[103] Партархив Красноярского крайкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 96, л. 1—11.
[104] Партархив Красноярского крайкома КПСС, ф. 4, оп. 1, ед хр. 24, л. 1—6, 80—83.
[105] «Известия Сиббюро РКП», 26 мая 1920 г.
[106] «Очерки истории партийной организации Тюменской области». Свердловск, 1965, стр. 68, 83, 91.

Таблица № 5

В РОССИИ В 1917 г.

Число хозяйств без земли	Число хозяйств без посева	Количество лошадей	Число хозяйств без рабочего скота	Количество коров	Число хозяйств без коров	Количество сельскохозяйственных орудий
		на одно хозяйство		на одно хозяйство		на одно хозяйство
%	%		%		%	
1167	1311	37 805	1220	11 992	1898	11 974
16,2	18,2	5,2	17,0	1,7	26,4	1,7
	27 945		18 758			543 657
	11,6		7,8			2,3
1641	8059	259 878	4363	182 197	5191	40 045
3,7	18,0	5,8	9,7	4,1	11,6	0,9
	38 801	1 272 796		511 475		362 000
	15,6	5,4		2,17		1,5
		363 233		235 387		
		3,3		2,1		
1121	2138	46 217	2181	21 069	2793	6668
10,8	20,7	4,5	21,1	2,0	26,9	0,6
31	2637	87 065	2412	57 891	2009	38 192
0,2	13,2	4,4	12,1	2,9	10,1	1,9
	20 134	177 968	9247	145 054	9469	44 545
	51,7	4,6	23,8	3,7	24,4	1,1
16	161	7 033	235	5 101	279	767
0,7	7	3	10,1	2,2	12	0,3

Источники:

[1] «Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.», стр. 2—48.

[2] «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стр. 820 (сведения на 1916 г.).

[3] *Н. Л. Янчевский.* Гражданская борьба на Северном Кавказе, т. 1. Ростов-на-Дону, 1927, стр. 17—49; *М. Н. Корчин.* Донское казачество. Ростов н/Д, 1949, стр. 67; «Очерки истории большевистских организаций Дона (1898—1920)». Ростов, 1965, стр. 282—283.

[4] *И. Гольдентул.* Земельные отношения на Кубани. Ростов н/Д — Краснодар, 1924, стр. 20; *Георгий Покровский.* Деникинщина. Берлин, 1923, стр. 10 (сведения на 1914 г.).

[5] ГАОО, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 13, л. 210—212 (сведения на 1916 г.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ПОЛОЖЕНИИ КЛАССОВ И ПАРТИЙ В РОССИИ 31

I. Классы и партии накануне революции . . . . . —
II. О чем говорят выборы в Учредительное собрание . . 58
III. Закономерности и формы классовой борьбы после завоевания власти пролетариатом 64
IV. Классы и партии в первые месяцы Советской власти 71
V. Почему пролетариат легко подавил первые вооруженные выступления буржуазии 106

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава вторая. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ДЕРЕВНЕ. НОВЫЙ ЭТАП КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ . . 113

I. Классы революции и их партия . . . . . —
1. Рабочий класс . . . . . —
2. Российская Коммунистическая партия (большевиков) 121
II. Классы и партии контрреволюции 132
1. Буржуазия . . . . . —
2. Кадеты 137
III. Мелкая буржуазия 141
1. Социальные слои в крестьянстве . . . . . —
2. Усиление классовой борьбы в деревне 146
3. Комбеды 151
IV. Мелкобуржуазные партии 155
1. Правые эсеры . . . . . —
2. Меньшевики 157
3. Левые эсеры 161
4. Анархисты 170
V. О чем говорят выборы в Советы в апреле — июле 1918 г. 171
VI. Высший накал классовой и партийной борьбы 177
1. Кулацкие восстания . . . . . —
2. Мятежи левых эсеров 185
3. Белогвардейские заговоры и восстания 205
4. Белый террор 210
5. Красный террор 213
6. Подавление сопротивления кулачества 218

Глава третья. В ЛАГЕРЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (классы и партии на территории, занятой врагом) 224

I. Мелкобуржуазная контрреволюция . . . . . —
1. Иностранная интервенция — один из решающих факторов обострения гражданской войны . . . . . —
2. Кто свергал и кто защищал Советскую власть . . 232
3. Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) 251
4. Ижевское восстание 261
5. Эсеро-белогвардейское правительство Сибири . . 266
II. Военная буржуазно-помещичья диктатура 271
1. Крах мелкобуржуазной демократии . . . . . —
2. Кадеты — главная партия контрреволюции 281
3. Армия контрреволюции 288

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава четвертая. УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ И ТРУДЯЩИХСЯ КРЕСТЬЯН — ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ПРОЛЕТАРИАТА 292

I. Поворот мелкой буржуазии в сторону Советской власти —
II. Новая позиция эсеров и меньшевиков 297
1. «Третий путь» . . . . . —
2. Левые отряды мелкобуржуазной демократии . . . 310
III. Борьба за упрочение союза со средним крестьянством 317
IV. Возрастание руководящей роли пролетариата 325
V. Укрепление рядов Коммунистической партии 329
VI. Вооруженные силы пролетарского государства . . . 342
1. Классовый состав Красной Армии . . . . . —

Глава пятая. РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ 349

I. Экономический и политический крах буржуазии в захваченных ею районах . . . . . —
II. Классовая борьба в тылу белогвардейских войск . . 356
1. Подполье . . . . . —
2. Партизанское движение 366
III. Военное поражение буржуазии и помещиков. Новые попытки эсеров и меньшевиков захватить власть . . 373

Глава шестая. КЛАССЫ И ПАРТИИ К КОНЦУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 381

I. Изменение классового состава советского общества . . —
II. Гибель контрреволюционных партий 388
III. РКП(б) — партия победивших рабочих и крестьян . 404
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 409
ПРИЛОЖЕНИЯ 413

Спирин, Леонид Михайлович

КЛАССЫ И ПАРТИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ (1917—1920 гг.). М., «Мысль», 1967.

438 с илл.

9(с)22

Редактор *В. П. Бутт*

Младшие редакторы Л. Н. Винокур, С. Б. Петрова
Оформление художника *Л. С. Мороз*
Художественный редактор *Р. А. Волобин*
Технический редактор *М. Н. Мартынова*
Корректор *Л. М. Чигина*

Сдано в набор 5 июля 1966 г. Подписано в печать 21 ноября 1968 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$, № 1. Бумажных листов 6,875. Печатных листов 23,1. Учетно-издательских листов 24,59. Тираж 5 000 экз. А07143. Цена 1 р. 65 к. Заказ № 437.

Издательство «Мысль», Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской обл., Школьная, 25.

9(с)22
С72

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1—6—4
7—БЗ—58—67